

Со стороны его жизнь всем казалась сказочной, но настоящая сказка началась потом. Однажды. За стенами родного дома. В ней нашлись роли всем: могущественным колдуньям, зачарованным принцам, злодеям и рыцарям, а главное, друзьям, которые всегда приходят на помощь. Но сказка, ставшая былью, перепутала персонажей местами. И кто сможет вернуть в неё порядок? Только главный герой. Но сначала ему придется разобраться во многом, и прежде всего — в себе самом.

Альтернативное будущее. Мир, в котором все такое похожее и одновременно — другое. Пусть в деталях и частностях, но... Иногда и одного нюанса хватит, чтобы картинка перевернулась с ног на голову...

Вероника Иванова

Один человек и один город

«Относительно устойчивый состав и границы Экваториального Союза сформировались на 31–32 году от начала Великого переселения народов, когда совместными действиями вооруженных сил ООН и Иностранных легионов были полностью пресечены ожесточенные схватки за территорию между группами людей, которые в силу своего социального статуса не попали в первую волну вакцинации, а потому вынуждены были перемещаться из стран изначального проживания в зоны пониженной напряженности магнитного поля. На протяжении следующего десятка лет в приэкваториальной полосе повсюду наблюдались очаговые социальные волнения. К счастью, они не переросли в открытые конфликты и противостояния, в частности благодаря политической системе, сложившейся усилиями узкого круга лиц, впоследствии ставших первыми представителями высшего органа власти союза, объединившего города-государства, возникшие на месте бывших...»

Новейшая история. Адаптированный курс для средней школы.

— Однажды одной далекой-далекой страной правил могущественный король. Был он мудр и справедлив, и не оставлял своей заботой ни первого богача, ни последнего бедняка...

Ненавижу детские сказки. Правитель, стало быть, могущественный, да ещё справедливый, а в стране у него все-таки часть граждан живет за чертой бедности? Ну разве одно не противоречит другому? Хотя, если верить теоретическим изысканиям доктора Бернарда, ключевым словом в характеристике сказочного государственного деятеля является как раз упоминание о мудрости. Как же наш почетный лектор выразился-то? Совсем ведь недавно читал... А, вот. Нашел. В предыдущей главе.

«История развития человеческого общества, известная нам к моменту рассмотрения, недвусмысленно указывает на отсутствие равенства по какому-либо признаку, как наиболее важный, фактически связующий элемент любого социального объединения людей. Но разумеется, когда речь заходит о гражданском обществе, самым показательным в данном смысле является уровень материального достатка отдельного человека или, при определенной аппроксимации, его локального, так называемого семейного социума. Многие мои коллеги полагают, что в отсутствие подобной имущественной градации и вовсе невозможно хоть сколько-нибудь продолжительное сосуществование достаточно многочисленной группы людей. Я не стану категорично утверждать, что количество обеспеченных граждан обязательно должно соответствовать некоторому количеству неимущих в пределах одной и той же общественно-территориальной формации, однако нельзя не отметить такой необыкновенно мощный и зачастую единственный стимул для перемещения с одной ступени социальной лестницы на другую, как ...»

Как недовольство. И моё, например, неуклонно нарастает. Все выше, и выше, и выше. Вместе с голосом ребенка, читающего старую сказку вслух — назло старшему брату, старающемуся хоть поверхностно ознакомиться с куда более реальными фактами.

— Но больше всех подданных любил король своего единственного сына. Всем от рождения наделен был принц: и красотой, и силой, и благородством. Лишь одно омрачало

счастье короля...

Стимул, толкающий вперед? Да, наверное. И если постараться, можно завтра стать хотя бы немножко богаче, чем был вчера. Но деньги — не главное. Они приходят, потом уходят, неважно, чтобы вернуться или пропасть. Дело наживное. Если у тебя есть материальные активы, которые можно продать и которые имеют непреходящую ценность, будут и финансовые средства. Хуже, когда продавать нечего или все, что ты имеешь при себе, в лучшем случае возьмут только на сдачу.

— Все люди для принца были на одно лицо, и добрые, и злые, а потому мог он нечаянным словом или поступком обидеть друга и поддержать врага, теряя первого и незаслуженно возвышая второго.

Вот ведь голос пронзительный! Мальчик-колокольчик прямо-таки. В ушах уже натурально начинает звенеть. Интересно, я так же тоненько и противно звучал в семилетнем возрасте? В тот самый год, когда...

В памяти осталось немного. Только то, что имело значение. Перекошенная непонятными страстями рожа. Глухие причитания где-то у меня за спиной, срывающиеся на крик, едва раздается первый выстрел. Рукоятка револьвера, прилипшая к пальцам. И ощущение выполненного домашнего задания. Наконец-то выполненного.

— Братик, а он что, совсем слепой был?

Глаза человека не должны быть такими синими. Я ещё понимаю, если используются линзы или что другое, но от рождения... Нет. Неправильно. Несправедливо. Почему из века в век одним достается все, а другим ничего?

— Кто слепой был?

— Принц.

— Почему ты так решил?

— Но тут же написано...

О, сияние наивного малолетнего неба чуть потускнело? Приятно наблюдать. Как вполне приятно смотреть и на строчки, выведенные рукой умелого каллиграфа, оформлявшего книгу сказок. Наверное, за этот том пришлось выложить изрядную сумму. Не настолько большую, чтобы она могла пробить брешь в бюджете семьи Линкольнов, но вполне достаточную, чтобы методично портить настроение тому, кто всегда довольствовался не сделанными на заказ, а отпечатанными массовым тиражом изданиями. Мне, то есть.

Ладно. Проехали. О чем он там спрашивал-то? А, нашел.

— Здесь написано, что принц не различал человеческие лица.

— А как так может быть?

— Элементарно. Вот представь себе, что...

На себе показывать и рассказывать как-то не хочется. Никого из прислуги поблизости не видно: наверняка сонно прячутся за кустами от хозяйских глаз. Где б найти модель для объяснений? Ага, вот кто подойдет лучше прочих! Очень вовремя.

— Видишь маму?

— Да.

— Представь, что у неё вместо головы... Ну, скажем, тыква. Помнишь, на день всех святых фонарики резали из больших рыжих ягод?

Что жмуришься? Испугался? Так тебе и надо!

— С зубами?

Ещё и ладонями закрылся. Не перегнул ли я палку? А то ещё придется присутствовать

на терапевтических беседах с детским психологом... В моем обычном качестве. Как дополнительный интерьер.

— Можно без них. — О, заметный прогресс: один глаз снова смотрит на меня. — Можно вообще без всего. Просто тыква.

— Но это же ещё страшнее!

Самому, что ли, применить только что описанную методику к фигуре миссис Линкольн, церемонно шествующей в нашем направлении? А и применю. С удовольствием.

Нет, не страшно. Наоборот, очень подходяще. Только надо взять не рыжую ягоду, а полосатую.

— Да забудь ты пока о страхе! Просто представь, что у всех людей вокруг будут тыквы вместо голов. Как ты тогда отличишь одного от другого?

— Я знаю, какие у мамы платья.

Смышленный мальчик. Наблюдательный не по годам. Ну ничего, я родился намного раньше и успел за это время узнать куда больше всякого разного.

— А если на неё надеть что-то вроде того, которое носит Консуэла?

Напряженные размышления начертили на гладком лбу призрак морщинки. Впрочем, он почти сразу же победоносно разгладился:

— Все равно, Консуэла не такая, как мама! Она темная.

Ещё бы! Служанка ведь не принимает ежедневно молочные ванны.

— И руки у неё... твердые. Я бы все равно её с мамой не перепутал!

— Кого это ты собрался перепутать со мной?

Я вот не помню её прикосновений. Совсем. По крайней мере, последний раз меня вот так же обнимали... Ну да, четырнадцать лет назад. Сразу после выстрела. А потом — ни-ни. То ли брезговала, то ли боялась, то ли не могла простить. Мы вообще много чего могли бы друг другу припомнить. Если бы захотели слушать.

— Это все сказка. Она странная. Непонятная. И я спросил...

— Что именно тебе непонятно?

Наклонилась над креслом, окутывая надоедливого мальчишку длинными прядями золотистых волос. Перевернула страницу книги, шурша бумагой.

Красивая, как всегда. Почти совершенная. С мягко светящейся кожей, выбеленной лучшими косметическими средствами. Фарфоровая статуэтка, на первый взгляд холодная и неприступная, но готовая пасть ниц перед любым, кто окажется хоть на йоту сильнее. Правда, теперь уже во всей Санта-Озе вряд ли найдется подобный человек, и за этот факт маму, пожалуй, стоит уважать. Даже если нет возможности любить.

— Вот тут! Братик сказал, что это все равно, если бы у тебя была не голова, а тыква. У всех остальных тоже.

— И у него в том числе?

Хорошо уточнение прозвучало. Едко, как глоток уксуса.

— Он про себя не говорил.

Ну да, а на что я надеялся? На благоразумную сдержанность маленького ребенка? Ха! Будь он чуть постарше, тогда точно бы промолчал. Чтобы потом, может, даже через много-много лет иметь повод при случае получить плату. За своевременно тактичную немоту.

— Я объясню тебе, в чем там было дело. Позже. — Ласковый поцелуй в лоб. Гребень тонких пальцев, взъерошивший белокурые вихры. — А теперь, Анри, пожалуйста, возвращайся в дом: пора собираться на мессу.

— Да, мама!

Ага, а книгу мы, конечно, оставим на столе, чтобы старший брат её потом волок обратно в библиотеку?

— Нам нужно серьезно поговорить, Франсуа.

Ненавижу это имя. Особенно звучащее из её уст.

— Появилась тема для разговора? А я и не заметил.

В выражении лица Элены-Луизы Линкольн, урожденной баронессы де Морси, не изменилось ровным счетом ничего. Прямота спины стала немного напряженнее, это да. Как будто кто-то крутанул валы невидимой дыбы.

— Через несколько дней ты станешь совершеннолетним.

— Спасибо за напоминание.

— Это означает, что тебе пора определяться с дальнейшими действиями.

— Действиями?

Жаль, что младший братец ушел, потому что сейчас как раз смог бы получить наглядное представление о том, каково это, когда на тебя смотрят и в упор не видят. Ну же, мама, признайся, наконец, что за приятный глазу предмет для наблюдения нашелся вдруг у меня за спиной? Там ведь нет ничего, кроме стены беседки. Я проверял. Неоднократно.

— Уважающий себя мужчина всегда самостоятельно обеспечивает свои и не только свои потребности. Кроме того, в семье Линкольнов заведено...

Как красиво мы говорим! Про семью в особенности. И право, это же сущая мелочь, что моя фамилия звучит иначе, верно?

— Мне отказывают от дома?

Фокус внимания все-таки сместился на моё лицо. Недовольно. Можно сказать, возмущенно.

— Франсуа, это не повод для шуток.

— Ты просила о серьезном разговоре, так что я не шучу.

— Ни я, ни Джозеф никогда не оставим тебя без поддержки. Любого рода. Но это никоим образом не означает...

— Что я могу продолжать бездельничать?

В ответ наступило многозначительное молчание, не требующее толкования или расшифровки.

Вот оно и закончилось, моё беззаботное существование. Жаль. Хотя, если изловчиться, можно ещё потянуть время. Год. Если постараться — два. Уйти в поиски себя, что называется, постараться быть убедительным. Проблема лишь в том, что я ничего не хочу искать. Вернее, ничто не кажется настолько важным, чтобы пуститься в отчаянную погоню. А значит...

— Вы уже придумали работу для меня?

— Диктата не будет. Не надейся.

И тут обломали? Неожиданно, прямо скажем. Неужели мама в кои-то веки отказывается от удовольствия поиграть в тирана и деспота?

— Ты выберешь сам. Мы подготовим некоторые предложения, и если захочешь ими воспользоваться, будет даже лучше.

Забыла добавить: «для всех нас». Могу поспорить, упомянутых предложений имеется уже целый список, причем не на одну страницу. И все, конечно же, исключительно привлекательные, невероятно заманчивые, а что самое главное — до одури полезные семье

Линкольнов. Только я-то — Дюпон.

— И как скоро мне нужно определиться со своим карьерным путем?

— Тебя никто не торопит, Франсуа. Это всего лишь пожелание. Наше общее с Джозефом.

А вот такого можно было не говорить. Если до последней фразы я ещё наивно полагал, что мамин престол непостижим и недосягаем, теперь получил явное подтверждение, что у кресла королевы ножки не слишком-то длинные. Зачем иначе, как заклинание, уже в который раз она повторяет имя своего короля?

— Я понял.

— Хорошо. — Отрепетированное до полнейшей небрежности движение плеча вернуло слегка сползшую шаль на назначенное ей место. — Тебе тоже нужно переодеться к мессе.

— Что я на ней забыл?

— В отсутствие главы семейства старшему сыну надлежит сопровождать прочих родственников на всех общественных мероприятиях.

— Пожизненно, значит?

Мама не оценила мою шутку. Наверное, потому, что сейчас я вовсе не шутил. Как и на протяжении всей беседы.

* * *

В сумеречной прохладе лимузина трудно поверить, что приближается полдень. И печатные буквы на странице выглядят слишком серыми, окончательно отравляя удовольствие от чтения, и так не слишком большое.

— Книгу можно было оставить дома.

— Я должен выбрать тему для дипломной работы. До конца каникул.

Мамин взгляд показательно наполнился недоверием. Практически подозрением. Почти оскорбительным.

Не то, чтобы я врал... Нет, всего лишь вытянул на свет божий очередную удобную правду. Признаться, мысли об учебе посещали меня на протяжении последних каникул не чаще одного раза в неделю. Зато другие преследовали неотступно: приходилось прогонять, и нудное чтиво для этой цели подходило как нельзя лучше. Вернее, нудным оно казалось поначалу, а потом приобрело даже некоторую прелесть. В моих глазах. Потому что глазам Элены-Луизы Линкольн, вынужденной время от времени наблюдать за моими занятиями, происходящее явно не нравилось.

— Мы же говорили об этом меньше часа назад, не так ли? Или я не должен был воспринимать сказанное буквально?

Она не ответила, демонстративно отворачиваясь к тому же окну, в которое увлеченно пялился всю дорогу мой младший брат.

Вниз по каминю^[2] Анилья, до поворота на кайе^[3] Примо, откуда уже рукой подать до собора Девы Марии Заступницы, священнейшего места в Санта-Озе. Единственного места в Вилла^[4] Баха — Нижнем городе, куда жители Верхнего покорно снисходят день ото дня. Говорят, храм поначалу собирались перенести выше, на склоны Сьерра-Винго, но то ли против был явлен истинный знак божий, то ли геодезисты, несмотря на все посулы и угрозы, не смогли отыскать в горах площадку, способную принять на себя тяжесть двухсотлетнего

здания. И его непревзойденную красоту.

Я не видел других таких же соборов. Да и вообще не видел, если честно, но готов был спорить с кем угодно, вплоть до рукоприкладства, что здешнее земное прибежище богоматери — прекраснейшее в мире. Ну или хотя бы на континенте. Девственно-белые стены, возносящиеся к небесам, стремительные шпили, упирающиеся в облака, гирлянды мраморных цветов и стрельчатые окна, льющие свет на молящихся... Таким он предстал передо мной в первый раз, и таким же оказывался снова и снова. Неизменным, а значит, вселяющим надежду даже в того, чью веру уже не реанимировать.

Водитель всегда высаживает нас в горле одной из улочек, выходящих на соборную площадь, и остаток пути мы преодолеваем пешком. Со стороны это может показаться данью уважения другим верующим, собравшимся к полуденной мессе, но на самом деле в нашей вынужденной прогулке больше страха, чем смирения. Жене сенатора, представляющего интересы Санта-Озы в Экваториальном союзе, ничего не стоило бы велеть подогнать машину прямо к широкому крыльцу, и пожалуй, никто не посмел бы сказать вслух ни слова. В первые минуты. Вот только жизнь, особенно благополучная, требует не минут, а часов, дней, месяцев и лет, а это слишком большой промежуток времени, чтобы недовольные продолжали хранить свое молчание.

— Ты не подашь мне руку?

Конечно. Куда я денусь?

Кажется, что она ничего не весит. Мама. И едва достает макушкой до моего плеча. Трудно представить, что я появился на свет все-таки из этого чрева, а не из какого-то другого. Отец постарался хорошо, это по мне сразу видно. А до этого над бабушкой вовсю старался дед, портовый грузчик из тихо умирающего Нового Орлеана. Судя по старым снимкам, лет через десять-пятнадцать мы с предком станем очень похожи. Как две капли воды в океане, расплесканном где-то впереди, за домами, сгрудившимися вокруг площади.

— А мне? А мне?

Он весит ещё меньше. И висит под мышкой, как болонка. Впрочем, недолго: под осуждающий взгляд матери спускаю Генри на плиты мостовой. Хотя мальчишка как раз предпочел бы продолжать свое путешествие по воздуху.

— Подобное обращение с книгами недопустимо.

Спасибо за напоминание. Знаю. Зато очень удобно вот так заткнуть мягкий томик за ремень брюк и, если ты настаиваешь, мама, прикрыть полый блейзера.

В толпе перед собором привычно много знакомых лиц. Имен половины этих людей я бы не смог припомнить при всем желании, а вот глаза, носы и рты кажутся почти родными. Конечно, кое с кем мы знакомы вполне официально. Например, вон с теми матронами, которые качают головой, видя расстегнутый ворот моей рубашки.

Осуждаете? Зря. У меня с Господом сегодня встреча без галстуков, понятно?

Отводят взгляды, не прекращая высказывать негодование, только теперь уже друг дружке. Ничего, пусть судачат: старушкам тоже надо чем-то заниматься на досуге.

За высокими дверьми жар резко сменяется свежестью. Розовое масло. Воск. Капелька ладана. А ещё мятные сквозняки, прошивающие собор с севера на юг и с запада на восток.

— Дальше доберетесь сами?

— Долго ты ещё собираешься игнорировать правила приличия?

Я бы сказал, что устал от этих правил, ещё когда был всего вдвое старше, чем мой младший брат теперь, но лучше промолчу. Тем более, никому не возбраняется молиться так, как он того пожелает.

— Пойду на галерею.

Мама мимолетно поджала губы, но пока поворачивалась к жаждущим поприветствовать супругу сенатора, её взгляд наверняка успел преисполниться надлежащей кротостью. Как и положено. А я шагнул назад, за спины молельщиков.

Вряд ли кому-то из людей, посещающих храм снова и снова, приходило в голову, что за узкой и невзрачной дверцей скрывается длинная лестница с винтовыми секциями, поднимающаяся на второй и последний этаж собора, под самый потолок. Собственно, снизу галерея, окаймленная ажурной колоннадой, казалась скорее архитектурной причудой, украшением, а не вполне пригодной для использования частью здания. Да и, в конце концов, кто из нас часто смотрит вверх, задрав голову? Только тот, кто знает, где меня можно найти. А главное, хочет искать.

Александр Томмазо дель Арриба. Черты его лица с такой высоты разглядеть трудновато: хорошо видны только светлые локоны на общем темноволосом фоне прихожан, собравшихся к мессе. Настоящий красавец, между прочим. Ни одна женщина не может устоять перед взглядом карих глаз под блондинистыми бровями — самым удачным сочетанием, на которое способна природа. Блистательный облик, отменная родословная, безбрежное состояние, шикарное будущее. И при всем при этом...

— Когда-нибудь я запыхаюсь и умру, пробуя до тебя добраться!

Лукавит? Конечно. Как всегда. Но старательно изображает одышку.

— Что тебя вечно тянет сюда, Фрэнк? Хочешь быть поближе к богу?

Он всегда так меня называет. С самого первого дня знакомства, когда я в самой прямой и жесткой манере заявил, что мне не нравится каноническая форма моего имени. Другой бы, наверное, взял себе на заметку эту ахиллесову пяту и при случае тыкал бы в неё иголкой. Другой, да. Только не Хэнк.

— Узел ослабь: дышать будет легче.

— А ты, смотрю, все предусмотрел заранее?

Я просто не очень люблю галстуки. И шейные платки. И вообще не люблю все, что стесняет движения и прочие способы восприятия мира.

— Оно того стоило. Сеньоры де ла Банно чуть не захлебнулись ядом, глядя на меня.

Широкая белозубая улыбка только подтверждает непристойность моего поступка. Если бы старший наследник семьи дель Арриба был девушкой, я бы, пожалуй, в него влюбился. Окончательно и бесповоротно. Только вовсе не за красоту и всякие материальные мелочи и крупности. За умение подмечать главное в любой ситуации:

— Ни дня без книги?

— Надо же хоть какое-то представление получить о науках. Напоследок.

— Ты сегодня чересчур мрачный. Что-то случилось?

Под сводами собора заметалось эхо приветственных вздохов, значит, падре Мигель уже занял свой проповеднический трон. Ну да, точно. Уже слышу:

— Каждый из нас хотя бы раз в жизни пробовал смотреть на солнце, обжигаясь и бессильно опуская взгляд. И блики света ещё очень долго метались в наших глазах, мешая смотреть, но что ещё более печально, мешая видеть, что там, внизу, где-то под ногами продолжается все тот же мир. Тот же, что простирается над головами. И в этом мире...

— Не будем ему мешать, ладно?

Хэнк такой. Вечно думает обо всех, кто находится вокруг. Даже если это самое окружение не замечает его присутствия.

— Хорошо, пойдем на воздух.

Внутри — галерея, снаружи — грозди балконов, с улицы выглядящие, как причудливые птичьи клетки, только сплетенные не из проволоки, а из камня. Бархатистый белый мрамор.

— Так что случилось?

Скамеек тут нет, можно лишь опереться спиной о витые колонны.

— Меня выгоняют на работу.

Я старался говорить предельно серьезно, но Хэнк все равно улыбнулся. И шутливо погрозил пальцем:

— Труд облагораживает человека. А значит, отказываться от...

— Все кончено. Понимаешь? Теперь уже все и насовсем.

— Ты говоришь о...

— Ты знаешь.

Он подумал и кивнул.

Собственно, я смог признаться только ему. Однажды. Единственному человеку, от которого невозможно было бояться получить порицание.

И да, думаю, надеяться все же стоило. Верить я перестал примерно год назад. Потому что вера закончилась. Высохла, как лужа под палящим солнцем. А сейчас и надежда потихоньку иссыкает, оставляя после себя раздражение. Правда, пока ещё глухое.

— Осталось всего несколько дней, а вместо того известия, которое мне было бы радостнее всего услышать, получаю что-то вроде приказа: выбирай, чем хочешь заняться, и выметайся.

Белокурая голова качнулась:

— Тебя не могли выгнать из дома.

— Ну... Это читалось между строк.

Узкая ладонь с длинными пальцами примирительно легла мне на плечо:

— Не придумывай то, чего нет.

Если бы! Никогда не страдал богатой фантазией. Только голые факты. Ничего кроме фактов.

— Вот сам подумай, неужели им было трудно решиться на усыновление? Или вдруг нашлись другие причины, по которым мне нежелательно становиться даже на шаг ближе к имени Линкольнов?

— Фрэнк, иногда случается, что...

— Все ведь из-за него, да? Из-за этой мелкой твари?

— Не говори так о брате.

Когда надо, Хэнк способен выглядеть суровым. Не хуже ангела с карающим мечом. Но поскольку из глубины карих глаз никуда не деваются доброта и понимание, испугаться не получается. По крайней мере, у меня.

— Мой брат, что хочу, то и говорю.

Вместо нового сдержанного укора — очередная улыбка. Чуть печальнее предыдущих, но по-прежнему ни на грамм не обвиняющая.

Он все понимает, мой друг. Все во мне уж точно. Только неясно, как ему удастся при этом не выносить никаких суждений. Я ведь тоже понимаю многие мамины мотивы, но какой в том толк? Понимаю и злюсь ещё сильнее, чем если бы был слепым. Например, вроде того сказочного принца.

Нельзя сказать, что после «трагической смерти» Андре Дюпона Элена-Луиза сразу же бросилась устраивать свою личную жизнь. Выдерживала траур, и возможно, вполне искренне. Сдвинуться с насиженного и намоленного места пришлось, когда кредиторы семьи описали последнее имущество в уплату долгов. Что характерно, не только отцовских. Впрочем, мама всегда предпочитала пропускать подобные напоминания мимо ушей.

А вот дальше, можно сказать, на её улицу пришел настоящий праздник. Состояние оставшихся финансов позволяло нам двигаться только в одном направлении — строго на юг, где жизнь была проще и дешевле. Туда, где бледный лик и белокурые волосы ценились знатоками и лицемерами на вес золота. Неудивительно, что даже в огромном здании пассажирского порта вдову Дюпон легко было выделить из толпы. Вот связать свою судьбу с женщиной, одетой слишком скромно для того, чтобы выглядеть гордой и обеспеченной, отважился бы не каждый мужчина. Подойти и предложить приятно провести время? Это пожалуйста! Сколько их встретилось на нашем пути тогда, любителей гнусных развлечений... Я даже не пробовал считать. Но все равно не отходил от мамы далеко. Пока нам не засвидетельствовал свое почтение человек по имени Джозеф Генри Линкольн.

То, что он был богат, бросалось в глаза. Но то, насколько он могущественен, выяснилось намного позже. В день бракосочетания. Наверное, сенатор таким образом проверял искренность чувств будущей супруги. И наверное, убедился в том, во что хотел поверить. На самом деле, мама готова была в тот год к любому союзу, лишь бы не оставаться снова и снова наедине со мной. Пусть большая часть имевшихся в её распоряжении денег была уплачена смертельно больному другу семьи, который согласился заявить о своей причастности к гибели Андре Дюпона, но мы-то с Эленой-Луизой прекрасно знали, что произошло в гостиной. А главное, знали, что сын, как бы странно это ни звучало, не старался защитить свою мать.

Я просто в какой-то момент понял, что должен остановить отца. Должен вообще. Должен всему миру, который тогда казался не слишком-то и большим...

Они могли меня усыновить. Легко и просто. Сделать полноправным членом семьи Линкольн. Не знаю, разговаривали ли новобрачные об этом, но моего желания уж точно никто не спрашивал. Мнения тем более. Все шло своим заведенным чередом, спокойно,

мирно, благостно, пока в один прекрасный день я не увидел, как сенатор счастливо поднимает свою супругу на руки.

Мама все-таки смогла забеременеть. Скорее всего, в этом не было ничего странного. Не самая старая женщина: тридцать два года. Врачи ставили уклончивые диагнозы, и в кои-то веки соврали меньше обычного? Бывает. Но с того дня моя жизнь оказалась подвешенной на тоненькой нити.

Если до рождения маленького Генри Линкольна я ещё смел надеяться однажды поменять фамилию, то когда белокурый ангелочек, унаследовавший от облика матери все, что только было можно, появился на свет, мои шансы начали стремительно таять. Кому нужно делить власть и деньги между двумя наследниками? Правильно, никому. Особенно человеку умному и дальновидному.

Конечно, напрямую мне ни в чем не отказывали: приличия ведь и все такое. И даже не стали требовательнее. Это сейчас мама отчего-то вдруг встрепенулась. Видимо, решила предупредить вспышку ярости. Мою вспышку. Потому что... Неужели она думает обо мне подобным образом? Неужели все ещё? Или наоборот, только укрепляется в своем заблуждении?

Нет, от таких мыслей можно сойти с ума ещё вернее, чем от злости на собственного брата. Особенно когда тебе мягко напоминают:

— Он ни в чем не виноват.

— Он виноват в том, что вообще родился!

Хэнк состроил гримасу, пародирующую одного из наших преподавателей — знатока статистики и вероятностей, мистера Джона Джемисона. В ней не было ничего примечательного, кроме одной особенности: обычно за таким мимическим упражнением следовал жесткий опрос. На предмет усвоенных студентами знаний.

— Ответь, только честно: если бы у тебя не появилось брата, ты уверен, что усыновление обязательно случилось бы?

Откуда я знаю? Оно было бы немного более возможным, вот и все. Но не предначертанным, конечно.

— Глупый вопрос.

— Нужный вопрос. Ответишь?

Я отвернулся. К городу, ковром расстелившемуся у подножия собора.

Отсюда океан был почти виден. В пелене горячего марева. А ещё были видны кварталы Нижнего города, похожие на нескончаемый ящик с детскими кубиками, которые кто-то пытался уложить в подобии порядка, но до конца терпения не хватило. Серые, охристые, местами выбеленные коробки домов и пыльные улицы. Почти нет зелени. А вот с балкона на тыльной стороне собора открывался бы совсем другой вид: вид на Вилла Альта, Верхний город.

Изумрудные рощи, дающие спасительную тень и легко ловящие в плен свежий ветер с отрогов гор. Змейки дорог, не проседающих и не стекающих со склонов даже в месяцы долгих дождей. Тишина и спокойствие. Кристально чистый, свободный от гнусных ароматов человеческого присутствия воздух. Рай земной. И на самой кромке рая — статуя. Парная той, с другой стороны континента. Только здешняя дева Мария не простирает руки над подданными Господа, а скрещивает на груди, обещая защиту души каждого из них перед строгим судом своего сына.

— Молчание — знак согласия.

— Согласия с чем?

— С правдой. — Хэнк взял меня за плечо и развернул к себе лицом. — А она состоит в том, что младший брат — лишь ещё один камешек на чаше весов, которая была внизу с самого начала.

Хорошее утешение, да? Отвратительное, как на мой вкус.

— Ты тоже веришь сплетням?

— Я верю тебе.

— А я рассказывал?

— Ни разу.

— Тогда как можно верить?

Ладонь Хэнка легла на грудь. Туда, где билось его сердце.

— Вера не нуждается в знании. Неужели ты этого не чувствуешь?

И пытаться не буду. Я верил. А что толку?

— Не будем продолжать, ладно?

Он немного помолчал, глядя куда-то в сторону. В пространство за моим правым плечом. А потом сменил тему:

— Ты совсем замкнулся в себе. Перестал бывать на людях. Это неправильно.

— А ты не думал, что «люди», в свою очередь, тоже не горят желанием меня видеть? Это раньше мне не было прохода от желающих заручиться хоть какими-нибудь отношениями. А что теперь? Я им больше не нужен. Как не нужен и собственной матери. Они ведь не слепцы и не дураки: давно поняли, кто сколько монет стоит.

— Снова придумываешь?

Если бы! Даже девчонки с курса стали сторониться, хотя, было время... Подбивали клинья, так скажем. Но я всегда был слишком разборчивым. А ведь стоило проявить чуточку беспечности, и одна из них не смогла бы отказать мне в своем обществе. Даже теперь. Поджимала бы губы, злилась, мысленно проклинала, зато была бы рядом. Создавая успокоительную иллюзию благополучия.

— Вспомни, за последний год меня часто звали куда-нибудь?

— Если бы ты хоть раз внимательно посмотрел на себя в зеркало, то понял бы, почему не получал приглашений.

— А что со мной не так?

— Вселенская скорбь на лице, вот что. Как будто тщательно готовишься к похоронам.

Наверное, он прав. Но трудновато играть в радость и счастье, когда...

— Жизнь не заканчивается, Фрэнк. С совершеннолетия все только начинается.

— Тебе легко говорить!

Он не обиделся. И потому, что не умеет, и потому, что на дурака обижаться — себя не уважать, как говорят люди. Да, я знаю, что веду себя глупо. Но все-таки никак не могу думать и чувствовать иначе. Даже в стенах храма.

— Пора идти обратно. А то спустимся, когда все уже разойдутся.

Это верно. Ждать такси на солнцепеке — не самое приятное занятие. А если не успею к торжественному отъезду лимузина, придется добираться домой самостоятельно: мама ни одной лишней минуты не проведет в Нижнем городе без особой надобности.

— И помните, больший из вас да будет вам слуга, ибо кто возвышает себя, тот унижен будет, а кто унижает себя, тот возвысится!

Последние слова проповеди долетели до нас как раз к окончанию лестницы. Хэнк тут

же ускорил шаги, почти полетел, торопясь к своим многочисленным сестрам. Не прощаясь. Наверное, думал, что я последую его примеру добропорядочного сына.

Была б моя воля, до вечера сидел бы на галерее. Но пока остается хоть призрачная надежда, стоит смирить гордыню, а с ней и прочее, что клокочет в груди. И видимо, делает это так громко, что слышно всем вокруг. Отцу Мигелю, к примеру.

— Ты слушал проповедь, сын мой?

Он стоял у выхода с лестницы, прямо за дверцей. Усталый, но воодушевленный.

— А надо было?

— Дерзость хороша во всем, кроме общения с Господом.

— Мы вполне довольны друг другом.

Глаза падре, преисполненные сочувствием и состраданием, задержавшимися с мессы, печально сощурились.

— Я бы попросил тебя не богохульствовать, но похоже, Он и впрямь не против. И все же, не забывай: у всякого терпения есть предел.

— У божьего тоже?

— Господь велик в своей милости и всепрощающ. Он смотрит на всех нас, выделяя каждого. А вот мы чаще желаем видеть только самих себя... Вокруг тебя много людей, Франсуа. Разных людей. Есть хорошие, есть плохие, и порой их невозможно отличить друг от друга. Остерегись делать неправильный выбор, вот и все, о чем я тебя прошу.

И он туда же! Мамочка постаралась, не иначе. Представляю, чего она наговорила священнику, и конечно же, исключительно для моего блага...

— Не хочешь обсудить это?

Многочисленный кивок в сторону исповедальни. Кивок, от которого меня чуть не передернуло.

Я так и не побывал там. Ни разу. Однажды залез только, чтобы посмотреть, как резной шкаф выглядит изнутри. Но и тогда, получив сквозь плетеное окошко ласковое предложение поговорить, отказался наотрез.

— Я уже обсудил. С Ним.

— Не нужно пренебрегать человеческим участием, сын мой. Господь прощает, но понять может только человек.

Спасибо, у меня без вас есть такой на примете. Человек. Друг. И с ним я тоже уже побеседовал.

— Вы очень заботливы, падре.

— Я все-таки надеюсь на разговор, Франсуа. Он не будет лишним. — Мозолистая ладонь взъерошила мои волосы. — А пока ступай. С богом.

Каждое прибытие сенатора в семейную резиденцию казалось мне неожиданным примерно лет до пятнадцати. Потом выяснилось, что вполне достаточно немного более напряженного слуха, капли внимания к мелочам и простейшего расчета, основанного на здравом смысле и хорошей памяти, чтобы предугадать, когда Джозеф Генри Линкольн снова переступит порог своего дома.

Ну да, я ждал его. Ждал всякий раз. Вернее, не столько его, сколько момента, когда высокий, статный, седовласый мужчина войдет в мою комнату и произнесет несколько драгоценных слов. Например, назовет меня сыном.

— Я дома!

Кто бы сомневался.

— Папа, папа приехал!

Детская непосредственность в самом примитивном своем проявлении. Сейчас Генри скатится по ступенькам в холл, прямо в объятия сенатора, потом взлетит, замирая от восторга на руках-качелях, покраснеет, засияет, заслужит положенную порцию ласки и только потом уступит внимание мужа жене. Так всегда происходит. По одному и тому же сценарию, явно списанному из сусальной рождественской истории.

— С возвращением!

Мамин голос. Радостный, влюбленный, смущенный и горделивый, как будто публичное проявление чувств — верх непристойности, а значит, она снова и снова совершает подвиг, позволяя глубочайшим тайнам показаться на поверхности.

Раньше я старался опередить всех и первым поприветствовать хозяина дома, вернувшегося домой. Теперь моя старательность не имеет смысла, стало быть, нет нужды торопиться: пусть минутная стрелка совершит ещё один оборот. Или два.

Сенатор выглядит усталым. И довольным. Наверное, переговоры или какое-то другое мероприятие, на котором он присутствовал, завершились успешно. Хотя, вряд ли Джозеф Линкольн принимал гостей, тем более, коллег: слишком нейтрально и раскованно одет. Даже гольф-клуб требует большей тщательности во внешнем облике. Значит, дела если имелись, то скорее личные, нежели общественные.

— О, Фрэнк! Ты-то мне и нужен.

Надо же, меня заметили. Не прошло и полгода.

— Позволишь украсть своего сына ненадолго?

Сегодня поцелуя достаивается мамина верхняя губа. Это прямая противоположность прелюдии. Вот если бы сенатор куснул нижнюю...

— Как пожелаешь, дорогой.

В такой момент Елена-Луиза с легкостью отдаст все, что угодно. По первому требованию. Тем более, вещь ненужную и бесполезную.

— Пойдем, прокатимся.

Сенаторский «фалькон» стоит прямо у крыльца и выглядит чуть потускневшим. И так, дела точно были личными: машина выкачена не из гаража, а прошла дорогу. Довольно долгую, кстати.

— Садись вперед.

Как можно отказаться от поездки на шикарном авто и с личным водителем в лице

сенатора Санта-Озы? Любой бы на моем месте визжал от восторга. Да и я...

Сердце все равно замирает. Даже сейчас, когда злиться получается успешнее, чем радоваться. Если задуматься, мне не так уж часто выпадал случай побыть с Джозефом наедине. А по личному приглашению — и вовсе ни разу. Он никогда не старался притворяться моим отцом. Прилежно спрашивал, как идут дела, но всегда довольствовался короткими, ничего не значащими ответами. Следил, чтобы у меня было все необходимое для игр и учебы, но пожалуй, не пробовал размышлять о том, чего я хочу на самом деле. А может, просто терпеливо ждал. Первого шага с моей стороны. Ждал, что однажды я назову его...

Совершу невозможное, то есть.

Для меня ведь слово «папа» означало ужас. Воскрешало в памяти кошмар вечных склок, ссор, оскорблений и рукоприкладства. Да, не в мой адрес. Меня отец никогда не трогал. Зато маму не щадил. Нуждалась ли она в защите? Семилетнему ребенку этого было не понять никакими силами. Я и теперь не уверен. Моей рукой вела в тот день странная, шальная мысль: а что случится, если животная агрессия, которая вдруг так ярко запылала в Андре Дюпоне, вдруг вырвется наружу? Одно дело, если обрушится на маму или меня: мы же оба одно целое с отцом. Семья. Нам нестрашно. Но за дверью дома мир продолжается. И в нем живут люди, которых наша боль не должна была коснуться. Ни за что на свете.

— Как проходят каникулы?

— Нормально.

— Отдыхаешь хорошо? Элена сказала, что последние дни ты проводишь с книгами.

— Готовлюсь к дипломной работе.

— Уже выбрал тему?

— Не окончательно.

— Тебе нравится изучать общественные науки?

Не знаю. Не думал. Нужна какая-нибудь ерунда, чтобы отвлечься, вот и все.

— Они ничем не хуже других.

— Но ты не питаешь к ним особой склонности?

Признаться? Сказать, что выбрал это факультет неслучайно? Наверное, Джозефу такой ответ польстит. Да, я хотел быть похожим на... Вернее, хотел быть готовым к самому главному дню своей жизни. И не посрамить доброе имя, что называется.

— Преподаватели не жалуются.

В усах сенатора мелькнула и спряталась улыбка.

— Ты не должен делать то, что тебе не нравится.

Красиво сказано. Со всем спокойствием и уверенностью уважаемого человека. Только напутствие слегка запоздало, не правда ли?

— Я не знаю, что мне нравится.

— А вот это достойно сожаления.

«Фалькон» скользит над поверхностью дороги все плавнее и мягче, значит, мы поднимаемся в горы по серпантину пасо Серро. Интересно, зачем?

— У меня ещё вся жизнь впереди. Хватит времени для размышлений.

— На некоторые вещи не стоит тратить слишком много усилий.

Намекает на бессмысленность моих стараний? Так можно было давным-давно разрушить мечты. Несколько слов правды меня не убили бы, зато избавили бы от нынешних мучений. А много ли милосердия в многолетнем обмане?

— Я постараюсь так и поступать. В будущем.

Ещё один поворот, на аллею, деревья по обе стороны которой смыкаются ажурным потолком над нашими головами.

Узкая, рассчитанная на одну машину. Посыпанная речным песком, ещё не успевшим потерять блеск. И дом, в конце пути восстающий из зелени, тоже новехонький. С иголочки. Не беленый, как это принято в имениях ниже по склону, а облицованный камнем. Грубовато обтесанным, шершавым, невзрачным... И абсолютно искусственным. Как и плитки дорожек под ногами. Оконные рамы того же рода. Пластиковые. Кому бы ни принадлежал этот дом, он стоит целое состояние. Нет, даже больше.

— Нравится здесь?

Сенатор, покинувший машину чуть раньше меня, присел на капот, раскуривая сигару. Своего любимого сорта, с тонким ароматом черного перца.

— Шикарно.

Думаю, ничем подобным не могут похвастать большинство наших вполне богатых знакомых. Может, и вовсе никто. По крайней мере, я, пока меня ещё рады были встречать в благородных домах Санта-Озы, нигде не видел столько роскоши за один раз.

— Он твой.

Я повернулся к сенатору лицом только через минуту. Или пять. После того, как эхо услышанных слов наконец-то донесло свой смысл до моего сознания.

— Как это, «мой»?

— Подарок. К совершеннолетию.

Нужно что-то сказать в ответ. Обязательно нужно. Только пристойных слов в запасе почему-то не оказалось, поэтому молчу. Растерянно и смущенно.

— Тебе скоро понадобится собственный дом, не успеешь и оглянуться. На первых порах будет, куда привести девушку, а потом... Впрочем, решать будешь сам.

Не очень-то походит на любовное гнездышко. Скорее, на гнездо. Семейное. Но стоит ли понимать слова сенатора, как пожелание остепениться?

— Я ещё не думал о...

— Знаю. Елена говорила.

А что ещё она рассказывала обо мне такого, что мне самому не слишком хорошо известно? Предупреждала, например, что в гневе я могу быть угрозой? Или все-таки предпочла сохранить маленькую семейную тайну?

— Со мной мама говорила о работе.

— А именно?

— Что пора начинать строить карьеру.

Колечко дыма поднялось в воздух и растаяло, на мгновение затуманив взгляд Джозефа.

— Она права. Можно было начать даже раньше.

— Нужно делать выбор. Это трудно.

— Разумеется. Поэтому тебя никто не торопит.

Сигара вздохнула и потухла. Сенатор убрал недокуренный сверток табачных листьев в футляр и распахнул дверцу «фалькона». С водительской стороны.

— Здесь тебя никто не потревожит. Это поможет принять решение?

Я промолчал, глядя, как он уезжает. И только когда жемчужно-пепельная машина бесшумно исчезла в зеленом лабиринте, понял, что реально остался один.

Дом, говорите? Роскошный, спрятанный в заповедном месте, отданный на

разграбление? О, простите, грубо выразился! На откуп. Помнится, мама что-то упоминала с поддержке. Что ж, по большому счету мне теперь даже не нужно работать. Могу жить припеваючи, отрывая плитки облицовки и продавая по одной. За дорожные на черном рынке дадут чуть поменьше, чем за стенные, конечно, но все равно достаточно, чтобы ни о чем не думать долгие годы.

Вы щедры, сенатор. Очень-очень щедры. Но если сделали такой подарок человеку, от которого ваша супруга желает избавиться однажды и навсегда, то сколько я смог бы получить, став вашим...

Лазоревая гладь бассейна разорвалась, принимая меня в свою ласковую ловушку. Хорошая штука — вода. Своенравная. И выталкивает обратно, и не отпускает до конца. Прямо как мысли.

Странно, я думал, что этот «от ворот поворот» произведет большее впечатление. Заставит хотя бы разозлиться по-настоящему. Но нет, в конце концов даже злости не осталось. Событие должно было произойти? Оно произошло. Ожидаемое, логичное, предсказуемое, прогнозируемое. Словом, все, только что случившееся, я на самом деле уже успел пережить много-много раз. Во сне, когда грезил о несбыточном. Наяву, когда взвешивал шансы.

Я же знал, что так все и закончится, верно? Зачем же продолжал надеяться? Точно, надо было заниматься карьерой. Сенатор не смог бы мне отказать в любом дурацком намерении, возникни оно на несколько лет раньше. Ввел бы в высший свет, познакомил с влиятельными... Впрочем, хватит обманывать себя: такая вещь, как влияние, имеет перед собой единственную цель — прирастать, а со мной все было ясно сразу.

Таланты? Способности? Ерунда! Все и всегда решают связи. Конечно, я смогу получить пристойную должность в любой корпорации Санта-Озы. Например, как сводный брат наследника семьи Линкольнов. Но мне никогда не подняться выше. Не занять место, сны о котором не давали мирно уснуть весь последний год.

Может, это первые признаки сумасшествия? Ну и пусть. Будет даже приятно выстроить в сознании виртуальную реальность, где все идет по нужным мне правилам. Вполне заманчиво. Если во внешнем мире мечты и надежды имеют обыкновение постоянно рушиться, лучше закрыться где-то внутри. Для начала хотя бы внутри дома.

Сенсорная пластина вспыхнула мягким молочным светом, начиная распознавание, и менее, чем через четверть минуты открыла замок. Хорошая настройка, техники постарались на славу. За дополнительную плату, конечно же: стандартно установленная охранно-пропускная система постоянно чудит. В университете, к примеру, не реже пару раз в семестр случались всякие чудеса. И студентам временами сказочно везло. В экзаменационную неделю особенно, когда преподавателей задерживали на входе.

Ковер на полу, синтетический, как и большая часть мебелировки, мгновенно высушил ноги. Словно слизал капельки воды, все до последней. И спрашивается, зачем тогда искать полотенце, если можно лечь прямо здесь?

Покатый потолок холла целиком застеклен. Как крыша оранжереи. И кажется совсем прозрачным, словно лежишь под открытым небом, только не слышно шелеста листьев и прочих звуков жизни. Так тихо, что хочется спросить: а эта самая жизнь, она вообще есть хоть где-то снаружи?

В доме прохладно, но уютно. Точнее, та же самая температура, что и снаружи. Терморегуляция отменная, вот что значит, современные технологии. И не нужно ни о чем

заботиться: как только на улице начнет ощутимо холодать с приближением ночи, капилляры внутривенных панелей сузятся, отдавая накопленное за день тепло. При всем желании не замерзнешь и не простудишься. Даже насморк не подхватишь. Это ли не сказка?

Скучновато, конечно. Непривычно без голосов, раздающихся то здесь, то там. Бросить все и вызвать машину? Воспользоваться услужливо подмигивающим коммуникатором? Мне не скажут ни слова поперек, это я уже хорошо уяснил. Только не потому, что чего-то опасаются или уважают мои решения. Просто никому нет дела до того, что происходит за забором на выселках.

Сенатор четко дал понять: наши дороги расходятся. Вот тебе, парень, все необходимое для самостоятельной жизни, осталось только найти официальный, желательно благопристойный источник средств к существованию, и распрощаемся. Если не ошибаюсь, во всех культурах мира считается, что уход из родительского дома это начало всего. Тогда почему мне кажется наоборот?

— Репетируешь новые способы встречи гостей?

Хэнк. Стоит у порога, опираясь о дверной косяк.

— Заходи, раз уж пришел... А собственно, что ты здесь делаешь?

— Проезжал мимо. Решил познакомиться с соседями: стройка закончилась, значит, здесь кто-то уже должен был обосноваться.

Несколько небрежно брошенных слов. И одновременно — бездна поразительной информации.

— С соседями?

— Ну да. Отсюда до нашего дома всего несколько миль. Можно даже пешком ходить.

Какая предусмотрительность! Значит, сенатор тщательно выбирал место, куда меня можно сослать с глаз долой. Конечно, оно дорогое. Престижное. Обремененное блестящим светским обществом. Но разве я этого хотел?

— А знаешь, я немного переживал. Даже боялся. Ведь здесь мог поселиться кто угодно.

— Значит, считай, что тебе повезло.

— А тебе разве нет?

На его широкую улыбку невозможно ответить иначе, чем улыбнуться в ответ. Пусть натянуто и не вполне искренне, но Хэнка, судя по смешинкам в глубине карих глаз, радует и такое проявление чувств с моей стороны.

— Предложишь войти?

— Да я и не запрещал.

— А твой «цербер»?

Пришлось подниматься с ковра, шлепать к пульту управления, искать описание основных функций, а потом отрубать к черту всю систему. От кого мне здесь держать оборону? Разве только от юных наследниц семьи Арриба, да и то вряд ли

— Добро пожаловать.

— Потренируй приветствие, когда будет подходящее настроение: таким тоном уместнее велеть убираться восвояси.

Внутреннее убранство производит впечатление даже на Хэнка, хотя кому, как не ему, чувствовать себя в роскоши, как рыба в пруду:

— Потрясающе! И сколько все это стоило?

— Понятия не имею. Подарили.

— Ого! И ты ещё на что-то жалуешься?!

— Они откупаются от меня. Просто и пошло откупаются.

— Я бы не торопился с выводами.

Хэнк прошелся по холлу, восхищенно обозревая обстановку. Выглянул в окно, за которым сияло зеркало бассейна.

— Вода хорошая?

— Приличная.

— Можно окунуться?

— Не спрашивай разрешения. Можешь вообще жить здесь, если хочешь.

Плескался он долго, демонстрируя все стили плавания, которыми владел. Только непонятно, ради кого старался: и так знаю, на что способен мой друг, а других зрителей вокруг не было и быть не могло. Да и я приглядывался не особенно, потому что после дороги, купания, а главное, не самых приятных раздумий появилось то, что должно было появиться. Чувство голода.

Холодильник, обнаруженный на кухне, оказался шикарен, элегантен, огромен и пуст. Не совсем, конечно, но считать батареею бутылок шампанского едой я не согласился бы ни при каких условиях. Как и набор дорогих сыров: две дюжины кусочков на один укус — надругательство над разыгравшимся аппетитом.

— Жрать нечего, — сообщил я, услышав шаги Хэнка у себя за спиной.

— Зато выпивки — хоть залейся! А насчет жратвы не переживай: у меня кое-что есть с собой.

— Собирался на пикник? Тогда извини, что нарушил твои планы.

— Да ну, какой пикник? Не забывай, у меня куча младших сестер, а потому меня из дома без месячного запаса провизии не выпускают!

Насчет месяца он, конечно, погорячился: так, небольшая корзинка с сэндвичами. Правда, на любой вкус.

— Угостишься?

— Ещё спрашиваешь!

Когда мы приговорили всю еду и пару бутылок, за окнами уже начали сгущаться сумерки.

— Тебе не пора домой?

Хэнк внимательно посмотрел на меня и качнул головой:

— А я и так дома. Ты же предложил мне жить здесь, помнишь? Но если я тебе сегодня мешаю...

Он сделал попытку подняться из кресла, и я почему-то вдруг испугался остаться один в наступающей ночи. Но честно признаться в своих страхах? Вот ещё!

— Нет, не мешаешь. Просто я думал, тебя ждут.

— Я родных уже предупредил. Сказал, что погощу у друга.

На моей памяти Хэнк даже не притрагивался к стационарному коммуникатору, а мобильные так высоко в горах вряд ли работают устойчиво. Стало быть...

— Когда успел?

Ага, молчит. И прямо скажем, выглядит смущенным.

— Ты с самого начала знал, что здесь окажусь именно я, ведь так?

Он мог бы притворяться и дальше, но не стал:

— Сенатор сказал, где тебя искать.

— Зачем?

— Чтобы я не плутал лишнего.

— Я не об этом! Зачем ты меня вообще искал?

Хэнк потрянул волосами, после купания и в отсутствие укладки превратившимися в полнейший беспорядок.

— Наш разговор в соборе. Тебя что-то тревожит, Фрэнк. И сильно тревожит. Расскажешь?

Неужели по нынешним временам беседы с богом больше недостаточно?

— Тебе не понравится то, что ты можешь услышать.

— Оно и не должно мне нравиться. Это же правда, а она не бывает плохой или хорошей.

Прости меня, Господи, ибо я согрешил.

— Я ненавижу их. Всех вместе и по отдельности.

— За что ненавидишь?

— За все... — Я обвел рукой комнату. — За все это.

— За доброту и щедрость? — уточнил Хэнк.

— Где ты их видишь? Я разве просил о чем-то подобном? Да даже не думал!

— И никогда не хотел иметь?

Оно должно было стать моим. По определению. Могущество и богатство. Зачем нарочно желать того, что и так простирается вокруг?

— Это просто кусок. Кусок торта, который отрезали для меня. В утешение. Только я уже не ребенок, чтобы довольствоваться одними лишь сладостями.

— А я думаю, что сенатор хотел сделать тебе приятное. Помочь почувствовать уверенность. Она ведь нужна тебе, не отпирайся!

— Она у меня есть. Я как никогда уверен в одной вещи, Хэнк.

— И в какой же? Только не начинай снова скулить о конце жизни. Такие слова тебе не идут.

Может, он и прав. В самом деле, чем дольше думаю о событиях прошедшего дня, тем яснее становится голова.

— Не буду.

— Тогда что скажешь?

Интересно ему или нет, неважно. Будет сидеть рядом, заглядывать в глаза, уморительно улыбаться или хмуриться, пока не добьется. Только не своего, а моего. Он и сам мог бы стать замечательным священником, Алехандро Томмазо дель Арриба. Но я бы был против. Потому что тогда у моего друга не осталось бы времени на меня.

— Цель, Хэнк. У меня больше нет цели.

— А раньше она была?

Наверное. Теперь уже невозможно утверждать. Но я точно знал, что делал бы после усыновления. Куда стремился бы. И в конце концов, однажды непременно занял бы место...

— Я хотел стать сенатором. По крайней мере, попытаться.

— И что изменилось сейчас?

— Не притворяйся, будто не понимаешь! Этот путь мне теперь заказан.

— Имя ничего не решает, Фрэнк.

— Скажи это бизнесменам, которые гонятся за Джозефом и которые...

— Строили глазки тебе?

Конечно, он знает. Видел. Присутствовал. И конечно, для Хэнка все происходящее не имеет особого значения. Потому что происходит не с ним.

— Знаешь, было больно.

— Когда тебя перестали замечать? Верю. Но надо было просто забыть. Плюнуть и растереть, как говорит моя бабушка.

Мудрая женщина. Я умом понимаю, что так и стоило поступить. Только чувства почему-то не слушаются приказов.

— Есть куча дорог, по которым ты можешь пройти, Фрэнк. И даже больше скажу: по многим из них сможешь пройти только ты и никто другой. Оставь в покое то, что не сбылось. Ну его, к черту!

Когда ангел поминает Лукавого, это выглядит, по меньшей мере, забавно. И очень трогательно.

— Будет день, будет и пища, помнишь?

— Кстати, о пище: на завтрак ничего не осталось.

— Поедим в городе. Если встанем пораньше, успеем до Магдалины набить себе животы.

— И будем похожи на сонных хомяков в тот момент, когда требуется энергия и упорство?

Видимо, он собирался улыбнуться, но остановился на полпути, от чего лицо приобрело выражение задумчивого удивления, а следом возник вопрос:

— Ты вообще когда-нибудь расслабляешься?

— Да постоянно! Вот завтра тоже буду. Параллельно с тобой.

Спутанные локоны качнулись, не соглашаясь.

— Не надо ставить себе задачи на каждую минуту. От этого только тратятся лишние силы, которых может не хватить, когда...

— Я не умею иначе.

Он понял. Как всегда понимал любую мелочь, касающуюся меня. Но спросил, словно желая прогнать последние сомнения:

— Все или ничего, да, Фрэнк?

Да. Все или ничего.

— Двигайтесь ритмичнее, юноша. И, Святой девы ради, включите уже в работу хоть какие-нибудь мышцы, кроме профильных!

У неё приятная кожа. Некрасивая: оттенок сильно разбавленного кофе вызывает у меня воспоминания о не самых лучших днях жизни. Но прикосновение, пожалуй, доставляет удовольствие.

— Не забывайте о стимуляции. На теле любого человека существует множество зон, отзывающихся на ласку вернее и охотнее, чем... Ахх!

Не думаю, что ей по-настоящему нравится происходящее. Бизнес, ничего более. Сколько таких юнцов, как я, прошли через опытные руки и прочие рабочие инструменты Магдалины Байас? Наверное, не меньше трети от обитающих в Вилла Альта. А может благополучно затесался кто-то и из её родной части города, потому что «Каса ^[5] Магдалина» открыта для всех, способных заплатить за услуги по утвержденному прейскуранту.

— И постарайтесь в дальнейшем обходиться без чрезмерного давления, либо... Выбирайте места, недоступные всеобщему обозрению.

Это она намекает на парочку синяков с давно канувшего в прошлое занятия? Да, я увлекся, признаю. Только не хозяйкой веселого дома, а исследованиями. Практически научными: захотелось добраться до той Магдалины, которая чувствует, а не работает. Возможно, мне это как раз удалось, если получаю напоминания до сих пор. Получаю и удивляюсь, потому что уже сам себе не могу объяснить, ради чего старался. Но тогда... Тогда все казалось исключительно важным и необходимым.

Поток свежего воздуха обжег живот. А, от меня отодвинулись. Ну и ладно.

— Ваше время истекло, юноша.

Натренированное тело скользнуло по простыням к краю кровати, завернулось в халат и, заученно покачивая бедрами, удалилось. Лицо, конечно, тоже присутствовало, но оно не входило в комплект той сеньоры Байас, которая проводила время со мной. Никаких поцелуев — таково главное правило, а значит, зачем смотреть друг другу в глаза?

За пределами комнаты личных свиданий «Каса Магдалина» нисколько не отличается от любого офиса: чистота, аккуратность, строгость, даже чопорность во всем, от мебелировки и цвета стен до костюмов менеджеров, дежурящих в холле.

— Мистер Дюпон!

Вот и эта девочка выглядит, как банковский клерк. То есть, скучно.

— Да?

— Это было последнее оплаченное посещение. Желаете продлить абонемент?

Интересно, за чей счет? После «строительного» подарка нет смысла даже заговаривать с сенатором об услугах Магдалины. У меня ведь есть все для того, чтобы теперь получать желаемое гораздо более естественным для молодого человека путем, не так ли?

— Я подумаю над этим.

Дежурная улыбка. Легкое разочарование во взгляде. Конечно, немедленный и положительный ответ порадовал бы девицу куда больше, чем туманное обещание. Нет уж, дорогуша, ищи способ получить премию за другого клиента. Я пас.

Вдоль всей длинной уличной стены натянут холщовый тент, защищающий окна владений Байас, а заодно и прохожих от яркого солнца, и он всегда приходится очень кстати,

если нужно кого-то подождать. Жаль только, напитки здесь не подают.

— Ты снова поторопился?

— А ты снова растягивал удовольствие?

Хэнк скромно и загадочно улыбнулся.

Он всякий раз задерживался дольше меня, даже если я нарочно старался медлить. Как признавался сам, из уважения к чужому труду. Но думается, его просто сами девушки не отпускали.

— Расслабился?

— Потом будет видно.

Пластиковая обивка салона встретила нас привычной волной специфического аромата, поначалу вызывавшего чуть ли не тошноту и довольно прочно въедающегося в одежду, кожу и волосы. Но в этом и состоит особый шик: нести на себе запах богатства. На зависть всем.

— Это был последний раз.

Не знаю, зачем сказал. Прозвучало то ли печально, то ли жалобно, и Хэнк констатировал:

— Последнее время у тебя все... последнее.

— Так получается.

Кажется, что песчинки в стеклянных колбах, отмеряющие мою жизнь, почти все благополучно скатились вниз. Осталась какая-то мелочь, и только. А когда она тоже доберется до узкой перемычки, настанет... Момент перевернуть часы?

— Она попрощалась?

— На свой манер, наверное. Сказала, что моё время истекло.

Хэнк усмехнулся:

— И с Магдалиной успел поссориться?

— Я не обижал её. Ни разу.

— Верю. Но хоть однажды делал что-нибудь обратное?

— Ты о чем?

Спортивный «родстер» вырулил на камино Анилья, и ход машины сразу стал гораздо мощнее.

— Разве тебя не учили обращаться с женщинами? Нельзя только брать, нужно и отдавать. Иногда.

— Ей и так отдали достаточно сенаторских денег. Наверное, даже с премиальными.

— Эх...

Несколько минут он молчал, следя за дорогой и показаниями приборов, чтобы удостовериться в переходе двигателя на магнитный режим.

— Ты не пробовал забывать, что сеньора работает? Не пытался посмотреть на неё просто как на красивую, умную, талантливую...

— Шлюху.

— Фрэнк!

— Она ведь шлюха. Да, нужное дело, не спорю. Щедро оплачиваемое. Но оно не из тех, что допускаются к упоминанию в приличном обществе.

— Конечно, ты прав. Со своей точки зрения.

— А с твоей?

Глядя на Хэнка в профиль, невозможно точно определить выражение лица. Особенно в такие минуты, когда все черты замирают.

— Я уважаю женщин.

— Всех подряд?

— Да.

А я вот — нет. Может быть, потому что мою маму тоже можно отчасти назвать...

— Они дарят нам жизнь во всем её великолепии.

— Однажды.

— Ошибаешься. Сначала впервые, а потом — бесконечно. До самой смерти.

Романтик. А может, на него просто пагубно подействовала юность, проведенная с выводком сестер. Или же...

— Ты что, влюбился?

Улыбается. Уголкем рта.

— Не обязательно влюбляться в человека, чтобы любить весь мир.

У меня так не получается. И наверное, не получится никогда.

— Тебя подвезти к самому дому?

— Не обязательно. Лучше пройду от ворот.

— Как хочешь. — «Родстер» остановился у пограничного столба между именами. —

Жаль, что все это подпортило тебе настроение. Правда, жаль.

Речной песок тонко захрустел под ногами, когда я выбрался из машины.

— Ничего, так все равно должно было произойти.

— Фрэнк!

— Что ещё?

— Я собирался подождать до праздника, но... — Он протянул мне маленькую лакированную коробочку. — Лучше подарю сейчас. Вдруг это принесет тебе удачу пораньше?

Медальон на черном бархате: человек в окружении латинской надписи.

— Твой святой. На счастье.

Счастье, тоже мне! Безумец^[6], все отдававший людям — какой пример можно с него взять? Но вещица дорогая. И явно сделана на заказ.

— Давно придумал?

— В нашей семье есть такой обычай: на день совершеннолетия передавать опеку от родителей ангелу или святому. Они справляются не хуже родственников.

Я тоже улыбнулся. По крайней мере, попробовал.

— Спасибо.

— Увидимся!

Хэнк всегда спешит, потому что везде и всюду кому-то нужен. Но никогда не уходит раньше, чем удостоверится, что его душеспасительные послания добрались до места назначения. А мне и вправду стало легче. Немного.

Медальон показался холодным только в первый миг соприкосновения с кожей, а потом уже вовсе не ощущался на теле, как будто стал с ней одним целым. Наверное, он и со стороны смотрелся хорошо, но я застегнул пуговицу рубашки, пряча изображение святого от чужих глаз.

Имение сенатора кишмя кишит прислугой и охраной лишь в те мгновения, когда сам хозяин находится дома, а в остальное время огромный парк выглядит совершенно безлюдным и почти диким, особенно если пройти напрямик, мимо меланхолических игуан, а не держаться главной аллеи. Свежая сочная трава не слишком хорошо сочетается с обувью?

Ну и пусть. Почистят. Надо же лентяям отрабатывать жалованье, на которое сеньор Линкольн, прямо скажем, не скупится? Плохо только, что ноги сами собой выходят на привычный маршрут.

— Братик!

Пузатая мелочь поллюбила эту беседку ровно с начала моих каникул и словно нарочно располагалась под ажурными сводами именно в те минуты и часы, когда мне требовалось душевное уединение. Сегодняшний день, увы, тоже не стал исключением. Хотя если вспомнить, сколько сейчас времени, Генри полагалось бы принимать второй завтрак, а не болтаться с книгой так далеко от дома.

— Ты что здесь делаешь?

— Мама сказала пойти.

Выпроводила подальше, то есть. Интересно, зачем?

— Не скучно одному?

— Я читаю!

Какие мы гордые...

— И далеко ушел с прошлого раза?

Читает он хорошо. На самом деле. Но между складыванием букв в слова и пониманием полученных слов есть некоторая разница, труднопреодолимая в юном возрасте.

— Не-а.

— Где застопорился?

— Здесь! — Пальчик ткнулся в очередную вычурно нарисованную строчку.

«Много советов испросил король у мудрых людей, чтобы найти способ исцелить своего сына, но ни одно чудодейственное средство не помогло. Все, что мог сделать король, это окружить принца заботой и верными людьми, только время шло все быстрее и быстрее, мальчик превратился в прекрасного юношу и однажды захотел покинуть дворец...»

Вот ведь дурак. И чего ему дома не сиделось?

— По-моему, все понятно.

— Это я тоже понял. А потом?

«И отправился он в путь, в окружении многочисленной челяди. Но разразилась буря, разметавшая всех слуг по сторонам. В поисках укрытия от дождя и ветра принц долго брел по незнакомым дорогам, пока не нашел прибежище под корнями огромного дерева. Но едва он устроился в тепле и сухости, кто-то позвал его из-за водяной стены.»

— У нас такая буря может случиться?

А, понятно, в чем дело: страшно ребенку.

— Думаю, нет. В любом случае, всегда можно остаться дома, если надвигается шторм.

— Но принц же не остался?

Потому что потянуло на приключения. Как говорят, дурная голова ногам покоя не дает.

— Он просто совершил ошибку.

— Ой, про ошибку там, дальше!

«Голос был хриплым, похожим на воронье карканье, лица же принц не видел, и не ответил женщине, просящей о помощи. А когда небо вновь стало ясным, то же голос прозвучал звонко и сильно, проклиная: «Ты останешься здесь, в самом низу, под ногами у всех, кто проходит мимо, и никто не услышит и не увидит тебя, пока...»

— Сеньор, вас ожидают в доме.

Карлито вечно подкрадывается. Наверное, в надежде меня испугать. Но вся штука в том,

что я не могу заставить себя даже вздрогнуть, слыша этот вкрадчиво похрипывающий голос.

— Кто?

— Он сказал, что представится сам.

Какая-то важная персона? Тогда зачем понадобился именно я?

— Больше встретить некому, что ли?

— Сеньора Элена неважно себя чувствует.

Ну да, конечно. Очередное удачно случившееся недомогание, позволяющее избежать неприятного разговора.

— Тогда скажи гостю, чтобы приходил в другой раз: хозяев нет дома.

— Гость желает видеть именно вас, сеньор.

Мне показалось, или Карлито слегка злорадствует? Что ж поставим наглеца на место:

— Сейчас приду. Принесешь нам лимонада. И считай кубики льда внимательнее: в прошлый раз от холода зубы сводило, а ты знаешь, какая температура напитков мне нравится.

Он скривился, но проглотил упрек и наклонил голову. Чтобы спрятать гримасу, перекосившую лицо.

Я не издеваюсь над прислугой. Упаси Господи! Большую часть времени я её вовсе не замечаю, но именно это и бесит отдельных представителей. Того же Карлито, к примеру. Как сын Консуэлы, самой приближенной к моей матери особы, он, надо сказать, вполне справедливо рассчитывает однажды занять место рядом с единственным сенаторским наследником. А я мешаю. Своим присутствием. Так что, любить ни ему меня, ни мне его не за что. До откровенной гадости не опустится, и ладно: зло поджатые губы и ненавидящий взгляд как-нибудь вытерплю.

Гость, по какой-то необъяснимой причине требующий встречи со мной, был мне незнаком. Категорически. В силу семейных традиций и требований учебной программы я просматриваю всю деловую и светскую хронику, поставляемую официальными средствами массовой информации, но этого лица, пожалуй, не видел ни разу. Да и хорошо, что не видел, потому что зрелище...

Нет, строго говоря, этого человека нельзя было назвать уродом. Возможно, в молодости он и вовсе считался красавцем, вот только прожитые годы, выпитое вино, выкуренные сигары и прочие мирские наслаждения его слегка помяли. Заставили крылья носа бесформенно расползтись, щеки — повиснуть, живот — упереться для поддержки в широкую ленту пояса. Глаза, выглядывающие из щелок между набрякшими веками, тоже смотрят на мир сейчас явно иначе, чем в молодости. С ясно читаемой угрозой.

Впрочем, увидев меня, незнакомец сменил гнев на милость: растекся в любезной улыбке.

— Сеньор Дюпон! Рад вас видеть!

А я вот не могу сказать то же самое.

— Мы представлены?

— О нет, ещё нет! Но если позволите... — Осторожный взгляд в сторону дверей, ведущих на хозяйственную половину дома. — Есть место, где нас не потревожат?

— Прошу за мной.

Карлито превзошел собственную расторопность: когда мы поднялись по лестнице, на сервировочном столике уже потели два бокала с охлажденным питьем.

— Простите, что не предлагаю вам присесть. Собственно, я сейчас несколько занят и...

— Понимаю. — Кивок. Гладко причесанной и блестящей, как начищенные ботинки, головой. — Понимаю. Я не в обиде, сеньор, не думайте. Кроме того, в моем возрасте доктора как раз советуют как можно больше двигаться.

— Итак, сеньор...

— Соуза. Альберто Соуза.

Если его лица я ни видел нигде и никогда, то имя слышать доводилось. Вспомнить бы ещё, при каких обстоятельствах.

— Чем могу быть полезен?

— Я управляю несколькими предприятиями, сеньор Дюпон. Импорт, экспорт, прочие мелочи... Дела идут недурно, признаю. Но ведь никакого греха в том, чтобы желать им идти ещё лучше, не правда ли?

— Совершенно никакого греха.

Он пригубил лимонад, довольно почмокал и поставил бокал обратно.

— К тому же я всегда готов к расширению бизнеса. Но денежные средства это одно, а люди — совсем другое... Особенно компаньоны. В наше время весьма трудно найти достойного кандидата как для женитьбы на твоей дочери, так и для участия в твоём имуществе.

Любопытный поворот беседы. Если учесть пассаж про дочь. Но пока ничего подозрительного или оскорбительного не вижу, а значит, остается только поддакнуть:

— Не могу не согласиться.

— Вот я сейчас и подошел к такому времени, когда пора принимать решения. Можно оставить все, как есть: накопленного хватит и моим детям, и моим внукам. Но можно продолжить двигаться вперед. Только не в одиночку. Хорошему бизнесу всегда нужна сильная рука, а сила обычно свойственна именно молодости.

В Санта-Озе не принято торопиться при обсуждении, а тем более, при заключении сделок. Наверное, виноваты традиции, приползшие из далекого прошлого. Да и климат располагает к долгим, ленивым разговорам за сигарой. Но поскольку я сам поторопил гостя, он отдал обычному способу ведения переговоров лишь малую дань, практически сразу перейдя к делу. И это опасный признак, показывающий, что человек слишком серьезно заинтересован в успехе затеянного предприятия.

— Вы хотите мне что-то предложить?

Альберто Соуза улыбнулся, не разжимая губ, и от того становясь похожим на жабу.

— В вашей жизни близится день, которого все молодые люди ждут с нетерпением. Позвольте спросить, заглядывали ли вы дальше? За него?

Ага, прощупывает почву. На тот случай, если вакантное место уже занято. Может, так ему и сказать? Нет, не буду заранее отказываться от ещё не полученного предложения.

— Я пока не думал о будущем.

— Отлично! — Просиял мой собеседник. — Стало быть, вполне можем подумать вместе. Конечно, только в том случае, если вы согласитесь.

— Прежде чем дать согласие, я хотел бы...

— Чуть больше узнать обо мне? Конечно, сеньор! Честность — лучшая политика в делах, не так ли?

Он вытащил из внутреннего кармана пиджака сложенную газету:

— Нужное место отмечено, вы сразу увидите.

Такое издание ещё ни разу не попадало мне в руки. Собственно, заглавной страницы не

было, только по мелкому шрифту внизу можно было определить название, что-то вроде «Народная ночь». А статья и правда оказалась обведена жирной красной чертой. Даже не статья, просто пара абзацев из колонки криминальной хроники.

«Как сообщил источник из полицейского управления, следы пребывания людей на судне «Мариса» частично идентифицированы, и удалось установить, что многие из них совпадают с биометрическими матрицами лиц, пропавших без вести за последние полгода. Однако поскольку этот факт был установлен уже при возвращении судна в порт, для открытия уголовного дела нет никаких оснований, кроме того, «Мариса» успела поменять владельца. Несмотря на подозрения, что это очередная подставная компания небызвестного сеньора Соузы, прямых доказательств сговора не найдено и...»

— Ей придется пожертвовать, да, — чмокнули рядом с моим ухом. — Этой девочкой. Но корабль был так себе. Плохонький. Только и годился, что для перевозки скота.

Я аккуратно сложил газету и вернул в потные ладони собеседника.

— Теперь вы знаете обо мне все, что нужно, сеньор Дюпон.

О да. И даже больше, чем хотел бы.

— Это ваше предложение?

— Весьма перспективное, как вы поняли.

Заниматься контрабандой и чем-нибудь ещё. Импорт-экспорт, говорите? Ну-ну.

— Почему вы пришли с ним ко мне?

Альберто Соуза снова улыбнулся. Вполне дружелюбно.

— У вас есть влияние, сеньор. Оно не настолько значительно, чтобы пользоваться им напрямую, но в таком бизнесе, как мой, удобнее и безопаснее идти в обход. Если вы пожелаете, ваше имя вовсе не будет нигде упоминаться. Ни в одном официальном документе. Мне достаточно будет знать, что вы...

Я посмотрел на ковровую дорожку, сползающую по ступенькам.

— Как давно вас последний раз спускали с лестницы, сеньор Соуза?

Он понял все сразу и предельно ясно, но не замедлил, а почему-то наоборот ускорил ход событий:

— Сколько гордости... Силы... Отваги... Так мог бы говорить настоящий принц. Но вы ведь не принц, верно? И никогда им не станете.

— Это вас не касается.

— Увы, увы! А ведь так печально смотреть на прекрасного молодого человека, по неопытности губящего свою жизнь!

— Я загублю её, если отвечу вам согласием.

— Как знать, как знать... — Он остановился на самом краю лестницы, словно нарочно дразня меня. — Ваш отчим не питает к вам добрых чувств, так стоит ли защищать его благополучие? Подумайте, сеньор Дюпон. Рано или поздно вам придется уйти из сенаторского дома. Как вы пожелаете это сделать? С достоинством и сладостью отмщения в сердце, или поджав хвост?

Он много знает обо мне. О моих чувствах. Слишком много. И показывает, что не собирается их щадить, получая при этом свое удовольствие.

— А ещё можно уйти с позором. Уйти, ославленным на весь свет. Мы ведь с вами понимаем, что купленные свидетельства всегда оставляют за собой грязные следы, по которым легко можно добраться до истины.

В первый миг, едва стало понятно, о чем идет речь, меня накрыло паникой и захотелось бежать. Куда угодно. Сломая голову. Прочь и подальше. Но волна прибой схлынула, не успев намочить даже туфли.

Итак, он знает? Пусть. Добавим ещё пару фактов. В довесок.

— Мой отец умер раньше срока, потому что был плохим человеком. А вы как раз следуете его дорогой.

Соуза посмотрел на меня. Теперь уже безо всякого выражения.

— Я не буду принимать ваши слова за угрозу. Пока не буду. Вы кажетесь умным

человеком, сеньор Дюпон, даже несмотря на вашу юношескую дерзость. И вы, разумеется, понимаете, что в скором времени не сможете получить ни малейшего снисхождения за совершенный проступок, а на покупку нового защитника у вас попросту нет денег. Но вы все равно мне нравитесь. Напоминаете мне мои молодые годы.

Вот только кому, значит, я могу понравиться? Преступнику? Потому что он видит во мне самого себя?

— Понимаю, вам нужно подумать. И буду ждать ответа с нетерпением!

Он спустился по ступенькам, ни разу не обернувшись.

— До встречи, сеньор Дюпон!

Ворон ворону глаз не выклюет, да? И ещё имел наглость помахать шляпой с порога. Уверен в себе на все сто. И, что самое гнусное, уверен во мне. Как и моя собственная мать.

— Чем недомогаешь на этот раз?

Естественно, никакой разобранной постели, даже пеньюара: полный макияж, прическа, уложенная волосок к волоску, костюм без единой складочки. Непохоже на женщину, плохо себя чувствующую, правда?

— Франсуа, в твоём возрасте уже не следует так врываться в комнату к...

— К любимой мамочке? Ничего, переживешь. Недолго ведь осталось, да?

— О чем ты говоришь?

А пальцы, сплетенные замком на талии, даже не вздрогнули.

— Ты ведь знала, кто пришел? Знала? И поэтому сбежала от разговора?

— Разве разговор касался меня?

— Думаю, ты догадывалась, чего именно он коснется.

Промолчала, кротко переведя взгляд на стену.

— А может, это и вовсе была твоя идея, а? Нашла мне занятие по вкусу?

— Я не понимаю, чем вызвана твоя горячность.

— Считаешь, мне самое место среди таких, как Соуза?

Ни капли раскаяния, сомнения, обиды. Вообще никаких чувств во взгляде.

— Странно, что ты не убрала меня подальше давным-давно, сразу, как родила сенатору наследника. Я же чудовище, да? Монстр, способный на все, что угодно?

— Франсуа, разговор в таком тоне не имеет смысла. Продолжим после, когда ты успокоишься.

— Успокоюсь?! Да ты хоть понимаешь... Если я узнаю, что ты и в самом деле позволила этому мерзавцу подойти ко мне, чтобы... А я узнаю, если соглашусь. Обязательно узнаю! Что тогда будешь делать?

На меня все-таки посмотрели. Но лучше бы не делали этого, потому что в светло-синих глазах матери я увидел примерно то же выражение, с которым смотрят на всякую природную пакость. На гусениц, пауков, слизней... Плесень, наконец. На то, что обычно топчут ногами.

Пожалуй, впервые в жизни я ждал возвращения сенатора с такой... С таким нетерпением. И с ужасающим воображение страхом.

Я не боялся терять. После разговора с матерью уже не боялся практически ничего

материального. Но быть настолько легко принятым за кого-то другого... Это же не я! Ну посмотрите внимательнее, напрягитесь хоть раз в жизни!

Ну как? Видите? Убедились?

Что-то не верится.

Союза шикарен со своим предложением. Потрясающ. Прямо, доходчив и убедителен. А ты не подумала, мама, что если бы твой сын и вправду был тем человеком, к кому сегодня приходил неопытно-неприятный сеньор, никаких колебаний бы не...

Я бы взял и согласился. Может быть, лениво и снисходительно. Может быть, с искренним пылом: смотря какие эмоции предпочитал несостоявшийся компаньон. Ты ведь почти толкнула меня к нему в объятия. Хотела избавиться? Для этого есть куча способов. В конце концов, в твоих силах было сдать меня в военное училище или другое закрытое заведение, где из моей головы выбили бы вместе с мозгами все остальное. Но нет, держала при себе, старательно поддерживая приманку в капкане свежей до последнего мгновения.

Зачем?

Я был тебе нужен? Вряд ли. За все прошедшие годы ты ни разу не выказала заинтересованности хоть в чем-то, связанном со мной. Боялась отпустить из-под присмотра? Уже ближе к истине. Но то, с каким облегчением ты бросила меня в пасть этому хищнику...

Ты откупалась от него, да? Неужели где-то в далеком прошлом твой путь пересекся с тропой сеньора Альберто? Вы знали друг друга, сомнений нет. По крайней мере, ты знала, что представляет собой внезапный гость. И я даже думать не хочу о том, при каких обстоятельствах тебе стали известны подробности его жизни и деятельности!

Дурно пахнет, мама. Неужели не чувствуешь?

Звуки за дверью. Шаги? Значит, сенатор приехал: из окна апартаментов Элены-Луизы площадка перед парадным входом видна лучше, чем с моей стороны дома.

Щелчок старомодного замка. Бледное лицо, опустевшие от переживаний глаза. Рефлекторное движение назад, едва наши взгляды встречаются.

— Я не буду говорить ему о тебе.

Все-таки стоит переступить через порог и прикрыть створки за спиной. Пусть дом порой кажется безлюдным, в нем слишком много ушей, жадных до чужих секретов.

— Но мне нужно с ним поговорить.

Молчит, дыша отрывисто и отчаянно.

— Я даже не стану упоминать про Союзу. Незачем.

Её взгляд совсем останавливается.

— Но ты не оставила мне выбора. Понимаешь? Мне нужна помощь. И я надеюсь сенатор ещё раз окажется щедрым. Всего лишь ещё один раз.

Губы, сжатые, как тиски. Неужели даже теперь не перекинемся парой слов, мама? По-родственному, а?

— Я всего лишь поговорю. Если ты продолжишь молчать.

— Я должна поприветствовать супруга.

— Конечно.

Делаю шаг в сторону, освобождая проход к двери. Мамины пальцы невесомо хлопают по щекам в попытке заполучить естественный румянец. Возможно, ей это удастся: я уже не вижу ничего, кроме идеально прямой спины удаляющейся фигуры. А потом остается только ждать, веря в...

Она не могла воспользоваться коммуникатором. Не стала бы, ни за что на свете. Все

звонки на номера сенатора, личные и общественные, записываются, но, самое главное, прослушиваются службой безопасности, а мама всего однажды решилась посвятить кого-то третьего в тайну для двоих. И этот кто-то давно уже мертв.

Конечно, именно сейчас, пока сын оставался наверху, у неё были все шансы поставить мужа в известность относительно... Чего угодно в моем исполнении. Но, спускаясь по лестнице, я увидел лишь хорошо отрепетированную улыбку на все ещё напряженно сжатых губах.

— Дорогой, кажется, у Франсуа есть к тебе вопрос. Или несколько?

Как мы невинны и заботливы... Смотреть тошно.

— Я немного занят сегодняшним вечером.

— Даже минутки не найдется?

Сенатор задумчиво провел кончиками пальцев по усам.

— А впрочем... Можешь поехать со мной. Тебе будет полезно присутствовать: может быть, определишься с выбором.

— Что-то официальное?

Он улыбнулся:

— Нет. Но как ты понимаешь, любая встреча людей, занимающих определенное положение в обществе...

Ясно. Взрослые дяди планируют отдохнуть от жен и детей, а заодно договориться о том, как делить очередные прибыли. Не самая подходящая обстановка для разговора на нужную мне тему, но пусть хоть такая будет. Время лучше не тянуть.

— Форма одежды?

— Ничего особенного. Выбери на свой вкус.

Тем лучше. Видимо, планируется что-то совсем свободное.

Кроткий мамин взгляд снизу вверх:

— Тебя ждать к ужину?

Нежный поцелуй в краешек рта:

— Нет, дорогая. Я задержусь, ужинай без меня.

* * *

Сборы для выхода в свет никогда не занимали у меня много времени. Поначалу я искренне считал, что насколько бы странно ни выглядел, как возможный наследник сенатора, буду принят везде и всегда одинаково уважительно. Потом же, когда шансы на усыновление начали стремительно таять, заботиться о соблюдении приличий и неписаных правил стало вовсе бессмысленным.

Неформальная встреча? Значит, будут блейзеры всех цветов радуги. И чтобы выделиться на фоне всех этих колибри, стоит одеть что-то более суровое. Например, кожаный пиджак. Конечно, из искусственной кожи. И непременно на футболку, которая плотно обтянет торс. Мне ведь нечего скрывать, да? Особенно намерения.

— Устроишься впереди, хорошо? Я должен сделать пару звонков.

Ага, сенатор предпочел классический темно-синий. Будет все-таки заниматься делами? Отлично.

— Без проблем.

Сидеть рядом с шофером не так уж плохо: дорогу видно лучше. Хотя я, конечно, предпочел бы покончить с делами в салоне лимузина. С другой стороны, эта своеобразная «отставка» может говорить как раз о...

Или я опять придумываю лишнее?

У каждого из телохранителей сенатора свой стиль вождения. Даже удивительно, как они ухитряются сохранять индивидуальный почерк на одном и том же вариаторе. Вот Петер, к примеру, водит так же, как и выглядит: мощно, но невыносимо бесстрастно. И его лицо, будто сложенное из кубиков, никогда не выражает ни единой мысли. А взгляд напоминает рептилию: сосредоточенный, неподвижный и непонятный. Зато присутствие рядом не ощущается, и можно совершенно спокойно думать о своем. Если получается.

Овал медальона под тканью на груди. Может, вытянуть его наружу? Нет, не буду. Это личное. Достаточно того, что видно цепочку. Совсем задарили меня ... До срока, кстати. Говорят, плохая примета — праздновать день рождения заранее. А дарить подарки? Плохо это или хорошо?

Хэнк отмучался с совершеннолетием раньше. Ещё в начале лета. И в который раз отказался хоть что-то принимать от меня. Такой у нас был уговор: тратить только собственные средства. Ну ничего, скоро я тоже смогу быть по-настоящему щедрым. Если улажу и налажу, а не налажаю. Пока-то в моем распоряжении только карта на предъявителя, с того счета, куда раз в неделю переводятся «карманные». С другой стороны, и трат особых нет: живу на всем готовом. Зачем деньги, спрашивается? Всегда можно отправить чеки банковскому управляющему.

Но что же мне сказать сенатору? Как подобрать слова? Просить? Может быть, умолять? Нет, это выглядело бы подозрительно. И позорно. Разговаривать на равных тоже не получится: мне нечего предложить, кроме верности и преданности, а такого добра у Джозефа Линкольна хватает и без меня. Не удивлюсь, если к офису каждый день длинные очереди выстраиваются.

Попробовать надавить на жалость? Глупо. Намекнуть на семейные ценности? Пустой звук. Из всего разнообразия способов остается только запугивание, однако оно... Как ни крути, а от признания в грехах прошлого больше всех проиграю я.

Что же получается? Нам и поговорить будет не о чем?

— Приехали.

О, так скоро? Да, до «Каса Конференсия» от дома всего ничего пути, это ведь первая треть вилла Лимбо. Почти пограничная территория, невидимая, но неприступная для тех, кому не повезло. Пока или уже.

За высокой оградой, стилизованной под стены настоящего дома, прячется все, что только можно пожелать душой и телом. И примерно каждый месяц меняется гамма интерьера. Стиль — реже. Здесь, на сединном Юге, все больше консерваторы, чем революционеры: дурачится только тот, кому напекло голову.

— Напитки, сеньор?

Не успел выйти из машины, официанты уже атакуют. В принципе, можно было остаться сидеть, опустив стекло, и тот же самый бокал оказался бы у меня в руках лишь минутой позже.

— Надеюсь, скучать не будешь?

А если бы я ответил: «Буду»? Что-то изменилось бы? Сенатор стряхнул бы с себя группу немолодых и нарочито скромно одетых негоциантов?

— Думаю, найду себе какое-нибудь занятие.

— Мы обязательно поговорим. Чуть позже. А пока... Развлекайся!

Собственно, больше ничего не остается, как медленно направиться по аллее к сияющему огнями дому. Мимо оживленно беседующих людей. Они знают меня, я знаю большинство из них, но сегодня мы делаем вид, что незнакомы. Взаимно и старательно.

— Фрэнк! Какими судьбами?

— Да вот, за сенатором увязался.

Не ожидал его встретить. Хотя, все правильно: где же ещё находиться взрослому мальчику, получившему право подписывать документы?

— Это здорово!

— Что именно?

— Ну, что ты здесь. Хоть будет, с кем поговорить.

— Думаю, тут и без меня...

Хэнк смешно хмурится:

— Без меня — тоже, поверь. Все эти сборища чертовски скучны, начиная со второго раза.

— А какой у тебя сегодня?

— Третий! — Хлопает меня по плечу, заодно убирая с дороги какой-то очередной немногочисленной, увлеченной разговором компании. — Ну их, к богу в рай... Я знаю одно местечко в здешнем саду, оттуда открывается самый чудесный вид на свете!

Хэнк не обманул: о долгой прогулке по зеленому лабиринту жалеть не пришлось.

— Нравится?

Загорелые стройные тела, резвящиеся в светлой лазури бассейна. Оголенные в рамках приличий, конечно же.

— Ну хоть кто-нибудь?

Откровенно говоря, что купальщицы, что девицы с подносами: фигурки, отличающиеся друг от друга только цветом напитков в бокалах. Все на одно лицо.

— Кстати, если тебе это кажется важным: они не продаются. От подарка, да, не откажутся, но подарок — не обязательное требование. Так что если вдруг захочешь устроить торжественное открытие спальни в своем новом доме...

— Уверен, что кто-то из них может захотеть? Они красавицы, но не дуры же, если получили приглашение сюда. А с меня взять нечего, ты же знаешь.

— Зато они не знают, — заговорщицки шепнул Хэнк. — Вон, взгляни! Кажется, ты ей приглянулся.

— Которой?

В указанном направлении девушек виднелось много, и увлечены они были скорее собой и друг другом, чем возможными кавалерами. Хотя одна время от времени и впрямь поворачивала голову, чтобы стрельнуть в меня взглядом.

— Хороша?

Я глотнул вина. Сухое, чтоб его!

— Для меня? Недостаточно.

— Кто же тебе нужен?

А и правда, кто?

— Она должна быть особенной.

— Похожей на... — начал было фантазировать Хэнк, но я его оборвал:

— Ни на кого не похожей. Единственной на свете.

— Хм. Полюбить, так королеву, проиграть, так миллион?

— Можешь смеяться, если хочешь.

— Да нет, не хочу.

Он тоже слегка приложился к бокалу, продолжая разглядывать купальщиц, фигуры которых в опускающихся сумерках начинали блестеть все заманчивее. А поскольку юные грешницы манят начинающих святых особенно сильно...

— Только не старайся осчастливить кого-то из них, ладно?

— Почему бы и нет?

Тщательно ухоженные тела, кукольные мордашки, подрисованные до полного совершенства, грация детей природы и алчный огонек в глазах. Они не жертвы. Они — охотницы.

— Не оценят твои старания.

— Ты сегодня совсем злой, Фрэнк.

— Разве? — Я поставил бокал на поднос отирающейся вокруг нас официантки. — Посмотри внимательнее. Каждая из них прекрасно понимает, что приписана к Вилла Лимбо. Рассчитывать на счастливый случай и благодушно настроенного богача, который заберет бедняжку с собой, к горным вершинам другого мира? Да они бы рассмеялись тебе в лицо, если бы не тешили себя надеждой урвать хотя бы кусок от твоего пирога! Но нет, будут покорно сносить все, от шуток до оскорблений, послушно улыбаясь. Им не нужна другая судьба. Никому здесь другая судьба не нужна.

— А как насчет тебя?

— Я — с обратной стороны.

Только теперь уже непонятно, с какой именно. Сенатор ведь может и отказаться помочь. Или не проявить достаточно заинтересованности, что, впрочем, одно и то же.

— И тебе никогда не хотелось шагнуть...

— В грязь?

Я там уже был. Недолгое время, но мне успело не понравиться.

Плохо, когда тебя считают безгласной вещью. Но когда тебя вообще не замечают, ещё хуже. «Иди погуляй, мальчик, пока мы с твоей мамой... побеседуем». Я обычно не соглашался, хотя это было намного больнее, чем слушать гомон толпы и притворяться, будто ничего не происходит. А она знала, что я рядом. Мама. И мне казалось, что моя близость

успокаивает её. Все-таки успокаивает, хотя и немного пугает тоже. Наверное, чувствовать, что в нескольких футах от тебя находится человек, способный на все — не самое дурное ощущение на свете. Я бы хотел попробовать, по крайней мере. Даже если бы боялся этого больше смерти.

— Они такие же люди, как мы, Фрэнк. Они любят и ненавидят, создают семьи, работают... Почему ты отказываешь им в человечности?

— Я? Им отказал кто-то другой. Кто-то там, наверху.

— Подумай, Он ведь слышит тебя.

— А я не против. Пусть слушает. Разве я произнес хоть слово лжи, Господи? Если так, покарай меня, сделай милость!

— Фрэнк!

Он схватил меня за рукав и потянул подальше от аллеи, в золотистые сумерки садовых фонарей. Туда, где любопытным глазам труднее что-нибудь рассмотреть.

— Да что с тобой такое?!

Рассказать? Открыть невинному агнцу глаза на то, что дьявол оказался расторопнее своего извечного противника? От него-то предложение уже поступило, а небо по-прежнему надменно молчит.

— Сеньор. — Громада Петера выросла у меня за спиной, бесшумно и угрожающе. — Сенатор просил передать, что вынужден срочно уехать. Но вы можете оставаться здесь, сколько изволите. Так он сказал. Когда пожелаете отправиться домой, позовите меня.

Доложил, не испытывая ни единой эмоции, и за два шага растаял в темноте. Как будто его и не было. Как будто не было... И никогда больше не будет.

Где там ближайшая фигура в кружевном фартучке?

— Эй, ты! Неси сюда все, что есть!

«Всего» оказалось немного: пятерка бокалов, из которых один был уже явно кем-то почат.

— А теперь убирайся! И подальше!

Она резво шмыгнула в тень, услужливая, как и прочие.

— Собираешься выпить? — осторожно поинтересовался Хэнк.

— Чем? Этим? Утолить жажду и то не хватит. Не бойся.

— Не могу. Ты любишь иногда вспылить, но сегодня... Что за бес в тебя вселился?

Если бы! Тогда жить стало бы во сто крат проще. К примеру, я бы прямо сказал маме, чего хочу, и постарался, чтобы она поняла моё желание. До последней буквы. А потом послушно исполнила.

Я должен был успеть. Но похоже, безнадежно опоздал.

Почему сенатор скоропостижно уехал? Срочные дела? Как бы не так! Скорее всего, просто сбежал. Она ведь могла ему что-то шепнуть тогда. Или позже, провожая. И вряд ли упустила свой шанс, в отличие от меня. Даже если я помчусь домой сейчас, не смогу угнаться. Приду на порог, где меня уже будет ждать...

А с чего я, собственно, взял, что вообще смогу вернуться домой? Петеру ведь не слишком подходит роль шофера. Что, если я сяду в машину, но выйти из неё уже не получится?

Выпитое залпом вино обожгло горло, и рука сама потянулась за следующим бокалом.

— Если хочешь таким путем набраться смелости, стоит остановиться сейчас, — посоветовал Хэнк, с недоумением глядя на меня. — Дальше будет только хуже.

Очень правильно сказано. Дальше точно нет ничего хорошего. И самого «дальше» тоже не предвидится.

— Отдай поднос.

— Кому? Девчонка уже ушла.

— Мне отдай.

Опьянение все ещё не приходит. Наверное, я слишком многого хотел. Всегда хотел слишком многого.

— Ещё один глоток не повредит.

— Сказал же, отдай!

Вино плеснулось через край, заблестело на траве каплями, похожими на слезы. В попытке удержать и бокал, и поднос, я не справился с обоими: хрусталь полетел в кусты, серебряная пластина сверкнула начищенным боком перед глазами, окончательно освобождаясь от посуды.

— Ну вот, такой вечер испортил!

— Тебе хватит. Правда, не надо больше пить, Фрэнк.

А что надо сделать? Окунуться в тот бассейн с курочками? Вернуться на главный двор? Искать собеседников все равно не стану. Я был согласен только на сенатора. И ни дюймо́м меньше!

— Если тебе надо выговориться, ты же знаешь, что я...

Всегда готов? Знаю. И надеюсь, не потому, что получаешь от этого извращенное удовольствие.

— Если это в моих силах, я сделаю все, что смогу.

Вот почему он такой? Потому что сил много. Легко быть щедрым, когда ты сильный. А когда рассыпаешься на кусочки...

В саду от меня вряд ли станут избавляться, хоть место и удобное. Но если все же станут, лучше держать Хэнка подальше.

— Мне надо побыть одному.

— Я не уйду. Иначе ты наделаешь глупостей.

Можно подумать, чье-то общество меня от этого остановит! И потом, все попытки поступать умно закончились крахом. Надо было с самого начала не раздумывать долго, а идти напролом. Хотя бы через кусты.

— Ты куда?

В тишину. Её трудно найти в тенях между проплешинами освещенных полянок, но она должна где-то быть. Обязательно.

— Да стой ты!

Из-под ног кто-то разбегается. Должно быть, вездесущие игуаны. Шелестят травой, сволочи.

— Собираешься уткнуться носом в ограду?

Что? А, он снова прав: до каменной кладки осталось с десятков футов.

— Здесь тебе больше нравится?

Да если приглядеться, не особенно. Все то же самое. И даже тут нет покоя и одиночества. Кто-то уже облюбовал себе сумеречно-темный уголок.

— Эй, сеньор! Не хотели бы вы...

— Снова скажешь убираться?

Нет, это явно не мужчина. Слишком высокий голосок, хотя и хриплый, как будто его

обладательница задыхается.

Но почему «снова»?

— Я всего лишь прошу уйти.

— Подальше? — Сквозь глухой хрип прорывается язвительность.

— Куда пожелаете.

— А зачем уходить?

— Вы мне мешаете.

— Мешаю?

Она чуть выдвинулась вперед, но не стала от этого хоть немного различимее. Невысокая. Щуплая. Одета во что-то темное и бесформенное. В бейсболке, надвинутой на самый лоб. Такие малолетки легко сходят за парней, пока не откроют рот.

— Надо же, я мешаю сеньору! А мир вокруг? Он не мешает?

Мы ещё и нахальничаем?

— Это место мне подходит, а ты — нет. Уйди, прошу по-хорошему.

— Фрэнк, да брось ты её... Сад большой, на всех хватит.

Может и большой, но я пришел именно сюда. Ноги принесли. А дальше идти почему-то не хотят. И позволить, чтобы хоть кто-то увидел сейчас эту непонятную слабость... Ни за что!

— Уйдите, сеньорита. Я пока ещё прошу, слышите?

— А что будет потом?

Я взглядом оценил высоту ограды. Мысленно взвесил спорщицу в руке.

— Потом ты полетишь за забор. Ласточкой.

— Думаешь, хватит силенок?

Попыток подойти ближе она не делала. Наверное, кое-что все-таки соображала. Но и удаляться не спешила, значит... Имела цель?

— Я позову охрану.

— Ой-ой-ой, вы только послушайте, как сеньор заговорил! Только что грозился свои белые ручки замарать, а уже глянь: передумал!

Как она пробралась сюда? Должно быть, с прислугой. Наглая. Самоуверенная. Явно с козырями в рукаве, если так себя ведет.

— Ты хоть знаешь, кто я?

— Как же не знать! Почти что принц.

Вот именно. Почти что. Но похоже, с её стороны непреодолимая для меня стена выглядит не выше ступеньки. Впрочем, это и к лучшему.

— Признаешь мою власть?

Она ответила не сразу. Задержалась. И прежде, чем снова отпустить какую-нибудь колкость, смачно сплюнула на траву.

— Королевская власть признана Господом, а с Ним и всеми прочими. Власть истинного правителя. Но разве в твоих жилах течет избранная кровь?

Кровь двух шлюх, вот что течет во мне. И папочка, в отличие от мамочки, торговал своим телом вполне официально. Кстати, не менее прибыльно.

— Ты и такие, как ты, пришли сюда вслед за нами. И долго смотрели, как мы убиваем друг друга, борясь за жизнь... А потом предложили уцелевшим свою милость. Свою щедрую помощь! И даже не потребовали называть вас королями.

Рассказывает главу из учебника истории? В утвержденной правительствами всех стран

мира версии эти события выглядят несколько иначе. Но я-то читал нередактированные материалы из личной библиотеки сенатора. И что бы сейчас ни говорила странная психованная девица, она недалеко от истины.

— Вы позволили нам жить. Вы даже построили для нас наш собственный город... Но кроме него не оставили ничего. Ничего! Ни крошки от остального мира!

А я-то здесь причем? У меня самого вот-вот тоже ни черта не останется.

— Мы не существуем для тех, кто живет за границами Низины. О нас никто не знает. И знать не хочет!

А ведь я мог бы изменить эту ситуацию. Если бы стал сенатором, к примеру. Но в чем весь смех-то? Страстная воительница за права обездоленных обращает свою пылкую речь к тому, кто...

— Я тебе помочь не могу. И никому из вас.

— Да! Это все, что вы говорите! Это все, что вы обычно говорите! А ещё предлагаете нам самим заботиться о своем будущем. Кормя с одной руки, другой отнимаете последнюю надежду!

— Ничем не могу помочь.

Несколько слов вежливого, равнодушного отказа. Обычно их не желают слышать, вот и девица осталась глухой. Хотя даже если бы я завопил во всю плотку, не помогло бы: ораторша упивалась звуками собственных чувств.

— Там, в соборе, ты казался ангелом, вознесенным надо всеми... Прекрасным ангелом. Но стоило всего лишь подойти поближе, чтобы увидеть, как чудовишна твоя душа!

Да у меня и тело не отстает. Руки в крови же. В крови собственного отца. Её было немного, кстати. Так мало, что я подошел и дотронулся до раны. А потом давил и давил, пока на рубашке не расцвел багровый пион.

— Ты схож с ангелом лишь в одном: и тебе, и ему нет никакого дела до людей. До мира, в муках корчащегося внизу. Но что, если и миру не останется до тебя никакого дела?

С каждой минутой она говорила все увереннее. Все сильнее и тверже.словно сумбур, царящий в её голове, внезапно стал выстраиваться в одну, совершенно прямую линию.

— Он наберет полную грудь воздуха, а потом выдохнет. Вместе с памятью о тебе.

О ком это сказано? О мире? Разве он вообще хоть чем-то дышит?

— Тебя забудут все и навсегда. Те, кто видел тебя, и те, кто только слышал твоё имя.

— Лично я не собираюсь забывать Фрэнка, — знакомая ладонь легла мне на плечо.

— Забудут, забудут, забудут...

Разборчивые слова слились в одно целое, похожее то ли на вой, то ли на стон.

— Все забудут...

— Она явно не в порядке, — шепнул Хэнк.

— Вижу. Что предлагаешь?

— Уйти было бы лучше всего.

— Да, пожалуй. Тогда...

Я уже собирался шагнуть, неважно куда — вперед, назад, в сторону, но земля под ногами вдруг закачалась. Пошла волнами. Вернее, мелкой рябью.

— Это ещё что за...

Внутри тоже возникла рябь. Дрожь в каждой клеточке тела, причем не желающая сидеть на месте, а целенаправленно и бодро сдвигающаяся... Многие верят, что именно в этой части человеческой плоти облюбовала себе пристанище душа. Не там, где сердце.

Поближе к середине груди. И пониже. Дрожь маршировала именно туда, на ходу ускоряясь. Но она же не сможет вся уместиться там? А если сможет, меня попросту разорвет на части.

— Забудут!

Девичий голос, внезапно ставший тяжелее камня, ударил в меня как раз вовремя. За мгновение до столкновения дрожжинок. Ударил и разметал их легионы.

Во все стороны.

Наружу.

Больше всего то, что случилось потом, походило на стоячую волну, которой нас обычно пугают теленовости с ближнего края мира. Только эта была прозрачной, как стекло, да на месте пробыла недолго: качнулась и поползла прочь. От меня.

Картинку она все-таки искажала. По мере продвижения. Но практически сразу все возвращалось обратно, к привычному виду. Вот и контуры девицы, через которую странное марево прошло тоже, сначала словно бы чуть расплылись, совсем смешивая незнакомку с темнотой, а потом...

А потом я вдруг почувствовал вес Хэнка. Всем плечом. И услышал растерянное:

— Странно... Вроде выпил совсем немного, а на ногах стоять не могу.

Я машинально посмотрел вниз, пригляделся и честно сообщил о результатах наблюдения:

— Это потому что у тебя одна нога короче другой.

* * *

«Да-да, леди и джентльмены, какой бы чудовищной и невообразимой ни представлялась вам изложенная идея, не спешите давать свой ответ немедленно! Именно поэтому голосование по проекту назначено на столь отдаленную дату: нельзя торопливо и бездумно отказываться от того, что, возможно, станет новой, знаменательной и, не побоюсь этого слова, замечательной вехой в истории развития человеческой цивилизации.

Оно уже внутри нас, будущее. Неотвратимое и непреклонное. Каждый человек на планете... О, простите, за исключением незначительных групп, не прошедших вакцинацию в силу различных непреодолимых в нужное время причин. Да, я помню о их существовании, господин представитель. Но при всем моем уважении, права вето они лишены. Да, я учту это в своем выступлении, не беспокойтесь. Итак... Надеялись сбить меня с волны? Шучу, шучу.

Вспомните, как обстоит дело с идентификацией личности в настоящее время. Из рук вон плохо! При современном развитии технологий репродуцирования тканей полагаться на отпечатки пальцев, сетчатку глаза или анализ внутренних жидкостей довольно неблагоразумно. Не говоря уже об изображении в документах. Стоит слегка изменить прическу, даже не цвет волос, и любой человек, а особенно женщина преобразается до неузнаваемости. Отсюда и возникают ограничения, которые не устраивают прежде всего активных, творческих членов общества.

Подумайте, насколько упростится ситуация, если будет введена система идентификации по биомагнитной матрице, в просторечии именуемой «молли». Исчезнет проблема визуального наблюдения на тех объектах и в тех местах, где оно жизненно необходимо. Никто не станет воровать чужие удостоверения личности, потому что они попросту перестанут существовать, как таковые. А наши прекрасные дамы получат

возможность меняться так, как того пожелают, хоть ежечасно!

Да, я отдаю себе отчет в том, что и у этой технологии могут возникнуть проблемы в применении. Но как уверяют эксперты... Страницы с двухсотой по двести семидесятую, взгляните, пожалуйста. Риск минимален. Особенно в сравнении с традиционными способами.

Что вы говорите? Наступает эпоха тотальной слежки? Отнюдь. Экранировать сигнал магнитного радара не так уж и сложно. И разумеется, в ваше личное пространство никто не станет вторгаться. Но общественные места должны быть открыты для всех и потому безопасны, а общественные службы смогут избавиться от многих бюрократических операций в своей деятельности.

К тому же, господа... Время перемен и в самом деле пришло. Мир не спрашивал нашего мнения. И судя по всему, никогда не станет спрашивать. Может быть потому, что мы слишком редко приходим к единогласию в таких важных вопросах?»

Из стенограммы выступления на заседании конгресса ООН сэра Кеннета Фицпатрика, председателя комиссии по правам человека

— Охрана!

Я не ошибся: покушение состоялось. Не угадал только, с какой стороны последует удар. Мне почему-то думалось, что семья воспользуется «домашними» средствами, а вместо того специалиста, похоже, пригласили со стороны.

— Охрана!

Нет, так они шаги точно не ускорят.

— На помощь!

Кто смог бы заподозрить убийцу в этом тщедушном создании? А кстати... Где оно?

Кусты — на месте. Примятая трава перед ними — тоже. Но мутный силуэт исчез, как будто его и не существовало. Надо было срываться с места сразу же, едва мир прекратил мерцать, тогда у меня оставался бы приличный шанс догнать злоумы... .

И я бы бросился за ним? Стал бы рисковать жизнью, которую сейчас сохранил только каким-то чудом?

— Да хоть кто-нибудь меня слышит?!

Плечу заметно полегчало: должно быть, Хэнк смог восстановить равновесие без поддержки. Или...

— Эй!

Нет, колени все-таки подкосились. Осел вниз. Наверное, основной удар пришелся на моего друга, и получается, что он закрыл меня собой. Защитил от... А что это вообще было?

— Ты ранен?

Его ладони зарыты в траву. Свет здесь плохой, не то что вблизи главных аллей, но даже в рассеянных сумерках заметны свежие пятна на прежде безукоризненной белой рубашке. Темные.

Неужели кровь?!

Нет. Пальцы чувствуют влагу, но больше похоже на пот или что-то в этом роде. Вот только разве кто-то потеет жидкостью цвета карамели?

— Хэнк, я должен знать, что с...

— Кто здесь кричал?

Ага, вот и охрана. Как всегда, запоздавшая к раздаче.

— Я кричал. Вы хорошо следите за периметром?

— Сеньор?

Конечно, кому же понравится, когда сомневаются в его профессиональной пригодности? Теперь этот парень запишет меня в личные враги. На крайний случай, в недруги. Но мне все равно, что вдруг подумает какой-то цепной пес.

— Девица. Невысокая, щуплая. Одета, как побирושка. Она не могла просто так выйти за ворота. Возможно, вовсе не выходила с территории.

— И что же с ней не так?

Ну ты ещё скрести руки на груди! Не слишком ли много важности для человека в униформе?

— Она только что совершила покушение.

На меня смотрят безразлично и одновременно торжествующе, а потом медленно, смакуя каждое слово, спрашивают:

— И на кого же, сеньор?

Что он себе позволяет? Пользуется тем, что рядом больше никого нет? Зря. Отсутствие свидетелей не мешает мне добиться любого дисциплинарного взыскания. Вплоть до увольнения. Достаточно будет одного только слова. Но раз уж сейчас перевес сил не в мою пользу... Продолжим бессмысленные переговоры. В ожидании лучшего.

— На меня и моего друга.

— Сдается мне, на вас обоих покушалась вовсе не девица, а лишняя пара бокалов. И ваш приятель, в отличие от вас, не пытается это скрывать.

— Ему нужен врач. Срочно!

— Ну да, ну да.

Плюнуть и отправиться на поиски самому? Нет. Хэнка нельзя оставлять вместе с...

— Что тут стряслось?

Ну наконец-то!

— Петер, где тебя носило так долго?

Меланхоличная незыблемость черт сменилась ничуть не более подвижной, но явной угрозой. Не значит ли это, что моя первая версия насчет исполнителя тоже недалеко ушла от истины? И сейчас, когда он увидел, что попытка не удалась, можно предположить...

Да какая разница?! Важнее сейчас совсем другое.

— Хэнку нужна помощь. И чем скорее, тем лучше!

— Какому ещё Хэнку?

Он наклонился, словно пробуя заглянуть моему другу в лицо, потом поднял взгляд на меня.

— И собственно, откуда вы знаете, как меня зовут?

Я мог поверить в спектакль, разыгранный кем угодно, но не вечно невозмутимым и по-настоящему далеким от мирских развлечений телохранителем. Должно было случиться светопреставление, чтобы Петер Фойг вдруг поддался искушению пошутить. Тем более, над собственным хозяином. Ну, почти хозяином.

— Петер, хватит дурить. Ему на самом деле нужна помощь.

— Кому?

Он выпрямился и теперь смотрел сверху вниз, что при росте в два с лишним метра было не так уж и сложно делать. Даже рядом со мной.

— Алехандро. Или его ты тоже вдруг не узнал?

— Тоже?

Петер повторил это слово с хорошо ощутимым значением. Примерно так должен звучать, наверное, предупредительный выстрел.

— Сенатор и так не похвалит тебя. Сам знаешь, за что. Хочешь усугубить ситуацию?

Короткий жест рукой, и понятливый охранник отступил в темноту. Достаточно далеко, чтобы не слышать или делать вид, что не слышит наш разговор.

— Какое отношение вы имеете к сеньору Линкольну?

Ну вот, уже даже чужих ушей рядом не осталось, а он все ещё продолжает упорствовать в своем... Заблуждении? Упрямстве? Нелепом чувстве юмора?

— Петер. Это не смешно. Мне плевать, какой у тебя приказ на мой счет, но это не значит, что кто-то ещё должен пострадать. Согласен?

— Вы что-то путаете, сеньор. Я не получал никаких приказов касательно вашей персоны. Должно быть... — Он презрительно приподнял уголок рта. Левый. — Кажется,

понимаю. Неплохая попытка. Можешь считать, она удалась. А теперь уходите по-тихому, пока я не позвонил начальнику охраны. И вряд ли к парочке безбилетников проявят снисхождение.

— Петер, повторяю: это не...

— То, что ты от кого-то узнал моё имя и место моей работы, не дает тебе равным счетом никаких преимуществ, парень. Я просто не хочу скандала. А он непременно последует, если выяснится, что на закрытую вечеринку проникли те, кого там не ждали.

А громила терпелив. Даже странно. Никогда бы не заподозрил в телохранителе сенатора столько выдержки по отношению к... Безбилетникам, так ведь было сказано?

— Я не нуждаюсь в специальных приглашениях. Меня вносят во все списки, какие только могут быть составлены.

— Вот как? — Он пробежал кончиками пальцев по планшету. — И как же «вас» в них называют?

Если это и впрямь планировалось, как шутка, то она затянулась. И чем дальше, тем большим дураком из нас двоих выгляжу именно я. Особенно называя свое имя тому, кто знает его уже много лет.

— Франсуа Дюпон.

Новый взмах пальцами. Ещё один. И ещё. На самом же деле проверяет.

— Ничего похожего, парень. Ни в сегодняшней программе, ни в предыдущих. Хочешь, посмотри сам.

Подсуетились и стерли? Ну а как же! Если меня сегодня планировалось прикончить, следы непременно нужно замести. Нет, вычищенные списки — это как раз не удивительно. А что насчет...

— Алехандро дель Арриба там есть?

— Я не буду спрашивать, откуда тебе известно и это имя... Да, есть.

— Отлично! Он может получить помощь, которая ему нужна?

— Разумеется. Если попросит или...

— Так помоги ему!

— Парень, тебе лучше уйти. Пока не нажил серьезных неприятностей. Семья Арриба не любит таких шутников, как ты.

— Я не шучу! Неужели ты сам не видишь?!

Хэнк все ещё упирается ладонями в землю, скорчившись так, будто собирается опорожнить желудок. Приходится подхватить его под руки, чтобы поднять.

— Или будешь утверждать, что с ним все хорошо?

Петер посмотрел ещё раз. Внимательно. Потом повернул лицо ко мне.

— С этим чернявым, может, и не все в порядке, но вот твоя крыша явно прохудилась.

Чернявым? Что ещё за...

Я готов был вылить на телохранителя очередную волну ярости и отчаяния, но в этот момент уткнулся взглядом в затылок Хэнка, безвольно висящего у меня на руках. Темный затылок с короткими завитками.

— Не знаю, перепил ты со своим дружком или накурился не того, но бог с вами. Уходите. Будем считать, что все случившееся — чья-то мелкая оплошность. О которой никто пока не собирается сообщать начальству. Понимаешь?

Темный затылок. А ниже? Что я увижу там?

Наверное, так страшно мне не было никогда, хотя всего-то требовалось продолжать

смотреть, постепенно спуская взгляд с черных, словно обугленных локонов к шее, видневшейся над рубашечным воротом. К коже, что была лишь немногим светлее начищенных до блеска ботинок охранника.

* * *

— Парни ошиблись адресом, только и всего. Пусть идут.

— А если они что-то успели стащить у гостей?

— Разве те, кто приходит сюда, берут с собой ценности? Пара часов, может, бумажник унесли. Не больше. Карманы у них не оттопыривались, так что, если и утащили какую-нибудь мелочь, пусть будет наградой за дерзость.

Они ещё продолжали разговаривать, Петер и охранники на воротах, когда мы добрались до поворота в тихий переулок. Я и... И кто-то, кто должен был быть Хэнком.

Каменная скамья подвернулась как нельзя кстати: моя вынужденная ноша не шибко помогала мне, но послушно повторяла движения, и беспрекословно опустилась на место для сидения.

Улицы Вилла Лимбо освещаются по ночам достаточно ярко, фонарями на солнечных батареях, позволяющими вполне сносно ориентироваться в обстановке и ясно видеть черты твоего спутника, поэтому стоило лишь сделать шаг назад, открывая дорогу свету, чтобы убедиться либо в собственном сумасшествии, либо в том, что с ума сошли все остальные.

Он был примерно того же роста, тех же пропорций, что и раньше, только перекошен со стороны на сторону, как будто кто-то вдруг взял и потянул за ниточки, сплетенные из мышечных волокон. И даже с лицом случилось что-то похожее: черты поплыли, сместившись где на пару миллиметров, а где и на целый дюйм. Как у жертвы сильного огня, плавящего плоть, словно свечной воск.

Да собственно, он и выглядел обгоревшим, человек, сидящий сейчас передо мной. Обугленным. Только одежда почему-то не пострадала, хотя и насквозь пропиталась влагой, похожей на сукровицу. Но разве можно остаться в живых, потеряв столько внутренней жидкости?

— Хэнк?

Он смотрел, дышал, скорее всего, слышал меня, правда, ни о каком сознании речи не шло. Кукла, и все тут. Но я почему-то продолжал спрашивать:

— Это же ты, Хэнк? Это все ещё ты?

Одежда точно его. Вся до ниточки. До подметок туфель. К тому же он не отходил от меня все то время, верно? Ладонь лежала на моем плече, это я помню совершенно ясно. И потом только вцепилась крепче, когда... Когда «что-то» закончилось.

Мы были рядом. Мы касались друг друга. Его не могли подменить: я не терял сознание, да и поблизости не могло оказаться ни одной живой души, кроме той полоумной девицы, а она не сумела бы оттащить Хэнка в кусты. Надорвалась бы, в лучшем случае. Одежда, опять же. Не сомневаюсь, что можно пошить на заказ такой же комплект. При достаточном количестве денег все можно устроить, было бы желание. Но зачем, вот вопрос. Только чтобы поменять кого-то с кем-то местами? Допустим. Однако надо быть полным дураком, чтобы решить, будто костюм делает человека, в то время, когда все прочее...

— Ты слышишь меня, Хэнк?

Должен слышать. Даже если не понимает, что за звуки влетают в уши. Коматозники и те не теряют слух, а мой друг далеко не в коме. Мой...

— Хэнк, скажи хоть что-нибудь. Пожалуйста.

Потрескавшиеся губы неохотно вздрогнули:

— Темно... Совсем темно...

Я раздвинул пальцами веки. На первый взгляд, с глазами все в порядке. Но если был огонь или вспышка, все могло случиться. Остается надеяться, что это лишь временное помутнение зрения. Хотя... А на что я вообще собрался надеяться? И что, в конце концов, произошло?!

— Только не засыпай, Хэнк. Хорошо?

— Не засыпать...

Голос похож. Чуть хрипит, но похож. Да и остальное. Веса стало меньше, но при такой потере жидкости иначе и быть не могло. Содержимое карманов проверить, на всякий случай?

Ничего неожиданного. Хотя и ожидаемого тоже. Ни кредитки, ни прочих мелочей, по которым можно установить личность. Только горсть монет: Хэнк всегда берет с собой немного, подавать милостыню, если представится случай. Значит, это все-таки он?

Чего я хочу сейчас больше, просто взять и поверить в то, что мой друг по-прежнему рядом, или продолжить сомневаться? Ни то, ни другое. Для начала надо найти место со всеми необходимыми удобствами и заплотить врача. Он и мне не помешал бы, кстати.

— Пойдем. Попробуем добраться до проезжих улиц и поймать такси.

— Попробуем добраться... — эхом повторили за мной, безо всякого выражения, но хотя бы не возражая.

Трудно вести, поддерживая, человека, который дико хромает и примерно через шаг практически повисает на тебе тяжестью всего тела. Может, попробовать взгромоздить на спину? Я уже приступаю к выполнению намеченного плана, прислоняя Хэнка к стене дома и поворачиваясь, но вокруг вдруг становится слишком светло для ночного города.

— Чем занимаетесь, сеньоры?

Полиция не дремлет. И даже не спит. Но разве в патрульной машине не должно быть двух офицеров? Или расходы снова урезали? Кажется, сенатор недавно мельком упоминал, что муниципальные службы сильно потратились на подведение линии водопровода к первым кварталам Нижнего города, и вплоть до отчета о расходовании средств принято решение пересмотреть статьи бюджета, в том числе и на...

Сенатор. Сеньор Джозеф Линкольн, так удачно сбежавший от разговора со мной. Он знал, что случится или подозревал какие-то особые события в «Каса Конференсия». Был предупрежден и вовремя умчался прочь, оставив Петера проконтролировать происходящее. А тот не нашел ничего лучше, чем... Выставить меня вон.

Не заявить в полицию. Не приказать охране задержать человека, чье имя якобы не внесено в списки гостей или прислуги. Просто выдворить, да ещё настаивая на том, чтобы мы с Хэнком убрались быстро и тихо. Телохранилитель действовал так, словно медлить было нельзя. Словно, задержись мы ещё на несколько минут, нам угрожала бы опасность. Новая или все та же. Та, что по-прежнему может находиться поблизости.

— Сеньоры гуляют, офицер. Это запрещено?

— Отчего же? По ночам воздух свеж. Особенно для тех, кому он вдруг понадобится.

Принял нас за собутыльников, решивших развеяться? Замечательно.

— Моему другу не слишком хорошо.

— Вижу, — луч фонарика уперся в лицо Хэнка.

— Но он справится.

— Если ему помогут, — задумчиво резюмировал полицейский. — Или уже помогли?

— Не устоял на ногах. Бывает?

— Бывает.

Сделал вид, что согласился. Ну хоть так. Только видно, что ему до смерти хочется заглянуть в наши карманы.

— Значит, помощь не требуется?

— Не стоит беспокоиться, офицер.

— И все же, если не возражаете, — он потянул из машины сканер. — Для вашей же безопасности.

— Конечно, какие могут быть возражения!

С чего это ему вдруг приспичило проверять наши личности? Здесь не тот район, чтобы болтались случайные прохожие, а мы выглядим так, как будто только что вышли из ближайшего дома. Или этот человек вовсе не полицейский, а подручный той малявки, посланный завершить начатое? А сперва, конечно, хочет удостовериться, что на сей раз никакого промаха не случится?

— Вы позволите?

Холодная скользкая лента обвила моё запястье. Что ж, сейчас все на самом деле закончится.

— Вот дерьмо! Надо будет написать заявление о замене. Но вчера хоть просто барахлил, а сегодня совсем скис. Простите, сеньор, неполадки с оборудованием.

— Какие ещё неполадки?

Вместо ответа мне показали экран с короткой надписью: «Информация отсутствует».

Захотелось вдохнуть, глубоко-глубоко, а потом выдохнуть. И только минуту спустя задать себе вопрос: сколько средств и усилий понадобилось тому же Петеру, чтобы стереть матрицу моей «молли» из центральной полицейской базы идентификационных данных?

— Простите за беспокойство, сеньоры.

— Ничего, офицер. Техника часто подводит.

— Хорошей прогулки!

Волна воздуха вырвалась из-под полицейского «камаро», оттолкнулась от стены, к которой я прислонил Хэнка, и обняла меня. На очень короткое мгновение покоя.

— Все, передохнули, пора двигаться дальше.

Новое пятно света, не такое яркое, как несколько минут назад.

— Такси!

— Сеньоры желают покататься?

Сеньоры желали. По крайней мере, один: Хэнк оставался безучастным к окружающей его действительности, но, слава Господу, был, как любят выражаться врачи, «стабилен». Только заметно горячее, чем положено здоровому человеку.

— Здесь не принимают кредитки, — поспешно сообщили мне, увидев краешек карты.

Ну да, я мог бы догадаться. Это же старая машина, ещё с топливным двигателем, хотя очистка хорошая, запаха в салоне почти нет. На такие не ставят платежные коммуникаторы: подключиться не к чему.

— Я сейчас. Подождите немного.

Банкомат нашелся быстро, вопреки предположениям. Вообще-то, в Вилла Лимбо практически не приняты наличные расчеты, все пользуются кредитками. Все, с кем мне доводилось общаться прежде. Это намного удобнее, чем таскать с собой кучу монет и бумажек. Хотя, как говорят, в краях севернее, чем наш, переводами денег в виртуальном пространстве занимаются намного реже. Потому что слишком велики риски потерять все из-за примитивной и привычной магнитной бури.

Ящик, подключенный к банковским информационным сетям, всегда утоплен в стену дома. Для пущей надежности. Хорошо ещё, самому не приходится по пояс залезать в эту каменную нишу, чтобы добраться до слабо светящегося экрана с одним и тем же сообщением на все случаи жизни.

«Вставьте карту в приемное устройство».

Как пожелаешь, жестянка.

«Подтвердите доступ».

Сканер всегда холодный, даже днем, по самому пеклу, а уж ночью...

«Сбой процесса. Повторите подтверждение».

Это ещё что за ерунда?

«Сбой процесса. Повторите...»

Не может быть. Запястье не повреждено, никаких посторонних покрытий на коже нет, внутри... Выпитое не считается. Чтобы попробовать сбить с толку банкомат, нужно выпить намного больше, чем удалось мне за прошедший вечер. Да и то не факт, что получится. Не должно получиться, как утверждают техники, настраивающие системы опознавания.

«Сбой процесса. Количество разрешенных попыток израсходовано. Пожалуйста, обратитесь к нам позже».

Сбой, значит? И у полицейского сканер отказался меня идентифицировать. Либо магнитные бури добрались и до наших краев, либо...

Нет. Я себя чувствую прекрасно. Нормально. Обычно. Голова не болит, зрение не притупляется, мышечных спазмов не происходит. Все со мной в порядке. А со всем остальным?

— Какие-то трудности, сеньор?

Ага. Непредвиденные и ужасающие. Итак, добраться до имения не получится? И что делать дальше? Поискать таксиста, который согласится получить плату по месту назначения?

— Если передумали, я...

— Не передумал.

Горсть мелочи, позаимствованная из карманов Хэнка, тускло сверкнула на моей ладони в свете фонаря. Да, негусто. Но должно хватить.

— Довезешь нас до камино Норте?

Монеты переключались от одного хозяина к другому. Таксист бережно ссыпал кусочки металла в кассу, разделяя по достоинству, и щелкнул замком пассажирской двери:

— Прошу на борт, сеньоры!

Привалившемуся к моему плечу человеку не становилось хуже, но надежду это не вселяло. Слишком уж много странных случайностей следовало друг за другом, не прерывая свой строй для чего-то хорошего.

Кто из нас все-таки был главной целью покушения? Я или Хэнк? Случившееся в саду не давало точного ответа. Да, результат очевиден, вместе с обугленной кожей. Но все предыдущее как-то не вписывается в общую схему. Зачем девице было толкать ту возмущенную речь, да ещё обвинять меня в чужих грехах, если удар пришелся на Хэнка? Отвлекала, что ли? Но от чего? А, понятно! Забалтывала, чтобы я не позвал на помощь раньше времени. Надо признать, ей удалось. А потом?

Петер явно старался от меня избавиться. Делая вид, что не узнал. Охранник, видимо, был с ним в сговоре. И те двое на воротах — тоже, если проводили нас настолько равнодушными взглядами.

Э, не слишком ли масштабный заговор получается? Особенно если учесть хакерскую атаку, затронувшую, как теперь понятно, информационные базы Санта-Озы. Кто-то задумал нанести сокрушительный удар по...

Такси прошло последний поворот и остановилось в нескольких футах от дома, который ещё пару минут назад казался мне удачным завершением маршрута.

— Точно не нужно проехать дальше? Несколько монет осталось.

— Не нужно.

И все-таки, запах от сгорающего топлива шел, хотя и едва уловимый. Когда я вдохнул уличный воздух, разница между «внутри» и «снаружи» сразу стала заметной. А ведь каких-то лет тридцать или сорок назад от машин должно было пахнуть намного хуже.

Брр! Как люди тогда вообще могли дышать полной грудью?

— Пусть мой друг посидит пока в машине, хорошо?

— Как пожелаете. Счетчик тикает.

Да уж. Тикает. А вместе с монетами заканчиваются время и уверенность.

Совокупность случившегося... Нет, назовем это «инцидентом». Как принято в высоких политических кругах. Диапазон воздействия очень широк. По всем фронтам, как говорится. Ради кого злоумышленники согласились бы объявить настоящую войну? На кого стали бы так тщательно охотиться? На меня? Глупость. Какое-то время назад, особенно до рождения кровного наследника, моя персона ещё имела бы значение, но не теперь. Цель другая. Намного более важная. А в Экваториальном Союзе нет никого и ничего значимее, чем...

Неужели сенатор?!

Сканирующая пластина замка мигнула, но не поменяла свой цвет, оставаясь безразлично-желтой. И тут перепрограммировали? Быстро же они! Вот только зачем? Чтобы не подпускать меня к сеньору Линкольну? Получается, все-таки и я представляю собой угрозу? Бред. Какие бы мысли ни посещали воспаленное воображение матушки, Джозеф — последний человек на планете, который должен опасаться чего-то с моей стороны. Или кто-то считает, что через меня можно подобраться к сенатору? Кто-то из службы безопасности, не иначе. И принимает меры, конечно же. Жаль только, что меня при этом забыли поставить в известность. И это не недоверие, это...

Бронзовое кольцо ударило по двери прежде, чем я сообразил, что именно собираюсь сделать.

Полоски света просачивались наружу из-за полуприкрытых ставен, значит, в доме кто-то присутствовал. В небольшом городском домике, предназначенном для проведения

личных встреч, где я часто ночевал во время учебы, когда хотелось выспаться, а не вскакивать ни свет, ни заря, чтобы успеть добраться из имения в университет.

Второго удара не последовало, но первого вполне хватило, чтобы за дверью раздались шаги. Ясно различимые. Охрана ходит так, только если намеревается спугнуть кого-нибудь, а в данной ситуации...

— Что вам угодно?

Слова, и так не слишком охотно собравшиеся на моем языке, скатились вниз. В горло.

Он сам вышел на порог! Сенатор. Собственной персоной. И совершенно один, без кучи телохранителей со всех сторон. Я даже невольно качнулся вперед, заглядывая в дверной проем.

Никого. Совсем никого.

— Вам нехорошо, молодой человек?

Один. Ни следа охраны. Ни тени напряжения на породистом лице. Да что тут вообще творится?!

— Сеньор...

— Вам требуется помощь? Вызвать полицию?

Его глаза. Они смотрят на меня, как никогда не смотрели прежде. Внимательно. Сочувственно. Искренне заинтересованно. Смотрят так, будто... видят меня впервые?

— Сенатор.

Хмурится. Ну конечно, в этом доме не принято называть вслух чины и звания. Это просто маленькое частное владение, в котором ведется сугубо личная жизнь.

— Эта шутка зашла слишком далеко, не находите?

— Какая ещё шутка?

Я всегда считал Джозефа хорошим актером, а его партнеры по покеру утверждают, что сенатор может быть абсолютно непроницаем, но чтобы настолько?

— Или вам показалось, что намека недостаточно?

— О чем вы говорите, молодой человек?

Старается быть терпеливым, но что-то его все-таки тревожит. Что-то там, слева, куда сенатор на долю секунды смещает взгляд.

— Я всего лишь хотел поговорить с вами. Вы могли просто отказаться, а не устраивать целый спектакль. Тогда я бы понял, что все кончено.

— Что кончено?

— Проблемы? — Спросили тихо, голосом, принадлежность которого лицу того или другого пола трудно угадать. Но тонкий аромат жасмина, долетевший вместе с вопросом...

— А ваша супруга знает, как вы проводите свободное время?

Да, сенаторы тоже умеют каменеть лицом не хуже Петера.

— Молодой человек, кем бы вы ни были, вам лучше уйти.

— Это ваше «срочное дело», да? Надеюсь, оно хотя бы в половину красиво так же, как Елена-Луиза?

Худошавая, но все ещё сильная ладонь толкнула меня на улицу.

— Я сейчас вернусь, — пообещал сенатор неизвестной гостье, закрывая дверь за своей спиной и поворачиваясь ко мне.

Он даже рискнул выйти из дома? Значит, никакой опасности нет. И не было. Все, о чем я думал, все, что путало мои мысли за последний час, оказалось лишь дурацкой фантазией.

— Я не знаю, кто вы такой, и, честно говоря, не хочу знать. Достаточно того, что вы

знаете меня, не так ли? И должны представлять себе, чем может закончиться ваш визит, если я сочту его нежелательным.

Таким я видел Джозефа крайне редко. На паре официальных встреч, разве что, когда переговоры заходили в опасное русло.

— Надеюсь, вы достаточно сообразительны, чтобы понять, о чем идет речь?

Взгляд в самую душу, что называется. Не угрожающий ни капли. И даже не предупреждающий. Так равнодушно смотрит на свою добычу змея за мгновение до броска.

— Попытки шантажа не пройдут, молодой человек. Но если вы все-таки попробуете...

Благородного и великодушного человека тоже можно разозлить. Теперь я это знаю наверняка.

— О вашем существовании никто и никогда не вспомнит.

Он показал спину, возвращаясь в дом. Показал, что не боится. По крайней мере, меня. А может и вовсе ничего не боится.

Дверной замок щелкнул, закрываясь, и пластина сканера снова засияла насмешливым болотным огоньком.

Проход закрыт.

Сбой процесса.

Обратитесь к нам позже.

Играл Джозеф или все-таки нет? Я не нашел в его взгляде узнавания. Как ни старался. Конечно, сенатор и раньше не особенно выделял меня из окружения, но что-то в светлых глазах менялось, когда они смотрели на меня. Наверное потому, что предмет, который попадал в поле их зрения, имел значение. Какое-то. Когда-то.

— Закончили свои дела, сеньор? Мне пора возвращаться в гараж.

— Да. Конечно.

— Что-то вы неважно выглядите. Здесь поблизости есть медицинский кабинет, если желаете.

И не один. Десятки. Сотни. Ещё есть больницы с палатами от скромных до фешенебельных. Но разве кто-то из тамошнего персонала станет лечить больного бесплатно?

— Не нужно.

И пойти-то некуда. Думаю, сенатор предупредил всех близких знакомых касательно меня. А «далекие» и так не пустили бы на порог. Особенно в компании с другом, выглядящим, как головешка.

— Ну так я свободен или нет?

— У меня больше не осталось денег, если ты об этом.

— Я так и понял, сеньор.

Он помог мне выгрузить Хэнка на свежий воздух и звонко хлопнул дверью машины.

— Счастливо оставаться!

Прости меня, Господи, ибо я... Полный и безнадежный дурак. Ну как раньше было об этом не подумать?!

— Эй!

— Ещё что-то, сеньор?

Вот я бы на его месте со мной уже не разговаривал. Особенно зная, что взять с меня нечего.

— Далеко отсюда до собора?

— Того, что в Низине?

— А есть другой?

Он улыбнулся:

— Второго такого точно нет.

— Так далеко или нет?

— Миль пять. Из них две уже по самой Низине.

Пять миль? Какая малость! Только придется почаще отдыхать. И мне, и Хэнку.

— Вы что, до самого собора своего приятеля на себе тащить собрались? Не, так дело не пойдет. А ну, залезайте обратно, подброшу немного: все равно по пути.

* * *

Граница между районами Санта-Озы ощущалась настолько четко, что никакие столбы, заборы и колючая проволока не смогли бы усилить эффект, возникавший сам собой.

Строгого деления не было, конечно. Но негласно присутствие обитателей одного района на территории другого не приветствовалось. О, конечно, до членовредительства дело бы не дошло: выставили бы вон, и все. Причем относительно вежливо. А с другой стороны, и так мало кто из Вилла Баха отважился бы подняться выше по склонам, не то, что переехать жить насовсем. Потому что ущербные «молли» не справились бы со сменой напряженности магнитных полей.

Как утверждают документальные хроники, в дни Переселения люди были готовы на все, лишь бы выжить. И убийство себе подобного посчитали меньшим из зол, когда оказалось, что зоны, пригодные для обитания, места с почти прежними физическими характеристиками, весьма ограничены по размерам.

В северных краях было немного проще, тамошние аборигены изначально более приспособлены к усиленному давлению магнитного поля Земли, так что хоть и пострадали, но смогли постепенно адаптироваться. Сами. Ну а те, у кого водилось достаточно денег, строили для себя компенсаторные комнаты, из которых не высывали носа наружу. И конечно, именно они первыми получили прививку от новой чумы, обрушившейся на человечество — обеспеченные люди. Правда, быстро выяснилось, что делиться все-таки придется, ведь кто-то должен был работать, обслуживая чужое хозяйство.

Мой дед, например, так и получил свою «молли»: ещё в первую волну. Что, кстати, потом стало цениться особенно высоко. Цениться женщинами, желающими зачать ребенка с гарантированным будущим. Отец хорошо на этом зарабатывал. Заработал даже брак с наследницей аристократического рода. И наверное, именно от рода своей деятельности свихнулся раньше времени. Но мне повезло, да. А вот жителям Низины...

— Все, приехали.

Это всего лишь улица. Но по одной её стороне у высоких домов нет окон. Совсем.

— Спасибо.

— Да не за что! Говорю же, все равно было по пути.

— И все равно, спасибо.

— Теперь сами должны добратся.

— Доберемся.

Взгляд Хэнка не выражал уже ничего. Помутнел до неприличия. Но глаза оставались

открытыми и даже изредка моргали.

— Удачи, сеньор!

— И тебе.

— Если ещё куда надумаете ехать, найдите Нанду Муньеса. Всегда сможем сговориться, если что!

Шины прошуршали по брусчатке, увозя таксиста, так неожиданно оказавшегося щедрее сенатора.

— Ну что, друг, готов к новому переходу?

Конечно, мне не ответили. А жаль. Если бы он сам мог хоть немного держаться, было бы проще: подхватил бы под колени.

Мостовая закончилась быстро. Сменилась плотно утоптанной землей, на каждом шаге вздымающей пыльными облачками. Впрочем, я особо их не разглядывал, хотя большую часть пути смотрел скорее себе под ноги, а не вперед, зато хорошо ощущал, как песок скрипит на зубах.

Здесь было заметно темнее, чем в Вилла Лимбо. Никаких солнечных фонарей, максимум масляные или восковые светильники по углам домов — тусклые огоньки за закопченными стеклами.

Мир, вернувшийся в прошлое или вовсе никогда не добиравшийся до будущего. Низенькие, самое большее, двухэтажные домики, собранные из самых дешевых материалов. Деревянные от фундамента до крыши. Только ближе к собору стены становились начинали каменеть и белеть штукатуркой, добавляя немного света. Улицы же по-прежнему оставались узкими и причудливо изломанными, повторяя рельеф местности: таксист подвез нас с другой стороны, незнакомой мне. Если бы собор не возвышался надо всем этим хаосом, как путеводный маяк, я, наверное, не рискнул бы углубляться в лабиринт между спящими домами. А так заблудиться было невозможно. Но и дойти до намеченной цели, как оказалось, тоже.

Надо же, как красиво луна бликует на полированной стали! Особенно почти полная, как та, что сегодня смотрит с небес на происходящее безобразие.

— Эй, винго, ошибся адресом?

Так они называют всех нас, живущих на склонах гор. Во время народных собраний, репортажи о которых часто передают по центральному каналу, это слово звучит частенько. Громко, недовольно и презрительно. Вот как сейчас.

— А то мы можем помочь найти дорогу.

Сверк-сверк. Сверк-сверк. Раскладные ножики. Дети игрушками балуются.

— Нет, спасибо. Я знаю, куда иду.

Четверо. Здоровых или тощих, в сумерках не разобрать. Хотя, какая мне-то разница? Драка — последнее, что должно и может случиться. Для меня уж точно.

— Значит, помощь не требуется?

Ага, этот среди них, наверное, главный. Плечистый. Высокий. Или мне так только кажется, потому что сгибаюсь под ношей?

— А тут у тебя кто?

— Друг.

— Друг?

Придвигается ближе, заглядывая Хэнку в лицо. Делает шаг назад, одновременно короткими жестами что-то приказывая своим спутникам.

— Нехорошо врать, винго. Опасно.

— И в чем же я солгал?

— Это ведь был несчастный случай, да? Наш брат сам полез под твою машину. А может, под твой кулак?

Какого черта? О чем он вообще говорит?

— А может, стал свидетелем чего-то другого? Незаконного? Поэтому ты и решил обойтись без слуг. Кто же хочет платить лишнего, да, винго?

Намекает, что я сам изувечил Хэнка? Нет, хуже: говорит прямо.

— Это дело между ним и мной. Наше дело. Понятно?

— Мы не даем в обиду своих.

Двое зашли со спины. Двое, в том числе и главарь, остались спереди. Если бы я хотел затеять драку, первым разумным движением было бы сбросить груз назад, на руки или под ноги, а потом... Ну допустим, метнуться в сторону. Или рвануть напрямик, между ножами, раз уж обойти это препятствие практически невозможно.

Я бы так и поступил, если бы хотел остаться живым.

Если бы уже не чувствовал себя убитым.

— Он пострадал не по моей вине.

— Кто бы сомневался!

Язвит? А и черт с ним. Как там говорится? Собака, которая лает, не укусит? Ну и пусть твоя лает, сколько захочет.

Вынужденная остановка не прибавила сил. Наоборот, когда я сделал шаг вперед, груз надавил на плечи с удвоенной силой

— Ты, кажется, не понял, винго?

— Здесь нечего было понимать.

— Ты не пройдешь дальше.

Лекции и практикумы по теории переговоров утверждали, что бросать прямой вызов следует либо когда силы и возможности конкретного противника заранее известны, либо когда у противной стороны нет хоть насколько-то определенного лидера, а значит, выделение одного человека из многих неизбежно приведет к расколу оппозиции.

Целых две причины, на выбор. Причем обе никоим образом не подходят к ситуации. Что ж, придется вспомнить об основных положениях другой учебной дисциплины. Для начала — эскалировать конфликт до конечного предела. Чтобы или со щитом, или на щите, но главное, поскорее.

— И кто меня остановит?

Ну же, давай! Скажи: «Я». Или спрячься за удобным «мы». Только не тяни время!

Он тоже сделал шаг вперед. Ровно такой же, что и я минутой раньше. В итоге между нами осталось всего несколько дюймов пространства. Клочок нейтральной полосы, готовый взорваться войной.

— Это твой ответ? Или я чего-то не расслышал?

Не знаю, что он видит в моем лице, но смотрит внимательно. А вот я не могу разглядеть ни единой черты незнакомца, потому что ближайший фонарь роняет мутное пятно света как раз за спиной главаря этой шайки.

— Ты не пройдешь дальше. Куда бы ты ни шел.

Основное понятно: массовой драки не будет. Что-то мешает парням устроить поножовщину. Мешало с самого начала.

— Посмотрим.

Ещё один шаг, отдающийся стоном во всем теле. Шаг вперед. Прямо на...

Он качнулся в сторону, обманчиво освобождая путь, но в следующий миг мне пришлось согнуться ещё больше. Под напором кулака, влетевшего куда-то под ребра.

Воздух вылетел из легких с глухим свистом, земля резко пошла навстречу лицу. Я уже морально приготовился к пыльному поцелую, но каким-то чудом удалось устоять. Наверное, лишь благодаря тому, что ноги Хэнка стали дополнительной точкой опоры. Ненадежной, неустойчивой, но все ещё вполне реальной.

Вот только выпрямляться оказалось трудновато. Все равно, что штангу поднимать. И ещё труднее было снова начинать двигаться вперед, ожидая... Теперь уже чего угодно.

Один шаг. Другой. Третий. А где же удары?

— Эй, винго! Постой. Тебе и правда будет не пройти дальше.

— Ничего, пару сеансов массажа печени выдержу. Не беспокойся.

— Через квартал начинается территория «Гиен».

Это должно означать что-то особенное? Ага, очередная уличная банда.

— А вас как называть? Шакалами?

То ли фырканье, то ли шипение в ответ.

— Угадал?

— Вообще-то нет. — Он встал рядом. Чуть впереди и справа. — Неважно. Но там дальше, в сердце Низины не любят тех, кто спускается с гор.

— А мне и не нужно, чтобы меня любили.

— Хочешь умереть?

Было бы неплохо. Даже предпочтительно. Чуть больше часа назад. Тогда не пришлось бы таскаться по городу в тщетных поисках помощи.

— Хочу добраться до собора.

— Зачем? Заказать поминальную молитву?

— Сделать все, что смогу, лишь бы её не над кем было читать.

— Мы не дадим в обиду нашего брата.

Вот, опять. Понимаю, что Хэнк сейчас похож на местного жителя, но на самом-то деле... Да сколько уже можно только и делать, что говорить?!

— Послушай, если ты — местный прыщ... О, прости, перепутал слова! Местная шишка, да? Может, хватит сотрясать воздух? Медицинская помощь. Любая. Поблизости имеется хоть что-нибудь такого рода?

— Есть доктор.

— В какой стороне?

— Тебе туда хода нет.

Но я должен. Я не могу оставить Хэнка в компании неизвестно с кем. И потом, есть ещё кое-что.

Если это и вправду мой друг, он выживет любой ценой, которую я в силах заплатить. А если нет, если он всего лишь подменьш... Тогда тем более. Его жизнь — последний и единственный шанс узнать, что случилось в саду «Каса Конференсия» и почему.

— Ты говоришь, что не оставляешь своих в беде, правильно?

— Ты слышал.

— А теперь ты послушай. Или я буду рядом с другом все время, или ты не сможешь ему помочь. Обещаю. Что для тебя важнее, а? Ненависть к винго или собственная честь?

Тишина заканчивается логичным, но лишенным прежней уверенности:

— Тебе не справиться со всеми.

Да мне сейчас даже с одним из вас, скорее всего, не совладать. Но разве это имеет значение?

— Я пойду вместе с другом. И ты отведешь нас к доктору или кто там у тебя есть на примете.

— Если сможешь идти!

Этот удар у него не прошел с прежней эффективностью: я согнулся чуть больше, чем уже был скрючен, и костяшки пальцев только ткнулись в живот. Не больше, чем бодается лобастый щенок.

Хэнка пришлось скинуть. Так осторожно, как получилось. Не разгибаясь, на

четвереньках перескочить через неподвижное тело и лишь потом попробовать распрямить спину и ноги.

Приспешники моего противника разошлись по сторонам, играя роль стоек импровизированного ринга. И то хорошо. Хотя даже Господь, думаю, не поручился бы, что в случае необходимости они не кинутся на меня всем скопом.

Ни черта не видно. В смысле, ни одной четкой черточки. Никогда не замечал за собой «куриной слепоты». Или это просто свет такой дурной? Непривычный. Рассеянный. Вязкий. В нем любое движение кажется замедленным, тягучим и...

Ошибаюсь в расчетах, и кулак проходится по моей скуле. Вскользь, но ощутимо. Следующий удар направляется в грудь, опасно близко к солнечному сплетению.

С двух рук бьет, зараза. Одинаково сильно. У меня ситуация похуже, левая рука приучена работать на блок, зато... Зато может держать оборону. В компании с левым боком.

Один раз все-таки удалось подловить противника: когда парень решил, что я вообще не пользуюсь левой. И тут же получил, хорошо так. Даже отскочил назад, чтобы восстановить дыхалку. Вот тут-то и надо было нажать, додавить, сбить ритм, добраться до чужой челюсти. Если бы силы ещё имелись. Но увы, то, что оставалось в моем распоряжении, можно было собрать всего в одном кулаке и то не слишком большом. А потом момент оказался упущен окончательно.

Он начал раскачиваться из стороны в сторону, этот уличный хулиган, все увеличивая и увеличивая амплитуду шагов. До такой степени, что на одном из движений легко подсек мою лодыжку.

Нет, на спину я падать не стал. Успел, уже толком ничего не соображая, ещё в падении перевернуться и подставить руки, чтобы не разбить лицо или живот. Но как раз сохраненный между телом и землей промежуток стал ошибкой: нога противника вошла в него. Легко и свободно. И теперь уже мне пришлось вспоминать, как надо делать вдохи и выдохи. Несколько очень долгих секунд.

— Ну так как? Сможешь?

О чем это он? Что именно я должен смочь? Ах да... Наш разговор насчет похода к врачу. Мне и самому осмотр теперь требуется. Тщательный.

— Смогу.

Сказал раньше, чем подумал. И раньше, чем попробовал встать. Когда зашатало, как на ветру, понял, что сморозил глупость, но отступать все равно было некуда. Правда, если на «идти» меня ещё может хватить, то вот на «нести»...

Завалиться в попытке поднять Хэнка мне не дали. Поймали на лету.

— Не трогай.

Вдвоем им, конечно, легче. И сподручнее.

— И не отставай там, понял? А то заблудишься.

Предупреждение, кстати, имело место, потому что шли мы путем, составленным из кусочков улиц, освещенных по большей части луной, а то и вовсе беспросветно темных. Шли лабиринтом между одинаковых коробок домов, иногда прижатых боками друг к другу, иногда разделенных опасно чернеющими просветами. Смысл запоминать дорогу, определенно, был. Зато сил давно уже не было.

На каком-то из перекрестков банда разделилась: тот из троих, кто не был занят переноской, метнулся в проулок. Остальные, как ни в чем не бывало, продолжили движение. До очередного кособокого дома, может, двухэтажного, а может, просто с большим чердаком

— в темноте было не разобрать.

— Здесь живет ваш доктор?

— Заходи.

Внутри тоже висела темнота. Пока кто-то не чиркнул спичкой и не спросил сонно-недовольным голосом:

— Кого там принесло?

— Это я, папаша Ллузи. И да, кое-что принес. Принесли.

Вспыхнувший фитиль лампы дал в ограниченном пространстве существенно больше света, чем его собрат в таком же уличном фонаре. По крайней мере, удалось разглядеть лицо хозяина дома. И понять, что врачом этот субъект вряд ли может оказаться.

— Многовато вас сегодня.

Чем-то он напомнил мне Соузу. Наверное, своим отечным видом. Но если господин, суливший золотые горы, все-таки пытался следить за внешностью, хоть и не особенно успешно, новый незнакомец таких попыток явно не предпринимал. Последние лет десять уж точно.

— Надо кое-кого приютить.

Тот, кого называли «папашей», наклонился над Хэнком, уложенным на подобие кровати, кивнул, потом ткнул лампой мне в лицо.

— А ты ещё кто?

— Он тоже с нами.

— С каких это пор водишь дружбу с винго, Эстебан?

— Дружба тут ни причем, папаша Ллузи. Он... Ему нужно было пойти.

— Не потерплю в своем доме и ноги...

Полупьяный взгляд отразил блеск золота на моей шее, и пламенная речь оборвалась выжидательной паузой.

Непослушные пальцы нащупали замочек. Цепочка стекла в смуглую мозолистую ладонь, накрывая изображение святого драгоценным плащом.

— Этого хватит, чтобы я мог сегодня здесь остаться?

Он посмотрел мне в глаза и больше не стал ничего говорить: кряхтя ушел в темноту, оставив нам лампу. А потом входная дверь снова хлопнула.

Вот этот незнакомец выглядел уже получше. Вполне чисто и приятно деловито.

— Что стряслось, Эста? Кого-то опять порезали?

— Нет, сеньор Вега. С нашими все в порядке.

Он шагнул в круг света, поближе к главарю банды, ущипнул кончиками пальцев за лицо.

— А вот с тобой, кажется, не все. На чей кулак напоролся?

Только сейчас, при домашнем освещении, я смог убедиться, что не промазал. Но сам, похоже, представлял собой ещё более жалкое зрелище, потому что пришедший доктор, проследив направление взгляда своего знакомца, растерянно приподнял брови. А когда посмотрел ниже, на мой пиджак, нахмурился.

— Это нехорошо выглядит, Эста.

— Не беспокойтесь. Все уже улажено.

— Вижу, — хмыкнули в ответ, присаживаясь на стул рядом с кроватью. — И все-таки, что случилось?

— Надеюсь, это скажете вы, сеньор врач.

Он снова взглянул на меня, но переспрашивать не стал, а занялся своей работой.

Быстро, четко, без лишних движений. Какой бы практикой этот «ночной доктор» ни занимался, дело он знал. А вот с постановкой диагноза явно испытал затруднения, потому что когда поднялся, поманил меня пальцем за собой. В соседнюю комнату.

— Вы ведь живете не здесь?

А вот это как сказать. До сегодняшнего дня не жил. Теперь же... Впрочем, в таких разговорах молчание всегда принимается за согласие, поэтому можно просто ответить взглядом на взгляд.

— Что произошло с этим человеком?

— Вам виднее, вы ведь доктор.

Он вытащил портсигар, сунул в зубы тонкую сигаретку, прикурил от лампы.

— Мне было бы проще действовать, если бы я знал причину повреждений.

— Мне тоже.

Это явно был не табак, а что-то совсем другое, легкой сладостью повисающее в воздухе.

— Вы можете быть уверены: все сказанное останется между нами. Как между врачом и пациентом.

Ага, он тоже считает, что я заметаю следы какого-то неблагоприятного поступка? Немного обидно, пожалуй. А впрочем, все равно.

— Я не знаю, что именно произошло, сеньор доктор. Поверьте, жизнь этого человека важна для меня больше, чем моя собственная. Я ничего не скрываю и не собираюсь скрывать, но что с ним стряслось... Даже не могу предположить.

— А я могу. И это предположение настолько нелепо, что вполне может быть правдой. Только совершенно невозможной.

— И все же?

Струйка дыма прошла через ряд висящих колец.

— Нарушение жидкостного обмена, мышечные микроспазмы и внешние следы повреждений могут указывать на что угодно, от удара до ожога. Но творящееся внутри... Вы хорошо знакомы с симбиотической анатомией?

— Не думаю. Но общие представления есть.

— Тогда попробуйте представить, что колония симбионтов, располагающаяся в теле этого человека, сошла с ума.

— Как это?

— Основной принцип работы «молли» — это построение колебательного контура со строго определенными периодом и амплитудой. А задаются параметры внешними условиями, как вы понимаете. И если организм находится в одной и той же магнитной зоне, внутренние характеристики не меняются. Но то, что я увидел... Это выглядит так, будто человек за считанные секунды пересек границы по меньшей мере десяти, а то и пятнадцати зон. Что, конечно, недопустимо и, прямо скажем, смертельно опасно.

— Но он все ещё жив?

— Да.

— И будет жить?

Доктор задумчиво затянулся своей подозрительной сигареткой.

— Возможно. Судя по всему, он стал жертвой какой-то природной аномалии, но поскольку покинул её эпицентр, колебания должны постепенно затихнуть.

— И как скоро?

— О, тут я даже не буду пытаться предполагать! Лучше всего вашему приятелю было бы,

вне всякого сомнения, оказаться сейчас в больнице, но насколько понимаю...

— Никаких больниц.

— Да, я так и подумал. Главное, ему нужен покой. И уход.

— Какой?

— Пойдемте. Кажется, у меня с собой есть все необходимое.

Мы вернулись в комнату к Хэнку. Пока шел разговор, тамошнее общество заметно поредело. Уменьшилось до одного человека. Главаря банды, Эстебана.

— Конечно, первым делом избавиться от тряпок, они затрудняют воздушный обмен. Как и выделения, поэтому нужно будет время от времени чистить поры. Хотя бы обмывать кожу, этого вполне должно хватить. Поскольку капельницу здесь ставить небезопасно, возьмите вот это, — он протянул мне флакон с ржаво-рыжей прозрачной жидкостью. — Две-три капли на литр кипяченой воды, не больше. Будете давать ему пить. Снимет возможные болевые ощущения, а заодно обеспечит организм всем необходимым для восстановления.

— Несколько капель вместо лекарств и еды?

— А это сразу то и другое, молодой человек. Из аптеки природы, которая куда умнее нас с вами и не отделяет жизнь от здоровья... Вы сами будете за ним присматривать?

— У меня нет денег на сиделку.

Не поверил. Но оставил вопросы при себе. Поразительные здесь все-таки люди! То ли слишком тупые, чтобы интересоваться большим, чем видят, то ли достаточно сообразительные, чтобы вовремя закрывать глаза.

— Хорошо. Давать питье можно на протяжении всего дня понемногу, либо за один присест — особой разницы нет. Вот обмывать придется почаще: сами увидите, когда понадобится. А сейчас, с вашего позволения, все-таки сделаю укол. Витаминный коктейль пополам с успокоительным.

Закончив процедуру, доктор, прежде чем щелкнуть замками саквояжа, выудил оттуда ещё один пузырек, на сей раз с чем-то бесцветным, и упаковку ваты.

— Это уже для вас. Обоих, — уточнил он с порога. — Надеюсь, сможете поделить.

Искать царапины и ссадины, руководствуясь исключительно ощущениями, было не слишком удобно. Ни мне, ни моему недавнему противнику. Но я не ожидал, что он предложит:

— Давай, посмотрю спину.

А ещё не ожидал от себя, что быстро и спокойно соглашусь.

Пиджак надо было снять до драки, тогда он хотя бы уцелел. Впрочем, футболке досталось не меньше. И пожалуй, одежду было жаль больше, чем разбитые костяшки и содранную кожу.

— До свадьбы заживет, — сказал Эстебан, прижигая последнюю ссадину на моей спине.

— Обещаешь?

— Ага.

С целостью его тела дела обстояли лучше, и все же, думаю, мой наставник по самообороне расщедрился бы на семь баллов из десяти. Ну, на семь с минусом.

Лицами мы занялись уже самостоятельно. На ощупь. Наверное, в этом доме можно было разжиться зеркалом, но почему-то ни у кого из нас не возникло желания ни звать хозяина, ни рыскать в полутьме по здешним закоулкам.

— Мне пора.

— Конечно.

Что-то ещё должно было прозвучать. Мне так показалось. Но вместо того просто ещё раз хлопнула дверь.

Рубашку, брюки и все остальное, что было на Хэнке, пришлось просто разорвать. Из последних сил. Снова ужаснуться состоянию тела, правда, теперь уже почти равнодушно. Убедиться, что дыхание ровное и достаточно глубокое. Накинуть сверху покрывало. Нащупать под угасающую лампу останки дряхлого кресла.

Завалиться.

Закрывать глаза.

За...снуть.

Have you considered [Just Read Premium](#)? With Premium you can annotate your articles, share them with others, and more!

Чхи!

Дышать нечем. Нос забит чем-то щекотным. Наверное, Генри снова вывел на прогулку боа из маминого гардероба. Играл в индейцев, неизвестно какого племени, оставляя за собой неизменную дорожку из перьев, перышек и пушинок. А поскольку для своих забав младший брат чаще всего выбирал почему-то именно мои апартаменты... Надо будет его отшлепать. Обязательно. Как только смогу открыть глаза.

Жестковато что-то. Сплю без матраса? Но зачем? Он мне не понравился? В любом случае, решение отказаться от удобств было поспешно-глупым: теперь все тело ноет. Каждая клеточка. Лучше встать, пока ещё не проснулся окончательно, вернуть все на свои места и попробовать расслабиться.

Встать и...

Ноги не нашли пола. Потому что он был повсюду. Вокруг. Собственно, на нем я и лежал, то ли обнимая, то ли кутаясь в большую, пыльную, драную тряпку.

И да. Конечно, это был не мой дом.

Память сопротивлялась отчаянно. Не желала признаваться, что произошло, пока взгляд не добрался до единственной кровати в этой комнате. Потом события вчерашнего дня и особенно вечера хлынули безжалостным водопадом, не столько прояснившим, сколько смывшим чувства и мысли. Большую часть, по крайней мере. А тех, что остались, едва хватило, чтобы соорудить программу действий на ближайший час.

Хэнк. В первую очередь он.

Распахнутое окно пустило свет в дом, помогая стенным щелям, и я сразу вспомнил слова врача о чистке организма. И питания заодно.

— Эй, есть кто дома?

На мой вопрос не обратили внимания. А может, промолчали нарочно. Зато похрапывать не перестали, и, пройдя на звук заковыристым коридором, я успешно добрался до хозяйской комнаты.

Она отличалась от той, где лежал Хэнк, только дизайном интерьера: отсутствием любой возможной мебели, кроме гамака, в котором покачивался сладко спящий человек, и длинной батареей бутылок разной степени наполненности, расставленных в пределах досягаемости пьянчуги.

— Можно вопрос?

Приоткрылся лишь один глаз. Правый. Мутный и красный.

— Чего тебе с утра пораньше?

— В этом доме есть вода?

— Как и везде.

Полезной информации в полученном ответе было маловато, а возможности продолжить разговор вообще не представилось: храп, прерванный моим появлением, снова усилился. Пришлось шарить по дому самостоятельно.

Вода, кстати, обнаружилась. На кухне, к примеру. Струя цвета сильно разбавленного кофе, потекшая из разболтанного крана. Противно теплая, пахнущая железом. Может, она и годилась на то, чтобы слегка обмыть больного, но принимать внутрь... Нет, должен быть другой вариант.

— В этом доме есть вода, которую можно пить?

Возвращение гостя не обрадовало хозяина: открылись оба глаза. Очень недовольные.

— Чего шумишь?

— Мне нужна вода. Для питья.

— Нужна? Так сходи и принеси.

Он перекатился на другой бок, отворачиваясь от меня, но видно забыл, что гамак подвешен практически в центре комнаты, и подобраться к нему с любой необходимой стороны не составляет никакого труда.

— Сходить куда?

Пьянчуга зажмурился.

Не желаешь меня видеть? Взаимно. Мне и разговаривать с тобой не хочется. Но надо.

— Я не отстану.

Ноль эмоций.

— Если не скажешь, начну бить бутылки. Те, в которых ещё что-то плещется, об косяк.

Пустые — о твою голову.

Угроза покушения на святое помогла: хозяин сморщился, но пояснил маршрут движения.

— На углу. Колонка. Посуду внизу возьмешь, в кладовке у выхода.

Ну вот, хоть какая-то определенность появилась. Осталось добраться до кладовки и колонки.

— Так и пойдешь? — спросили вдогонку из гамака, причем с искренним интересом.

Как «так»? В смысле... В одних трусах?

— В соседней комнате поройся. Там найдется, что накинуть.

С одной стороны, хорошо, когда погода днем и ночью одинаково теплая. С другой — плохо. Не замечаешь очевидных вещей. Например, отсутствие одежды не мешает заснуть и не побуждает вспоминать правила приличия. Хотя... Кому они нужны здесь, эти приличия?

Комната, куда меня направили, в отличие от хозяйской оказалась заставлена всяким хламом. Памятниками истории, происхождения, наверное, ещё позапрошлого века. По крайней мере, огромный ларь точно был сколочен давным-давно. В отцовском доме тоже хранилась пара сундуков, оставшихся с прапрадедовских времен. Массивные, тяжелые, обтянутые потрескавшейся кожей. Правда, по назначению их никто не использовал, только для оформления обстановки: винтаж или как там его. А здесь, похоже, все шло в дело. Каждый предмет.

Петли уныло скрипнули, допуская меня к содержимому ларя. Оно... Нет, было все-таки немного поновее, чем хранилище. Самую малость. И исключительно натуральное.

Говорят, когда-то все эти волокна, хлопковые, льняные, шелковые и прочие, рождающиеся в природе, ценились намного дороже синтетики. Потому что представляли собой дефицитные материалы. Неудивительно, что после того, как дефицитом стала нефть, ситуация изменилась, и теперь только обеспеченные люди могли себе позволить гардероб, удовлетворяющий любые...

Она стояла колом. Одежда. Слава богу, не в самых интересных местах, иначе стер бы себе все. Напрочь. Относительная свобода движений появилась только лишь после того, как на ткани образовались складки, такие сочленения полотняных доспехов. Наверное, надо было помять предварительно. Или отбить. Жаль, времени для экспериментов не доставало.

«Посуду» я нашел быстро, но не сразу понял, что именно держу в руках. Мешки с

узкими горлышками, сшитые из кожи и соединенные между собой широким ремнем. Ну да, а чего можно было ожидать? Пластиковых фляг, что ли?

Улица встретила меня ослепительным и горячим светом. Солнечным. Изначально почти белым и становящимся только ярче при каждом отражении от штукатурки. Вычислить искомый «угол», о котором говорил пьяница, удалось без проблем: по присутствию народа и равномерным повизгиваниям металла. Всего-то футов триста пути.

Воздух казался прозрачным. Пока не качнулся, потревоженный моими движениями: каждый шаг поднимал с мостовой ураганчик пыли. До колена или чуть выше. Оседавший на штанах, конечно же.

Дома по обеим сторонам улицы выстраивались в одну цельную непроглядную стену. Никаких окон. Одни лишь двери, плотно и глухо закрытые, чтобы не пускать внутрь обжигающий свет и незваных гостей. Сплошные неприступные крепости. И когда одна из них вдруг решила опустить подъемный мост, я даже вздрогнул. От удивления.

— Эй, парень...

Она стояла не на пороге, а за ним, в тених приоткрытого входа.

— Не сделаешь доброе дело?

На тонкой руке, протянутой в мою сторону, висели два бурдюка, близняшки тех, что я уже тащил с собой.

— Хотя бы половинку.

Выглядела девчонка неважно. Наверное, чем-то болела. Трудно было рассмотреть что-то подробно, но хватило и вен на запястье, от непосильного напряжения вздувшихся под тонкой кожей, хотя груз был, прямо скажем, комариного веса. Разве что комар попался чуть более упитанный, чем обычно.

— Можешь помочь?

Почему бы и нет? Это же не восстановление мировой справедливости. Просто вода. Просто услуга. По-соседски.

— Давайте.

— Спасибо.

— Рано ещё благодарить.

Если бы я представлял, насколько тяжела вода, крепко подумал бы над просьбой, которую так опрометчиво согласился выполнить. А поскольку после драки, как говорится, кулаками не машут, молча глотал проклятия на голову всех, невиновных и виноватых, пока возвращался обратно.

«Питьевая вода в каждый дом!»

Помню этот громкий лозунг. Очередная гуманитарная программа, пару лет назад провозглашенная муниципальным советом. Вроде бы она уже начала исполняться, но судя по тому, что даже первая треть Вилла Баха до сих пор пользовалась уличными колонками, возведение водопровода обещало стать таким же долгостроем, как ацтекские пирамиды. На радость чиновникам.

Я спросил об этом ещё тогда, у Джозефа. У сенатора. После долгой протокольной встречи, устроенной в нашем доме, а потому ненавязчиво приглашавшей всех стать если не участниками, то зрителями или слушателями происходящего. Спросил о количестве выделенных средств, потому что через слово в речах упоминались слишком растянутые сроки и запутанные цепочки этапов.

«Разве нельзя просто взять и построить все сразу? Денег должно хватить. И сами

жители наверняка готовы оказать посильную помощь».

Сенатор улыбнулся. В усы.

«Все очень сложно, Фрэнк. И очень просто. Для совершения любого поступка нужна прежде всего воля. Единая».

«Тогда почему бы тебе не...»

«Время монархов давно прошло. А время тиранов не должно наступить».

«Даже если люди будут страдать от нехватки воды?»

«Власть сильна не диктатом, Фрэнк. Согласием с её решениями. Добровольным. Улавливаешь разницу?»

«Но решения все равно кто-то диктует! Они ведь не возникают из ниоткуда?»

«Решения всегда диктуются ситуацией».

«Почему же тогда...»

«Не все умеют хорошо писать диктанты».

«А ты? Умеешь?»

Он не ответил. Промолчал, улыбаясь. А теперь и вовсе не станет со мной разговаривать. Никогда больше.

Девушки в дверях не было. Может, вышла, а может, почувствовала себя ещё хуже.

— Сеньорита?

Тихо, как в склепе.

— Я принес воду.

Ещё тише.

— Поставлю у входа. Простите, что не захожу. Некогда.

Вообще-то, я не особо торопился. Просто любая остановка на отдых удваивала вес бурдюков. И страшно было подумать снять их на несколько минут, чтобы потом снова... Нет уж! Лучше оказаться невежливым, зато сохранить немного сил.

Переливать воду никуда не стал. Потому что из крупных емкостей кроме бутылей в любезно приютившем нас доме ничего не обнаружилось. При беглом осмотре, по крайней мере. Хорошо хоть, нашлась пара битых и мятых мисок, в одной из которых удалось вскипятить воду. На газовой плите. Биогазовой, вернее, а значит, чадящей и вонючей.

Пока кипяток остывал на старшем из сквозняков, пронизывающих дом, я занялся Хэнком. Нарвал ленточек из какой-то ветхой рубашки, соорудил мочалку. С мылом возникли проблемы: кусок, обретавшийся в душе, выглядел отвратительно. Пах, впрочем, ещё хуже. Ничего, удалось обойтись просто чистой водой, благо грязь не успела застыть бетонной коркой.

После помывки тело уже не казалось обугленным. Скорее, сильно загоревшим. И больше ничем не сочилось. К лечебно-кормительной процедуре Хэнк, конечно, не проснулся. Пришлось цедить по капле в приоткрытый рот, следя за тем, чтобы больной не захлебнулся. Какой бы странной ни казалась жидкость из пузырька доктора, других лекарств под рукой все равно не было, но это зелье хотя бы не вредило. Даже немного прогнало синеву с потрескавшихся губ.

Невольно позавидовав свежевывытому другу, я тоже решил поплескаться. Под душем. В ржавой воде. И смог сполна оценить то, что она все-таки была скорее теплой, чем холодной. Насчет чистоты дела обстояли несколько сложнее: пот и пыль, конечно, смыть получилось, но вместо них я обзавелся желтовато-коричневым налетом на коже. Правда, Хэнка по цвету не догнал. Не успел.

— А ты сильный, — сказал кто-то сквозь струи воды, бьющие по моим ушам.

Я повернул ручку, чтобы выключить душ.

— И глупый.

В тишине голос опознавался, как женский. Причем ничуть не смущенный. К счастью, и не плотоядно настроенный. Хотя, если задуматься, за каким ещё чертом девица могла отправиться к парню, принимающему водные процедуры? Только чтобы позубоскалить?

— Не попросил ничего взамен.

— А что, уже поздно просить? Я думал, срок давности на добрые дела не распространяется.

Кажется, она не совсем поняла, что имелось в виду. Но согласилась:

— Ладно. Одно желание.

Заманчиво. Прямо как в сказке. Правда, насколько помню, любимые волшебные истории Генри недвусмысленно предостерегали от исполнения желаний. Особенно по заказу.

— Любое?

— За доброе дело ничего не жалко.

О, в голосе прорезались другие нотки. Теперь уже плохо понятные.

— Ну так чего хочешь?

— Чтобы ты испарилась на некоторое время. Мне нужно одеться.

— Стыдишься, что ли? Вроде тебе же нече...

— Желание. Помнишь? Сама обещала.

За спиной фыркнули, сообщая:

— Буду на кухне. Сварю кофе. Если в хозяйстве папаши Ллузи найдется несколько зерен.

Она ушла. Но не сразу: когда я повернулся, девица все ещё стояла у двери, выглядывая из-за косяка. И с хихиканьем исчезла только после того, как в её сторону полетела мокрая мочалка.

Зерна, судя по всему, нашлись. И очень скоро выяснилось, что до кухни можно добраться даже с закрытыми глазами, ориентируясь на один лишь запах. Хотя нельзя сказать, чтобы кофе получился приличным. Горячий, густой, горький — и ладно. Что ещё нужно, спрашивается?

— А я тебя не знаю, — равнодушно сказала девица, сдувая пенку к краю чашки.

— Я тебя тоже.

Невысокая. Тощая. Младше меня, скорее всего. Интересно, на сколько лет? Есть у смешанной южной крови странная особенность: юные девушки кажутся подростками до какого-то момента, а потом вдруг раз, и становятся взрослыми женщинами. У каждой, конечно, этот срок свой, но разница обычно в пределах года-двух. Сам несколько раз становился свидетелем таких чудесных «превращений». В имени. И был поражен до глубины души. Даже немного напуган. Потому что странно видеть, как человек, которого ты считал своим сверстником, в один прекрасный день вдруг обгоняет тебя на целую жизнь.

Сколько же этой осталось до дня, когда тонкая фигурка нальется женской силой? И какой окажется в итоге? Тут лотерея, спору нет. Не все метиски и мулатки красивы, но каждая из них по природе своей...

— Правильно надо было желание выбирать.

Темный взгляд, в котором отражается горячий кофе. Или все наоборот?

— Правильно?

— Нечего теперь паяться. Кто не успел, тот опоздал.

Зачем тогда сама на меня уставилась? А, ну да. Я же чужой, за чужаками надо следить в оба. Хотя о какой настороженности может идти речь, если ещё совсем недавно девица была готова...

— Думаешь, я не знаю, как смотрят мужчины?

За кофе, конечно, спасибо. За шпильки — нет.

— Мужчины смотрят на женщин. Не доросла ещё.

— А сам-то? Дорос? А то, знаешь ли, размеры, они не всегда...

Действительно, ребенок. Кому интересно подглядывать за взрослыми? Только детям. Я в её возрасте тоже... Нет, несколько раньше. В общем, не брезговал тайными вояжами в запретные уголки дома. И когда юношеская любознательность начала доставлять домочадцам реальные неудобства, в распорядок моего дня вошли визиты в «Каса Магдалина». Благополучно закончившиеся вместе со всей остальной жизнью.

— Ты ещё очень многого не знаешь о размерах.

— Да ну?

Мебели на кухне не было. Стол для готовки, плита, полупустые полки и все. Кофе мы пили, стоя друг напротив друга. В одном шаге. И когда девица качнулась, наклоняясь в мою сторону, то едва не уткнулась лбом мне в грудь.

— Хочешь рассказать?

Если бы на её месте был мальчишка, ему хорошо подошло бы определение «задиристый». Но для парней-то нормально проверять противника на прочность. По крайней мере, понятно, что делать или говорить в ответ. А как быть с девчонкой?

— Что, стру...

Наклон приобрел опасный градус, и она завалилась. На пол. Наверное, метила в мои объятия, но не рассчитала расстояние и усилие.

— Хватит дурить.

Как можно лежать, одновременно распластавшись и съездившись?

— Ты на самом деле ещё мала для того, что затеяла.

Волосы тусклые. Даже кажется, что они не черные, а грязно-серые. И плечико, выглядывающее из-под задравшегося рукава кофты, тоже... Серое.

— Эй? Ты там как? В норме?

Ни ответа, ни привета. А что, если она не притворяется?

Да, зрачки бессмысленно закатились под верхнее веко. И мышцы обмякли ватой. Хотя, чему удивляться? На пороге своего дома девица выглядела нездоровой. Нашла силы прийти сюда, чтобы поблагодарить? Хорошо. Спасибо. Но видно, акт вежливости забрал с собой последние активы.

Весила она существенно меньше Хэнка. А вот в сравнении с бурдюками не выигрывала: у тех не было рук и ног, болтавшихся, как бахрама, и норовящих зацепиться за все подряд. Отправляться на поиски ещё одной лежанки я не стал. Приволок обморочную в «госпитальную комнату». Усадил на кресло. Почти уложил, вернее. Послушал дыхание, подумал и, растянув пальцами уголок девичьего рта, вылил туда остатки разведенного лечебного пойла. Что говорил доктор? И еда, и лекарство, два в одном? Значит, хуже не будет. Не сказать по виду, что девчонка голодает, но десяток лишних фунтов точно пойдет ей на пользу.

— Пфф! Агрх!

Часть ржавого настоя брызнула мне в лицо. Липкими каплями. Что ж, обморочная пришла в себя, и то ладно.

— С ума сошел?!

Ни носовых платков, ни полотенце под рукой. Наверное, где-то в сундуках кладовой можно найти, а пока утремся футболкой. Вернее, её остатками.

— Плеваться было незачем.

— Уморить меня решил, да?!

Я бы так не сказал, глядя на наконец-то порозовевшие щеки.

— Это лекарство. По словам врача.

— Лекарство!

Она снова сплюнула, хорошо хоть, уже не в мою сторону. И пробормотала что-то, похожее на благодарственную молитву. Эдакие краткие тезисы.

— Чем ты недовольна? Тебе явно стало лучше. Разве нет?

Девушка хмуро посмотрела на меня исподлобья, подтягивая колени к груди.

— Живым нельзя пить «Кровь Жожо».

Сразу два вопроса возникает. Нет, три.

Что из себя представляет упомянутая «кровь». Почему её нельзя пить «живым» людям. И зачем человек по имени Вега включил её в план лечения. Хотя причину третьего действия можно предположить, основываясь на второй посылке: мертвому любая припарка не причинит вреда. Даже смертельно опасная.

— Это яд?

Тусклые локоны неуверенно качнулись:

— Не. Жожо помогает. Правда. Только давать его кровь можно лишь тому, кто ни жив, ни мертв. Жожо ходит по самому краю, там, где заканчивается мир людей.

Отлично. Не самая позитивная новость за прошедшие сутки, но хотя бы что-то определенное. Итак, положение Хэнка хреновое, если не сказать грубее. Скорее всего, коматозное, если доктор решился применить столь радикальное средство. Но оно все-таки может помочь или нет?

— А откуда она у тебя вообще взялась? Вещь редкая, варят только на заказ и только для проверенных людей.

— Его зовут Вега. Того, кто дал мне эту штуку.

Кофейный взгляд стал наполовину растерянным.

— Знаю, о ком говоришь. Но зачем тебе...

Вместо ответа я шагнул в сторону, и девица смогла увидеть, что и кто находится у меня за спиной. А когда увидела, повела себя в полном соответствии с ранее проявленным характером: выбралась из кресла и принялась внимательно осматривать Хэнка. По-моему, даже пригнулась.

— Он кто?

— Мой друг.

Посмотрела недоверчиво. Ну конечно, мы мало походим на людей одного круга общения. Пока. Потому что через дюжину душ я легко сравняюсь цветом кожи с кем угодно из Вилла Баха. Разве что, кроме тех, кто от рождения чернильно-черный.

— Чем он заболел?

— Понятия не имею.

Девица прошлась взад и вперед вдоль лежанки, ещё раз наклонилась над лицом Хэнка, прислушиваясь к чему-то.

— Ему ведь «кровь Жожо» не повредит?

— Не должна. Вега редко ошибается.

Успокоила. Немного. Но в любом случае, не дело оставлять больного здесь, без нормального медицинского ухода, полагаясь только на какие-то сомнительные травяные настойки.

— Расскажи лучше, как пройти к собору.

— А чего тут рассказывать? Выходишь на улицу и идешь. Его видно над крышами, так что не заблудишься.

Я так и поступил бы. В отсутствии информации, которой меня снабдили ночью.

— Мне сказали, что рядом с ним хозяйничают какие-то гиены.

— «Гиены» шакалят только по ночам.

Занимательное откровение. Жаль, не проясняющее картинку.

— Хотя... — Девица задумчиво окинула меня взглядом. — Ты же чужой.

Спасибо, знаю. Понял уже.

— И что с того?

— Чужих здесь не...

— Не любят?

— Не привечают, — поправила она и вздохнула: — Провожу, так и быть. Со мной не тронут.

Сказано было почти равнодушно. А казалось бы, должно было прозвучать гордо. С вызовом.

— Ты только что лежала на полу без сознания. Какие могут быть прогулки?

— Хочешь вернуться к своему другу?

Обменялись ударами, что называется. Но она права:

— Хочу.

— Тогда идем. Потом как-нибудь отблагодаришь.

* * *

Конечно, её зашатало. При выходе под яркие солнечные лучи.

— Может, предложишь даме руку?

— Локтя хватит?

Ладошка оказалась узкой и невесомой, зато горячей.

— Тебя лихорадит?

— Это пройдет.

Надеюсь. Не хватало ещё и мне подхватить заразу. Будем тогда лежать с Хэнком рядышком. Только заботиться о нас будет некому.

— А зачем тебе к собору?

— Не к собору, а в собор.

— Молиться?

Когда ничего другого не останется, может, и поболтаю с Господом. Хотя, смысла нет: Он и так все видит. Если находит время присмотреться.

— Хочу поговорить с падре.

— В церковном приюте твоему другу не станет лучше, — авторитетно заявила девица. — И там ему не дадут «кровь Жожо».

— Почему? Она же помогает, как ты говоришь.

— Потому и не дадут. Не богоугодное зелье.

— Ещё скажи, колдовское!

Она повернула голову и посмотрела мне прямо в глаза. Твердо. Решительно. Вот теперь — с настоящим вызовом.

— Те, кто не верит в чары, не получают от них пользы. Помни это.

Да, эффект плацебо ещё никто не отменял. Согласен. Но у всего и всегда находится вполне понятное объяснение, а потому незачем приплетать к месту и не к месту всякую сверхъестественную чушь.

— Зачем мне верить? Не я же болен.

— Ты должен верить. За вас двоих. Потому что сейчас твой друг находится за границами этого мира. И если хоть на миг усомнишься...

Зловещий тон усилился до предела, чтобы оборваться, обозначив паузу. Очень похожую на театральную. Ладно, подыграем. Не будем портить чужое представление.

— Не усомнюсь.

— Хорошо.

Меня похвалили? Вряд ли. Скорее, похлопали по голове, как собаку, выучившую очередную команду.

Странная она, эта девица. Почему-то кажется, что её общество куда опаснее, чем шанс встретить пресловутых «гиен» или прочую местную шушеру. А впрочем, не обманула: несколько парней разбитного вида, встретившихся нам на пути, не сделали попытки приблизиться. Зато каждый из них, без исключения, изобразил один и тот же непонятный жест. С вариациями, конечно, на свой лад, но легко узнаваемый.

Ладонь, сжавшаяся в кулак. Ноготь большого пальца, прикоснувшийся к губам. Они все делали так, люди с недобрыми лицами, провожая нас взглядами. И все-таки не двигались с места, а значит, бесстрастная уверенность моей спутницы имела под собой основание. Весьма веское.

Последние годы я видел площадь перед собором только в дни торжественных месс, заполненную народом, и успел забыть, что она похожа на чашу огромного бассейна. Не такая ослепительно белая, как высокие стены храма, скорее цвета слоновой кости. Зато искристая. Сверкающая под лучами солнца. Сушая ерунда, всего лишь крупинки кварца в

каменных плитах, но кажется, будто шествуешь по сияющим небесам к высшему престолу...

Свет оборвался за порогом. Как всегда.

— Дитя моё, что тебя привело?

Поцелуй в лоб. Теплое объятие крепких ладоней.

— Неужели снова случились...

Падре Мигель осекся, словно только сейчас заметил моё присутствие. И посмотрел вопросительно. Но не на меня. На девушку.

— Тебе есть, что мне рассказать?

Она кивнула. Не слишком охотно и все же послушно.

— Пойдем. Вы нас извините?

Я тоже кивнул. Правда, без особого послушания. Все равно ничего другого не оставалось.

Внутри было пусто и тихо. Красота убранства доступна обзору от начала и до конца лишь в такие часы. Без людей. Величественная. Отрешенная. Совершенная. На её фоне кто угодно показался бы преступлением против идеала. Даже...

Я редко видел, чтобы она молилась. Да, присутствовала, шевелила губами, склоняла голову, но больше играла, чем жила разговорами с Господом. А женщина, которая сейчас сидела на скамье прямо напротив алтаря, явно была погружена во что-то, недоступное никому, кроме двух искренних собеседников.

Непрозрачная шаль, стекающая по плечам. Простое платье, безо всяких узоров и украшений. Руки, сложенные перед грудью, ладонями принимающие неразборчивый шепот. Нитка четок, свисающая вниз. Старая-старая, но вряд ли имеющая художественную ценность. Принадлежащая вовсе не сеньоре Элене-Луизе Линкольн, а её личной служанке по имени Консуэла.

Приглядывающая за Генри мулатка была очень набожной особой, в отличие от своей хозяйки. Конечно, она поделилась бы своим молельным инструментом, хоть по просьбе, хоть по приказу, но зачем маме вдруг вообще понадобилось...

Совість проснулась? Хорошо бы. Вот только не поверю, пока сам не узнаю.

Я не старался ступать бесшумно. Скорее наоборот, намеренно обозначал шаги. Только напрасно: на меня не то, что не обернулись, даже не подняли голову, и это выглядело странным. Елена-Луиза всегда была начеку, если можно так выразиться. Внимательно наблюдала за малейшими событиями, происходящими вокруг. Наверное, тщательно воплощала в свою жизнь истину: «Кто владеет информацией, то владеет миром». Но сейчас женщина, к которой я приближался с каждой секундой, казалась...

Ну да. Беззащитной. А ещё беспомощной. То есть, человеком, один только чей вид отчаянно кричит: «Прошу, не причиняй большей боли!» Но мне тоже вдруг стало очень больно, и поэтому я сказал, останавливаясь над мамой:

— Прости её, Господи, ибо она согрешила.

Хрупкие пальцы стиснули бусины четок так, что раздался треск, и белокурая голова наконец-то поднялась. Медленно-медленно. Не угрожающе, как бывало раньше. Робко. А глаза взглянули...

С надеждой.

Она никогда не смотрела на меня с этим чувством. Ни разу. В прозрачной синеве могло найтись всякое, от усталости до злобы, но только не что-то настолько светлое. Почти обжигающее.

— Вы знаете?

Первые слова прозвучали едва слышно. Прошуршали сквозняком, который тут же начал превращаться в ураган.

— Вы что-то знаете?!

Она не поднялась со скамьи. Так и глядела снизу вверх.

— Вы скажете мне? Скажите, умоляю вас!

Я помнил эту женщину всю свою жизнь, а теперь не мог узнать.

Распахнутая настезь. Душой и телом. Она не просто где-то вдруг растеряла всю свою защиту, так бережно и настойчиво создаваемую день за днем: она не хотела больше ни от кого защищаться. Не нуждалась в замках и оградах.

— Скажите! Если вы знаете хоть что-нибудь... Вы же не промолчите?

Рухнула на колени. Наверняка, больно ударилась, но словно не заметила падения. И ухватилась за меня. За мою одежду.

— Скажите, умоляю!

Это не было притворством. Не могло быть. Даже если мама все просчитала и велела обеспечить отсутствие свидетелей неподобающего поведения первой дамы Санта-Озы, она никогда и ни за что не стала бы так... Унижаться?

Нет. Женщина, с мольбой и надеждой глядящая на меня, не унижалась. Она вообще не задумывалась о том, что делает и как все это выглядит. Она следовала зову сердца. Вот только звала не меня.

— Прошу вас...

Дорожки слез на щеках. Настоящие. Должно быть, соленые. Захотелось протянуть руку, прикоснуться, провести по ручейкам тыльной стороной ладони, смахивая капли прочь.

Она никогда не плакала в чьем-то присутствии. Следила, чтобы никто не увидел её слезы. Я мог только догадываться. По приглушенным дверью всхлипыванием, по насквозь мокрым платкам. И чтобы сейчас, здесь, прямо передо мной...

— Прошу...

Пальцы разжались. Я дернулся вперед, пытаюсь подхватить маму, но не успел: падре Мигель оказался проворнее.

— Успокойтесь, сеньора. Вам нужно успокоиться, как можно скорее. Никто не должен видеть вас в таком...

— Этот человек, он знает, что случилось!

Пожалуй, знаю. Только, к сожалению, не понимаю, что именно и как произошло.

— Он знает! Он может сказать!

— Дочь моя, тише, тише... Все хорошо... Конечно, он скажет, но сначала вам следует успокоиться. Вот, — рука падре нашарила и вытащила на свет божий пузырек с какой-то жидкостью. — Отпейте немного, это поможет.

Хотела она или нет, Мигель был сильнее. И настойчивее, потому маме пришлось уступить и проглотить несколько капель. Не больше, чем я дал той девице. Результат, правда, оказался совершенно другим: Елена-Луиза глубоко вздохнула и мирно обмякла на руках падре.

— Вам лучше уйти, молодой человек.

Молельная скамья — не самое подходящее место для отдыха, даже с подложенными под голову коленями священника, но можно было быть уверенным: супруге сенатора сейчас ничего не угрожает. Вся угроза направлена в другую мишень. На меня.

— Что с ней?

— Сеньора Линкольн переволновалась. По вашей вине, как я понимаю. Что вы ей сказали?

— Ничего особенного. А что она хотела от меня услышать? Так отчаянно просить... Что-то важное?

Мигель скорбно провел ладонью по светлым локонам, выбившимся из-под шали.

— В душе этой женщины нет покоя.

— Почему?

Он поднял взгляд, но не на меня. На распятие.

— Если бы я мог понять, то смог бы и помочь... Но ваше любопытство неуместно. Я уже просил: уйдите. Если что-то в вашем облике расстроило сеньору, ей лучше проснуться без вас поблизости.

В моем облике? Это вряд ли. Глаза мамы смотрели не на сына. На кого-то чужого. И что хуже всего, этому «чужому» отдавалось во сто крат больше чувств, чем когда-то собственному ребенку.

Смешно, но сегодня мы оба не узнали друг друга. Она — потому что забыла. Я — потому что помнил. Помнил совсем другого человека.

— Если вы хотели поговорить со мной или с богом, пожалуйста, ради этой женщины... Придите позже. Я выслушаю вас, если пожелаете, в любое время. Только не сейчас.

— Хорошо. Я уйду.

— Благодарю вас, вы добрый человек!

А Хэнк всегда говорил иначе. И наверное, мне следовало бы сейчас оказаться именно злым, чтобы взять падре за грудки, вывалить перед ним всю историю, с самого начала, а потом или требовать с кулаками, или самому бухнуться на колени и просить, просить, просить... Так же безуспешно, как мама?

— В любое время, когда пожелаете. И если назовете мне свое имя, я помолюсь за вас сегодня же.

Я подозревал, что он меня тоже не узнал. Ощущал неосознанно. Видел по его взгляду. Но если бы не услышал последнее предложение, мог, по крайней мере, продолжать надеяться. На чудо, которого не случилось.

— Как-нибудь в другой раз, падре.

— Простите, что запамятовал. Годы берут свое.

Запямятовал. Забыл, то есть. Да так прочно, что...

Гулкая тишина нефа ударила по ушам и взорвалась где-то внутри черепа хриплым карканьем в ночи. «Тебя забудут все и навсегда. Те, кто видел тебя, и те, кто только слышал твоё имя». Она ведь говорила именно это, странная девчонка в саду «Каса Конференсия». Словно пророчила. Или...

Нет. Бред. Ерунда. Проклятий не бывает в природе. Вся эта придуманная чепуха действует только на тех, кто в неё верит. Вот как замухрышка с этим... Жожо. Пусть верит, её право. Но не моя же обязанность?

«Забудут!»

Она могла что-то знать о готовящемся покушении, если не сама его исполняла. Могла знать, что всю информацию о моем существовании сотрут из баз данных. Но живая человеческая память... Как?!

Психотропные средства? Чудодейственные таблетки, вычеркивающие из жизни целые

годы? О таком сплетничают. И даже находят подтверждения своим теориям, когда обнаруживается очередной потерявшийся во времени и пространстве бедняга. Есть только одна небольшая проблемка. После подобного химического вмешательства в работу мозга, если оно, конечно, состоялось на самом деле, человек обычно если уж не помнит, то не помнит все. Вообще все: лица, голоса, имена, названия. Но падре явно в курсе, что за женщина лежит у него на коленях. И отговорка насчет возраста ничего не стоит, ведь между нашими встречами, прошлой и нынешней, прошел не век, а всего ничего.

Он не помнит только меня. Меня одного. И она не помнит. И сенатор. И Петер, с которым мы встречались не реже раза в неделю, начиная с моих двенадцати лет. И охрана на воротах, натасканная, чтобы фиксировать в памяти лицо любого человека, прошедшего мимо них.

«Все и навсегда».

Площадь была по-прежнему пуста и чиста. Как небо над Санта-Озой триста дней в году. Сияла, слепила взгляд, звала пройти, подмигивала своими кварцевыми глазками.

— Эй, ты что, забыл про меня?

Она снова повисла на моем локте. Нелепым, но необременительным грузом.

— Ну как, поговорил, о чем хотел?

— Нет.

— Передумал?

— Вроде того.

— И правильно! Ему будет лучше дома. Среди людей, которые любят и ждут.

Любят? Я даже не знаю толком, что за человек лежит сейчас без сознания в дряхлом доме дряхлого хозяина. Он ведь может оказаться кем угодно. Просто случайным прохожим, которого подставили, чтобы окончательно сбить меня с толку, организовывая...

Да ну, зачем продолжать обманывать себя? Ничего не было. Никакого покушения. Кому я был нужен, и тогда, и сейчас?

Но жду, это правда. Мне нужно убедиться. Потянуть за последнюю ниточку. Если и она оборвется, придется поверить в невозможное. В то, что в один ужасный момент весь мир моргнул, а когда вновь распахнул веки, меня прошлого в настоящем не оказалось.

— Пойдем с солнца. А то голова заболит.

Чему там болеть-то? В моей голове точно нечему. Вот грудь ноет, потому что я все время неволью задерживаю дыхание. На каждом шаге.

— Не беспокойся, с ним все будет хорошо.

И не думал беспокоиться по этому поводу. Мне важно, чтобы коматозник очнулся, и только. Важно выяснить, кто он и кем я являюсь для него. А хорошо нам обоим потом будет или плохо...

— Не беги так!

Я просто иду. Из ниоткуда в никуда. Мимо глухих стен и закрытых ставен.

Город кажется вымершим. Не слышно почти никаких звуков, а те, что все-таки доносятся издалека, невозможно опознать. То ли гул, то ли шорох. Как будто шумит вода. Много воды.

Океан? Да, он где-то там, в той стороне. За нашими спинами. А далеко впереди, так далеко, что отсюда не разглядеть, на склонах Сьерра-Винго перешептываются между собой ветра, облетая... Да, они и туда должны заглянуть. В новый дом, который был моим только сутки или около того. Дом, который обещал будущее. Возможно, не настолько блестящее, как мне хотелось и мечталось, но уж точно противоположное наступившему настоящему.

— Здесь всегда так тихо?

Она отвечает не сразу. Потому что не понимает вопроса.

— Где ты нашел тишину?

— Везде. Вокруг. Словно все вдруг взяли и умерли.

— Ты точно чужой. Сейчас же время сиесты! Самое жаркое солнце и самые сладкие сны.

Вилла Альта не знает такой традиции, потому что защищена от палящих лучей многими ярусами вечнозеленого леса. Тем, кто там живет, не нужно прятаться снова и снова, день за днем. Они не сверяют свое расписание с капризами природы. Они сами себе хозяева. Хозяева собственной жизни.

— Вечером все станет совсем другим. Не веришь? Я зайду за тобой. Жди.

Только это мне и остается. Снова и снова. Ждать.

Папаша Ллузи все так же сонно качается в гамаке, изредка что-то бормоча. А может, похрапывая. Впрочем, вереница бутылок явно подвергалась инспекции в моё отсутствие: часть переставлена с места на место, часть и вовсе опрокинута. Хорошо, что на полу лежат пустые посудины, иначе в доме было бы совсем не продохнуть от перегара.

Хэнк по-прежнему спит. Или бодрствует. В мирах, отличных от моего, но похоже, не менее кошмарных, если судить по испарине на лбу. Воды в бурдюке ещё достаточно, значит, подошел черед нового омовения.

— Ты есть, Господи. Ты просто обязан быть. Далеко, высоко, глубоко — неважно. Но черт подери, куда Ты сейчас подевался? Кому передал бразды свои? Какому ангелу, рехнувшемуся от такой чести? Все полетело кувырком, Господи. Рухнуло. По Твоей воле? Не верю. Если это наказание, то за что? За старые грехи? Тогда оно запоздало. За новые? Но я ещё не успел их наделать. Нет, это был не Ты. Кто-то, почти равный Тебе по силам. Кто-то, возомнивший себя Тобой. И когда Ты вернешься на свой престол, выскочка получит по заслугам. Это все, о чем я прошу. Остальное... Оставь его рукам человеческим. Ты ведь всегда так поступаешь, я знаю. Мы оба знаем, Господи.

Оно могло бы быть карой. Случившееся. Карой за дела минувших дней. Но если Он вдруг захотел меня наказать таким образом... Значит, сошел с ума. Обо мне забыли, ведь так? Меня нет в прошлом всех людей, с которыми я когда-либо мог встречаться. И что получается? Я теперь чист так же, как и их память. Можно сказать, безгрешен. Убийство осталось, но истинный убийца забыт. Стерт с лица мира. Позади меня ничего нет, ни дурного, ни хорошего. Правда, и впереди...

— Я хочу, чтобы ты очнулся, Хэнк. Открыл глаза, посмотрел на меня, сказал: «Привет». И я больше всего на свете боюсь, что ты очнешься. Очнешься и скажешь: «Я тебя не знаю». Спрашивается, почему? Это было бы удобно, правда, начать заново? Сколько людей мечтает о подобном даре! А я получил. Совершенно бесплатно и в полной мере. Только, знаешь... Мне-то не хотелось ничего стирать.

Потому что гордился собой? А почему бы и нет? Виноватым себя уж точно не чувствовал. Может и зря. Может, надо было каяться. Но я не жалею о своих поступках. Они... Выдающиеся. Замечательные. По-настоящему мои, а не подсказанные кем-то посторонним.

— Я буду ждать, Хэнк. Сколько понадобится. Мне все равно больше нечем заняться.

В доме и впрямь стало теплее. Хотя, казалось бы, куда больше? Ну да, крыши тонкие, без многослойных мембран, нагреваются за считанные минуты, а потом только и делают, что отдают тепло внутрь. Если бы не сквозняки, было бы вообще нечем дышать.

— Это так странно, смотреть в глаза тому, кого знаешь с детства, и понимать, что ты

для него не существуешь. Не страшно, нет. Обидно. Ты тратил столько времени и сил, чтобы запомниться кому-то, и все впустую... Все зря.

Кресло заскрипело под моим весом. Потревоженная пыль вспорхнула в воздух вместе с незнакомым травяным ароматом. Вчера здесь пахло только запустением, откуда же... А, понял. Девица. Провела здесь всего несколько минут, а территорию уже пометила. Дитя природы, что с неё возьмешь.

— Есть ещё объяснение. Конечно, за него я возьмусь в последнюю очередь, но... Я ведь мог просто сойти с ума. Под таким жарким солнцем — неудивительно. И напридумывал себе всякой всячины. А потом вдруг очнулся. Вернулся к реальности. Это можно проверить. Думаю, даже без особых проблем. Но только в крайнем случае стану так делать. Пока ты спишь, остается шанс на то, что прошлое было все-таки правдой. Теперь понимаешь, почему я боюсь взглянуть в твои глаза снова?

Есть один способ оставить все, как мне захочется. Накрыть лицо Хэнка подушкой и надавить посильнее. Тогда он не сможет проснуться и разрушить мой мир ещё раз. Но это ещё более крайняя очередь. На самом краю, с которого вперед будет только один шаг. Последний в жизни.

— Я боюсь, Хэнк. Только ты не бойся. Пожалуйста.

* * *

«Это было странно сознавать, но мир действительно стал многополярным, в мгновение ока. Политики всех стран так долго и безуспешно бились за передел сфер влияния и установление системы противовесов, а природа решила проблему легко и изящно, снова выдвинув на первый план идею божественного провидения. На радость воспрявшим от спячки и тут же расплодившимся сектам.

Ученые объяснили суть последствий случившегося катаклизма. Не сразу, разумеется, а потратив миллиарды денежных знаков всех видов и достоинств. А вот о причине умолчали. Возможно, это был один из их очередных безумных экспериментов по управлению магмой или что-то в этом роде. Но не думаю, что хотя бы один из слюнтяев в белых халатах мог предположить, что произойдет.

Расщепление ядра. То ли наперекор законам физики, то ли в строгом соответствии с ними. И вместо единого центра — россыпь бусин. Нам всем повезло, что система осталась устойчивой. Хотя... Возможно, вовсе и не повезло.

Волнения начались не сразу. В первые дни было не до социальных протестов и прочих выступлений: все силы уходило на борьбу с природой. А вернее, на попытки спастись от её гнева. Пыльные бури, просто бури, ураганы на воде и на суше, обрушения конструкций, рукотворных и существующих сами по себе, аварии, катастрофы... По миру словно прокатилась волна нового Потопа. Правда, стихла она намного быстрее, не успев настроить человечество на совместные действия. Или не собиралась этого делать?

Каждый из нас готов защищать свой дом, хоть с оружием в руках, хоть без. Но как быть, когда претендентов на твой клочок земли вдруг становится не пять и не десять, а несколько сотен, если не тысяч?

Они были виновны лишь в том, что хотели жить дальше, но природа решила по-своему, поставив незримые границы там, где их никогда не было и быть не могло. Говорят, что

первый исследователь, который построил модель нового магнитного поля нашей планеты, умер от восхищения. А второй — от ужаса. Потому что Землю накрыло паучьей сетью, в которой все мы должны были запутаться намертво.

Каким-то территориям с диапазоном напряженности повезло больше, каким-то меньше. Люди же... Пострадали все без исключения. Каждый получил свою дозу яда. И можно только благодарить судьбу или высшие силы, если они все-таки существуют, что противоядие было открыто достаточно быстро, пока не началась война всех против всех.

Простая процедура по наблюдению внутренних органов. Крупицы синтезированного вещества с заданными характеристиками и, главное, поведением. Чуть ли не студенческая курсовая работа, результаты которой оказались настолько же гениальны, насколько естественны и понятны. Разумеется, первенство получил вовсе не создатель, а тот, кто смог увидеть невероятную пользу в колонии биомолекулярных роботов... Так случается всегда, но победителей, как известно, не судят.

Вакцинация стала самой массовой в истории человечества. И она дала эффект, ощутимый, быстрый, надежный. Но кусочек сыра — всего лишь приманка в мышеловке. Та, ради которой готовы были рискнуть все? Да. Только выбравшись из одной сети, мы сразу же попали в другую.

Вот эти исследования потребовали уже намного больше времени и приложений ума, когда выяснилось, что вакцина работает исключительно в диапазоне напряженностей магнитного поля той территории, где человек собственно и получил первичную медицинскую помощь. Что получилось? Разделение на своего рода «бедных и богатых», какого ещё не знала цивилизация. Те, кто вакцинировался в более северных областях, поближе к полюсам, обрели возможность без последствий перемещаться практически по всей планете. Те, кто жил южнее, оказались заперты в экваториальной полосе. Как тогда казалось, пожизненно...»

(Из мемуаров Марианны Локк, министра внутренних дел Европейской Федерации)

* * *

Она пришла, когда я уже проснулся. Пришла в сопровождении сумерек.

— Готов?

В каком-то смысле, да. Початая бутылка, стянутая из винной коллекции хозяина дома, помогла забыться. Жаль, ненадолго. И жаль, что сняв тяжесть с сердца, переместила её повыше. В голову.

— Пошли, увидишь настоящую Низину!

Глаза б мои на неё не смотрели. И на эту беспокойную де...

Под ажурной шалью почти ничего не было. В смысле, надето. Короткая маечка и волан, начинающийся намного ниже пупка, а заканчивающийся высоко над коленями. Все. Даже если учесть, что отсутствие округлостей позволяло девице с тем же успехом выйти на улицу хоть голой... Меня все равно передернуло.

— Ты на подработку собралась, что ли?

Шлеп!

Так и думал, силы в тоненьких руках нет. Но кожа на щеке все-таки немного горит.

— Ты уж извини, но выглядишь так, словно собралась себя предлагать. Каждому, кто

захочет.

— А если и собралась, то что? Держи свои соображения при себе!

— Да пожалуйста.

— И пошевеливайся! А то передумаю.

Это было бы славно, кстати. Подарило бы пару часов покоя.

— Прямо так и пойдешь?

— Что, выгляжу хуже тебя?

Она снова замахнулась. Но передумала. Я ведь встал из кресла и оказался выше, чем можно было легко дотянуться.

— Ладно, дело твоё. Только в таком к людям выходить стыдно.

— Тебе или мне?

Отвернулась, оскорбленно фыркнув. Запахнула шаль плотнее.

— Не обязательно это делать, если не хочешь. Я же не просил.

— А я уже решила!

Малявка с норовом, что называется. Только непонятно, почему так вцепилась в меня. Парней здесь разве мало? По-моему, совсем наоборот. Во время прогулки видел достаточно. К тому же, они свои, родные, а я — чужой. От меня шарахаться надо.

— Ну, если решила...

— Идем уже!

Быстро она привыкла хвататься за мой локоть. Как будто всю жизнь этим занималась. И повисла сильнее, чем днем. Опять приболела или от прежнего приступа ещё не отошла?

— Тебе точно плохо не станет? А то упадешь по дороге.

— Что, не удержишь?

Странное ощущение от взгляда. Вроде вызывает на драку, но одновременно кричит: «Я же вся такая слабая и беззащитная! Неужели ты этого не видишь?».

— Лучше не падай.

Шумно выдохнула и, сопя, потащила меня к двери. Обиделась, что ли?

Здесь ночь наступала не так, как в предгорьях. Не падала ножом, отрубая светлое время суток от темного, а ползла к океану, прямо в сине-сиреневый горизонт.

— Что-то пока ничего не вижу.

Разницы, и правда, не чувствовалось. Что днем было пусто и тихо, что сейчас. Хотя... Или это просто ветер шалит?

— Знать надо, где искать! — сообщили мне, увлекая в узкий простенок.

Вот там было уже совсем темно и немного жутковато, но чернота после очередного поворота резко оборвалась гирляндой фонариков, бросающих разноцветные отсветы на лица. Их было много, и все они были разными.

Это только выходя на улицу, дома шурились ставнями и огрызались дверьми, а внутри квартала, в извилистом пространстве между строениями над головами нависали балкончики и галереи, аркадами уходившие в разные стороны, насколько хватало взгляда. Здесь не росли деревья и не были разбиты клумбы, зато стояли кадки с цветами, а по стенам вился плющ, чахлый, но все-таки живой. Здесь скрипели кресла-качалки и шипели угли жаровен. Здесь разговаривали и молчали, утопая в табачном тумане и терпком аромате фруктовых настоек. Здесь...

Здесь жили люди.

Над их головами неслись звуки хлопков по тугой коже барабанов, где-то поодаль

стучали маракасы, а совсем рядом с нами, но тоже скрытые из вида за телами и лицами, звенели гитарные струны и кто-то бесстрастно напевал:

— Враль-февраль закружил моё сердце надеждой,
Обещая, что нынче все будет, как прежде,
И апрель-дуралей обманулся со мной,
Вьюн-июнь ускользал, бередя мой покой,
А растяпа-сентябрь
Все потерял...

Надо же, почти про меня. Сейчас на дворе как раз сентябрь. Заканчивается. А веде
весной ещё верилось в лучшее.

— Теперь видишь, каков город на самом деле?

— Да, вижу.

— И... как он тебе?

Настырная. Знать бы ещё, почему. Ну что изменится от моего ответа? Зачем ей знать,
что я чувствую?

— Нравится?

Неспешные беседы под густо-синим небом, в котором одна за другой вспыхивают
звезды. Музыка, заставляющая сердце менять ритм. Взгляды, скользящие по лицу,
вопросительные, но не назойливые: мол, хочешь промолчать — молчи, мы не против, в
наступающей ночи тайной больше или тайной меньше, неважно. Кружка с крепким питьем,
словно сама собой возникшая в моих ладонях. Пряный дым над жарящимся мясом. Такой
аппетитный, что желудок выворачивается наизнанку...

— Есть хочется.

Мне показалось, что разговариваю сам с собой, но в ответ прозвучало оживленное:

— Я сейчас!

И девица юркнула между танцующими, оставив меня...

Одного?

Да, теперь это ощущалось в полной мере. Вокруг было много людей, и хотя никакой
угрозы не ощущалось, даже наоборот, но как только исчез вызов, пусть совершенно нелепый,
всего лишь в лице нахальной незнакомки, пропала опора. Ниточка между мной и миром. Он
был настроен то ли равнодушно, то ли дружелюбно, но весь он был «здесь», а я пребывал
«нигде».

На меня смотрели, меня касались, просто проходя мимо или ненавязчиво приглашая присоединиться к своей компании, но ни один человек на сотни миль вокруг ничего не знал обо мне.

А хочу ли я, чтобы узнали?

Все насмарку. Все зря. Учеба, навыки, манеры, привычки. Двадцать лет. Целых двадцать лет, посвященных созданию своего места в мире. И бесполезному доказательству того, что оно — моё. Отношения, опять же. Плохие, хорошие. Теперь ничто не имеет значения. Да, прежних врагов у меня больше нет, но и прежних друзей не осталось. Значит, все придется начинать сначала? Снова?

Я же знаю, как надо действовать. Учили, худо-бедно. Знаю, когда нужно промолчать, когда заявить о себе во весь голос. Могу определить, кому следует оказать поддержку, от кого лучше держаться подальше, а перед кем стоит поступиться принципами и гордостью, лишь бы не испортить отношения. Правда, на практике эти знания как-то не довелось применить полностью, но они есть. И если захочу, то в считанные минуты...

— Вот ты где! Решил познакомиться с окрестностями?

Сейчас, когда его можно было рассмотреть почти хорошо, парень, которого звали Эста, не производил ночного впечатления. Рослый, сноровистый, щеголевато одетый — для Низины, конечно, но вполне себе человек, а не таинственный предводитель уличной шайки. Даже казался бы красавчиком, если бы старый шрам через бровь не заставлял левый глаз вечно шуриться.

— Мне же не прописали домашний арест?

— Опасно уходить далеко от дома, если не знаешь город.

— У меня нашелся провожатый.

Он сощурил оба глаза. Наверное, прикидывая, кто бы вдруг взял на себя смелость или наглость вытащить меня на улицу. Но видно личность моего неизвестного спутника волновала Эсту меньше другой проблемы, потому что молчание завершилось предложением:

— Отойдем. Есть разговор.

Ага. Уберемся подальше от нечаянных свидетелей?

— А тут чем плохо?

— Там лучше.

Вот так. Доходчиво? Вполне.

— Если задумал подраться, не стесняйся. Бить морды всегда приятнее под аплодисменты зрителей. Или не пробовал ни разу на людях?

— Очень надо! — фыркнул он, а потом, понизив голос, пояснил: — Я бы на твоём месте лишний раз не выходил за порог.

И я бы с удовольствием сидел дома. Но вот ведь какая незадача: за водой надо таскаться на другой конец квартала, а от этой прогулки точно никуда не деться. Что же касается собора...

Я должен был туда пойти. Для того, чтобы обрести надежду или умереть. Окончательно и бесповоротно.

— Люди начнут задавать вопросы. Очень скоро. И что будешь отвечать? Придумал?

Он прав. Вопросы обязательно появятся. А воображение мне последнее время

отказывает. Даже не могу придумать, что же все-таки случилось.

— Пойдем, поговорим об этом.

Уходить со света, а главное, из ароматного облака съедобных запахов было жалко. С другой стороны, девица, похоже, пропала с концами, а взгляды прохожих, особенно после появления Эсты, становились все настойчивее.

— Веди.

Десяток шагов за пределы местной вечеринки, и вокруг снова разлилась тишина. Темная. Безысходная.

Узенькая скрипучая лестница подняла нас на галерею второго этажа не приметного дома. Хотя, все они в квартале были такие. Безликие. Сооруженные из всякой всячины, но одинаково... Нет, пожалуй, не убогие. Скорее, смиренные перед требованиями действительности. Смирившиеся со своим положением. Такие же потерянные, как я.

Нет ни малейшего смысла кому-то что-то доказывать и рассказывать. Они не помнят. Никто ничего не помнит. Моё имя — пустой звук. Лицо — чужое для всех. Можно выложить кучу подробностей о прошлой жизни, а что толку? Это вызовет только подозрения, но не узнавание. Я не смогу так вернуть то, что потерял. Вернее, то, что у меня каким-то непонятным образом украли.

— Проходи.

Очередная полутемная комната, половину освещения которой создает мерцающий экран переносного компьютера. У сенатора в распоряжении есть похожие «чемоданы», экранированные и защищенные с ног до головы, а потому громоздкие. Только на матовом металле корпуса этого устройства вытравлен значок Миграционной службы.

— Это тот самый парень?

— Да.

Оператор выглядел слишком щупло и нервно, чтобы нашу встречу можно было считать официальной, но дело знал: подключил датчики сканера, ни мгновения не путаясь в многочисленных проводках.

Наверное, процедура ещё до своего проведения должна была, по задумке Эсты, меня насторожить, напугать, заставить лгать и выкручиваться, а может, даже угрожать. В общем, проявить хоть какие-то чувства, полагающиеся человеку, который вдруг решил кардинально сменить место своего обитания, да ещё при столь странных обстоятельствах. А я вдруг подумал, что это мой последний шанс. Полицейская база, банковская: они все же иногда страдают недоработками. База мигрантов должна быть намного полнее. Самой полной из тех, что существуют, по крайней мере, в пределах Экваториального союза. И если даже в ней меня нет...

Сканирование прошло быстро. Куда быстрее, чем обмен данными с сервером. А когда и его время истекло, работник Миграционной службы слегка недоуменно, но отрицательно качнул головой:

— Ничего.

— Как так? — восторженно Эста, внимательно наблюдавший за мной.

— Никаких записей. — Оператор освободил меня от путаницы датчиков и хлопнул крышкой, закрывая компьютер. — Скорее всего, и не вносили.

— Спасибо.

— Будешь должен, Норвега! — палец, по жизни не касавшийся ничего туже сенсорных клавиш, мимолетно ткнулся в грудь моего спутника. — Выездной тест оборудования

выпадает на мою долю не каждый месяц.

— Сочтемся.

— Тогда до встречи.

И он ушел, человек с металлическим чемоданчиком. Но Эста остался. Долго стоял, глядя больше на опустевший стол, чем на меня, потом присел на освободившийся ветхий стул.

— Почему ты не занесен в базу?

Я бы тебе ответил, но не поверишь. Ни за что и никогда.

— На то есть причина.

— Конечно, есть! И я хочу знать, какая.

— Зачем?

— Ты, похоже, не понял... — Он придвинулся ближе, шаркнув ножками стула по полу. — Все эти люди — сами себе хозяева. Но только здесь, в Низине. И здесь нечего делать. Жить, и все. Если сможешь. Видел? Воды в достатке, это верно. А вот с едой все не так просто. Её выдают всем, но выдают по спискам. Ты должен быть в базе, чтобы что-то получить. Если же тебя нет в базе... Что ты собираешься кушать?

Кстати, об этом. О насущном. Когда я последний раз вообще что-то жевал? Больше суток назад. И жрать хочется все сильнее.

— Я знаю, что. Будешь красть у тех, кто слабее. Многие так делают.

— Зачем? Вы же все в списках. Паек, что ли, слишком маленький?

— Его можно продать, — мрачно подытожил Эста. — А то, на что есть спрос, всегда оказывается на прилавке. Или под ним.

Воруют, значит? А на пункте выдачи все всегда проходит чинно и благородно, сам видел. Те несколько раз, когда сопровождал сенатора в рабочей поездке. Но стоит лишь завернуть за угол, как человеческие лица превращаются в звериные?

— И я, по-твоему, тоже стану таким вором?

— Есть другой выход?

Наверное, нету. Хотя, как звучал один старинный девиз? «Грабь награбленное»?

— Не подскажешь имена воришек, знакомых тебе?

Он открыл рот, уже собираясь ответить, но быстро опомнился и снова сощурил оба глаза.

— Не смешно.

— А я и не шучу. Сам же сказал, что другого выхода у меня не будет. Так может, лучше воровать у тех, кто заранее нечист на руку?

— Воровство — грех.

Если следовать заповедям, да. Если пытаться выжить...

А надо ли мне выживать? Умирать не хочется, это точно. Только и для продолжения жизни особой причины нет. Все, что может держать меня здесь, это ожидание пробуждения Хэнка. Не надежда, нет. Просто последний долг, который нужно отдать. А когда он откроет глаза, посмотрит на меня растерянно или вопросительно, когда станет ясно, что один только я помню о себе... Нужно лишь протянуть до этого дня. Чтобы убедиться в худшем.

— Думаю, Господь меня простит. Когда дело дойдет до божьего суда.

По лицу Эсты явно было видно, что он о чем-то напряженно думает, прислушиваясь к моим словам лишь частично. И когда цепочка размышлений вдруг пришла к какому-то результату, раздался очень странный вопрос:

— Сколько тебе лет?

— Двадцать. Скоро исполнится двадцать один. Но почему ты спраши...

— Есть! Теперь все понятно!

Ну прямо-таки, ребенок, дорвавшийся до желанной игрушки. Или математик, доказавший сложную теорему.

— Что понятно?

— Если я спрошу, кто ты и откуда, не ответишь ведь?

— Не отвечу.

— И как я сразу не догадался!

Забавно смотреть на человека, считающего, что он совершил великое открытие. И немного завидно.

— У нас здесь живет один такой же бедолага.

Он что, меня жалеет? Это ещё почему?

— Конечно, ты будешь молчать. Он тоже очень долго молчал, прежде чем признался.

Торжествующий вид действует на нервы не хуже прямого оскорбления. Но морды бить пока все-таки рановато.

— Признался в чем?

Эста откинулся на спинку стула, сияющий и одновременно почему-то слегка виновато улыбающийся.

— Мы не сразу поверили. Дикость же... Почти преступление. Но когда денег много, можно делать все, что захочешь.

— Например?

— Я понимаю, для тебя это больно. И ты ничего не мог сделать, даже если бы знал, чем все закончится.

Больно, да. Но если кто-то сейчас не начнет говорить яснее, больно станет уже ему.

— Что закончится?

Он взмахнул ладонями:

— Не беспокойся! Никому не скажу, если не хочешь. А все-таки... Кто это был? Ну хоть намекни!

Когда ни черта не понимаешь происходящее, остается только промолчать. И соорудить грозную мину. На всякий случай.

— Не можешь сказать? Ну и ладно. Все равно требовать компенсацию бесполезно, потому что никаких следов нет.

Нет следов?

Или он что-то знает о случившемся, или удачно прикидывается. Но этот танец вокруг да около уже начинает надоедать.

— Чего я не могу сказать, по-твоему?

— Они пригрозили, да? Ты ведь сбежал, это сразу видно. И возможно, тебя будут искать. Хотя... Им, наверное, проще забыть о твоём существовании.

— Кому им?!

Только когда я разъяренно навис над столом, Эста снизошел до конкретики:

— Твоим опекунам. Как они обычно себя называют. Заводят себе ребенка вместо игрушки или зверушки, а когда он вырастает, выбрасывают прочь. Потому и нет никаких записей в базе: тебя взяли ещё совсем маленьким, до первого срока регистрации.

Вот у кого воображение работает. Фантазия, можно сказать, зашкаливает. Видимо,

парень не в курсе, что рабство находится под запретом, особенно на экваторе, как старейшей родине этого постыдного для человеческой культуры явления. Что творится в других частях света, трудно сказать: официальные новости редко сообщают правду. Союза тот же. Возит куда-то людей, значит, не все так благостно. Но в Санта-Озе и других городах... Нет, невозможно. Сенат бы такого не допустил.

— Но конечно, такими вещами балуются, скорее всего, на самом верху. И в первых рядах там, наверное, сенатор и...

Воротник его рубашки трещал в моих пальцах под весом тела, пока ноги не нашли опору.

— Ты ничего не знаешь о сенаторе.

— А ты? Знаешь?

Он не испугался. Но и не рискнул дергаться, пока я не убрал руки.

— Все, больше спрашивать не буду. Можешь молчать, сколько влезет. Лады?

Сделал кучу неверных выводов? Естественно. Только бесполезно их опровергать: все ещё больше запугается.

— Мне, правда, жаль, парень. Никто не должен жить, как вещь.

— Я не был вещью.

— Да, да, понял! Они были хорошими хозяевами, если ты так их защищаешь. Просто однажды оказалось, что ты им больше не нужен. Вот и все.

Звучит дико, но... Это ведь почти правда. Вердикт был именно таков: не нужен. Невыясненным остается только одно. Кто и каким образом привел приговор в исполнение.

— Думаешь, тебя ищут? Если да, то...

— Уфф, еле нашла... Ну ты и спрятался!

Шаль болталась уже где-то под мышками, выставляя на обозрение угловатые голые плечи. Должно быть, сползла во время бега. Зато щеки разругались. И вообще, по сравнению с утром и днем девчонка стала выглядеть здоровее. Почувствовала себя лучше? Ну и хорошо. Значит, не придется завтра таскать для неё воду.

А это что за сверток? Пахнет съестным. И ещё как пахнет!

— Лил?

Она вздрогнула, услышав голос Эсты. И застыла на месте, не сводя глаз с моего лица.

— Ты ходил с ней?

Вопрос ко мне?

— Да.

— Не стоило этого делать.

— Почему? Она любезно согласилась проводить меня к...

— Все пути рука об руку с ней ведут не туда, куда тебе захотелось бы попасть.

— Ты о чем?

— Эта девушка...

— У тебя свои дела, у меня свои, Эстебан Норьега. И о моих ты будешь молчать.

Она не повысила голос, даже наоборот. Говорила тихо, спокойно, уверенно. Но я мог видеть её глаза ясно, как никогда, и в этих глазах вдруг мелькнули...

Слезы?

— Ты будешь молчать.

Сверток полетел на стол, раскрываясь, а девица шагнула назад, в тень дверного проема, и только за порогом повернулась к нам спиной, чтобы тут же растаять в ночи. Под еле

слышный топоток по ступенькам.

Кусочки мяса и неопознаваемых овощей, залитые соусом и завернутые в лепешку. Чертовски едко на вкус, жирно, приторно, грубо. Но от еды я не собирался требовать большего, чем насыщение. По крайней мере, сейчас.

— Если ты станешь есть из её рук...

— Я сказал, что голоден, и она меня накормила.

Эста хмыкнул. Неодобрительно.

— Ты пока не понимаешь. Не знаешь всего.

— И не собираюсь узнавать.

— Зря. Ты смелый парень, это я видел. Но есть вещи, которых стоит опасаться даже самому смелому человеку на свете.

— Так скажи прямо, в чем дело.

Черноволосая голова нерешительно качнулась.

— Ах да, она же приказала тебе молчать. И ты послушаешься девчачьего приказа?

— Моё дело предупредить.

Эста двинулся к выходу. Пришлось ловить за руку. Испачканными в соусе пальцами — других не было.

— Эй, куда собрался? Не спеши.

— Чего ещё?

— Я плохо знаю город, как ты и говорил. Так что, тебе придется меня проводить. К дому этого... Папаши Ллузи.

Он молча покосился на рукав, по которому постепенно расплывалось жирное пятно.

— Мою подружку прогнал? Прогнал. Значит, сам потрудишься.

— Это мы ещё посмотрим. Или забыл, чем вчера все закончилось?

Нет, у меня память, к сожалению, не девичья. Забыть не смогу. Только и слишком большого значения вечерним детским играм придавать не буду.

— Потрудишься, куда денешься? А иначе буду заходить в каждый дом, куда пустят, и рассказывать всем, какой Эстебан Норьегга плохой хозяин.

— Никогда ни в чем не знал отказа, да?

Эх, если бы ты только мог поверить... Я бы рассказал. Все как на духу. Мне мало отказывали, это правда. Но однажды и навсегда отказали в главном. В жизни, которую я хотел прожить по-своему.

* * *

Следующее утро пришло раньше предыдущего. В смысле, сон уже не стал жадничать, как в прошлый раз, и позволил стряхнуть себя задолго до полудня.

Низина сразу после рассвета мало чем отличалась от себя самой дневной. Пусто. Тихо. Разве что воздух казался чище. Наверное потому, что пыль, на восходе смоченная пришедшим с моря туманом, ещё не успела подняться и хрустко скрипела под ногами. То ли жаловалась, то ли ругалась на кого-то, не щадящего чувства ближнего своего.

Дверь была закрыта, когда я проходил мимо. Дверь её дома. Слишком раннее время? Возможно. Или все-таки обида? Но кто мог знать, что у девицы, которую называли «Лилл», и сеньора Норьегги между собой столь натянутые отношения? Я бы тогда не пошел с ним. Или

с ней. Хотя... Это их личные дела. Не мои.

С Хэнком все оставалось по-прежнему. Без видимых изменений, и как раз это слегка успокаивало.

Его беспамятство давало мне время. Не знаю, для чего именно, но если ещё вчера внутри все тряслось, пугая неизвестностью берега, к которому наконец прибьет лодку, то уже ночью шторм явно начал затихать. Потому что оставалась всего одна ниточка, ведущая в прошлое, и та призрачная. Годная лишь на то, чтобы не дать воздушному шару надежды окончательно сорваться с привязи.

Никаких баз. Никаких упоминаний. Никаких знакомых, способных меня опознать. Замечательно! А главное, никаких шансов докопаться до истины. Ведь даже если кому-то и было поручено провернуть всю эту странную операцию по изъятию Франсуа Дюпона из существующей реальности, то и он, скорее всего, не сохранил об этом никаких воспоминаний. Вместе с остальным миром. Удобно, черт подери! Самый лучший способ замести следы.

Вечернего перекуса явно было недостаточно: желудок заурчал, едва проснулся вместе со мной, и несколько глотков горячей воды не смогли обмануть его надолго. Тщательный обыск кухни ничего не дал. Остатки кофе, и все. Конечно, лучше начинать день с него, а не с пахучего рома, которого в избытке водилось в хозяйской комнате, но чувство голода этим вязким горьким варевом тоже не притуплялось. Отвлекись бы хоть чем-нибудь...

Остатки кофе полетели в кружку, готовясь к короткому путешествию — вместе со мной на свежий воздух. На балкон, кособоко прилепленный к дому, неизвестно за какой надобностью. Пейзаж от увеличения высоты наблюдения над уровнем моря привлекательнее не стал: те же крыши, те же стены. Немного больше неба, это да. Незамутненно-голубого. И немного больше обзора для того, что происходит вокруг. Например, отличная возможность проследить за приближением незваного и неожиданного гостя.

— Утренняя чашечка кофе?

Меня Эста заметил раньше, чем я его. Но оно и понятно: вряд ли пьяница, не вылезающий из гамака, хоть иногда появлялся на своем балконе, а тут вдруг привычный натюрморт дополнился живым участником.

— Хорошо смотришься.

Хлопнула входная дверь. Заскрипели ступеньки, а значит, пришла пора возвращаться в дом.

— Больше пить нечего. Только выпить. Знал бы, что придешь, оставил бы тебе порцию.

— Спасибо, я уже покофейничал. За завтраком.

И правда, выглядел он бодро. Должно быть, проснулся ещё до рассвета.

— Вот. Это для тебя.

На стол, шурша и шелестя, плюхнулся бумажный пакет.

— Что там?

— Сам взгляни.

Хм. Еда?

Фасоль. Кукуруза. Чечевица. Бутылка масла. Сушеный перец. Мука. О, и кофе тоже. В зернах. Ну это ничего, мельницу я сегодня уже опробовал. Правда, за каким чертом он...

— Гуманитарная помощь беженцам?

— Принес, что смог. С мясом сложнее будет.

Ещё и извиняется? Как-то утренний Эста не слишком сочетается с Эстой вечерним. В какое-то из времени суток играет роль? Пусть. Лично я покупать билет на его бенефис не собираюсь.

— Зачем?

— Что «зачем»?

И правда, не понимает моего удивления. Мне, в свою очередь, тоже кое-что непонятно.

— Кого ограбил?

Оба глаза угрожающе сузились до щелок.

— Это из дома.

— Значит, семью оставил без пропитания?

Отвернулся. На мгновение. Чтобы сплюнуть в сторону то ли ругательство, то ли разочарование.

— Не последнее. Мы бедствовать не будем, не волнуйся.

Я расставил банки и пачки на столе. В живописном беспорядке. Отошел чуть назад, любуясь, потом спросил снова, на этот раз уже так серьезно, как только смог:

— Зачем?

— А кто вчера жаловался, что голоден?

А ещё я мог сказать, что хочу женщину. И мне бы её доставили в подарочной упаковке прямо на дом? Ха!

— Играешь в доброго самаритянина?

— Думай, как тебе удобнее. Только, знаешь... Я на самом деле не собираюсь быть плохим хозяином.

Запомнил-таки мои слова. Кольнули в слабое место? Специально не старался. С другой стороны, если он называет себя «хозяином», да ещё произносит это слово с некоторой гордостью, это может означать, что... Ну да. Конечно. Какой-нибудь квартальный комитет добровольных помощников органам охраны порядка.

— Испугался, что я вправду отправлюсь кого-то грабить?

Промолчал. Слишком выразительно, чтобы оказаться по-настоящему оскорбленным.

— Или решил, что у меня получилось бы?

Снова ни слова. Только взгляд.

Смешно. Действительно. Наверное, с моим лицом что-то не так, и довольно давно. Недаром прежние знакомые тоже сторонились. Правда, опасались они скорее не кражи, а...

— Я бы не позволил.

Какое многозначительное заявление!

— Считаешь, это меня остановит? На пару дней хватит, а потом что прикажешь делать? Или будешь продолжать строить из себя кормильца?

Он не возразил. На «кормильца». Пропустил мимо ушей. Зато уцепился за другое:

— Ты ведь так не думаешь. Это все... Злость. Обида. А они когда-нибудь закончатся. Должны закончиться.

О, мы ещё и психологи? Ну прямо на все руки от скуки! Раньше я позволял говорить с собой в таком тоне только Хэнку. Больше никому. Хотя... Никто больше и не пытался.

— Тебе ни за что не догадаться, о чем я думаю.

Потому что догадываться не о чем. В голове ни одной мысли не осталось. Одно лишь усталое ожидание последнего удара, который меня добьет. Жаль, что не знаю точно, когда отмучаюсь.

— Ты не виноват, что все так получилось.

Наверняка. Иначе не получил бы полное отпущение совершенных грехов. Вместе с мировым забвением.

— Но пока не успокоишься, можешь натворить... всякого.

— И поэтому ты собрался за мной присматривать?

— Ну да.

Местный герой? Борец за добро и справедливость? Тогда я и вовсе счастливеец: попал в заботливые руки.

— И многих ты уже взял себе на иждивение?

— Ты первый. Тем, кто живет здесь по праву, чужая забота не нужна.

Вот как? Не упустил случая напомнить, что я — никто и звать меня никак?

Увы, спорить нам не о чем. На самом деле. Здешняя земля поделена не людьми, что бы

они о себе ни возомнили. Природа постаралась. А мы всего лишь приспособились.

Моя жизнь там, наверху. На склонах. И хотя я, в отличие от того же Эсты и всех его соплеменников могу отправиться, куда захочу, это не значит, что собираюсь занимать чужое место. Особенно если кому-то оно нужнее.

— Вот что я тебе скажу. Мне было бы легче легкого оставить все, как есть. Жить за твой счет, например, и ни о чем не заботиться. Но я тоже привык получать только то, что моё по праву. Не подачки. Не благотворительность. Не милостыню. То, что положено. Воровать не буду, не бойся. Только если совсем заскучаю или свихнусь от безделья. Но ты ведь всегда знаешь, где меня найти?

Понял ли он? Не знаю. Да и неважно. Я не буду брать, брать, брать и брать у кого-то. Пусть даже по его доброй воле. Пусть даже в качестве подарка. Потому что стыдно.

Я и раньше не брал. Дома. Принимал для пользования. И готовился отдавать с лихвой. Никогда ни о чем не просил. Может, зря? Может, стоило выдвигать всяческие требования? Тогда бы меня, наверное, не стали бояться. Ну как же можно опасаться человека, который связан твоими благодеяниями по рукам и ногам? А вот тот, чью стену не пробить подарками, да, опасен. Потому что свободен.

— Тогда тебя нужно поставить на довольствие. Но...

Новый взгляд. Слегка смущенный.

— Проблемы?

— Удостоверение личности.

— Что с ним такого? Ах да... Его же нет. Извини, забыл.

Теперь он посмотрел на меня с жалостью. Видимо, решил, что шучу исключительно в силу истерии, охватившей меня в связи с потерей... В общем, не способен пока мыслить здраво.

— Есть кто-нибудь, кто может стать свидетелем? Подтвердить твоё имя и происхождение?

— Никто на свете.

— А твои... родители? Они не согласятся?

— У меня нет родителей.

И это тоже чистая правда. Сенатор не захотел стать отцом, хотя бы и названным. А мать... Думаю, она перестала считать меня сыном ещё задолго до рождения Генри.

— Они...

— Ага. Умерли. Давным-давно.

— Какие-нибудь родственники? Я могу попробовать их поискать. Даже если уехали дальше, чем границы Союза.

Или он искренне желает мне помочь, или старается спихнуть новоприобретенную головную боль на другие плечи. Впрочем, без разницы. Результат должен быть один и тот же.

— Если кто-то и был, я о них не знаю.

— Можно сделать запрос по имени.

А потом доказывать троюродному дедушке, что я — его внук? Несмотря на отсутствие любых записей и свидетельств, это подтверждающих? М-да. Сеньор Норьега, вы сами не верите в разумность собственного предложения.

Конечно, существует ещё генетическая экспертиза. Старинная методика. Практически не принимающаяся в судах в качестве доказательства родства, по причине процветающего

некоторое время назад рынка услуг клонирования цельных организмов. И что толку, если Элене-Луизе сообщат о моем существовании, пусть даже на положении «дубликата»? В семью это меня не вернет. Тем более, на прежнее место.

— Не поможет.

— Тогда...

Ему отчаянно хочется решить возникшую проблему. Почему? Зачем? Не знаю. Может быть, просто таким уродился. С потребностью помогать нуждающимся.

— Мне просто нужно раздобыть новое удостоверение. Есть идеи, как это сделать?

Лицо Эсты посветлело. Наверное, за счет прояснившегося взгляда.

— Есть! Правда...

Опять тучи напоззли. С чего бы?

— Это трудно?

— Скорее, затратно, — виновато признался сеньор Норьега.

— М?

— Понимаешь, такого рода услуги обычно оказываются не совсем...

— Законно?

— Ну да. У тебя же нет при себе денег?

— Ни монетки.

— Я тоже не шибко богат. Нужно будет поспрашивать у знакомых, но вряд ли быстро соберется сумма, достаточная, чтобы...

— Деньги-деньги-деньги... Всюду и везде только они. Бездушный металл. Как можно чем-то мертвым мерить что-то живое? Тьфу на вас, грешники!

Хорошо, что плевков не долетел. Смачный такой. От всей души.

Хозяин дома, выбравшийся из гамака скорее по нуждам тела, нежели духа, выглядел грозно. Этаким карающим ангелом-громовержцем. Только что не потрясал опустевшей бутылью. И явно чувствовал себя не лучшим образом. А Эста сразу потянулся за...

— Эй, ты же сказал, что принес это мне?

— На всех хватит! К тому же... — Он качнулся, приближая губы к моему уху. — С папашей Ллузи можно иметь дела только в двух состояниях: либо полного опьянения, либо полной трезвости. А сейчас все как раз посередине.

Прошуршала мельница, свистнула плита, и по кухне снова разлился аромат. Несколько лучший, чем с утра довелось вдыхать мне.

— Вот, хлебните-ка!

Пьяница покосился на преподнесенную кружку с подозрением. Принюхивался, приглядывался, гладил пальцами, о чем-то мечтал. Минут пять. Потом все же решился сделать первый глоток и тут же сообщил о своих ощущениях протяжным:

— Хорошооо!

— Когда последний раз пили? — спросил Эста и поспешил уточнить: — Кофе, а не что-то другое?

Вместо ответа последовал рассеянный взгляд.

— А ели что-нибудь в последние дни?

Можно было подумать, что они родственники. Прямо-таки, любящий внук пришел навестить деда.

— Ты же знаешь, моя еда это...

— Сеньор Ллузи, так нельзя. Если не пообещаете нормально кушать, я поговорю на

рынке, чтобы вам не меняли паек на выпивку. Это понятно?

Взгляд пьяницы стал осмысленнее: пустил в себя угрозу.

— Я ведь тебя видел ещё таким, Эстебан... — мозолистая ладонь опустилась к полу. —

Под столом гулял, как по площади.

— Я уважаю вас, сеньор Ллузи. Глубоко и горячо. Но несмотря на все моё уважение, не позволю...

— Это моя жизнь. Я хочу жить так, как хочу.

Эста что-то собирался сказать, но обреченно махнул рукой. А потом почему-то перевел взгляд на меня.

— Ещё один упрямец на мою голову! Такой же, как ты. Никто бы даже не удивился, если бы вы оба были...

Когда в голову приходит мысль, это всегда событие. Особенно для наблюдателей, которые получают возможность насладиться художественным изображением столбняка.

— Вот и выход!

А мы разве куда-нибудь входили?

— Придется, конечно, слегка приврать... Сеньор Ллузи, есть дело! Важное и серьезное.

Пьяница не проявил особого интереса, но из вежливости сделал вид, будто слушает.

— Я пообещаю не вмешиваться. Никуда. По крайней мере, какое-то время. Но от вас тоже кое-что потребуется.

— И не будешь строить свои душеспасительные козни?

— Не буду.

— Девой Марией поклянешься?

— Сеньор Ллузи!

— Да ладно, и так поверю. Чего хочешь-то?

Эста схватил меня за плечи и толкнул вперед. Поближе к столу.

— Вот!

Мы оба в равной степени не понимали, что происходит, а потому дружно и нечленораздельно переспросили:

— М?

— Этому человеку нужно имя.

* * *

Рубашка, которую папаша Ллузи нацепил по поводу посещения муниципалитета, белой казалась только в помещении: на свету полотно засияло ярче солнца. Глаза слепила уж точно.

Сбривать щетину он не стал, только пригладил шевелюру, вымазав в чем-то пахучем, и на этом счел приготовления к выходу в люди оконченными. Но и такой малости хватило, чтобы на всем пути следования то одна, то другая местная матрона, а иногда и сверстники спрашивали, окликаая:

— Что за праздник на твоей улице, Фелипе?

Ллузи не отвечал. Гордо и таинственно поднимал подбородок, проходя мимо удивленных зевак. Мы с Эстой шли следом, тоже, по всей видимости, вызывая вопросы, но не настолько животрепещущие, чтобы нам их попробовали задать.

О приближении Вилла Лимбо можно было легко понять по расширению улиц, плавному, но неизбежному. Если в Низине все кучковалось на ограниченной территории, здесь жили заметно просторнее. Заметно — для меня теперь. И богаче, конечно же: шпукатурка не осыпалась, да и вообще выглядела свежей, чуть ли не только что положенной. Наверное, поэтому и воздух ощущался более чистым, ведь пыли неоткуда было взяться.

Здание муниципального совета, облицованное мозаичными плитами, и вовсе могло показаться дворцом после низеньких лачуг Вилла Баха, но когда я машинально двинулся к главному входу, Эста поймал меня за рукав:

— Нам не туда. С другой стороны.

Это крыльцо было поскромнее. Узенькое, почти неприметное. Практически черный ход, ведущий в коридор, стены которого топорщились полуоткрытыми дверными створками.

Я никогда не бывал в канцелярском крыле, даже сопровождая сенатора. Наши маршруты прокладывались по конференц-залам, парадным холлам, кабинетам больших начальников, а не через муравейник мелких клерков. Или улей?

Посетителей и тех, кто их принимал, вроде можно было пересчитать по пальцам. В каждой комнате. Тем не менее, гул они создавали. Монотонный, занудный, угнетающий. Но подтверждающий: да, жизнь продолжается. Несмотря ни на что. И когда из распахнутой двери по ушам ударила тишина, я почувствовал себя как-то неуютно.

Мебели внутри хватало только на одного человека. Собственно хозяйку комнаты с табличкой «Отдел регистрации», недовольно оторвавшуюся от вязания пожилую женщину.

— Постановка на учет — дальше по коридору! — объявили нам, не позволив издать ни звука.

— Мы туда непременно отправимся, но позже, сеньора Васкес! — широко и чуть заискивающе улыбнулся Норьега, высунувшись из-за спины папаши Ллузи.

— Эста, малыш! — расцвела чиновница. — Какими судьбами?

— По делам, тетушка, все по делам! Тут такая история...

Поднятая ладонь велела Эстебану замолчать.

— Лучита, девочка, — склонилась над селектором старая сеньора. — Будь так добра, занеси ко мне кофейничек... Полный, конечно! Да, племянника угостить хочу.

— Право, тетушка...

— Ничего, ничего, дела подождут! Ты ко мне раз в месяц заходишь, не чаще, совсем забыл старуху!

Дальше последовал монолог, изредка прерываемый междометиями, обозначающими реакцию Эсты на ту или иную семейную новость. Я послушал с минуту и... Вышел в коридор. По крайней мере, там имелись стулья, обещавшие не развалиться при близком знакомстве. А ещё это была отличная возможность сбежать, пока не поздно. Пока сумасшедшая идея сеньора Норьеги не обрела свое воплощение.

В глубине коридора зацокали каблучки. Та самая Лучита. С кофе. Что ж, вполне себе миленькая. Больше похожая на женщину, чем моя первая знакомая из Низины. И скромная: поймав мой взгляд, игриво взмахнула ресницами, но тут же их опустила. Так и прошла в кабинет, едва дыша.

Прибытие кофейника было встречено доброжелательно. Даже воодушевленно. Но монолог чиновницы закончился лишь спустя какое-то время, в течение которого я смог получить удовольствие от медленно — теперь уже медленно! — удаляющейся от меня и застенчиво покачивающей бедрами девицы.

Мимолетный эпизод внушал... Скажем так, что-то вроде уверенности. И болезненно напоминал об отце, который заимел свой бизнес не в последнюю очередь из-за того, что сначала привлекал женское внимание, а потом уже работал телом по прямому назначению. Смешно подумать, я ведь даже этим не могу заняться! Нет, не в смысле близости. Выгоды не будет. Если только удастся попасть к какой-нибудь престарелой прелестнице на содержание и...

Брр! К черту такие мысли.

— Эй, где ты там? — в дверном проеме появился Эста.

— Жду, пока вы наговоритесь.

— Ты уж извини. Тетя Флори... Она всегда так себя ведет. Даже если заходить к ней каждый день.

Я никого извинять не собирался. Хотя бы потому, что мне было плевать на родственные связи и прочие трудности Норвегии. Но чиновнице разговор явно пошел на пользу: меня она встретила уже куда более умиротворенным взглядом.

— Итак, вы, юноша, желаете пройти регистрацию?

— Вроде того.

— Да или нет? Я не могу потратить весь день на выяснение вашего желания, знаете ли.

Если учесть, что больше ей явно нечем заняться, звучит несколько лицемерно. Ну да ладно.

— Да, желаю.

— Ваш возраст?

— Двадцать лет. Скоро исполнится двадцать один.

— Не лукавите? Если во время проведения процедуры выяснится обратное, за дверь вас будет ждать полиция.

— Нет, сеньора.

Она сделала пометку в анкете и задала вопрос, на который лично у меня не было подготовлено никакого ответа:

— Какова причина того, что ваши данные до сих пор не внесены в реестр?

Оп-па. Надо что-то ответить. И поскорее. Но что?

— Это все его мать... — прохрипел папаша Ллузи. — Та ещё стерва.

— Вы говорите о своей супруге? — заинтересованно уточнила чиновница.

— Упаси Господи! Не были мы женаты ни дня. И сходились-то совсем ненадолго, пока не разругались вдрызг. Ходили слухи, что родился ребенок, только она в то время пропала. То ли пряталась где-то, то ли по экватору моталась от города к городу. Шальная была, душа грешная... Я поискал, поискал, да бросил. А тут вдруг намедни является... Сыночек.

Ему ведь тоже некогда было придумывать эту трогательную историю распутства и разгильдяйства. И слова ему никто не давал. Но теперь... Теперь затыкать богатую фантазию пьяницы было поздно. Особенно читая сопереживание во взгляде чиновницы.

— Страшно спрашивать, где жил и чем. Зато вырос здоровым, весь в меня! И кушает тоже здорово. Я, когда узнал, что у него регистрации нет, сразу сюда потащил. Не то, чтобы не прокормил парня: мне-то уже мало от жизни надо, так что пайка бы хватило, да только у молодых, сами знаете, потребностей побольше, чем у стариков. Так хоть приработок какой, может, найдет... Силы-то до дури!

Врун несчастный. Но врет складно, тут не поспоришь.

— Ваше имя?

Хотя выдумка почти похожа на правду. Моя настоящая мать тоже моталась по разным странам. И не приложила ни малейшего усилия, чтобы ввести меня в общество так, как полагается.

— Юноша, вы слушаете?

— Сеньора?

— Какое имя будете вносить в заявку? Раз уж официальной регистрации не было, можете придумать любое, если хотите.

Вот он, ещё один шанс порвать с прошлым. Назваться так, как понравится мне самому, а не кому-то со стороны.

Рискнуть? И не останется ничего. От меня прежнего. Очередная подачка, Господи? Если продолжишь в том же духе, начну думать, что так Ты замаливаешь передо мной собственные грехи. Я всегда был недостаточно упрямым. Следовал правилам, смысла которых до конца не понимал. Как выяснилось, зря.

Ты зачеркнул ту жизнь, не спрашивая, верно? И я спрашивать не буду. Но и забывать не собираюсь.

— Фран...

Нет, что-то все-таки придется изменить. На местный манер хотя бы.

— Франсиско.

— Возьмете фамилию отца?

Отца? Он что, собирается...

Наверное, в эту минуту я со стороны тоже казался столбом.

Заваливший нищий пьянчужка, с которым мы знакомы без году неделя, ни минуты не колеблясь, решил на усыновление, тогда как человек, знавший меня с детства, видевший все мои чаяния и надежды, все способности и недостатки...

Сумасшествие.

Такого не должно происходить в нормальном мире.

— Юноша?

— М?

— Или вы хотите оставить фамилию матери?

— Нет. Нет, пусть... Пусть будет отцовская.

Чиновница опустила пальцы на клавиатуру.

— Франсиско Ллузи. Двадцать лет. Дата рождения?

Сегодня? Нельзя. Я же сам сказал, что ещё не стал совершеннолетним.

— Завтра.

— О! Какое славное совпадение! Отпразднуете начало сразу двух новых жизней.

Скорее устрою панихиду по старой.

— Вот, возьмите это и отправляйтесь к техникам, — мне протянули маленький листок бумаги с именем и чем-то вроде порядкового номера из внутреннего реестра документов.

— Я провожу! — пообещал Эста с воодушевлением, заставляющим задуматься, какие чувства он испытывает к тетушке на самом деле.

— Возвращайся поскорее, чико^[7]. Нам ещё многое надо обсудить.

В коридоре Норьега облегченно выдохнул и вроде даже расправил спину.

— Надоедливая родственница?

— Ага.

— А может, просто рада была тебя видеть? И перестаралась.

— Она не бывает другой. Можно подумать, у тебя таких тетушек... — Фраза оборвалась, не дойдя до точки совсем чуть-чуть.

— У меня таких нет.

Хорошо, что он не стал извиняться или творить похожие глупости, а всего лишь помолчал и позвал:

— Пойдем.

Как и положено любым громоздким техническим устройствам, чувствительным к условиям окружающей среды, аппарат для снятия биомагнитной матрицы располагался в подвальном помещении и выглядел динозавром. Особенно по сравнению с элегантной сталью и сплавами монстров научно-технического прогресса, которыми оснащались банковские службы. Там всего-то и требовалось, что прилечь в удобное кресло и прикрыть глаза, позволяя миловидной девице невесомо поработать пальчиками над твоим телом. Здесь же...

Никаких девушек, конечно. Мужчина. Давешний техник, безуспешно пытавшийся обнаружить сведения обо мне в самой полной изо всех информационных баз.

— Опять внеурочная работа? — ворчливо, но беззлобно поинтересовался он, обращаясь к Эсте.

— Нет, на этот раз все официально и добропорядочно!

Бумажка из моей руки перекечевала в узкую ладонь техника. Тот сверился со списком на мониторе и кивнул:

— В два счета сделаем. А ты пока раздевайся!

Я не против. Только что-то не вижу поблизости специального костюма.

— Ну чего застыл? Да не надо полностью: до пояса оголись, и хватит.

Суть грядущей процедуры была мне понятна и знакома давным-давно, но расхождение в деталях приготовления... Немного пугало, пожалуй.

— Подержи. И натяни, чтобы легло плотнее!

Замызанная трафаретная пленка. Хорошо, если протертая салфеткой после последнего применения.

— Будет немного холодно.

Это называется немного?! Показалось, что распыленные крупинки индикаторной смеси вонзились в грудь иглами. Правда, неприятные ощущения быстро улетучились. Потому что кожа и тоненький верхний слой мышц под ней заметно онемел. На груди и на спине. По замкнутому контуру.

— Только не пробуй потом отдирать. Само рассосется.

Неужели было трудно завести несколько комбинезонов? И не пришлось бы пачкать тело всякой мерзкой химией. А впрочем... Много ли человек проходит через эту комнату за год? А в день и того меньше, если верить Службе социального надзора. Рождаемость падает. Не настолько стремительно, чтобы нужно было хвататься за голову, но тенденция уже очевидна. Правда, на мой сенаторский век народу вокруг хва... Хватило бы. А ровесникам Джозефа и вовсе не о чем волноваться.

— Встань туда!

Небольшая площадка, условно огороженная чуть ли не веревочным леером. О, и правда, веревка. Крученые натуральные, а потому лохматящиеся волокна.

— Повернись. Да, направо!

Чтобы не видеть ваши лица? Пожалуйста. Не очень и хотелось.

— Я скажу, когда закончу. А до тех пор просто стой спокойно.

Можно было бы поспорить, что при снятии матрицы как раз стоять не рекомендуется, ввиду возможного возникновения различных побочных эффектов, но я опоздал. Вернее,

техник врубил свою шарманку без предупреждения. Налицо полное отсутствие хороших манер и уважения к клиенту. Претензию составить, что ли?

Сначала всегда приходит легкость. Когда напряженность наведенного поля снижается до приборного нуля. Разброд ощущений. Свобода, но вовсе не та, которую хотелось бы заполучить в свое пользование.

Теряется опора. Внутренняя. Ты все так же чувствуешь пол под своими ногами и воздух в своих легких, видишь ту же стену, что и минутой ранее, только теперь все это словно находится в другом мире. Словно тебя насильно оторвали от привычного бытия. Оно ещё здесь, вокруг, рядом, его даже можно коснуться, а вот обратного касания не произойдет. Мир никуда не исчез, это ты стал другим. Прозрачным. Если раньше реальность замечала тебя, сейчас все наоборот, а стало быть, ей нет никакого дела до...

К счастью, паника длится считанные секунды: «молли» не отлынивает от работы. Каждый вдох снова сближает тебя с миром. До столкновения, за которым наступает равновесный покой. Потом техник возвращает все назад, но не останавливается на отметке естественного фона, а движется дальше. К максимуму. Моему личному.

Теперь опоры становится слишком много. Словно каменеешь на глазах. И волны окружающего мира начинают биться в тебя, как в прибрежные скалы, потому что ты становишься помехой на их пути. Неожиданной и раздражающей.

Они давят, только твоё тело твердеет быстрее, чем усиливается натиск. Кажется, вот-вот расколешься. Прорастешь алмазными иглами и разлетишься на кусочки. Но спасение приходит. Наверное, за последнее мгновение до конца.

— Все, готово.

Датчики отщелкиваются, и я слышу эти звуки сквозь гул крови в ушах, а значит, все хорошо.

— Эста, можно тебя на минутку?

Они шепчутся за монитором. Вернее, шепчет техник, а Норьега слушает. Внимательно.

— От меня больше ничего не требуется?

Обе головы рассеянно поворачиваются в мою сторону.

— Нет, процедура окончена, можешь идти.

Я и сам знаю, что могу и чего не могу. Россыпь данных, считанных с контура, до сих пор слегка сдавливающего грудную клетку, обработана и отправлена в долгое путешествие по базам. Прописывается она автоматически, но для подтверждения каждой операции все равно требуется участие оператора, так что пройдет около суток прежде, чем смогу без боязни подтвердить свое новое имя. Или немногим больше, учитывая дряхлость местной аппаратуры.

— Пошли дальше.

Новое приглашение? Куда ещё?

— Пошли-пошли!

Поднимаемся на пару этажей выше. Коридор — брат-близнец того, с кабинетом тетушки Флори. Дверей точно столько же, и открыты... Все, кроме одной, к которой мы и направляемся. Новенькая табличка «Инспектор социальной службы»? Пожалуй, теперь кое-что начинает расставляться по местам.

Комната стандартная. На хозяина и одного посетителя, не больше. Но здесь для последнего хотя бы есть стул.

— Присаживайся, пока я все оформлю.

Великодушное разрешение. И своевременное, потому что мышцы начинают мелко подрагивать. Они всегда реагируют на стресс медленнее сосудов, но это и к лучшему: зачем нам лишние спазмы по всем фронтам?

Эста обращается с электронной техникой куда ловчее своей родственницы. На уровне хорошего секретаря. Не отличного, но вполне достойного для работы с руководителями среднего звена. Вечная спутница Джозефа, строгая и стойкая, как камень, Клара дала бы моему новому приятелю приличную фору, и все равно пришла бы на финиш первой. Я всегда невольно любовался её пальцами, порхающими, как бабочки. А заодно жалел, что мне эта работница никогда не достанется.

— Можно вопрос?

Вообще-то, такой тон скорее полагался бы мне, а не хозяину кабинета. Слишком натужно-вежливый для парня, гуляющего по ночам в подозрительной компании.

— Конечно.

Он не поднял взгляд от монитора, произнося с легкой завистью:

— У тебя хорошая матрица.

— Ты спрашиваешь?

— Очень хорошая, как сказал Хосе.

А для того, чтобы это выяснить, прогнал меня по всему допустимому диапазону. Увлёкся, так сказать.

— Что ты имеешь в виду?

— Он не даст ход своим выводам, не волнуйся. Иначе...

— Иначе?

Эста наконец-то посмотрел на меня. Глаза в глаза.

— Ты ведь не просто так жил в богатом доме, да?

И надеялся, что проживу там ещё очень долго. А может, переберусь в местечко поуютнее.

— Не понимаю.

— Да брось! Все ты понимаешь! — хлопнул он ладонями по столу. — Только не скажешь. И я теперь догадываюсь, о чем ты молчишь. Но почему? Зачем? Не лучше ли было заявить о своих... о своем... Экспертиза бы подтвердила. Дальше — да, понадобилось бы много денег, для полной уверенности, но он, скорее всего, не стал бы продолжать.

— Продолжать что?

— Установление родства. Признал бы. И ты получил бы все, что тебе...

Причитается. Ага.

— Зачем ты бережешь его чувства? Он-то не подумал о твоих, когда выставил на улицу.

Скучно живешь, парень, если придумываешь сказку на пустом месте. Хотя, есть в кого: вспомнить хотя бы словоохотливую тетю Флори.

— Или это была она, а не он? Такое случается редко, но все же... Женщина, отказавшаяся от собственного ребенка, не заслуживает пощады.

Я тоже так думаю. Или думал. И спуску матери не давал. А теперь даже обвинениями переброситься не с кем.

— Не понимаю!

— Я сказал то же самое, помнишь?

Он принимает всю эту историю близко к сердцу. Интересно, почему? С виду у Норьеги не определишь нежную и ранимую душу. Или правильно говорят, что внешность обманчива?

На свой счет не уверен.

— Кто-то из родителей подарил тебе «молли», с которой ты... Можешь все, что захочешь! Да если об этом узнают женщины Низины, способные родить, все они выстроятся в очередь под твоими окнами!

Это-то и страшно. Не хочу проходить отцовским путем. Потому что знаю, куда он приводит.

— Есть шанс, что мой секрет так и останется секретом?

— Но ты мог бы...

— Я не могу сделать то, чего действительно хочу. Вот что важно. И осеменить соглашусь единственную женщину во всем мире. Если найду такую.

Он недоумевающе смотрел на меня, наверное, с минуту. Потом тряхнул головой, что-то буркнул, то ли в свой, то ли в мой адрес, и вернулся к работе. Постучал по клавишам, время от времени останавливаясь на сверку данных. Потом встал из-за стола и подошел к стенному шкафу.

Кодовый замок на дверцах предполагал, что внутри находится нечто важное, но я увидел на полке, которая интересовала Эсту, всего лишь карточки, похожие на кредитные. Одна из них прошла через щель допотопной кодировочной машинки и была вручена мне. Почти торжественно.

— Вот.

— Что это?

— Твоё удостоверение. Номер из общего страхового реестра.

— Зачем оно вообще нужно? Любой сканер...

— Без него в Лимбо будут проблемы. Таков порядок. Право на посещение, работу и все прочее. Право зарегистрированного гражданина.

Почему мне раньше никогда не доводилось слышать об этом? Официально организованная резервация какая-то получается, а не среда наибольшего благоприятствования. И могу поклясться, сенатор тоже не имеет полного представления о том, что происходит у него прямо под носом.

— Такую маленькую штучку легко потерять. И что тогда? Я снова всего лишусь?

— Обратишься в муниципалитет за новой.

— Каким образом, интересно? Я же не смогу сюда прийти, сам только что сказал.

— Зато ко мне сможешь. Домой. Я живу в Низине.

— А работаешь здесь?

Эта часть города — нечто среднее между верхом и низом. Лестничная площадка, с которой можно подняться выше или упасть. Но если выбрался в Вилла Лимбо, да ещё получил работу в городских службах, значит, купил выигрышный лотерейный билет. А потом у счастливика непременно загорается жадный огонь во взгляде и день ото дня растёт желание двигаться вперед, не оглядываясь на прошлое. Помню, как Карлито задирает нос, когда встречал на улице кого-то из знакомых, кому повезло меньше... А ведь он был всего лишь прислугой. Зато жил там, на склонах. Вот и Эста вполне мог бы перебраться из Низины. Куда-нибудь подальше.

— Я люблю свою работу. И дом свой тоже люблю.

— Так он для тебя дом или все-таки якорь?

Что, не ожидал ответного удара? Не все тебе одному нападать, целя в слабое место.

— Я люблю свой дом.

Прозвучало скорее упрямо, чем искренне.

— А я свой — нет.

— Это я уже понял.

— Работа обязывает? Требуется определенное место жительства? Но тут-то возможностей больше. И знакомства совсем другие. Полезные. Снял бы квартиру поближе к центру, подружился с соседями... Или жалование пока слишком маленькое?

Он сощурил второй глаз. Тот, без шрама. И я уже начал понимать, что это означает.

— Я родился в Лимбо. Моя семья уже жила здесь. И если бы я захотел, то вовсе никогда не пересек бы границу.

— Хочешь сказать, это твоя добровольная жертва?

— Это не жертва.

Теперь Эста явно злился и недоумевал больше, чем когда пытался понять мои поступки, но всю его горячность словно смыло. Хотя как никогда ясно ощущалось, что в любой момент мне могут дать по зубам.

— Я ничем не заслужил то, что получил при рождении. И все те, кто родился в Низине, тоже. Мы одинаковые.

— Но кому-то всегда везет больше.

— У каждого есть право жить лучше, чем получается. Должно быть. И тот, кому повезло...

— Должен поделиться своей удачей с другими? А разве такое требование не нарушает его собственные права?

— Чем больше прав, тем больше обязанностей.

— В идеале. А на деле? Ты хоть изредка смотришь дальше своего носа?

— Я знаю, что происходит вокруг. Не слепой. Но буду делать все, чтобы...

Та девица ведь тоже боролась за справедливость. По крайней мере, декларировала свою позицию именно так. Климат здесь особый, наверное, если каждый второй мной встреченный — революционер до мозга костей и борец за счастье обездоленных. Но мне-то довелось дышать совсем другим воздухом.

Самостоятельность хороша, если у тебя за спиной надежные тылы, в противном случае рано или поздно придется примкнуть к какому-нибудь лагерю. И примыкать всякий раз, когда народится желание двигаться вперед. Моя жизнь четко следовала этому правилу. Даже допустив возможность продолжения отцовского бизнеса, нужно было ещё дожить до нужного времени. До дня, когда на мою улицу ступит праздник.

Мама искала спасения так, как умела. И справилась с задачей. Блестяще. А я слишком поздно сообразил, что лагерь Элены-Луизы никогда не станет моим. Надо было начинать искать новые горизонты давным-давно, теперь же...

Союзники? Возможно. Но в какой войне?

Покровители? О, для того, чтобы ими обзавестись, нужно ещё красиво вынести собственную значимость на всеобщее обозрение. Если бы она у меня вообще имелась.

— Желаю удачи.

Эста растерянно двинул бровями:

— В чем?

— В твоей борьбе. Или службе — выбирай сам.

Все, мышцы ног пришли в норму. Можно двигать отсюда.

— Ты куда?

— Домой. Я ведь теперь могу так говорить?

— Просто возьмешь и уйдешь?

А что, должен станцевать на прощание?

— И возьму, и уйду.

— Я думал...

Примерно предполагаю, в каком направлении. После стольких оказанных любезностей я просто обязан был записаться в доморожденную революционную бригаду сеньора Норьеги. Как честный и порядочный человек. Или как наивный глупец. Интересно, кем он меня увидел тогда и видит сейчас?

— Спасибо за помощь.

— Я верил, что ты поймешь.

Особое ударение на слове «ты»? Ну конечно. С душещипательной историей моего происхождения, которую Эста самостоятельно придумал от начала и до конца, я — идеальный кандидат для движения сопротивления. Вернее, идейный. Поэтому передо мной и устроили все это импровизированное представление, вот только автор, он же единственный исполнитель, слишком сильно вжился в роль.

— Я понимаю. Но это не моя борьба.

— Ты...

Раньше мне нравилось видеть разочарование и обиду в чужих глазах. Я чувствовал себя победителем, когда удавалось вот так же посадить на задницу реального или воображаемого противника. А что теперь? Где это наслаждение, греющее изнутри? Где удовлетворение от проделанного?

Никаких чувств. Все серо, буднично, скучно.

Я мог бы согласиться? Конечно. Мог бы сыграть в согласие, на крайний случай. Но зачем обманывать себя и других? Мне нет дела до пламенных идеалов Эсты.

— Всего хорошего, сеньор инспектор.

После искусственного освещения коридоров муниципалитета солнце ощущалось ярким, как никогда. Но все-таки не ярче, чем рубашка папаши Ллузи. С сегодняшнего дня — моего названного папаши.

— Один вопрос. Можно?

Что-то булькнуло во фляжке, отнятой от губ. Наверняка очередное забористое зелье.

— Один можно.

— Почему?

Расплавленный воздух не располагает к долгим разговорам, состоящим из множества звуков. Но главное, они и не нужны: жаркое солнце выжигает все лишнее, оставляя самую суть.

— Удивился?

Не то слово. Остолбенел. И пьяница это прекрасно видел.

— Да.

— У всего на свете есть причины.

— И какая была у тебя?

Он не стал торопиться с ответом. Сделал ещё один глоток, потом аккуратно завинтил крышку.

— Только не думай, что все это бескорыстно.

— Не стану.

— Ну вот и ответ.

Фелипе Ллузи оторвался от стены, на которую опирался, и медленно пошел прочь. В сторону Низины, как можно было предположить. Я двинулся следом, переваривая услышанное.

Поступок, продиктованный выгодой? Пусть. Это естественно и нормально. Тем более, бессеребряником мой нынешний «папа» не выглядел ни минуты, начиная с момента нашего знакомства. Рачительный хозяин, тащащий в дом все подряд? Хорошо. Но не это главное. Вовсе не это.

Решение было принято легко и быстро. Без раздумий. Потому что для горького пьяницы моё присутствие в доме, да ещё на условиях «родства» казалось удобным приобретением? Возможно. Но тогда получается, что в глазах семьи Линкольнов я вообще ничего не стоил.

— Можешь меня поздравить, Хэнк: я начал новую жизнь. По-настоящему новую. Даже имя сменил. И представь, даже обзавелся отцом. Самая большая мечта наконец-то сбылась. Теперь осталось то, что поменьше. Ты.

Конечно, он не отвечает. Слушает молча. А может, спит. Неважно. Все равно, лучшего собеседника я себе искать не хочу.

— Они живут изо всех сил, Хэнк. И живут заковыристо. Тот парень, который нам помог, знаешь, кем оказался? Работником муниципалитета. А дальше — больше. Он искренне хочет сделать мир лучше. Прямо как я пару лет назад. Только заходит с другого конца.

Ему виднее, наверное, Эстебану Норьега. Ближе все то, что происходит на самом дне. Но из глубины слишком долго подниматься к свету: не успеет. Может, потому и вербует сторонников? Чтобы хоть кто-то из длинной очереди добрался до дверей божьей приемной?

— Это вызывает уважение. Правда. И немного жалость. Вот что, к примеру, мог бы сделать я нынешний? Да ничего. Никто и слушать не будет, кроме таких же неудачников. Знаю, ты скажешь: нельзя опускать руки. Согласен. Но у меня больше нет цели.

А может, никогда не было. Оглядываясь назад, вообще не понимаю, к чему стремился. Считал себя достойным? Подходящим? Готовым? Да. Но вот для чего именно? К тому же, люди вокруг, как выяснилось, были совершенно противоположного мнения.

— Все перепуталось, Хэнк. Потеряло смысл. Я даже не могу отомстить, потому что не знаю, что случилось. На тебя одна надежда, слышишь? Да-да, по-прежнему на тебя. Надеюсь, в общем. И хочу верить, что делаю это не напрасно. Кажется, должно быть ещё что-то... Третье из чувств. Не подскажешь, какое? А то я запомятовал. Хотя не надо, спи. И пусть тебе снятся лучшие сны, чем моя явь.

«Принять к сведению и руководствоваться в дальнейшем следующими основными положениями:

Первое. Разделение граждан по параметрам биомагнитной матрицы является фактом, о котором не следует говорить открыто и повсеместно, но который от этого не перестает быть существенным и определяющим.

Второе. Человеческий ресурс всегда будет иметь цену.

Третье. Любая экономическая формация не может быть устойчивой без системы противовесов.

Четвертое. Свобода выбора — неотъемлемое право человека.

Пятое. Если человек подходит к решению сделать выбор, ему должны быть наглядно представлены все возможные альтернативы.

Шестое. «Возможные» не обязательно означает: «существующие».

Седьмое. Правилам подчиняются все. В том числе и авторы правил».

(Резюме решения закрытого заседания сената Экваториального союза, так называемые «Семь заповедей для внутреннего пользования»)

— Имя?

Полные руки, медузами лежащие на столе, всколыхнулись. Приготовились записывать? Ага. В очередную базу данных. Когда попадаешь то в один реестр, то в другой по мере того, как взрослеешь, это не кажется странным и уж тем более трудоемким. Но наверстывать всю жизнь в считанные часы, пожалуй, все-таки жутковато.

— Ллузи. Франсиско.

Проблемы начались в тот же день. День второго рождения. Но тут уж сам виноват: не надо было расслабляться, только и всего. Правда, трудно было заранее предположить, что новоявленный папаша распорядится щедрым подарком Норвегии «по-семейному», то есть, единолично принимая на себя бразды правления продовольственными запасами... Ну да, раньше-то брать без спроса мои личные вещи никому не приходило в голову, вот и прошляпил.

Как бы то ни было, продрав глаза после сиесты, я не досчитался значительной части круп, а также прочих сухих, подсушенных и усохших продуктов. Зато Фелипе в своем гамаке довольно причмокивал чем-то алкогольным. А к утру полки, на которые была сложена еда, оказались опустошенными начисто, и мне не оставалось ничего другого, кроме похода в социальную службу за собственным, теперь уже по праву полагающимся пайком. Хотя и тот прожил в моем новом доме недолго. Не больше суток.

Разговоры воздействия не возымели. Встряска за грудки — тоже. Ром оказался слишком забористым, или папаша Ллузи окончательно и бесповоротно вжился в роль пьяницы? Даже гадать не хотелось. В любом случае, я получил в ответ нразборчивое бормотание и пару не слишком внятных, но вполне красноречивых жестов. Оставалось только водворить

полуодушевленный субъект обратно на спальное место и отправиться куда подальше. Для начала — на кухню, к остаткам кофе и невеселым раздумьям, закончившимся единственно возможным результатом.

— Сколько лет?

Можно было даже не спорить насчет того, что все сведения высвечены на мониторе прямо перед глазами клерка из службы трудоустройства. Так же, как и моё нынешнее имя легко читалось на карточке, выданной Эстой. Кстати, её пришлось повесить на грудь. Карточку. И тогда все вопросительно-грозные взгляды полицейских мигом исчезли из моей жизни. Как по волшебству.

— Двадцать один.

Работы я не боялся. Возможно потому, что ещё не работал ни дня по-настоящему. Пугало совсем другое.

— Образование?

Вот-вот, оно самое. Вопрос без ответа. А поскольку я промолчал, вывод был сделан соответствующий и окончательный. Но чиновница все-таки спросила для протокола:

— В школу ходил?

— Нет, сеньора.

«Все лучшее — на дом!», таков был девиз родного отца. И надо сказать, сенатор в этом смысле тоже недалеко ушел: гувернеры и учителя сопровождали моё отрочество исключительно в границах имения. Безопасность и все такое. По крайней мере, до рождения Генри.

— Читать и писать?

Уточняет. Но не удивлена. Видимо, в Низине подобный случай — не редкость.

— Умею, сеньора. Свое имя в платежных ведомостях прочитать смогу. И закорючку поставлю.

Поджала губы. Настороженно? Нет. Наверняка подумала что-то вроде «ещё один молодой да ранний».

— Дополнительное образование имеется?

Тут могу ответить вполне честно:

— Никакого.

В самом деле, не считать же университетский пакет лекций тем, что может пригодиться в жизни?

— Пожелания и предпочтения? Ограничения по религиозным мотивам?

Надо же, какое строгое следование инструкциям! Похвально. Пожалуй, окажись я в составе очередной проверяющей комиссии, подал бы по этой работнице муниципалитета заявку на премирование.

— Никаких, сеньора.

— Согласен на любую работу, так получается?

Прозвучало нерешительно. И это странно. Вернее, показалось бы мне странным чуть раньше, до последнего разговора с Норьегой.

Я не занимался подобными изысканиями специально, но никогда не считал, что Низина живет припеваючи. И время от времени горел желанием... Ну, скажем, отмечал эту тему в своих планах на будущее. Подумывал о введении ещё дюжины социальных льгот и прочих «благодеяний для обездоленных». Во искупление грехов тех, кому в этой жизни было дано больше, чем другим? Вот уж нет. Скорее намеревался немного поиграть в... Ты ведь не

обидишься, Господи? Ага, в Тебя. Или в Твоёго заместителя. Просто потому, что рычаги были под рукой. Почти. В волоске от пальцев. А двери в аппаратную вдруг р-раз и захлопнулись прямо перед носом.

Известно, где и за что дернуть. Надавить, погладить, толкнуть, прижать — масса вариантов! Только нужное место не здесь, а там. Высоко-высоко. И счастье Эсты, что он считает иначе и борется за...

Хотя настолько ли уж печально положение жителей Вилла Баха?

Грубо говоря, им и работать не требуется. Еда, вода, газ, свет — все в достатке. Не высшего качества, согласен. Но и не худшего, если вспомнить пайковый кофе. Муниципальные школы? Есть. Медицинское обслуживание? Присутствует. Можно просто жить, довольствуясь беззаботным настоящим и...

Не думая о будущем?

Да. Точно. И почему-то это кажется важным. Зудит настырным москитом, едва пробирается в мысли.

— Любую?

Приняла паузу за сомнение? Справедливо. А вот мне сомневаться не в чем. Особенно в пустоте полок на кухне.

— Какую предложите, сеньора. Но лучше, если с питанием.

Она все-таки с минуту колебалась, просматривая список вакансий. Вернее, постоянно возвращаясь взглядом к одной и той же строчке.

— Тебе было бы неплохо записаться на образовательные курсы. Для взрослых. По их окончании... Подберем что-нибудь получше. А пока вот, держи.

Бланк с направлением порадовал строчкой с адресом и только.

— Там все скажут.

Ну скажут, так скажут. Когда смогу туда добраться.

— А где это?

Теперь вопросительно посмотрели уже на меня. Даже недоуменно. Пришлось оправдываться:

— Я недавно здесь. Не успел узнать, что где находится.

Женщина о чем-то подумала и перевела взгляд на экран монитора. Видимо, решила перечитать мою печальную биографию, придуманную папашей Ллузи. По крайней мере, когда чтение завершилось, удивление с лица клерка исчезло бесследно. Зато появилось нечто вроде жалости. А потом, выдвигаясь, заскрипел ящик стола, и зашуршали лежащие в нем бумаги.

— Возьми. Так будет проще найти.

Ого, карта города. Обрезанная, конечно. Без намека на Вилла Альта. Но расположение окраинных улиц Вилла Лимбо стало гораздо понятнее, чем прежде. Не говоря уже о Низине. На тех городских планах, что мне доводилось видеть в процессе учебы, многие кварталы были попросту закрашены. Разными цветами, из-за чего город становился похожим на причудливую мозаику. Да, не положено нам было углубляться в детали. Ведь нас готовили к...

А, господь с ним. Со всем.

— Благодарю, сеньора.

Когда я выходил из кабинета, спину царапнуло сокрушенное:

— Такой славный мальчик и уже такой невезучий...

Конечно, она говорила тихо. Для себя самой. И наверное, если бы я обернулся, скорее предпочла бы отделаться постной, ничего не выражающей миной, чем повторить сказанное мне в лицо.

С «черной», рабочей стороны здание муниципалитета было все тем же огромным запутанным лабиринтом, в котором любой нормальный человек терялся окончательно и бесповоротно. Голые гладкие стены. Коридоры закрытых дверей, сливающиеся в одну бесконечную галерею. А там, где створки все-таки оказывались распахнутыми, хозяева кабинетов заняты ленивым общением с незадачливыми посетителями вроде меня. И всегда сурово смотрят на того, кто мешал исполнению их служебных обязанностей.

Впрочем, в здешней пустоте нет ничего странного. Теперь уже нет. Давным-давно прошли те времена, когда к каждому клерку выстраивались огромные очереди. Разве что вдруг введут новый вид пособия нуждающимся, и тогда можно ждать оживления. Некоторого. Ведь жителям Вилла Лимбо здесь делать нечего: муниципальный совет не источник безвозмездных льгот и щедрот, а место работы, как, к примеру для... Легок на помине!

— Какие-то проблемы?

И не поймешь, играет он в инспектора или искренне интересуется. По-дружески, так сказать.

— Нет. Ходил узнать насчет трудоустройства.

— Скучно сидеть дома?

Отчасти. Но главное, голодно. А переходить на горячительную диету Фелипе мне пока рановато. Вот потом, когда все выяснится, можно и запить. Хоть с горя, хоть на радостях.

— И куда направили?

Прищуренный взгляд недвусмысленно намекнул, что Норьегга в любой момент и так может узнать все, что настучала на клавиатуре пышнотелая чиновница. Но предпочитает услышать от меня? Нет уж, пусть потрудится сам:

— Неважно.

— Я мог бы...

— Не нужно.

Ну когда он от меня отвяжется?! Нам не по пути, парень. Хотя бы потому, что я в светлое будущее идти не собираюсь: оно уже позади. А во времени не возвращаются, верно?

— Злишься?

Да ни капли. Просто пока не хочу ни с кем сближаться. На всякий случай. Вон, Хэнк, что называется, не оставлял меня в болезни и здравии. И каково ему сейчас?

— Я могу помочь. Правда.

— Знаю. Вот только...

Он выжидательно качнулся вперед, готовясь слушать моё «чистосердечное признание». И обломался.

— Никто никому не помогает просто так. Согласен? Рано или поздно что-то требуют взамен. И то, что можешь потребовать ты, меня... Скажем, не воодушевляет. Понятно?

Поворот от ворот Эсту не удивил. Но и не остудил:

— Значит, так и будешь отмахиваться?

Нет смысла тратить слова на ответ: пожатия плечами вполне достаточно.

— Ну, как хочешь. Только смотри, может статься, уже сегодня передумаешь. Тогда и поговорим.

Ага, он все-таки залезал в базу. И видел направление на работу, поэтому строит из себя что-то вроде благодетеля. Интересно, весомые на это имеются причины или нет?

— Поживем — увидим.

В маршрутном автобусе на моё удостоверение, гарантирующее помимо всего прочего и бесплатный проезд, взглянули косо.

Не живые деньги, да? Насколько помню по финансовым отчетам, поступлений из городского бюджета всегда достаточно, чтобы содержать парк муниципальной техники, а все остальное идет уже сверху. В прибыль извозчика. И стало быть, я — чистый убыток. Занимающий место кого-то, способного оплатить проезд самостоятельно.

Впрочем, не только водитель был такого мнения. Пассажиры тоже. Правда, никто из них не стал выражать свое негодование вслух. Презрительно замолчали, это да. И пересели подальше, кому было куда. Прямо-таки шарахнулись, как будто встретили... Прокаженного?

И ведь ни у одного взгляд не поймать. Не посмотреть глаза в глаза. То ли брезгуют, то ли стыдятся. Занятно. Как-то не припоминается ничего похожего на показательных встречах «разных слоев общества», где все счастливо пожимают друг другу руки и улыбаются на камеру, произнося речи о равенстве, братстве, справедливости и прочих хороших вещах. Правда, представители Низины там присутствовали вроде бы без карточек на груди... Да, точно! Без своего обычного клейма. Прятали, наверное. Но зачем? Если это законно и необходимо, откуда стыд? Причем, с обеих сторон?

Если одни чувствуют себя обделенными, это понятно. Но другие-то о чем думают, отводя взгляд? О том, что виноваты — это вам скажет любой психолог. Вон, Эсту вина и вовсе подвигла на служение обществу. И все же, все же ...

Я понял бы причину, окажись сейчас, здесь, в салоне автобуса, на потрескавшихся кожаных сидениях лаборанты, напортачившие с вакциной. Или разработчики, не выявившие все свойства своего зелья прежде, чем экспериментировать на людях. То есть, позапрошрое поколение. Не нынешнее. Дети же не в ответе за грехи отцов, правда?

* * *

Предписанное социальной службой место трудоустройства находилось на одной из окраин, и поездка получилась довольно долгой, от муниципалитета почти через весь Вилла Лимбо. Но закончилась раньше времени: когда на очередной остановке в салоне не осталось никого кроме меня, мне было предложено убираться вон. Настоятельно. Под тем предлогом, что «машина дальше не пойдет».

Я не стал спорить. Наверное, потому что близилось время сиесты, а вместе с ним уже знакомое ощущение... Нет, пожалуй, все-таки не лени.

В прежней жизни домашняя обстановка тоже не казалась мне напряженной или нервной, но здесь, ниже по склонам и в самой котловине течение событий словно останавливалось. Каждый день — несколько часов вязкого забытья. Не застой, не маленькая смерть, скорее сон без сновидений. Прямо как в одной из сказок Генри. Кажется, там шла речь о принцессе, вместе с которой заснуло и все вокруг. Чтобы однажды проснуться и начать жить сначала, в мире, безвозвратно изменившемся за время спячки. Может быть, и те, кто за дремотой скрывается от дневной жары, тоже втайне надеются однажды открыть глаза и увидеть...

Что ж, мечтать не вредно. Если есть возможность. А мне остается только выбраться наружу из душного салона, проводить взглядом железную колымагу со свежевыкрашенными боками и дальше пойти пешком. По улице между высокими глухими заборами.

На карте этот квартал был помечен, как нежилой, а значит, промышленный или что-то вроде того, но кроме унылого вида ничем похвастать не мог. Кое-где раздавались голоса, иногда что-то постукивало или жужжало, только очаг производства не напоминало. К тому же, все известные предприятия, составляющие гордость и славу Санта-Озы, базировались в другом конце города, а вовсе не на Кабо Торо^[9].

Одноэтажное здание, фасадом чуть вынесенное за периметр ограды, выглядело ничуть не презентабельнее окружающей местности. А по мере приближения к нему в воздухе все отчетливее начинало пахнуть подгоревшим маслом. И чем-то ещё, явственно напоминающим о кухне, правда, далеко не лучшим образом.

Названия на конторском доме не обнаружилось. Только адрес, намалеванный прямо по свежеположенной, но уже осыпающейся штукатурке. Входная дверь подалась туго, зато обратно торжественно поплыла, ведомая доводчиком, пока я, рассеянно приподняв брови, стоял и пытался соотнести убогую ветхость наружности с великолепием начинки.

Нет, интерьер был не таким уж шикарным. На второй взгляд. Но даже по сравнению с тем же муниципалитетом разница бросалась в глаза. Не говоря уже о лачугах Низины.

Самое главное, здесь было прохладно. Именно так заманчиво и умиротворяюще свежо, как в домах на склонах Сьерра-Винго. Повсюду стояли кадки с цветущей зеленью, а посередине облицованного кружевным розовым мрамором холла журчал самый настоящий фонтанчик. И молодая женщина, вышедшая мне навстречу ровно спустя минуту после того, как прозвенел колокольчик над входом, выглядела весьма заманчиво. Как картинка в модном журнале.

— Что вам угодно?

Спросила, правда, холодным тоном. Ледянее воздуха. Потому что первым делом посмотрела не на моё лицо — на карточку удостоверения. Вернее, недовольно покосилась. А когда пробежала взглядом по строчкам протянутого мной предписания, и вовсе брезгливо раздула ноздри.

— Вход для персонала с другой стороны. Дальше по улице.

И поцокала каблучками обратно, в объятия зеленой прохлады. А я подумал о том, что канцелярский зажим — слишком ненадежное и неудобное приспособление. Надо бы раздобыть прозрачный чехол и повесить свой опознавательный знак на цепочку. Или шнурок. Прямо посередине груди. Чтобы все обо мне всем становилось понятным ещё издалека.

Новое место назначения нашлось без труда: ничего другого, похожего на вход, до конца забора, то есть на протяжении ещё нескольких сотен футов, не виднелось. И вот за той дверью уже не было никакого холла, вообще никаких изысков, только узенький коридор со стенами из формованной жести, десяток раз поворачивающий под девяносто градусов и заканчивающийся...

Если судить по запаху — барбекюшницей, с помощью которой незадачливый повар угробил обед. Персон этак на сто. Или двести. А потом тут же рядом сгноил все остатки.

Если приложить к обонянию зрение... Столько металла в одном месте я никогда ещё не видел. Или все-таки металлолома?

Машины, расставленные по двору, частью под навесами, частью на открытом воздухе были старыми. Очень. Допотопными. В смысле, разработанными и собранными до начала магнитной эпохи. Конечно, работали они уже не на производных нефти — такого расточительства не мог себе позволить даже самый богатый человек в мире. На биодизеле. Зелье, сваренном из всего, что умело сгорать. Но дым, смрад, горечь — это понятно объяснимо, а здесь к аромату подгоревшей еды настойчиво примешивалась...

Сомнения рассеялись, когда я внимательнее рассмотрел пятна на ближайшем железном мастодонте. С задней стороны, прерывистой змейкой вьющиеся по низу странного кузова.

И правда, гниль. Когда-то бывшая едой. Остатками еды, что вернее. Наполовину подсохшая, но кое-где ещё влажная, липкая, жирная...

Желудок метнулся вверх. К горлу. Хорошо, что он с утра был отчаянно пуст, иначе представил бы меня не в лучшем свете перед женщиной, участливо поинтересовавшейся:

— Первый раз здесь?

Немолодая. Круглая, с какой стороны ни посмотри. В необъятном халате, неровная окраска которого наводила на размышления. О многократной чистке, например, от той же гадости, на которую медитировали сейчас мои внутренности.

— К этому привыкаешь.

Все, что мне удалось, это кивнуть. И снова показать предписание. Но на этот раз никто не стал морщиться или смотреть косо, даже наоборот: мне искренне обрадовались.

— Значит, к нам определили? Что ж, добро пожаловать!

Владения толстушки выглядели куда скромнее главной конторы. Небольшая комната, заставленная шкафами, из-за которых толком не видно стен. Рабочий стол с баррикадами из папок и бумажных рулонов. Окно, в верхней половине затянутое плющом, ползущим из кашпо под потолком, в нижней — заставленное коробками и мешками. Где-то в недрах бумажного хаоса угадывался компьютер, и вроде бы даже хорошей модели, экранированной от магнитных воздействий, но здесь он был явно на последних ролях.

Впрочем, другого способа свериться с центральной базой данных все равно не существовало, и женщина, тяжело вздохнув, нашарила под столом кнопку пуска.

— Давненько никого не присылали, давненько. Я уж думала, что надо заявку заново заполнять. А тут надо же, какой сюрприз... Да ты присаживайся пока! Долго морить разговорами не буду, а вот машинку не поторопишь.

Тошнота отступала неохотно. Казалось, что откуда-то все равно тянет гнильцой, хотя этого попросту не могло быть. Ведь невозможно же целый день напролет дышать...

— Тут тоже пахнет.

— М?

— Пахнет-пахнет. Тебе не мерещится, — подтвердила толстушка, всматриваясь в экран.

— Но как же...

— Меньше, чем там, конечно. И помнишь, я уже говорила? Привыкаешь. Ко всему в этом мире рано или поздно привыкаешь.

Электроника и впрямь не спешила: прошло не меньше пяти минут, прежде чем моя собеседница добралась до нужных ей сведений. И ещё столько же, пока не возник уточняющий вопрос:

— Перемещение без ограничений?

— Сеньора?

— Твой личный периметр. Написано, что в него входят оба нижних города. Это точно?

— Если так написано...

— Ну смотри. А то знаешь, бывали случаи. Тому, кто заполняет анкету, тоже иногда хочется чего-то сверх жалованья.

Намекает, что я мог подделать сведения? Вернее, заплатить чиновнику за ложь? Какая глупость! Хотя, если вспомнить людей в автобусе, поневоле начнешь верить во всякое. Но это ерунда. Мелочь. А вот другие её слова...

— Сеньора?

— Что-то хочешь сказать?

— Спросить. Если позволите.

— Спрашивай.

— Вы сказали... Оба нижних города.

— А, так ты не понял, о чем речь? Хорошо, скажу по-другому. Вилла Баха и Вилла Лимбо.

— Я понял. Ещё в первый раз. Но почему вы назвали их обоих «нижними»?

Толстушка подняла на меня взгляд. Заинтересованный.

— А что не так?

— Низина она и есть Низина. Но второй...

Она откинулась на спинку стула, тут же надсадно заскрипевшую.

— Думаешь, между ними есть разница?

— Разве нет?

На меня взглянули снова, теперь уже то ли настороженно, то ли растерянно. Впрочем, смотрели недолго: женщина вернулась к изучению анкеты. И по завершении сделала тот же вывод, что и все остальные:

— Ты здесь недавно. Тебе простительно.

Хорошая добавка. Можно подумать, своим удивлением я в чем-то провинился!

— И все-таки, почему...

— Если между людьми, живущими в предгорьях и на побережье, есть разница, то она не в их телах, а в мозгах.

Ну да. А мозги, стало быть, это уже не тело?

— Одни — местные, другие — пришлые. Уроки истории в школе прогуливал?

— Я... Не посещал школу.

— Ага, тут же указано... Тогда извини. Кстати, на тему школы: есть курсы. Общеобразовательные. На наших работников квота распространяется, так что только скажи

— включу в список.

Ого, уже второй раз. Уж не знаю, искренне они все пекутся о просвещении среди обездоленных или нет, но предлагают сразу же. Наверное, и сами с этого что-то имеют. Ну, помимо квалифицированного рабочего персонала, конечно.

— Пожалуй, скажу «да», сеньора.

— Ну и славно!

Она сделала пару пометок в файле и хитро подмигнула:

— Будем считать, что это означает согласие и со всем остальным?

Имеет в виду место работы?

— Сеньора?

— Я о том, что тебя, похоже, местные ароматы не отпугнули.

— Приятными их не назовешь.

— Что верно, то верно. Но от них никуда не денешься. Мусор нужно убирать, чего бы это ни стоило.

Мусор?

Я просто не хотел верить, поэтому делал вид, что не понимаю. Старался не задумываться. Не складывал два и два. Но когда сказали прямо в лоб, юлить перед самим собой больше не было смысла.

Можно было бы застопориться на мысли: все это происходит не со мной. Хотя бы попробовать, в традициях героя популярного фильма моего детства «Мир наизнанку». Но там речь шла о попадании в другую реальность, а вокруг меня все оставалось прежним. Законы, традиции, привычки хороших знакомых людей — все было неизменным. Кроме чужой памяти.

— Работа, конечно, специфическая. Не особо чистая, признаю. А впрочем, руки приходится пачкать в любом труде.

Интересно, дедушка бы сильно огорчился карьерному пути своего внука? Насколько могу судить, грузчик в порту все же стоит повыше, чем мусорщик.

— Спецдежду выдадут. С чисткой сложнее: администрация экономит на всем, чем можно, так что этим заниматься, скорее всего, придется самостоятельно.

Да, если обшивать стены мрамором, привезенным с другого континента, точно нельзя экономить. На работниках, на ком же ещё. А насчет остального... И то, что на мне надето, уже явно нуждается в стирке. Как можно более скорой. Будет вдвое больше грязных тряпок за раз, только и всего.

— Я смотрю, у тебя тут пометка насчет питания. Пайка не хватает?

— Вроде того.

Особенно когда продукты до тебя не добираются, оседая где-то у перекупщиков, чтобы удовлетворить пагубную потребность твоего названного отца. Вечную жажду.

— Обед будет. В перерыве между сменами. Правда, в первые дни ты его вряд ли сможешь проглотить.

Постараюсь. Соберу все силы в кулак. Пусть и для того, чтобы тут же все вывалить обратно: на стенках желудка хоть крохи, да осядут.

— Смены короткие. По три с половиной часа, больше не бывает. Ещё полчаса на обед и отдых. Первая начинается в одиннадцать, вторая — в три. Вечера и утра, соответственно.

Видимо, моё лицо изобразило несказанное удивление, потому что толстушка улыбнулась:

— А ты как думал?

— Да я вообще-то никак не...

— Мусор — такая штука... Хитрая. С ним надо поспевать. Не поспеешь, проглядишь, и все. Проблема на ровном месте. Запах это ещё полбеды, так, дополнение к прочему. К бациллам, вирусам, другой гадости. Солнцу их не сжечь сразу и быстро, а если ещё туман вмешается... Поэтому график такой: с позднего вечера до раннего утра. Первую смену будете кататься по Лимбо, а потом отправитесь в Низину. Там как раз часам к пяти все утихомиривается, только обеды остаются.

— А в Лимбо по ночам жители не...

— Нет, — хмыкнула она. — Играют в приличных людей. В самом крайнем случае к полуночи затихают.

Значит, всю ночь я буду шататься по городу, так получается? Может, это и к лучшему. Спокойнее для всех. Зато днем смогу как следует присмотреть за Хэнком.

— Когда будешь готов приступить?

— Сегодня.

— Уверен?

А зачем тянуть? Тем более, если пойму, что не справляюсь, так пусть уж раньше, чем позже.

— Да, сеньора.

— Хорошо. Ждем тебя к половине одиннадцатого. Покажу, что и как, комбез выдам. Познакомлю с напарником.

О, у меня ещё и компания будет?

— Не опаздывай в первый день. Да и вообще не опаздывай. Рамки у нас жесткие, но не нами ставленные.

Спасибо, я уже понял. Только, похоже, никак на могу внешне свое понимание отобразить, раз мне повторяют:

— Мусор ждать не станет.

— Да, сеньора.

— Спросишь Долорес, когда придешь. Это сейчас тут пусто, как в кошельке перед зарплатой, а вечером светопреставление начнется.

Когда все эти железные раритеты забурчат своими двигателями? Могу себе представить. Дышать точно станет нечем.

— И так, на будущее... Думай хоть изредка о том, что твоя работа нужна всем. Вообще всем. Каждому живому существу в городе. Это поможет.

* * *

Пламенные призывы на меня не действовали никогда. А вот обращения к разуму добивались своего каждый раз и весьма успешно. Эсте неоткуда было узнать о такой странности моего характера, вот его агитационные попытки и провалились. Но, черт возьми, как ничем, кроме своих объемов, непримечательная женщина смогла с первой попытки попасть точно в цель?

Хотя, надо признать: почва была уже подготовлена. Кафедрой городского хозяйства, на которой группа будущих «хозяев» Санта-Озы слушала общеразвивающие лекции и

наблюдала за проведением лабораторных работ. Особого интереса к теме предмета я не испытывал. Как, впрочем, и к процессу обучения в целом. Просто считал, что это мне нужно, а раз нужно, не имеет значения, позитивные ощущения приходят вместе со знаниями или нет.

Проблема мусора и впрямь упоминалась преподавателями наравне со всеми остальными «узкими местами» существования больших городов. Потому что мусорят люди прилично. В смысле, много. Там, сям, дома, на работе, на улицах. Везде. Но задумываться над тем, кто и какими усилиями способствует сохранению чистоты... Нет, не приходилось. Повода не было.

Машинный двор после относительной свежести кабинета Долорес снова показался очагом адского зловония. Продышаться удалось только через милю ускоренной ходьбы: утренний опыт показал, что ловить автобус на конечной остановке бессмысленно. Потом-то, в обитаемых кварталах я осчастливил водителя новой встречей. Как же можно было отказаться от удовольствия ещё раз взглянуть на эту кислую мину?

В Низине общественный транспорт тоже ходил. По центральным улицам. Но поскольку место моего нынешнего проживания не было осчастливлено благами цивилизации, дорога на работу и обратно грозила занимать изрядное количество времени. А что самое неприятное, нос теперь чутко реагировал на малейшее дуновение воздуха с помоек. Грубо говоря, к окончанию пути я весьма хорошо представлял себе мусорную карту «родного» района. И на будущее зарекся выбирать отдельные, наиболее ароматные маршруты движения.

Сиеста снова прогнала людей с улиц, рождая закономерный вопрос: а куда именно все исчезали на несколько жарких часов? Мне это выяснить в ближайшее время явно было не под силу. Отправляться на работу вечером и возвращаться утром, значит, вовсе не видеть белого света. Спать придется без задних ног с восхода и до заката, если, конечно, двенадцати часов будет хватать для отдыха. Зато на солнце париться не понадобится, что уже хорошо.

Початая банка кофе все ещё стояла на кухонной полке. Сиротинушкой. Должно быть, продукты со вскрытой упаковкой не пользовались спросом среди местных спекулянтов. Единственная неприятность: после прогулки невозможно было запихнуть в себя что-то теплее водопроводной воды. Пришлось оставить кофе стынуть, а вынужденную паузу потратить на благо Хэнка.

Какой бы странной ни казалась жидкость, врученная мне врачом, и по своему происхождению, и по скупому описанным свойствам, она действовала не хуже реанимационной бригады. В сознание не возвращала, увы, зато явно приводила функции организма в норму. Похоже было, что до конца флакона ритм сердцебиения, цвет лица и прочие характеристики условно здорового человека смогут вернуться к прежним показателям. Но кое-что другое...

Он начинал меня узнавать. Но вряд ли как Фрэнка. Скорее, как источник заботы.

Пульс заметно менялся, когда я прикасался к неподвижным запястьям. Рывком ускорялся, чтобы потом плавно затихать. Память тела? Неосознанная привязанность? От неё становилось жутко. Все равно, что расшатанное кресло, на котором я обычно засыпал возле кровати, встречало бы меня, суча ножками и помахивая полосой оторванной обивки. Но за разговоры с мебелью обычно объявляют сумасшедшим, а когда бдишь над коматозником, можно утешать себя теорией, что он слышит. Все и всегда.

— У меня появилась работа. Представляешь? Честная и нужная. Только ни за что не

угадаешь, чем я с сегодняшнего вечера начну заниматься. И никто бы не угадал. Пожалуй, не буду рассказывать, а то ещё решишь, что у меня мозги окончательно поехали. Потом как-нибудь. Нет, мне не стыдно, не думай! Даже не удивительно. Вот это как раз и есть самое странное, Хэнк. Меня ничто здесь больше не удивляет.

Окончательно я это прочувствовал в муниципалитете. Когда сидел в коридоре. Словно все шло именно так, как и должно было. Словно наконец вписался в существующую действительность, и больше никогда и никуда из неё... Не выпаду?

— Кажется, будто вся прошлая жизнь — нелепый сон, а сейчас я наконец-то проснулся. Да, мне чертовски хочется закрыть глаза снова. Но не возвращаться. Там не оставалось ничего заманчивого, одни только проблемы. Тут, конечно, забот не меньше, но они все какие-то... Обычные. Обыденные. Нормальные. Решаемые без напряжения нервов. Без злости. Вот папашу Ллузи, к примеру, стоило бы хорошенько отругать. Согласен? Вот-вот. И все равно не тянет. Лениво, наверное. А впрочем...

Найти бечевку в кладовой было куда как труднее, чем протянуть сигнальную систему от кухни в комнату Хэнка. Потом оставалось только ждать, заключив с самим собой пари на тупость, а вернее, силу привычки старого пьяницы.

Узлов я вязать не стал и правильно сделал: когда конец бечевы, обвитый вокруг запястья, дернулся, то всего лишь обжег кожу, сообщая, что кто-то вторгся на кухню без моего ведома. И конечно, воришка успешно был застигнут на месте преступления. По пояс углубившимся в недра шкафа.

— Там ничего нет.

Что меня с первой же встречи бессознательно покорило в Фелипе Ллузи, так это его наплевательское бесстрашие перед лицом любых обстоятельств. Даже не вздрогнул на мой голос. И не повернулся, пока не закончил осмотр полок.

— Следующий паек ещё не скоро дадут. Только на будущей неделе.

Новость не произвела на пьяницу впечатления. Никакого. А меня вообще заметили или как?

— Но ты его получишь, только если будешь хорошо себя вести. Справишься?

О, теперь взгляд папаша Ллузи стал чуть осмысленнее. Вернее, недовольнее. И я наконец дождался проявления внимания. Вместе с отповедью:

— С каких это пор сын получил право ставить отцу условия? Закон божий отменили, а мне и не сказали?

На язык сразу же попросилось что-то вроде: «Да какой я тебе сын?». Заманчиво скакнуло на самый кончик.

Нет, не сейчас. Позже. Сначала надо создать плацдарм. Фундамент. Возделать пядь земли для того, чтобы крепко стоять на ногах. Отчаянные склоки хороши только между пауками в банке, из которой никуда не деться. А в этом доме мои права, прямо скажем, шаткие. Вот когда все привыкнут к тому, что у Фелипе есть сын, можно будет попробовать более жестко...

Господи, да о чем я думаю?! Нет никаких «когда». Есть только урочный день пробуждения. А за ним — обрыв.

— Пьянство не добавляет здоровья.

— Оно мне надо?

Речь идет, конечно же, о здоровье?

— Дети должны заботиться о родителях.

— Так заботься! Что тебе мешает?

— На половину пайка согласен? Буду отдавать. Без требований. Без напоминаний. Только если пообещаешь не трогать остаток. А если тронешь...

— Что тогда?

Кажется, заинтересовался. Особенно недосказанной угрозой.

— Не получишь ничего.

— Вылетишь из дома.

Ага, то, чего и следовало ожидать. Паучья банка затрещала по швам.

— А тебя соседи и знакомые не заклеят позором?

Он хохотнул. Или закашлялся?

— Да куда уж больше-то? Нет, парень, я обидных слов не боюсь. В словах какая сила? Пшик один!

Очень может быть. Действие куда эффективнее. Потому что оставляет след в материальном мире.

— Мне найдется, куда пойти, учти это.

— Найдется, не сомневаюсь! — папаша Ллузи заграбастал чашку с забытым мной кофе и одним глотком осушил больше половины. — К бесноватому Эстебану? Да пожалуйста! Он у нас человек с большим сердцем. А ещё с намерениями и тоже не маленькими.

Ого. Бесноватый? Чем дальше, тем интереснее.

— И что с ним не так?

— С Норьегой? — уточнил пьяница, допивая холодную коричневую жижу. — Да все так. Просто как один раз загорелся, так и не тухнет.

— И чем горит?

Невинный вопрос, как ни странно, вызвал настороженное ожесточение:

— А тебе какое дело? Ты ж пришлый. Нашу жизнь до конца не разделишь.

Где-то я уже сегодня слышал это слово. «Пришлый». Вернее, «пришлые». И да, я не собираюсь что-то с кем-то разделять. Но каждую цепочку событий и фактов нужно прослеживать целиком, до самого завершения. До выводов. Иначе в наблюдениях не будет никакого прока — так нас учили.

— Поговорим об этом?

Он удивился. То ли дружелюбию тона, то ли самому предложению. Но отказываться не стал. Наверное, тоже любопытничал.

— Говори, раз решил.

— Сегодня я был...

Нет, пожалуй, не стоит открывать все карты сразу. Ллузи и так рано или поздно узнает, что я получил работу. А с ней и дополнительное довольствие, что особенно важно пьянице.

— Услышал в разговоре одну непонятную вещь. Про Низину и Лимбо. Что между людьми, живущими тут и там, нет никакой разницы.

— Это все знают.

Неужели? И университетские преподаватели? Почему же они молчали о подобном равенстве?

— Не потому, что они «люди». В общечеловеческом смысле и все такое. По своим... физическим качествам.

— Зачем мудришь? — Фелипе почесал небритую щеку. — Одинаковые мы. И всегда были одинаковыми.

Ну да. Большинство обитателей Вилла Лимбо не может покинуть пределы Санта-Озы. Не может подняться вверх по склонам гор. И таковы же те, кто живет в Вилла Баха. Только граница, которой вроде бы не должно быть, прекрасно себя чувствует и исчезать не собирается.

— Но откуда тогда взялось разделение?

— Вот с такими вопросами ты пришлым всегда и останешься.

Пусть. Мне в этом городе никто и никогда не был рад.

— И все-таки?

Папаша Ллузи посмотрел в чашку. Даже перевернул её, чтобы убедиться: кофе больше не осталось.

— Здесь ничего не было. Почти ничего. Хоть знаешь, где город заканчивался? Прямо за соборной площадью. Дальше набережная была. И океан. Это потом земель насыпали, уже позже, когда понадобилось беженцев расселять. Им ведь не податься было выше, а там, где теперь Лимбо... Там люди уже до того жили. Веками.

Намывные территории? Да, что-то такое рассказывали. На лекциях. Вскользь и мельком, как мало значащий факт.

— Значит, Низина совсем недавно возникла?

— Да как сказать, недавно... — Он посмотрел в окно, печально, но мечтательно. — У детей первых поселенцев уже свои дети тут выросли. Время летит быстро.

Третье поколение на подходе? Наверное, достаточно, чтобы считать место жительства постоянным, а землю родной. Я почти не помню Орлеан. Так, какие-то обрывки на фоне родительских фигур. Но вопрос в другом:

— Дети. Внуки. Это значит, семьи. А семье всегда нужен дом. Для новых детей и внуков. Но то, что здесь повсюду... Это не дома. Лачуги. Временные прибежища. Почему?

— Ты меня спрашиваешь?

М-да, не самый удачный адресат вопроса. Но можно слегка сменить тему:

— У тебя есть дети? Или были?

На меня посмотрели, как на идиота. Впрочем, безобидного.

— Думаешь, я бы тогда жил тут один?

Понятно.

— Извини.

Пьяница вздохнул. Видно, разговор зашел о малоприятных вещах.

— Я не был против детей. Никогда. Но они не хотели.

— Кто «они»?

— Мои женщины.

Сказано было с отчетливой гордостью. И пожалуй, в неё верилось. Нужно было только

повнимательнее присмотреться к немолодому и давно уже переставшему заботиться о внешнем виде человеку. Но сама фраза...

— Ни одна из них? Разве не каждая женщина стремится родить?

— Мне такие не попадались.

— Даже чтобы захомутать?

Прыснул. Почти бесстрастно.

— Это смешно?

— Эх, молодость, молодость... Я ведь тоже от венца бегал. Поначалу. А потом, когда понял, что к чему в жизни, было уже поздно. Жизнь стала другой.

— В чем другой?

Он повернулся, собираясь уходить с кухни, но на прощание объяснил:

— Детей и семьи заводят, когда есть будущее. А когда его нет... Глядеть, как твой ребенок день за днем бьется о каменную стену — не всякая мать выдержит. Да и отец тоже.

Шаркающие шаги закончились скрипом петель гамака, что означало: хозяин дома вернулся на свое любимое место. А с улицы в дом тем временем поползли сумерки.

Имение сенатора никогда не знало ночи. Едва солнце начинало садиться, повсюду загорались многочисленные светильники. Только в спальне можно было ощутить темноту, если наглухо зашторишь окна. Зато тут над головой были...

Звезды.

Много-много ярких точек в черном небе. Целые россыпи. Света они не могли дать, но почему-то ощущалось обратное. И даже хотелось чуть притушить фонарь на стене дома, чтобы лучше видеть звездные узоры над головой.

— Да ты романтик.

А кое-кто — любитель незаметно подкрадываться. И подглядывать.

— Красиво.

— Ага, — Эста тоже задрал голову.

— Заступаешь на очередное дежурство? Или просто вышел погулять?

— Выбирай, что хочешь.

О, мы снова щедры на великодушные разрешения?

— Ты ведь не просто так сюда приперся.

— Ага.

Ладно, спрошу прямо:

— Чего надо?

— Нравится новая работа?

— Ещё не пробовал.

— А, ну-ну. Потом тогда расскажешь.

— Вряд ли.

— Придешь сам и... Я войду, кстати? Или будем перекрикиваться через всю улицу?

— Почему бы и нет?

— Смотри, пожалеешь.

Щадим мои чувства? Мило. Бессмысленно, правда. Но раз уж даже папаша Ллузи назвал Норьегу бесноватым, наверное, стоит иногда ему потакать. Эстебану, в смысле, а не пьянице, облюбовавшему гамак.

— Ну, если так...

Говорил я уже в пустоту, потому что незванный визитер с самого начала не планировал

дождаться моего ответа.

Сегодня Эста примерял на себя новую ипостась: хитрый и довольный. А в сочетании с вечно прищуренным глазом такая мина выглядела особенно многозначительно.

— Что хотел сказать? Из не предназначенного для улицы?

Ладони спрятаны в карманах куртки, по губам ползает рассеянная улыбка. Ну ни дать, ни взять, человек, предвкушающий то ли непристойное развлечение, то ли осуществление мечты всей своей жизни.

— Да ничего особенного.

А сам все шире и шире скалится. И смотрит призывно. Мол, я все уже знаю заранее, в мельчайших подробностях, но жду твоей чистосердечной исповеди. А ещё, видимо, слез в жилетку. Впрочем, насчет последнего Норьега просчитался: жалоб не будет.

— Ты время-то не тяни. Мне на работу скоро отправляться.

— Ну да. На работу. Конечно.

Сидел бы Эста сейчас на стуле, наверное, доерзался бы уже до дырки в штанах. От нетерпения. Неплохо было бы его так и оставить. В ожидании. Помариновать. Только такой подход чреват продолжением наших тематических вечерних встреч до бесконечности. А оно мне надо, как говорит папаша Ллузи?

— Давай, выкладывай.

— Ты о чем?

Нет, искреннего недоумения у него все-таки не получается: любые эмоции теряются на фоне самодовольства.

— О том, что ты утром начал. Хватит рожи корчить!

Конечно же, он счел, что моё недовольство — признание поражения. Сдача в плен, на милость победителя, так сказать. И поэтому пора расплываться в улыбке?

— Можно было дела сделать иначе. Просто нужно было попросить. Вакансий не так уж много, хороших — ещё меньше, но... Друзья на то и существуют, чтобы помогать.

Вот все в Норьеге прекрасно. И молодость, и задор, и упорство в достижении целей. Главное неудачно: многообразие моделей поведения. У того, кто видит только одну из них, вопросов не возникает. Но лично я запутался сразу. А если каждая новая личина после предыдущей опять сбивает с толку, значит, фальшивка. Очередная.

Только многовато их уже накопилось, правда? Пора отсекать лишнее. А там, глядишь, и получится из аморфного куска плоти и духа то, что можно будет назвать человеком.

— Да я бы с радостью. Со всей душой. С распростертыми объятиями. И бесконечной благодарностью. Но видишь ли... Совесть почему-то против. Это что же получится, если я вперед кого-то влезу в лучшую жизнь? Тот, другой, может, с рождения ждал своего счастливого шанса, готовился, надеялся, планы строил, а я взял и отнял?

Ловушка получилась грубоватая. На неискушенного зверя. И все-таки, Эста в неё попался: просиял взглядом, слушая.

— А ещё — ты. Твоё доброе имя. Не знаю, может, здесь и принято осыпать щедротами ближних своих, но ближние как раз вряд ли поймут, с чего вдруг милость свалилась на чужака, который её и оценить-то толком не может.

Все, увяз. Руками, ногами, а главное, головой. Тут бы и захлопнуть крышку? Нет. Из меня охотник никогда не получался. Я зверьков всегда отпускал на волю.

— Что, повелся?

Смена тона сделала все, как надо: вывела Эсту из ступора. Возможно, слегка озлобила.

Но больше все же разочаровала.

— Это было хорошо. Несмотря ни на что.

— Это было то, чего ты ждал. То, что ты сам себе придумал.

— И ошибся? От начала и до конца? Точно?

А он упорный. Маньяк. Такие обычно своего добиваются. Но не в этот раз.

— Если бы ты хотел помочь, не устраивал бы спектакли.

— Ну да, ты же привык все получать по первому требованию. Прости, забыл.

Зачем постоянно пытаться меня уязвить, уколоть, заставить испытывать неприятные ощущения? Шоковая терапия? Мне лечиться не надо. Здоров как бык. Это мир вокруг болен, и серьезно.

— Лучше объясни кое-что. Насчет границы.

— Какой?

— Между Низиной и Лимбо.

— А что в ней непонятного?

— То, что она вообще существует. Особенно в головах.

— Граница, она... Всегда была.

— И будет?

Эста пожал плечами:

— Наверное.

Что характерно, никакого возражения. Ни во взгляде, ни в жестах, ни в голосе. Значит, и в мыслях своих сеньор Норьега эту черту проводит? Без сомнений. Всегда.

Интересная картинка получается, однако...

— Фиговый из тебя революционер.

— А ты-то что в этом понимаешь?

— В борьбе за счастье и свободу? Немногое. Но знаешь, со стороны виднее.

— И что увидел?

Разочарование сменилось вызовом. Ощетиненными чувствами. Задел за живое? Похоже. Ещё и поковыряюсь в ране. Так, чуточку.

— Вот ты борешься. Или планируешь бороться. Чтобы расширить права жителей Низины, верно?

— Ну да.

— А ты хоть раз задумывался над тем, что человек, сидящий в тюрьме, все равно останется узником, даже если ему позволят утверждать собственное меню на завтрак, обед и ужин?

— Причем тут...

— Жители Низины могут бывать в Лимбо?

— Могут.

— И работать там? И получать достойные деньги за свою работу?

— Если столько заплатят. Да и работать — пожалуйста. Только бы здоровье позволяло.

— А жить?

— Что значит, «жить»?

— Может кто-то из местных, скопив достаточно денег, переселиться повыше? За границу между городами?

Эста выпалил ответ, не задумываясь ни на мгновение:

— Конечно, нет! Никогда.

— Но почему? Разве на это есть запреты?

— Места нет.

Отличное объяснение. Естественное.

— Итак, Вилла Лимбо расти некуда?

— Как видишь.

— А Низине?

— Тоже не особо.

— Пока не будут намыты новые территории?

— А кто станет этим заниматься? Забава же дорогая. Только при крайней необходимости сенаторы могут решиться.

— Но это хотя бы возможно. Согласен?

Промолчал. Ладно, хотя бы не стал спорить: уже прогресс.

— Что же выходит? Вилла Баха в смысле развития — перспективное местечко. С неограниченными возможностями расширения границ.

— Пожалуй.

— Следовательно, его нынешние условные «владельцы» живут практически на золотой жиле.

— Если думать по-твоему... Да.

— Так зачем им стремиться вверх, к склонам гор, если открыта другая дорога, прямая и ровная? Морские перевозки никто не отменял, тем более, что дальше в океан — ближе к торговым путям. Можно было бы и вовсе выстроить молы до самых...

Что-то я размечтался. Хотя, это не пустые фантазии. Все возможно. Нужно только начать. Ввязаться в драку. Развитие коммуникаций всегда вело к успеху и процветанию. Чем Низина хуже всего остального мира, спрашивается?

— «Самых»?

— Неважно.

— Нет уж, продолжай!

Ого, глаза разгорелись. Даже прищуренный. Правда, я и сам слегка... Того. Воодушевился. Поймал волну. Только непонятно, куда и откуда летящую.

— Да ладно. Забудь. Помечтаю как-нибудь в другой раз.

— Ты точно достоин большего.

Кажется, все старания насмарку. Хотел отшить Норьегу с его идеалистическими намерениями, а получилось наоборот. М-да, проблемка.

— Я знаю, чего достоин.

— Но не стремишься.

Звучит, как обвинение. Что ж, Эсте простительно. Неведение вообще полезная штука: сохраняет нервы в неприкосновенности и здравии.

— Тебе-то почем знать?

— Ты не хочешь брать лучшее.

А зачем? Стать не младшим мусорщиком, а старшим грузчиком? Огромная разница, можно-таки подумать! Нет, сеньор, рядом с тем, что мне грезилось, померкнет заманчивость любой карьеры. Самый верх был рядом, рукой подать. Горние пути стелились под ноги. И после этого думать, как было бы здорово подняться на следующую ступеньку от пола? Смешно. Обхохотаться можно. До колик.

— Мне хватает того, что есть.

Он не поверил. Снова. Наверное, и вовсе не способен поверить. Ну так и я не буду стараться. Больше не буду.

— Ты на самом деле чужой. Совсем чужой здесь.

Что остается? Только улыбнуться.

— Ты думаешь по-другому. Иначе, чем мы. Никто из нас ни за что не придумал бы такого... такого выхода.

Обычное планирование. Мягко говоря, не слишком продуманное и просчитанное. Общая идея, не более.

— Значит, нужно двигаться в обратном направлении? Не к горам, а в океан?

Ждете от меня готовых рецептов, сеньор? Нет уж. Сами, все сами. Ручками Извилинками.

— Я просто хотел сказать, что там, где есть два варианта действий, может найтись и третий. Но даже он не отменяет... Не решает главную проблему.

— Какую?

— Граница. Которая в головах. Ведь по сути, именно жители Вилла Лимбо заперты меж двух огней. Именно они не могут сделать шага ни вперед, ни назад. Ну, первое-то логично: чистые физика с физиологией. Но хоть убей, не понимаю, зачем отгораживаться от Низины. Затем, что там живут пришлые? Да проснитесь уже! Второе поколение беженцев скоро сменится третьим. Неужели этого мало, чтобы получить статус местного? Сколько ещё веков потребуется снобам середины на осознание всей глупости происходящего? Вот куда надо копать. Бороться не за права, а за души!

— Хорошо сказано. Одобряю.

Мне показалось, или голос пьяницы прозвучал чуть более надтреснуто, чем обычно?

— Вот как надо зажигать сердца, Эста. Учись.

Ввязался он в нашу беседу незаметно, а вот уходил гордо. Так, будто Фелипе Ллузи впрямь был моим отцом, и сейчас едва удерживался от того, чтобы прослезиться. Или все-таки не удержался?

— А он прав. Может, однажды за всю жизнь, но прав.

Норьега выглядел подавленным. А может, даже раздавленным. Немного. Но не побежденным. Я-то надеялся загнать его в тупик, заставить переключить внимание, направить усилия куда-то в другую сторону. Подальше от меня. И только все испортил. Хотя, если положить руку на сердце...

Несколько слов названного отца того стоили. Пусть наутро папаша Ллузи ничего не вспомнит, зато я не забуду. И судя по бормотанию, доносящегося из угла, занятого пламенным революционером, кое-кто другой тоже будет памятливым:

— Ты достоин... Не знаю, чего именно, но все, что есть здесь... Его точно не хватит.

Я бы ни за что не смог отвязаться от Эсты, если бы и ему, и мне не нужно было заниматься делами. Добровольно на себя принятыми, а значит, неизбежными. Но уходил он в темноту неохотно. словно ждал, что окликну. Позову назад. А заодно повинюсь во всех прошлых прегрешениях и принесу клятву рыцарского служения на благо всех и вся.

Тьфу!

С картой жить стало намного легче: можно было определить наиболее удобную траекторию движения и перемещаться по Низине там, где много людей и света. В Лимбо такой проблемы уже не вставало, потому что светло было повсюду. Даже в закоулках, где не слышалось ни вдоха живого существа.

Третьей встречи с одним и тем же водителем вполне хватало, чтобы с полной уверенностью заключить, что он намертво приписан к маршруту. Который уже традиционно закончился на остановку раньше официального кольца. Впрочем, зная, куда идти, я добрался до места работы за считанные минуты. Намного быстрее, чем показалось днем. Так что, остановкой больше, остановкой меньше — невелика разница.

Приближение ночи заметно изменило Кабо Торо. Практически до неузнаваемости.

Шум. Гам. Лязг. Ор. Ничего похожего на мертвую тишину улиц Вилла Баха посреди ночи. Мимо то и дело проносятся машины, разумеется, гремящие всеми сочленениями, а заодно заливающие улицу светом надсадно-ярких фар. За заборами, днем казавшимися оградой забытого кладбища, стоит галдеж. Людской. Пересменка у них, что ли? Все вокруг стрекочет, звенит, жужжит, визжит. Жизнь, одним словом. Настоящая.

Во дворе мусорной конторы все тоже било ключом. В том числе и гаечным. А жареным пахло намного сильнее, чем в первое моё посещение. Почти невыносимо. Но оно и не удивительно: двигатели-то заработали.

Толстушка Долорес поймала меня взглядом ещё на самом входе, а потом ухватила и за рукав. Чтобы не убежал раньше времени? В любом случае, держала крепко. Приволокла в подсобные помещения, где торжественно вручила ключ от шкафчика для личных вещей и комплект спецодежды. Условно-чистой.

— Давай, поторапливайся! Ещё надо познакомить тебя с напарником.

Уходить на время переодевания или отворачиваться она не стала, живо напомнив любопытничающую Лил. С той лишь разницей, что невинности в изучающем взгляде было куда как меньше. Вообще не наблюдалось. Хорошо хоть, облизываться не встала. Только вздохнула. Глубоко и мечтательно.

— Готов?

Лавируя между машинами и людьми в комбинезонах, похожих на выданный, разве только с разными узорами «камуфляжных» мусорных пятен, мы пробрались в один из углов машинного двора — к мерно бухтящей колымаге. В сизой дымке с привкусом горелой кукурузы обнаружился невысокий паренек, беспрерывно и смачно двигающий челюстями. Смуглый, тощий, с зачесанными назад и чем-то до глянца намазанными волосами, он выглядел заморышем. Но конечно, сам о себе был лучшего мнения.

— Вот, принимай напарника.

Взгляд в ответ мне достался просто убийственный. И ни одного словечка. Только очередное движение челюсти.

— С сегодняшнего дня... То есть ночи, обе смены отрабатываете. Хватит сачковать!

Ага, кажется, понимаю, из чего проистекает недовольство. В одиночку парню приходилось напрягаться меньше? Что ж, отличная причина для ненависти.

— И смотри мне, не обижай новенького.

— А что, сеньора глаз положила?

Голосок у него оказался под стать внешности. С претензией, но неудачной. Но Долорес на вызов не отреагировала.

— Сеньора предупреждает: учудишь что, снова будешь ездить один. Только количество смен обратно уже не уменьшится.

На меня посмотрели ещё раз. С явным обещанием будущего неотвратимого возмездия. А потом парень вразвалочку пошел к кабине.

— Ну ладно, мальчики, дальше ищите общий язык сами, — толстушка хлопнула меня по плечу и ещё раз выразительно погрозила пальцем назначенному напарнику, высунувшемуся из окна кабины.

Не думаю, что это возымело действие, но приглашение, хоть и нелюбезное, прозвучало:

— Залезай.

Напряжение рук сообщило, что неплохо бы возобновить тренировки тела, раз уж дух из меня почти вышел. Подтягивания, по крайней мере. Да и отжимания. Высоковато каждый раз так ползать. Ну да ладно. Наловчусь понемногу. Хотя с моими габаритами скакать вверх-вниз обезьянкой...

Когда двигатель взревел в полную силу, я все-таки зажал уши. Под торжествующе-насмешливый взгляд напарника.

Наверное, это было самым ужасным: шум пополам с дребезгом, добирающимся до костей. Невозможно поверить, что несколько десятилетий назад других средств передвижения не существовало, и каждый, кто куда-то собирался поехать, терпел все эти неудобства. С другой стороны, предки явно были закаленнее потомков. Привычнее к невзгодам. Может, именно поэтому разразившийся катаклизм и не стер человечество с лица земли. Силенок не хватило.

Разговаривать друг с другом мы не стали: звук мотора обмену словами не способствовал, обоюдного желания тоже не наблюдалось. Так что, до первого остановочного пункта на маршруте я был предоставлен самому себе и городским пейзажам, проплывающим за окном кабины в ритме волн, болящих Паркинсоном.

Часть увиденного уже не вызывала чувства новизны, а значит и интереса. Заборы, заборы, заборы. Серые, желтые, оштукатуренные. Запыленные кусты по сторонам дороги. А потом вдруг как-то резко начался город. Жилой.

Правда, с такого ракурса я Вилла Лимбо никогда не видел. Оказалось, за выставочным фасадом прячутся задние дворы, тихие, уютные, заполненные зеленью и всякими милыми безделушками, предназначенными для семейных и дружеских посиделок. А вот оград не было: полосы ажурных кованых узоров, высотой до колена, не в счет. И получалось все то же самое, что в Низине. Один в один.

Эх, люди, да вы похожи больше, чем можете себе вообразить! За что же тогда боретесь друг с другом?

Рев мотора чертовски плохо подходил к царящей вокруг идиллии. Но когда я настроился на раздраженные реплики и гневные взгляды, вдруг наступила тишина. Не абсолютная: потрескивание и прочие слабые механические шумы оставались в наличии, и все-таки по

сравнению с последней четвертью часа...

А машина, кстати, продолжала двигаться. И примерно через минуту до меня дошло, почему. Гибрид. Просто не магнито-электрический, а с участием дизеля. Но штука в том, что заряда аккумуляторов хватает ненадолго. Тем более, для такого громоздкого сооружения.

— И как часто нужно подзаряжаться?

От меня ждали другого вопроса. Не знаю, какого, но скорее всего личного. Например, касательно родословной напарника. И даже не вопроса, а утверждения. Поэтому коротышка в ответ только растерянно хлопнул глазами.

— На Лимбо хватит или скоро снова будешь включать свою шарманку?

Смуглый палец ткнулся в приборную панель. Туда, где разными цветами горели индикаторы.

— Машина сама скажет.

Логично. Технике виднее.

В тишине обозревать окрестности стало намного приятнее, но долго бездельничать не пришлось: тормоза у мусоровоза были отнюдь не электромагнитные, и резкая остановка основательно встряхнула все, что находилось в кабине. Меня в том числе.

— Приехали! На выход!

Рядом с очередной низенькой загородкой, как раз около калитки, стоял короб. Кажется, деревянный. Похожий на шкаф или большой сундук.

— Смотри, первый и последний раз показываю.

Прежде, чем откинуть крышку короба, напарник потянул за какие-то рычажки, замаскированные под декоративные нашлепки. Секунду спустя я понял, зачем: лежащий в коробе мешок таким способом сам себя запаковывал. Запечатывал входное отверстие.

— Теперь его можно брать и нести.

Сказано было с нажимом. В том смысле, что брать — исключительно моя задача.

Весил мусор не тяжелее бурдюков с водой, разве что, волочь его было не слишком удобно. Впрочем, пройти несколько шагов до опущенного ковша — какая проблема? Коротышка нажал кнопку на пульте, и бумажный мешок перевалился внутрь кузова.

— Все понятно?

— Да вроде.

— Это ещё не все.

Он вытянул из ящика на боку машины новый мешок, вставил в крепления и закрыл короб.

— Вот теперь порядок.

А важный-то какой... Словно не мусор убирает, а пылинки с королевской мантии стряхивает.

— Тебе нравится твоя работа?

Он дернулся. То есть вздрогнул.

— Что за вопрос?

Вот взял бы и отшутился. Или промолчал. Зачем так напрягаться?

А, кажется, понимаю. Все Долорес, будь она неладна, со своими намеками. Парень считает, что раз я на короткой ноге с диспетчером, стало быть, не просто так здесь очутился. Может, и вовсе доносчик. Выявляю неблагонадежных мусорщиков, например.

Тьфу.

— Да просто спросил. Посмотрел на тебя и спросил. Нельзя?

Теперь он догадался презрительно промолчать. Ну и славно. А потом буркнул:

— Дальше отправляемся.

Рывок в кабину. Несколько сотен футов поездки. Новая остановка.

Здесь загородка чуть повыше, и ажур совсем незатейливый. А задний дворик расчерчен клумбами чуть ли не по линейке. В имени садовник никогда не позволил бы себе такой «правильности» планировки. Потому что преступление перед природой. Потому что искусственно и скучно. Впрочем, мода на дикую красоту явно ещё не добралась со склонов до Вилла Лимбо, и здешние обитатели черпают представление о прекрасном по аляповатым глянцевым журналам.

— Сейчас сам пробуешь.

Ага. Проверка. Как там тянуть надо? Кажется, так и... Так? Заедает что-то. Ладно дернем посильнее. Вот. Сработало.

С виду мешок в корзине ничем не отличался от своего собрата с предыдущей остановки, но едва я извлек его наружу...

Он не стал смеяться. Напарник. Громко, по крайней мере. Ну а мне было не до смеха, когда застежка в самый неожиданный момент разошлась, и все, что лежало внутри, брызнуло в разные стороны. Разлетелось, то есть: слава Господу, мусор здесь оказался скорее сухой, чем мокрый. Но пятна... Пятна он тоже умел делать. Повсюду.

— Сила есть, ума не надо, да?

Конечно, коротышка заблаговременно отодвинулся подальше. Так, чтобы успеть запрыгнуть в кабину и закрыться там, если понадобится. Можно подумать, я бы его побил за такую подставу! Хотя... Нет. все-таки, нет. Надоело делать то, чего от меня ожидают.

— А у самого с первого раза получилось?

Он помолчал, но все-таки признался:

— Не-а.

Подручные средства для уборки в машине присутствовали. В полном комплекте. Видимо, подобные происшествия были не редкостью даже для опытных мусорщиков.

Помогать мне напарник не стал. Облокотился о борт, закурил самодельную сигару и всем своим видом изображал удовольствие от отдыха, пока я...

Пахло отвратительно. Смесью просроченного парфюма, прокисшей творожной запеканки и скошенного газона, который не успели убрать до дождя. Везде, где мусор успел полежать, на мостовой, а заодно и на моем комбинезоне, расплылись плохо сохнувшие лужицы, похожие на масло. Или что-то вроде того. Но если с дорожным покрытием можно было справиться сухим шампунем, прилагающимся к совкам и метлам, одежду... А, какая разница?

Хотя бы припорошил. Теперь промокнем салфеткой. Что ж, почти чисто. Запах, правда, по-прежнему сильный. Химический. С ароматом цветов и конфет. Жуткая сладкая гадость. Неизвестно даже, что хуже, мусор или это. О, плюс я ещё и вспотел.

Вообще-то, на улице было вполне сносно. Почти свежо. Но учитывая, что комбинезон, как раз на случай всяких неожиданностей вроде моего первого «подвига», был в отдельных местах пропитан чем-то, не пропускающим влагу и воздух, несколько минут активного движения сделали свое черное дело.

Уффф! Так намного лучше. Проветрюсь. Надеюсь, добропорядочных жителей не смутит мой оголенный торс? Мне-то стыдиться точно нечего.

— Новые лица на заднем дворе?

Я не поверил ушам. Пока не обернулся. Но и тогда с трудом удержался от желания протереть глаза.

Никто сейчас не смог бы угадать по облику сеньориты Байас её профессию. Никаких косметических средств, подчеркивающих природную привлекательность, волосы, собранные в хвост, просторно-целомудренный домашний халат. Никуда не делась только грация, с которой Магдалина прошествовала к калитке, напоминая, что в той, прошлой жизни, у меня именно сегодня утром мог бы состояться очередной урок из сферы определенных отношений между полами.

— И не просто лица.

В её взгляде не было узнавания. Как и у всех остальных. Но в отличие от сенаторской угрозы, маминой мольбы и рассеянности священника, Магдалина смотрела на меня... Целенаправленно. Первая из моих «старых знакомых».

Что она видела? Да кто ж её знает. Правда, можно было заподозрить сеньориту в близорукости: зачем иначе так близко подходить, почти утыкаться мне в грудь?

— Здесь жарко, правда?

Узкая ладонь скользнула по коже. Против течения ручейка пота.

— В доме есть полотенца. Их можно намочить и...

Все та же Магдалина, каждую черточку которой я знаю наизусть. И совсем другая. Инициативная. Прямая. Открытая. Женщина, предпочитающая не принимать, а отдавать.

— Это не займет много времени.

Очень надеюсь. С одной стороны, иногда приятно и чуточку помедлить, но с другой...

Привычка? Режим, выработанный многими месяцами? Отчаянное желание ещё раз ощутить невероятность произошедшего? Да какая разница?!

Она все поняла раньше меня, и поход в дом пришлось отложить. До лучших времен.

* * *

Было жарко. Было быстро. Как мне казалось. Но напарник выразительно стучал по голому запястью, когда я возвращался. А заодно корчил грозные рожи.

— Я не буду за тебя отдуваться, даже не думай!

— Так мог бы вмешаться. Поторопить, скажем.

Надо же, такое невинное предложение, а глаза выразительно закатываются под потолок:

— Вмешаться? Да это ж почище богохульства будет!

Вот как? Отчетливо повеяло Хэнком с его безмерным уважением к прекрасной половине человечества. Правда, тут скорее имеется в виду уважение совсем другого рода. Как говорится, не желай другому того, чего себе бы не пожелал. Особенно в отдельные моменты жизни.

— Извини, оно само собой... получилось. Я не собирался отлынивать от работы.

— И ещё как получилось!

Теперь смотрим мечтательно? Хорошо, что не на меня, а в пространство.

— А ты скорый парень. Из наших ещё никто так далеко не забирался.

Из «наших»? А, понятно. Из мусорщиков. Но значит, попытки были?

— Надо-то было всего ничего, оголиться. Эх, если б раньше знать!

Или я после милой шалости с Магдалиной плохо соображаю, или... Он имеет в виду, что сеньорита Байас флиртует с теми, кто приезжает забирать её мусор? Бред какой-то!

— Погоди. Повтори ещё раз.

— Что повторять? Я ж не попугай.

— Эта красotka заглядывается на... На уличных рабочих?

— А на кого ей тут смотреть, кроме нас? Ты округу хорошо видишь? Здесь все что-то прячут друг от друга. Или прячутся.

С точки зрения логики, возможно, так оно и есть. Но разве человеческие душа и тело живут согласно научным рекомендациям?

— Я не о том. Ты не понял. Женщина, с которой... Она знаешь, чем занимается днем?

— А то не знаю! Ублажает богатеев. И вообще любого, кто заплатит нужную цену.

— Вот! Во-первых, услуги не бесплатны. Во-вторых... Представляешь, с какими людьми она встречается?

Коротышка презрительно фыркнул, не снисходя до ответа.

— Они не просто богаты. Они красивы, ухожены, элегантны. А сеньориту почему-то тянет к...

Стоп. Может, причина именно в этом? Насмотревшись за день на красоту, начинаешь искать уродство? Для остроты ощущений?

— Эх, ты... — меня снисходительно хлопнули по плечу. — Это ж проще простого!

— Ты о чем?

— Ни одна женщина не сможет устоять перед мужчиной в форме. Самая верная истина! Военные-то тут причем? Или он имеет в виду униформу? Да, точно. Но тогда...

— Значит, девиация восприятия?

— Чего-чего?

Неудачно подобрал слова? Конечно. Лексикон у мусорщиков явно примитивнее, чем у университетских профессоров. Зато никто не прикрывается красивыми словами: с тобой либо будут разговаривать прямо, либо промолчат.

— Заводит её это? Форма?

— Ага.

— И не только её, да?

Парень слегка замялся.

— Всякие есть...

Впрочем, парой секунд спустя градус недоброжелательности вернулся на прежнюю отметку:

— Я других тебе не покажу. И не мечтай! А то часу на маршруте не прошло, а он уже самую сладкую конфетку украл!

Карта города, которую коротышка вытащил из бардачка, была истыкана отметками маркера. Красными, зелеными и синими. Разноцветные точки выстраивались друг за другом причудливо изломанными линиями и, видимо, как раз описывали наш «маршрут». Только точки. Ни цифр, ни букв.

— Вот сюда пока заворачивать не будем... — бурчал напарник, изучая карту. — Надо переждать, а то... Лучше с этого края начать.

Со стороны он напоминал стратега, размышляющего над планом грядущей битвы. С той лишь разницей, что был кровно заинтересован в исходе каждого «боевого» эпизода.

— Все, сообразил, как и что. Задержимся чуток, может, даже обед придется пропустить.

Это печально. Хотя, учитывая нос, забитый запахами гнилых цветов, о еде жалеть рано: не почувствую ни удовольствия, ни насыщения. И второе, пожалуй, важнее.

— А все по твоей милости!

Ну да. Виноват. Признаю.

На электрическом ходу машина двигалась плавно, без дрожи и раскачивания, но надолго аккумуляторов не хватало: едва удавалось выскочить на широкую улицу, коротышка переключал режимы, и по кабине начинали плыть ароматы жареного. Кстати, теперь казавшиеся куда более приятными, чем все остальное, понюханное мной с начала рабочей смены.

У отдельных домов мне не позволили выйти из машины. Должно быть, тамошние хозяйки имели ту же слабость, что и сеньорита Байас. Правда, в отличие от меня коротышке не везло: окна и двери оставались безмолвными и безжизненными.

Магдалина, Магдалина... Так вот какой секрет ты хранила за чопорным выражением лица и выверенными до мелочей манерами? Высокомерная с сильными мира сего и послушно-податливая в руках последнего, хм, бродяги? Забавно. Это знание может пригодиться. Могло бы. А впрочем, лучше не вытаскивать его на свет божий. Предупредить кого-то о проделках сеньориты? Вот ещё! Франсиско Ллузи никто и слушать не будет. А Франсуа Дюпон побрезгует говорить с вами. Предпочтет тихо посмеиваться, глядя на то, как требовательные к чистоте всего и вся клиенты переступают порог «Каса Магдалина».

С картой коротышка сверялся довольно часто. Бормоча что-то о количестве поворотов и прочих ориентирах на местности, тогда как достаточно было взглянуть на табличку с названием улицы и...

— Ты не умеешь читать?

Он сделал вид, что вопрос предназначался кому-то другому, и гордо промолчал.

— Не учился в школе?

— Тебе-то что?

Да ничего. Но за рулем-то не я нахожусь.

— Как тогда разбираешься в приборах?

— А чего в них разбираться? И так все понятно! По цветам видно.

Угу. По цветам. Панели с красочными секторами, обозначающими подготовительные, рабочие и опасные зоны. В принципе, наглядно. Только цифры и буквы... Они как-то надежнее, на мой взгляд.

— Нечего тут читать.

Пожалуй. На электромагнитных моделях управление и вовсе почти интуитивное. И все-таки, это означает, что...

— А тебе не предлагали на курсы пойти? Мне вон сразу предложили. Сеньора Долорес например.

Коротышка хмыкнул:

— Да уж понятно, что ты у неё в любимчиках.

— А я собираюсь пойти.

— Да и на здоровье!

— А ты не хочешь?

На меня посмотрели с хитрым прищуром:

— В друзья набиваешься?

Чтобы подобраться к твоим охотничьим угожьям, конечно же? Ага. Сплю и вижу.

— Думай, что хочешь. Только уметь читать и писать все-таки неплохо.

Он отвернулся. Уставился на дорогу. Но молчал недолго.

— Читать, писать... Негде мне это делать. И незачем. Кому надо, пусть те в своих закорючках и копаются! Я с машиной так разберусь. По картинкам.

— А деньги?

— Что деньги?

— Вдруг с жалованьем обманут?

— А не надо обманываться, вот и все. Ты когда в контору приходишь, тебе сразу говорят, сколько заплатят. Согласен — остаешься. Мало — идешь дальше.

До новой конторы, пока не услышишь сумму, которая покажется достаточной? Разумно. И если ты хороший работник, долго ходить не придется. А может, и вовсе проведешь на одном месте всю жизнь. Как Консуэла, например. Вот её сын, Карлито, явно попытается забраться на ступеньку повыше. Всеми правдами и неправдами. В моем присутствии, правда, это у него бы черта с два получилось! Но теперь за пронырами в сенаторском доме приглядывать некому.

— А читать научишься, ещё прочтешь что-нибудь... Ненужное. И никто не поверит, что будешь молчать.

Это точно. Однако, напарник-то у меня соображает хорошо. Надо будет иметь в виду: первое впечатление снова ввело в заблуждение.

— Так что с курсами сам смотри. Я тут тебе не советчик.

И посмотрю. Интересно узнать, что за штука. В отчетах муниципалитета статья расходов на образование всегда находилась где-то посередине шкалы, а значит, либо услуги учителей пользовались спросом, либо...

И почему меня это волнует? А по инерции. Необходимость быть осведомленным. Привычка обо всем иметь представление, достаточное для принятия решения. Я её специально вырабатывал, готовясь к... К тому, что не случилось. Что ж, зато теперь есть шанс лично поучаствовать в городских социальных программах. На собственном опыте все изучить. На собственной шкуре прочувствовать.

— Эй, ты куда?

Карта, разложенная поверх приборной панели, указывала, что на маршруте оставалась ещё одна точка, но машина почему-то свернула в сторону. На последнем перекрестке перед конечным остановочным пунктом.

— В объезд, что ли?

Ни слова в ответ. Только напряженные пальцы крепче вцепились за руль.

— Разве мы не должны там забирать мусор?

Заострившийся профиль. Закушенная губа.

— Да остановись уже!

Может, грамотность и не самая нужная вещь для жизни, но когда читаешь что-то полустертое, вроде «контур аварийного торможения», сразу понимаешь, зачем нужен этот рычаг.

— Ты руки-то в моей машине не распускай!

Большую скорость мусоровоз развить не успел, поэтому шишек мы не набили. А лезть в драку коротышка поостерегся. Пусть и очень хотел.

— А что это у тебя язык вдруг отсох? Я же спросил. Просто спросил.

Он хлопнул ладонями по рулю:

— Молчу? Значит, так и надо!

У каждого свои тайны, это понятно. И возможно, такие, которые стоит защищать. Но если положено что-то делать, нужно делать. Иначе все полетит к чертям. Сначала каждый гражданин закроет глаза на какую-нибудь мелочь, а потом государство рассыплется, как картонный домик. И заново законы придется насаждать не проникновенным словом, а огнем и мечом. Коротышке не понять: в школу не ходил, лекции по новейшей истории не слушал. А вот меня рассказы о последнем крахе общественно-политической системы весьма впечатлили.

Многие знания, многие печали, да. Особенно для себя самого.

— Можешь объяснить спокойно? Без надрыва?

Очередной взмах руками. Будем считать его приглашением к разговору.

— На карте отмечена ещё одна остановка, верно?

Кивок. Недовольный.

— А почему мы туда не едем?

Молчание.

— Повздорил с жильцами?

— Не твоё дело.

Не хочет там показываться? Ладно. Но я-то ни с кем не воюю.

— Хорошо, сам схожу.

— А ты хоть знаешь, куда?

Ого. Не ответ — плевок.

— Дом точно найду. А раз он отмечен на нашем маршруте...

— Я её просил. Просил же! Не один раз. Много.

Её? Начальницу, то есть?

— О чем?

— Она нарочно все это затеяла... Надо было держать язык за зубами. Крепко держать. И тогда ни одна гнида бы...

А с самим собой он общается искреннее, чем со мной. Душевнее. Внимательнее и терпеливее.

— Не сдашь назад? Хотя бы до поворота?

Коротышка чертыхнулся, сплюнул очередной шмоток своей жвачки прямо на мостовую и тронул машину с места. К перекрестку. Чтобы остановить ровнехонько на углу. Так. чтобы до дома, отмеченного на карте, оставалось пройти несколько десятков футов.

— Ну, жди тут. Я быстро.

— Не зарекайся.

Откуда такой скептицизм? Всего-то и нужно, что подойти, забрать мешок из короба и вернуться обратно: женского общества мне на сегодня уже хватило.

Двор, приближения к которому так упрямо избегал мой напарник, ничем не отличался от всех предыдущих. Отличались его соседи. Заборы вокруг были куда выше, чем я успел привыкнуть. Даже выше головы. И совершенно глухие. Где-то за счет пальмовых циновок, где-то благодаря густой растительности. Кто-то хотел от кого-то отгородиться? Похоже. Но зато тому, от кого отстранялись, удалось здорово сэкономить на ограде.

Короб нашелся там, где положено, только оказался пустым. Абсолютно. Я бы понял, выудив на свет божий незаполненный мешок, но его вообще не было. Никакого намека на бумажную тару ни внутри, ни снаружи. Странно. Здесь не мусорят? Может, и вовсе никто не живет?

Последний вопрос не прозвучал вслух, но ответ раздался:

— Семь ударов ножа, семь касаний стали. Алой кровью сочатся из тела печали.

Густой голос. Некрасивый, но звучный. Женский.

— Семь ударов кинжала, семь узких ран. За порой наслаждения — боли пора.

Тихий ритм барабана, оттеняющий каждое слово. И шлепают по натянутой коже голой ладонью. Мягко. Любовно. Почти гладят.

— Семь отказов, семь шрамов пятнают меня. Семь вулканов исполнено страстью огня.

Я бы постучал в дверь, но дверей здесь не было, только полоски ткани, чуть поддрагивающие на ночном сквозняке. Белые, как штукатурка стен.

— Есть кто дома?

Пение оборвалось вместе со вздохами барабана. Кануло в мертвую тишину. А потом пелена дверной занавеси разорвалась, пропуская...

Она была черной. Женщина. Та, что пела. Обитательница дома. В Санта-Озе довольно много жителей, в жилах которых течет кровь африканских предков. Правда, эта красная жидкость давным-давно и благополучно смешивается с другой, превращая эбеновое дерево в насыщенный загар. Но родители певуньи, вышедшей мне навстречу, явно очень бережно хранили черноту... э, чистоту своей породы.

— Прошу прощения за беспокойство, сеньора.

Она не шелохнулась, изучая меня взглядом: ни одна складочка белоснежного одеяния не дрогнула.

— Я могу забрать ваш мусор?

Глаза мигнули. Сверкнули белками.

— Емкость у калитки. Вы её не используете по назначению? Это упростило бы жизнь всем нам.

— А тебе твоя жизнь кажется сложной?

Говорила она так же звучно, как пела. С легкой хрипотцой разве что.

— Сеньора, речь идет о...

— О жизни всех. Вместе. Я поняла.

— Ну и славно. Так где ваш мусор?

Голова с короткими кудряшками склонилась чуть набок.

— Жизнь всегда проста. Слишком проста, чтобы ценить её по достоинству. Она бывает послушной, услужливой, готовой выполнить любую прихоть. Как хорошая жена. Но когда все, что нам нужно, раз за разом оказывается рядом, стоит только протянуть руку... Мы протягиваем её не для ласки, а для удара. Что ж удивительного в том, что даже самая верная супруга однажды перестает терпеть побои?

Это было сказано не мне. В пространство. То, которое в силу стечения обстоятельств я сейчас занимал. Но сказано было незабываемо. Отпечатывалось в сознании. То ли за счет силы самого голоса, то ли подбора интонаций. И почему-то вдруг захотелось повторить все услышанное.

Слово в слово. Один раз. Второй. Третий. Под шепоток барабана.

— Сеньора?

— Она не уходит, пока не прогонишь. Сам. Только тогда домашняя кошка оборачивается дикой. Конечно, её можно приручить заново, если захочешь. Стоит лишь захотеть. И это не сложнее, чем жить. Но и не проще.

У хозяйки этого дома не все дома? В смысле, проблемы с ясностью рассудка? Тогда

понятно, чего избегает коротышка. Но разве нас не учат на каждой воскресной проповеди, что блаженные духом нуждаются в помощи, особенно если неспособны сами о ней попросить?

— Что насчет мусора, сеньора? Его нехорошо раскидывать. Вы же так не делаете?

Куда смотрите, блюстители порядка? Знаете, что у женщины не все в порядке в голове, так могли бы следить получше. Объяснять. Приучать, в конце концов.

— Давайте соберем его? Только покажите, где, я и один справлюсь. Покажете?

Белки снова сверкнули. Немного тусклее, чем в первый раз. Но смешливее.

— Я не так беспомощна, как бы тебе хотелось думать. Могу постоять за себя. И за дом.

Звучность куда-то пропала. Ушла, как вода в песок. Голос, который я слышал теперь, принадлежал совершенно обычному человеку, слегка усталому и чуть раздраженному.

— Конечно, сеньора. Я не буду входить, если это вас... вам неприятно. Просто вынесите мусор ко входу.

— Мусор...

Она что, впервые слышит это слово?

— Мусор?

А смеяться-то зачем? Да ещё так заразительно.

— О, прости... Прости. Я не ждала, что...

— Это я видел. Какие-то проблемы с заправкой мешков? Если нужно починить, наверняка можно... Отправить заявку. Как-то так. Спрошу у диспетчера, чтобы все было точно.

— Откуда ты взялся?

— Ниоткуда. Первый день работаю, всего не знаю.

— Всего? Это уж точно. Иначе не пришел бы сюда. Ко мне на двор.

Игры в таинственность начинают напрягать. Неужели так трудно взять и объяснить, что к чему? А потом уже строить из себя... Хотя после объяснений сохранять прежнюю загадочную мину, конечно, уже не получится.

— Я обещал напарнику не задерживаться.

— А я мешаю тебе выполнить обещание?

То пугает, то кокетничает. Женщина, что с неё взять? Даже мусор заполучить и то не удается.

— Ещё раз прошу прощения, сеньора. Доброй ночи.

— Погоди. Раз уж зашел...

Пакет стоят прямо за дверным проемом. Не дальше. Не слишком большой, не особенно тяжелый. Но не менее ароматный, чем другие.

— Его было бы лучше держать на улице.

— Чтобы вся улица дышала кровью и давилась страхом?

Кровью? Так вот, что за запах примешивается к прочим. Но страх-то тут причем?

— Разве упаковка недостаточно герметичная? В смысле, если её закрыть, как полагается, пахнуть не будет. Не должно.

Она посмотрела на меня. Неподвижным пронзительным взглядом.

— Хороший мальчик. Плохой мальчик. Снова хороший и снова плохой. Оборот колеса, и все повторяется. Шаг влево, шаг вправо, а надо бы вперед... Но круг замкнулся. В самом начале времени. Нерушимый навеки. Он может только расти или чахнуть. Только так. И только по воле своего хозяина. Она есть, эта воля. Есть сила. Почему же границы круга до

сих пор так узки?

Хрип в голосе нарастал с каждым словом, пока не превратился в самый настоящий скрежет. Это немного пугало, но не настолько, чтобы бросаться в бегство. Тем более, с пакетом, который грозил в любой момент выскользнуть из рук и оставить на комбинезоне новые грязные пятна.

— Доброй ночи, сеньора.

Бормотание ещё долго несло мне вслед, совсем неразборчивое, но настойчивое. И даже за перекрестком цепочка странных фраз не пожелала оставить в покое мой слух. Теперь уже внутренний.

Мешок с мусором полетел в кузов, вопрос — в меня:

— Обошлось?

— Что должно было обойтись?

Коротышка сузил глаза, рассматривая моё лицо. Как будто искал в нем признаки чего-то особого. Потом выдохнул, то ли с облегчением, то ли разочарованно:

— Значит, обошлось...

— Странная женщина, только и всего.

— Ага.

— И странно, что за ней не приглядывают. Такие могут в один момент взять и стать буйными. И тогда будет слишком поздно. По крайней мере, для соседей.

— Угу.

На обеденный перерыв мы, конечно, не успели. Всего-то пара задержек, вроде бы недолгих, а время утекло сквозь пальцы. Так что, прямоком из Вилла Лимбо мусоровоз направился в Низину.

С одной стороны, здесь нечего было опасаться подвоха с коробами. Ввиду отсутствия последних: мешки народ выносил к входной двери. Но тут скрывалась как раз вторая сторона проблемы. Модификация тары была той же самой, что и для механической упаковки. Видимо, в целях экономии. Однако самостоятельно затягивать тесьму получалось далеко не у всех. Единственное, что спасало от постоянной возни с шампунем и швабрами, это возможность визуально оценить качества груза, предназначенного к переноске. То есть, сразу догадываться, просыплется мусор или нет.

И да, в Вилла Баха мне не пришлось рассиживаться. Потому что от двери до двери в среднем требовалось пройти не больше пары десятков шагов. Напарник не вылезал из кабины, я шел от мешка к мешку. Миля за милей.

Наверное, если взглянуть сверху, это выглядело бы топтанием в периметре пяти-семи кварталов, но ноги-то мерили длину пути, а не площадь. И когда коротышка щедро предложил: «Давай, подвезу до дома», я согласился. Поспешно и непредусмотрительно: вместо расслабленного отдыха пришлось проговаривать каждый поворот, диктуя маршрут.

Ночь отступала быстро, оставляя после себя мутный туман утренних сумерек. Серосизый. За ним угадывалось светлеющее небо, первые лучи солнца и все прочее, но взгляд поднимался с трудом. Хотя пока ничего не болело. Только тянуло, ограничивая свободу действий, а значит, к следующей смене меня ожидала необходимость разминки. Через силу и весьма неприятные ощущения.

Стоило бы и сейчас не лениться, залезть под душ, растереться как можно сильнее, но сознание все глубже и глубже тонуло в тупой усталости. А перед глазами плыли заборчики, двери и мешки. Друг за другом. Каруселью. Кружа голову.

Нет, в таком состоянии сначала лучше полежать. Вытянуться. Хотя, как это можно сделать в кресле? Да ещё если оно...

Занято?!

Знакомая дырявая шаль поверх знакомого шуплого угловатого тела. Ровное безмятежное сопение. И даже что-то вроде причмокивания.

— Эй, малявка! Ты домом не ошиблась?

Она вздрогнула, почувствовав прикосновение моей руки. Но не проснулась. Пришлось потрясти основательнее.

— Что ты тут делаешь, а?

Когда её веки все-таки распахнулись... ладно, расплзлись, девица, разглядев моё лицо через остатки сна, рассеянно улыбнулась:

— А, пришел!

— Я пришел, потому что живу здесь. И кажется, гостей не приглашал.

— Злюка.

Вместо того чтобы подняться, она повернулась к другому подлокотнику. Чтобы и оставаться лежать, и лучше меня видеть.

— Нет, правда. Чего тебе надо?

— Я с вечера тут.

— Интересно, с какого? Я уходил уже по темноте.

— Ну... с моего вечера. Как смогла, так пришла, — недовольно пояснила девица. — Думала вытащить тебя на улицу. Погулять. А папаша Ллузи сказал, что ты работаешь.

Гулять это хорошо. Замечательно. Собственно, именно этим я всю ночь и занимался. А теперь, когда из носа почти выветрились помойные ароматы, начинает хотеться есть. Жрать, если точнее. Отличная работа, ничего не скажешь: на свежем воздухе, с силовыми нагрузками. Питание подобрать — наберу мышечную массу в два счета. За пару недель.

Стоп. Я разве говорил пьянице, куда отправляюсь? Не припоминаю. Значит, тот подслушивал. Мой разговор с Хэнком. М-да, с такими длинными ушами в «родном» доме не стоит рассчитывать на неприкосновенность личной жизни! Хотя, папаша — это ещё полбеды. Вторая половина куда как настырнее.

— Да, работаю.

— По ночам?

— Так получилось.

Она потерла пальцами уголки глаз.

— Плохо.

— Это ещё почему?

— Как почему? Ночью же все веселье!

— Обойдусь. У меня пока поводов веселиться нет.

— Как называют человека, который думает только о себе? Святой отец иногда это слово говорит... Вот ты как раз он и есть!

Видимо, имеется в виду эгоист.

— А о ком ещё прикажешь думать?

Надутые губы. Взгляд исподлобья.

— Ну почему мужчины всегда такие непонятливые? И... — она принялась и совсем грозно нахмурилась: — Жадные. Всю ночь, небось, конфеты ел, а друзей угостить ни одной не принес!

— Вот не поверишь: во рту ни крошки не было. С самого вечера.

— А чем тогда пахнет?

— Грязным комбинезоном.

Кстати, о грязи. Хорошо, что я не успел заснуть, не раздеваясь. Вернее, что мне не дали заснуть. И плохо, что поддался соблазну подъехать домой: одежда-то осталась в шкафчике. Придется теперь искать новый комплект в сундуках. А рабочие принадлежности лучше оставить в кладовой. За плотно прикрытой дверью.

— И ещё чем-то пахнет.

Хоть девица весила и немного, согнутая спина отозвалась на новый груз нытьем мышц.

— Ну, ты ещё с ногами заберись!

— Приглашаешь?

Зря я это сказал. С тем же успехом мог прикидываться пальмой перед обезьянкой.

— Не виси на мне! Я устал, знаешь ли.

Шумное дыхание взъерошило волосы на шее. На плече. Добралось до ключицы. И ноги, обхватившие талию, как-то странно вдруг дернулись.

— Так вот у тебя какая работа, да?!

А вот за ухо кусать не надо. Не надо, говорю же!

— Слезай сейчас же. Пока я добрый.

— И слезу.

Она разжала объятия слишком стремительно: едва не упала.

— Я к нему со всей душой...

Скорее, всем телом. Только не понимаю, в чем проблема.

— Даже ужин стоговила.

Ужин? Ну наконец-то, первая хорошая новость за сегодня!

— Та твоя чика^[10], конечно, о еде и не позаботилась? Вон, глаза какие голодные! Но хоть в долгу не осталась?

Какая ещё чика? Какой долг?

— У тебя что, не все дома? Хотя, понятно, что не все: ты-то тут, а не там.

— Да уж лучше быть сумасшедшей, чем преданной!

Выпала и заткнулась. В смысле, замолчала. Резко.

Хм. Быть мне плохим или хорошим — не принципиально. Слишком субъективное ощущение. Но обвинений в предательстве в свой адрес ещё не слышал. Даже от матери, а уж она, имея такой козырь на руках, ни за что бы не удержалась от его использования. На любом ходу в нашей совместной партии.

— Значит, преданной?

Ага, теперь мы гордо отвернулись. Демонстрируя слегка курносый профиль, выдающий примесь африканской крови.

— Не хочешь объясниться?

— А зачем? И так все ясно.

Наверное, да. Но не мне.

— Я давал обещания? Может, клялся в чем-то?

Она шляется за мной хвостом, это очевидно. С далеко идущими намерениями? Пусть. Но нужно либо их озвучивать, либо ставить в известность иными способами. А не заставлять догадываться, придумывая то, чего нет.

— Брал кого-то в свидетели своих слов?

Зачем я вообще перед ней сейчас распинаюсь? Хочу что-то доказать? От чего-то откреститься? В конце концов, кто она мне?

— Декларировал свое отношение к событиям?

— Декра... рала... что?

Ага, меня слушают. И довольно внимательно. Это радует.

— Неважно. В общем, не вижу причин для твоего недовольства.

— Не видишь? Слепой, что ли?

— Вот что, девочка...

Тонкие у неё плечики. Слишком. Кожа да кости. И опять горячие. Пальцы бы не обжечь.

— Или скажешь прямо, на что рассчитываешь, или распрашиваемся. Понятно?

С минуту она смотрела мне в глаза. Растерянно. Почти испуганно. И с каждой секундой становилась все румянее и румянее. Пока не залилась краской до корней волос.

— Пусти, дурак!

Отшатнулась, ухватилась руками за плечи. В тех местах, которые я держал.

— С женщинами так не обращаются!

— Я ведь уже говорил. Раньше. Тебе до женщины ещё...

— Ты-то почему знаешь?!

Э... Девочка созрела? Не рановато ли?

— Сколько тебе лет?

— Какая разница?

— Сколько?

Она снова отвернулась. Запахивая шаль.

— Не бойся, в полицию не заберут. Не забрали бы. Если бы кое-кто на кое-что сподобился.

— Почему ты тогда такая...

— Маленькая?

— И это тоже.

Шмыгнула носом. Один раз. Другой.

— Такая уродилась.

Хрупкие кости. Дефицит мышечной массы. Что-то когда-то где-то пошло неправильно.

— Голодала в детстве?

— А что? Искал повод пожалеть и нашел, да? Нет, не голодала! Ела в три горла!

Значит, наследственное. Надеюсь, не из того списка, по которому лечат пожизненно, бесплатно и безрезультатно.

— Извини. Я думал...

— Все вы думать не умеете! Кто, как ты, ребенком считает, кто... А, да ну вас, к богу в рай!

Двигалась она быстро. Несмотря на всю незащитную шуплость. А может, именно благодаря ей. Впрочем, мне и не хотелось ловить. Никого.

Ужин стоял на кухне. Глубокая миска, почти до краев наполненная... Едой. И это было самым главным в наступающем утре.

Я съел все. Подчистую. Даже на выстрел не подпустив к себе мысль оставить что-то для папаши Ллузи. Потом, как был, в одних шортах, вернулся в комнату к Хэнку. Покопаться в сундуках? Нет уж. Позже. Как и все остальное.

— Ты уж прости, водные процедуры откладываются. Немножко. Вот не поверишь, руки не поднять. Расслабился до предела. Как-то сразу и быстро. Раньше так не получалось.

Раньше...

Ну да, все время казалось: нужно быть готовым. К чему-то. Или ко всему сразу. Не ослаблять внимание, не отпускать напряжение. А теперь чуть что — р-раз, и поплыл. Медузой.

— Сдвинем график, ладно? Когда привыкну к новому режиму, все наладится. Надеюсь.

А если не наладится, то и бог с ним. Эта стоянка не может длиться вечно.

— Помнишь, я говорил, что тут люди только и делают, что живут? Так представь, они ещё и заставляют всех вокруг это делать. Тянут, каждый в свою сторону. Расширяют жизненное пространство. Пожалуй, ещё немного, и придется уворачиваться. Изо всех сил. Я-то рассчитывал, что меня оставят в покое. Чужак ведь, подозрительный, непонятный и все такое. А они наоборот.

Может, потому что одомашненный, в смысле, подогнанный под какое-то милое их сердцу и уму лекало, я перестану казаться опасным? Не смогу угрожать устройству здешнего мирка?

— Насчет работы... Нормальная. Ничего сложного. Ходишь по холодильку всю ночь и бицепсы растишь. Самое то для здоровья. Только жрать хочется потом. Сильно.

Хотя, проблемы и тут находятся. Потому что люди вокруг. И теперь веры лекциям по

организации групповой деятельности стало намного больше. Мы же разные. Похожие, но все-таки разные. А действовать надо совместно. Интересно, хватит ли для этого общих правил? Тех, что насаждаются сверху? Есть условия необходимой достаточности, это да. И я даже их помню. В целом. Но изложенные научно-книжным языком, они звучат излишне сложно. Почти так же, как слова той...

— Насмотреться зато можно всякого на работе. Одна женщина оказалась совсем чудной. Другая, конечно, тоже, но не в том смысле... Потом расскажу. Так о чем я? А, вспомнил. Черная, как ночь. В темноте не разглядеть будет, если глаза закроет. Но это хотя бы объяснимо. Мигрантка. Правда, что она тогда делает в Лимбо? Тамошние жители, насколько я понял, не особо пускают к себе пришлых. Ладно, может, заслуги какие-то у неё. Неважно. А вот то, что она говорит...

Наверное, я смог бы повторить все. Слово в слово. Не выкинуть из головы, хоть тресни.

— Не уверен, что речь шла обо мне. По крайней мере, про какой-то круг, который замкнулся и не хочет расширяться. Но знаешь, что вдруг подумалось? Если я оказался не нужен этому миру, то и он мне ни к чему.

Пригодится ли то, чему я учился, в этой, новой жизни? Нисколечко. Чтобы таскать мусорные мешки, можно даже не уметь читать. Вон, как мой напарник. А он, кстати, стоит в иерархии выше меня. Сидит за рулем.

— Ты скажешь: все происходит согласно божьему плану. Хорошо. Но надеюсь, не будешь спорить, что на прежнем месте, там, куда я мог попасть, пусть и не в сенаторское кресло, я бы принес больше пользы этому городу. Убирать грязь в одном квартале, конечно, благое дело. Но кварталов же много. Очень много. И только сверху видно, сколько их на самом деле.

Правда, что толку в инструкциях, даже самых продуманных и разумных, если их не выполняют на местах? Но и эту проблему можно было решить. Если брать за шкуру. А не рыть из-под земли.

— Скорее всего, в моих услугах Господь попросту не нуждался. Вот и уволил, так сказать. Разжаловал. Пожалуй, пора с этим смириться. Узкий круг? Я согласен и на узкий. Мне его хватит с лихвой. Лишь бы никто снаружи не покушался.

* * *

В короткие перерывы между глубокими и бессюжетными снами подумалось, что днем отдыхать все же лучше, чем ночью. Удобнее и эффективнее. Посторонние шумы присутствуют в окружающей среде только утром, пока окрестные жители собираются на работу или отправляют своих чад в учебные заведения. Потом наступает блаженная тишина, мертвецки-счастливая. А вот ближе к заходу солнца жизнь снова начинает бурлить, и от голосов на улице уже никуда не спрятаться.

На балкончик я вышел, когда уже смеркалось. Полюбопытствовать, как выглядят две кумушки, отчаянно спорящие у дверей дома напротив, которой из них улыбнулся некий Педро. По пятиминутному наблюдению и здравому размышлению можно было легко прийти к мысли, что виновник спора либо не слишком притязателен, либо попросту местный дурачок. С вечной улыбкой до ушей. Но конечно, сообщать о подобных выводах вслух... Невежливо? Ага, что-то в этом роде. И что намного важнее, моё мнение вряд ли кому-то

требовалось.

По меньшей мере половина пассажиров автобуса уже казались знакомыми. И знакомо отстраненными. Что, конечно же, не мешало мне их разглядывать.

Одни явно ехали с работы. Утомленные, рассеянные, с перечнем грядущих домашних дел на лице. Другие, как и я, только собирались приступить к исполнению служебных обязанностей. И надо сказать, у этой части особого энтузиазма тоже не наблюдалось. Скорее недовольная обреченность.

Наверное, всегда лучше отдыхать, чем работать. И дай нам всем волю, сиеста наступит на всей планете и навсегда. Скучища, то есть. Нет нужды работать — нет необходимости налаживать коммуникации. С женщиной можно договориться без слов, да. А с тем, кто живет отличными от твоих мечтами, желаниями, намерениями? Придется искать общий язык. Шевелить извилинами, что, само по себе, тоже является работой.

Одиночка обойдется без всего этого легко. Где-нибудь в пустыне или джунглях. В человеческом же муравейнике...

— Приехали.

О, вот и моя остановка. В смысле, последняя для меня. Пора выползать наружу.

— Это камино Коста?

Я что, не один здесь сегодня остался? Ну и дела!

— Нет, она начинается сразу за перекрестком.

— Но разве машина не идет...

Недоумение пожилой женщины можно было понять. И простить. Если в тебе есть хоть что-то человеческое. И можно даже относительно вежливо объяснить... ну, соврать насчет неисправностей или прочих обстоятельств, не предполагающих следование автобуса по маршруту. Кто знает, не будь меня в салоне, водитель, может, и поступил бы согласно чести и совести. Но, отвечая, он смотрел мне в глаза, а не на расстроенную старушку.

— Не идет. Все на выход!

Обычная ситуация. Наверное. И раз уж незадачливая пассажирка послушно поднялась со своего места, все в порядке вещей. В пределах нормы. Только почему эти пределы вдруг оказались такими узкими? Чьей волей? Какого-то прыща за рулем ржавой телеги?

Я вышел в проход между сиденьями, перегородив женщине путь. Она даже невольно отшатнулась, почувствовав... Угрозу? Нет, слишком сильное слово. Скажем, разочарование. Моё. В поведении отдельных членов общества.

Его рука потянулась под кресло, пытаясь что-то нашарить. И замерла, когда стало понятно: на расстояние удара я не подойду.

Так, что у нас имеется? Информация. Обязательная к публикации.

Альваро Фуэнтес, водительские прав номер... лицензия на извоз, номер... выдана управлением дорожного движения муниципального совета Санта-Озы... подлежит продлению по результатам подтверждения профессиональных навыков и на основании...

Ну да, стандартный документ. С кучей вроде бы ничего не значащих сведений, в которых обычный человек никогда и ни за что не разберется. Тот, кто не посещал лекции по административному праву.

— Почему вы не хотите оказать любезность этой милой сеньоре? Ей ведь трудно будет идти пешком.

— Остановка конечная. Все понятно?

Я провел пальцем по алой полосе, отмечающей маршрут автобуса на вырезке из карты

города.

— А по бумагам выходит, что нет.

Он сплюнул, метя мне под ноги.

— Бумаги? Ха!

— Зря вы так, сеньор Фуэнтес, относитесь к документам. Они только кажутся бесполезной формальностью. Но при случае...

— При случае я вызову полицию. Прямо сейчас. Потому что кое-кто задерживает отправление муниципального транспорта и угрожает...

— Господь с вами! Какие угрозы? Я всего лишь хотел спросить. Так, одну малость.

Будь водитель увереннее в своих силах, вышвырнул бы меня вон. Сразу. Но сомнения, сомнения... Крайне полезная штука, в общем.

— Вам лицензия ваша не жмет?

— Да что ты...

— Да ничего. Мне, в сущности, все равно, проходить оставшуюся милю пешком или проезжать, сидя ровно на заднице. Просто я, в отличие от сеньоры, которую вы намереваетесь обидеть, завтра же утром пойду в муниципалитет и напишу заявление. Попрошу объяснить, почему один автобус все время отклоняется от маршрута. И не беспокойтесь, эту бумагу примут к рассмотрению! А если вдруг потеряют... случайно, конечно же, я напишу другую. Столько раз, сколько потребуется.

— Тебе не...

— Не поверят? Догадываюсь. Не будут верить, пока я не доберусь до комиссии по надзору за соблюдением гражданских прав. Знаете такую? Значит, узнаете. Там вопросы веры уже подниматься не будут. Будет расследование. По фактам заявления. И вам придется все это время придерживаться маршрута. Остановка за остановкой. Месяца два-три, не меньше. Потом вы можете вновь вернуться к своей привычке экономить время и горючее. Как пожелаете. Ну а я снова подам претензию на некачественное транспортное обслуживание. Проблема только в том, что могу писать кляузы бесконечно: с меня взятки гладки, как с любого жителя Низины, а вот вам после трех таких проверок придется получать лицензию заново. И как понимаете, сделать это будет уже не очень легко.

Может, где-то я и приврал. В деталях. Но общий смысл передал верно.

Во время учебы вся эта строгость и принципиальность в вопросах соблюдения прав обитателей Вилла Баха представлялась мне надуманной. Лишней. Избыточной до неприличия. Ведь их никто не должен был нарушать. Или собираться нарушить. А как оказывается сейчас, кодекс крайне предупредителен и мягок по отношению к нарушителям.

Или на этого парня никто ещё не пробовал жаловаться?

— Ты не...

— Я — да. А вы?

Вместо ответа водитель злобно ткнул кнопку, и двери захлопнулись.

До конечной — теперь уже официально — остановки мы доехали стоя. Я пристроился у кабины, чтобы не ослаблять нажим на нервы сеньора Фуэнтеса, а женщина, видимо, боялась сдвинуться с места и поверить в реальность происходящего.

Не такая она была и старая, кстати. На второй взгляд. Немногим старше Элены-Луизы. Но конечно, отсутствие чудодейственных косметических средств в повседневном пользовании... Сказывалось, одним словом. Вообще, если бы перед моим взглядом по сенаторскому дому дефилировала изо всего женского общества только мама, я искренне

считал бы, что женщины не умеют стареть.

Пришлось посторониться, чтобы дать ей выйти. Этикет требовал подавать руку уже оттуда, с улицы, но это никак не увязывалось с надзором за водителем. Ему ведь ничего не стоило захлопнуть дверь прямо перед носом пассажирки или проделать ещё какую-нибудь обидную глупость. А может, даже опасную.

— Счастливого пути!

Его челюсти лязгнули едва ли не громче закрывающихся дверей. И с места автобус рванул, как на гонках.

Все было ожидаемо. Естественно. Объяснимо и предсказуемо. Но чего-то явно не хватало. И сделав несколько десятков шагов, я понял, что выпало из общей картины.

Благодарность. В том смысле, что за услугу, оказанную безвозмездно, по доброй воле, принято сказать человеку несколько слов. Желательно теплых. Впрочем, холодно-вежливые тоже сошли бы. А женщина промолчала. Не сделала попыток заговорить. Хотя...

Растерялась, наверное. Сначала водитель сбил с толку, а потом и я. Добил. Тем, что заступился. Ну да и Господь с ней. Врачевать расстроенные нервы — не моё призвание. Меня работа ждет.

И не только работа. Работодательница.

Долорес не стала пользоваться словами: поманила толстым пальчиком. Ласково так. С улыбкой акулы. И зачем-то, прежде чем начинать разговор, убедилась, что дверь кабинета плотно закрыта.

— Ты ещё очень молодой человек. Очень. Тебе простительно. Но лимит прощений у нас ограничен.

— Сеньора?

Она опустила в кресло и скрестила руки на груди. Вернее, переплела запястья, потому что на большее длины верхних конечностей не хватало.

— В чем-то я виновата и сама, не спорю. Кажется, вчера не слишком подробно объяснила здешние правила?

Правила тех, кто правит? Трудно сказать. Слушал я не особенно внимательно.

— Обычно машина возвращается в парк дважды за смену. В обеденный перерыв и по окончании работ. Таков порядок. А нынче ночью он был нарушен.

Да, припоминаю. На обед мы не успели. Из-за меня и моих, э... встреч с двумя женщинами.

— Сеньора, это больше не повторится.

Или повторится, но уже в усовершенствованном варианте. Ускоренном и рационализированном.

— Перерывом допускается пренебрегать. Начальство косо смотрит на любые отклонения от регламента, не скрою. По минутам не считает, и все же... Бог с ним, с перерывом. На крайний случай разрешено даже брать еду с собой. Никаких кафешек, запомни! Если тебя во время смены заметят там, где тебе быть не положено, вылетишь в два счета. Ясно?

— Да, сеньора.

— Это было первое нарушение.

Есть ещё и второе? Да я талантлив не по годам. Всего одна ночь, и уже успел досадить всем, кому только можно.

— Строго говоря, я должна была бы тебя уволить. Ещё пять минут назад.

А ведь не шутит. Ни капельки.

— Я сказала, что машина обязана возвращаться в парк дважды за смену? Так вот, экипаж машины тоже должен быть в наличии. Весь. Полностью.

О, кажется, понял. Любезность коротышки на самом деле была кое-чем другим. Намерением подставить.

— С непривычки трудно всю ночь провести на ногах, знаю. И знаю, что ты после смены по большей части думал о том, чтобы добраться до постели, а твой напарник...

Долорес тяжело вздохнула. Всей своей увесистой грудью.

— Я не стану его наказывать, не надейся.

— И не думал, сеньора.

— Вы разберетесь сами. Со временем. Или не разберетесь вовсе, но это уже не моё дело. Вот чего-чего, а членовредительства в рабочее время не допущу. После работы — пожалуйста! На здоровье! А пока идет смена, хоть прогрызите друг друга взглядами, но руки, ноги и прочее пускать в ход не смейте. И это прежде всего к тебе относится: Хозе правила знает лучше. Ещё он знает, как вынудить кого-нибудь нарушить правила. Так что, будь внимательнее, если хочешь оставаться работать здесь.

Каждая ночь, как на вулкане? Приятная перспектива, ничего не скажешь. А ошибок поначалу будет много. Куда же без них?

— Сомневаешься? По глазам вижу, что сомневаешься. Что ж... — Толстушка хлопнула ладонями по столу. — Удерживать не буду. Работа специфическая, не каждому подойдет. И не каждый подойдет для неё. Заявлений никаких подавать не надо, оформим смену, как пробный...

— Я никуда не убегаю, сеньора.

— Серьезно? Подумай хорошенько. Не хочу пугать, но...

— Мне все подходит. Правда. И даже напарник.

Точно знаю: в драку не ползет. Ни во время работы, ни после. Только если дружков позовет. Но что-то сомневаюсь, чтобы у такого пакостника водилось много приятелей, готовых расквасить свои и чужие носы.

— Ну смотри. Я предупредила.

— Благодарю, сеньора.

— Тогда иди, переодевайся уже... И да. Ещё одно.

Она поворошила бумаги на столе, выудила один листок и протянула мне.

— Возьми. До конца смены это может и в шкафчике полежать: вряд ли кто позарится.

— Что это?

Можно было не спрашивать, а прочитать убористый текст самому, но слушать всегда приятнее. К тому же, слово, произнесенное вслух, обычно содержит куда больше подробностей, чем печатное. Одни интонации чего стоят: просто кладезь полезных знаний.

— Ты говорил, что не против курсов, да?

— Э... курсов?

— Образовательных. Так хочешь получить сертификат или нет?

О том, что умею читать и писать? Всю жизнь мечтал. Вот прямо с рождения и грезил.

— Думаю, что хочу, сеньора.

— Тогда держи. Там все указано, что, где и как. Занятия вроде в самом муниципалитете проводятся, найдешь без проблем.

— Как скажете, сеньора.

— На этом все. Свободен. От меня, но не от работы!

Шутливо погрозила, махнула рукой, мол, проваливай, и уткнулась в бумаги.

М-да, легко я отделался. Не ожидал. Она, конечно, не была во всем чистосердечна. Ещё вчера было ясно, что на вакансию мусорщика в очередь не становятся, почему меня и «простили». На первый раз. Ну а если у Долорес и впрямь возникли некие особые чувства ко

мне... Тоже неплохо. Пусть будут. Пока не начнут создавать трудности.

Машина уже стояла под парами, готовая к отправлению на маршрут. То есть, шумела изрядно. Но звуки беседы на повышенных тонах все равно были слышны. Даже там, откуда не было видно ни мне разговаривающих, ни им меня.

— Мама, я же просил! Сколько раз просил: не приходи на работу. Здесь не место для тебя.

— А как мне ещё с собственным сыном увидаться? Совсем родной дом забросил. Завел себе девушку, значит, пора забыть о родителях? Ведь и познакомить не привел, только от соседней узнала. Это же стыд-то какой! У чужих людей о сыне спрашивать...

— Мама! Я приведу. Приведу, раз ты просишь. Только смотри, чтобы не получилось, как в прошлый раз, с Луситой. Помнишь Луситу?

— Радость моя, она хорошая девочка, никто и слова поперек не сказал бы, только...

— Ни слова поперек? А у меня уши до сих пор звенят! А уж сколько яда было... Весь город хватило бы отравить.

— Хозито, малыш, я же не со зла. Я же перепугалась не меньше! Единственный сыночек вчера ещё ребенком был, а сегодня сам готов детей завести... Прости, прости, бога ради! Я больше ни разу, ни одного словечка...

— Ой, мама, смотри, если обманешь!

— Чем хочешь, поклянусь, Хозито! Чем только попросишь!

— Да ладно умолять... Хватит. Люди увидят, стыдно будет. Лучше скажи, что мне теперь с тобой делать?

— Так я тут посижу, подожду тебя.

— Нет, не пойдет. Не положено. Отправляйся лучше домой и... погоди! А как ты вообще сюда добралась, с твоими больными ногами? Идти ведь надо дольше, чем ты можешь.

— Да что ты, почему дольше? Автобус совсем близко подъехал. Рукой подать до твоей работы.

— Автобус? Подъехал? Мама, а ты часом дедушкины сигары не трогала?

— Опять родной матери не веришь? Да что ж такое с миром случилось... Не придумываю я. И не мерещилось ничего. Он не хотел сюда ехать, тот, кто за рулем сидел. Но рядом оказался один молодой человек... Сказал что-то мудреное, и мы поехали. Туда, куда нужно было.

— Что ещё за молодой человек?

— Да вроде из наших. Из Низины. С такой же карточкой, как у меня. Только разговаривает по-другому. Как белые люди. Наверное, водитель потому его и послушался. Ой, так вот же он! Он что, с тобой тут работает?

Это чириканье могло продолжаться бесконечно, но раз уж разговор плавно приблизился к моей персоне, его следовало прервать. От греха подальше. Иначе не в меру наблюдательная женщина поделилась бы со своим сыном новыми, интересными и не слишком выгодными для меня подробностями.

— Вы уж простите, что я там, на улице, воды в рот набрала! Я ж не знала, что вы... Думала, раз строгий такой, так начальник или вроде того... Благодарствую, сеньор! И ты, Хозито, благодари, давай!

Ладони, которыми она обхватила мою руку, были гладкими и жесткими, как полированное дерево. Мозоль на мозоли.

— Позже, мама. Я тебя провожу сначала, а уж потом...

— Вы к нам заходите, сеньор! Вот Хозито девушку свою приведет, и вы заходите.

Праздник будет!

— Мама!

Он почти крикнул. Но дальше, поперхнувшись собственной дерзостью, только прохрипел:

— Тебе пора. Правда, пора.

— Ухожу, ухожу, сынок. Я же все понимаю. Но вы, сеньор... Вы все-таки заходите!

Возвращался коротышка с таким мрачным выражением лица, что впору было искать укрытие. От неистового и праведного гнева. Однако поскольку наши весовые категории различались весьма существенно, я остался на месте. Глядя, как ко мне приближается грозная туча, готовая разразиться...

— Не нужно было вмешиваться.

Надо же, всего лишь буркнул.

— Это моя мать и моё дело. Понятно?

Вполне. Я и не собирался вмешиваться. На разумных основаниях, имею в виду. Просто сработал инстинкт. Подсознательное стремление вернуть реку хаоса в русло порядка, как говорил психоаналитик, нанятый моей мамой. Когда Елена-Луиза ещё думала, что мне можно вправить мозги. Или надеялась, что доктор вынесет вердикт, подходящий для совершения оздоровительной поездки в тихое местечко с понятливым и исполнительным персоналом.

— Она сама виновата.

В том, что захотела повидать сына? Конечно. А вот во всем остальном вряд ли.

— Но... Спасибо.

— Да не за что.

— И если ты, в самом деле, хочешь прийти... Приходи. Я ещё не знаю точно, когда соберусь, но сразу скажу.

Семейный ужин под трескотню заботливой мамочки и благодарной женщины? Перспектива так себе. Несколько утомительная. И хотя на подобные предложения не принято отвечать отказом... Ладно, ближе к делу и посмотрим.

— Договорились.

— Только не думай, что это все меняет.

— Не буду.

И все же, изменения произошли. Случились несколькими минутами спустя, резко и основательно.

Если во время прошлой смены меня немного напрягало многозначительное молчание напарника, то сегодня я готов был заткнуть уши. Себе. А кое-кому — глотку, потому что словоохотливый Хозе оказался ещё намного несноснее Хозе-молчуна.

Я узнал кучу мелких и крупных подробностей из жизни коротышки. Семейной, общественной и личной. Конечно, с перекосом в последнюю. Особенно подробно описывались даже не отношения с кем-то или какие-то события, а мнение о них самого рассказчика. И сопутствующие душевные терзания. Пополам с жалобами. Дошло до того, что каждую остановку для копания в мусорных коробах я ждал, как манну небесную, ведь она обещала несколько минут блаженной тишины.

А к рассвету, на очередном витке уже с дюжину раз услышанной истории, вдруг

подумалось: а я-то чем лучше? Точно так же висну на ушах Хэнка, по поводу и без. Вываливаю все, о чем думал. Наверняка, не лучшим образом действую на нервы человеку, который сейчас должен быть сосредоточен на своих ощущениях и целях, а не путаться в чужих.

И когда ноги привычно принесли меня к его постели, никакой беседы не состоялось. Была только тишина. С легким привкусом разочарования, потому что дом пустовал.

Нет, храп папаши Ллузи никуда не подевался. Доносился с прежним энтузиазмом. Но чего-то явно не хватало. И я, кажется, даже понял, чего именно, но в следующее мгновение уже крепко спал.

* * *

«Религии всех народов мира возникают одинаково: из вечной потребности человека верить. В высшие силы, в предопределенность, в то, что неизбежное можно изменить — выбирай предмет веры на свой вкус. В собственную значимость? О да, в это тоже верят испокон веков, вы правильно подметили. Но вот ведь какая странность... Каждому необходимо и признание. Мне, вам, им. Всем вокруг. Считать себя выдающимся? В этом нет никаких проблем. Но этого прискорбно мало. Рано или поздно приходит понимание того, что статус — внешний признак, не внутренний. Как добиваться реакции твоего окружения? Да, можно воспользоваться силой, если она имеется под рукой. Принуждением. А когда найдется кто-то равный тебе всеми качествами? Сражаться, выясняя главенство? Но пока ты отвлечен дракой, твои владения остаются без защиты, и любой, даже ничтожный и слабый, способен на них покуситься. Как быть в такой ситуации?

Да-да, молодой человек, верно! Придумать причину, по которой становишься неприкосновенен. И обещания адских мук тому, кто усомнится. Примерно так все и начиналось. Но пожалуй, мы отделились от темы.

Итак, религия Вуду. Прежде, чем начнем изучать её чисто технические особенности более подробно, хочу, чтобы вы уяснили себе главное: истинная потребность не гнушается быть удовлетворенной любым способом. А потребность была. У людей, вырванных из привычных условий обитания, разлученных с семьей, традициями, всем, что, собственно, и создает человека, как такового, не было иного пути выживания, как заново вырастить раковину мироощущения.

Вас никогда не удивляло, что в качестве основных субъектов веры выступило множество чисто католических святых? По-другому, увы, и быть не могло, по крайней мере, среди групп сформированных по большей части из малолетних невольников. Далеко не все эти дети сумели сохранить память изначальных предков, особенно пережив суровые испытания. А примеров перед глазами было немного, выбирать, как говорится, не приходилось.

Разумеется, там, куда попадали более взрослые и обладающие определенным социальным опытом, неконкретный, а потому крайне эластичный зародыш религии напитывался новыми свойствами и подробностями, но основной костяк — обилие святых, разделенных по профессиональной принадлежности, прослеживается достаточно четко, вплоть до отдельных персоналий.

Что же касается инструментальной стороны процесса... Да, травки, камешки, жертвоприношения и все остальное. Абстрагирование от материальных проявлений

приходит не сразу. Символы существенно упрощают путь к вере, и только на самом верху, когда становится понятным, что между тобой и богом нет никаких...

Но я забегаю вперед. Очень далеко вперед, господа. Мы обязательно доберемся до этой цели, обещаю! Только пойдём, как полагается: шаг за шагом.

Что вы хотите спросить? Колдовство? Происходит оно или нет? Это каждый решает для себя сам. Видите ли, человек неверующий никогда не воспримет подобное событие с нужной долей субъективизма. Проще говоря, увидев нечто необъяснимое, он... Да, совершенно верно! Начнет искать объяснения. Этим занятым качеством, кстати, обладаем мы все, без исключений. Только кто-то довольствуется предложенными вариантами выбора, а кому-то хочется копнуть глубже.

Странные смерти? Есть и такое. К сожалению, все документальные свидетельства, которыми мы располагаем, недостаточны. Субъективны. Никому не приходило в голову проводить всесторонние расследования по фактам гибели людей там, где хоть однажды прозвучало слово «вуду». Да, из вполне нормальных человеческих опасений. Те, кто находился близко к условным виновникам и жертвам, слишком сильно верили в сверхъестественные причины случившегося, а те, кто отстоял слишком далеко... Им не было дела до истинной природы происшествий в низших слоях населения.

Нет, лично я не считаю, что колдовство на самом деле существует! Потому что это неправильное слово. Любой человек существует в своей собственной реальности, и каждая из них способна изменяться под нужды хозяина. Все, что находится вокруг вас — проекция ваших ощущений на экран объективно существующего мира. Вы можете думать, что солнце не взойдет утром, если вечером не вознести небесам молитву, и будете совершенно правы. Для себя. Вам так будет удобнее, и это главное.

Коллективная вера? О, об этом речь впереди. Далёко впереди. Очень любопытное явление, да. И вот как раз ему, в отличие от Вуду, существует множество свидетельств. На самый взыскательный вкус. Но вы, господа, пока ещё не достаточно проголодались!»

((Из стенограммы семинара профессора сравнительной этнографии Огастеса Макондо, автора диссертации «Мир по обе стороны бога»))

По мере приближения к зданию муниципального совета идея о посещении образовательных курсов начинала казаться все более и более нелепой. Одно только представление себя, пишущего, упаси Господи, школьный диктант, ввергало в легкий ступор. Но вот бы понять, почему?

У меня достаточно знаний. Может, их в каком-то смысле даже больше, чем у педагога, назначенного социальными службами.

Я уверен в себе? Ну уж сомневаться повода точно нет: если понадобится, сдам экзамены ещё по разу. Да сколько угодно раз!

Так в чем же дело? Может, в том, что возвращаться и повторять все сначала попросту унижительно? И бессмысленно, конечно.

Неважно, насколько блестяще смогу подтвердить свои знания. Что дальше? Тот же самый тупик, который вижу перед собой. И вижу не я один, кстати. Хозе был прав, по большому счету, отказываясь от вещей, лишних в его жизни. Хотелось бы и мне поскорее разобраться, что способно пригодиться в ближайшее время, а что нет. Хотелось бы ждать поменьше, ведь как только Хэнк проснется...

У нас с ним точно будут планы. На будущее. Совместные. Если, конечно, случится чудо. Один вперед не пойду. Разве только — в комнату для занятий.

Классом это помещение назвать было нельзя. Ввиду небольшого размера. Количество столов тоже удручало: видимо, среди обитателей Низины грамотность и впрямь не пользовалась успехом. Всего шесть штук — на что это похоже? А, ещё один учительский.

Слой пыли на ученических местах только подтверждал печальное положение дел в сфере социального образования. И это было неправильно. Люди должны получать знания не только из уст в уста и от руки к руке. Должны понимать, что буквы и цифры не просто странные закорючки, а бесценное хранилище всего, что составляет память цивилизации. И те самые «молли», благодаря которым как раз можно не думать о других способах удостоверения личности, не возникли бы в пробирке сами по себе. Не спасли бы человечество от...

Хм. А было ли это спасением?

Черт с ним, с социальным неравенством, которое я теперь наблюдаю с утра до вечера. Его можно устранить. Законы, правила, государственное обеспечение, прочие штуки, складывающиеся из слов, весящих тяжелее золота. Пусть это будет только видимость благоденствия, а не искоренение проблемы, она все-таки осуществима. А как быть с другим концом палки?

Хозе не нужно уметь читать и писать. Ему достаточно приложить запястье к сканеру, чтобы получить все причитающееся. Даже не нужно ничего говорить. Технологии упрощают жизнь, и считается, что это хорошо. Но упрощение-то происходит по всем показателям, вот в чем беда.

Отсекается целый культурный пласт. Старшее поколение ещё помнит грамоту, младшее в ней уже не нуждается. Следующее же... Страшно подумать.

— Вы заблудились?

Пожалуй, что так. В собственных мыслях.

— Здесь все поначалу плутают. Подсказать дорогу? Вам, наверное, нужно в отдел

соцобеспечения?

Готовность помочь звучала в женском голосе вполне искренне. Что и настораживало: все предыдущие встречи с муниципальными работниками производили обратное впечатление. Почему же эта...

Она переступила порог, правда, остановилась сразу же за ним. Невысокая, но ладненькая блондинка. И неужто натуральная? Вот так чудо! Изо всех женщин, до этого дня знакомых мне в Санта-Озе, только мама могла похвастать светлыми от природы волосами. Почему и имела непреходящий успех в любом здешнем мужском обществе. Впрочем, для той, что должна пользоваться популярностью, одета незнакомка слишком уныло: даже строгий костюм выглядел бы на ней лучше. Эффектнее. Особенно если скрутить волосы в пучок и спустить очки на кончик тоненького носа. Получилась бы настоящая учительница. Со страниц журнала определенного толка.

— Почему вы так на меня смотрите?

Как — так? А, примеряя свои фантазии к реальности. Потому что мне это нравится. И потому, что это заставляет кое-кого розоветь. И отнюдь не от гнева.

— Простите, сеньора.

— Сеньорита.

— Тогда простите ещё раз.

Забавно. Поправила меня мгновенно. Поторопилась поправить. Обычно за такой поспешностью кроется... Господи, о чем я только думаю? Физический труд на свежем воздухе виноват? Эх, знать бы этот рецепт раньше!

— Так куда вы шли?

— Сюда.

Она протянула руку за листком бумаги, прочитала направление несколько раз с начала и до конца, растерянно хмуря светлые брови.

— Что-то не так, сеньорита?

— Нет, просто... — Очки повисли на цепочке, а девушка утомленно потерла переносицу. — Надеюсь, я не обижу вас, если скажу, что ваше желание выглядит немного неожиданным?

— Которое из?

Теперь она зарделась уже основательно. А ведь комплимент был неуклюжий. Грубоватый, прямо скажем.

— Сеньор...

— Ллузи. Франсиско. А ваше имя можно узнать?

— Глория Толлман.

— Вы будете моей учительницей, я правильно понимаю?

М-да, и эта безобидная фраза прозвучала как-то двусмысленно. По крайней мере, для девушки. Пора заняться аутотренингом или... Вообще — заняться. Да что ж такое со мной сегодня?

— Почему вы хотите учиться?

О, молодец, взяла себя в руки. Так и мне будет проще. Надеюсь.

— Не знаю, сеньорита. Подумал, что в этом нет ничего дурного.

А вот пуговку на блузке не надо расстегивать! Да, пожалуй, в комнате немного душновато. Может быть, даже жарко. Но разве не проще и разумнее открыть окно?

— Хорошо. Давайте определим объем ваших знаний.

Она все-таки села за свой стол. И ложбинку между грудой стало видно немножечко лучше.

— Как скажете, сеньорита.

— Вы умеете... — Слишком длинная пауза, которую хочется прервать положительным ответом. — Читать и писать?

— Да. Меня учили. Дома.

— Тогда я подберу несколько тестовых заданий. К завтрашнему дню. Вы ведь придете завтра?

Звучит, как приглашение на свидание.

— Конечно, приду.

— Замечательно!

Надо же, а она и правда воодушевилась. Наверное, педагогический энтузиазм разыграл.

— С курсом тоже начнем определяться завтра. По результатам тестов. А пока... У вас есть какие-нибудь вопросы?

— Про обучение?

— Необязательно. Личные... тоже можно задавать.

— И насколько личные?

Глория потупила взгляд и словно бы невзначай прошлась язычком по верхней губе. Ну да, здесь же жарко. И продолжает теплеть. С каждой минутой.

— Сеньорита Толлман, вы заняты?

Вздрыгнули мы синхронно, я и девушка. Но обернулись в сторону спрашивающего не сразу, а лишь обменявшись долгим пронзительным взглядом.

— Да. У меня появился... ученик.

— Вас можно с этим поздравить?

Такого Норъегу я ещё не видел. Предупредительного, робкого, скованного в жестах и интонациях. В общем, хронически влюбленного.

— Если хотите.

Глория, впрочем, ему вторит. Правда, скорее автоматически. Попугайничает, одним словом.

— Это будет удобно сделать за чашечкой кофе?

— Вполне удобно.

Воркование смущенных голубков. Вроде бы трогательное. Почему тогда я не умиляюсь? Почему мне хочется смахнуть со стола бумаги и показать Эсте, как следует обращаться с женщиной, когда желания двоих целиком и полностью совпадают?

— Я зайду за вами? Когда вы освободитесь?

— Это зависит от любознательности сеньора Ллузи. Кажется, у него были ко мне вопросы.

Мы опять смотрим друг другу в глаза. Так, что взгляды выходят лучами через затылок и слепят любого, кто рискнет стать свидетелем...

Никогда не думал, что скажу спасибо урокам, полученным в «Каса Магдалина». Особенно тем, которые учили контролировать определенные позы тела: до туалетной кабинки я добрался, вызывая заинтересованных взглядов не более, чем любой другой человек, выглядящий озабоченным и целеустремленным.

Следующий отрезок времени прошел незаметно. Неощущаемо, по крайней мере. В отличие от всего остального, что меня переполняло. Слава Господу, что в коридоре не

оказалось ни одной женщины, иначе...

Конечно, стыд пришел. Не мог не прийти. Потом. Много позже. Когда энергия и кое-что ещё выплеснулось наружу. А вода из-под крана оказалась восхитительно холодной.

Смущало многое. Внезапность, например. Я ведь ещё не успел отвыкнуть от прежнего режима, что убедительно подтверждала та ночная встреча. Напор, опять же. Не чрезмерный, но, скажем так, сильнее обычного. Заметно изнуряющий. Вот объект приложения чувств вопросов не вызывал: проекция материнского образа и все такое. Будничный случай, вызывающий зевоту у психотерапевта. Правда, без мощного стимула я бы...

Стимул. А может, стимуляция? Сеньора Байас не пользовалась ничем подобным. Упомянула о последствиях, разве что. О потере чувства реальности и снижении уровня морально-этических ограничений. А этого как раз было в достатке. Одно желание покрасоваться перед зрителями чего стоило! Зрителем, вернее. Единственным.

Что же за хрень со мной происходит? Вернее, надеюсь, что уже произошла и в ближайшее время не повторится.

Контакт с химикатами исключается. Он состоялся, и после, в течение суток, никаких порывов и позывов не возникало.

Пищевые продукты? Последний раз я ел что-то из пайка тоже не меньше, чем два дня назад. Лил приносила ужин, это да. Вкусный. Но тогда все вроде бы обошлось. Подозревать столовую мусорной конторы вообще глупо: там не угадаешь, какая порция кому из работников достанется.

Нет, это было что-то совсем недавнее. Прямо перед выходом из дома, потому что все предыдущее время я спал. А вот после сна... Ну да. Захотелось взбодриться. И что я сделал? Сварил кофе. Уже заранее кем-то любезно смолотый.

Ага! Я точно не запасал его впрок. Пьяница не стал бы даже дотрагиваться. Значит, кто-то третий постарался. И это мог быть лишь один из двоих. То есть, одна. Озабоченная специфическими желаниями девчонка. С неё стало бы подсыпать мне любую гадость, только бы добиться поставленной цели.

Что ж, если я прав в своих подозрениях, это зашло уже слишком далеко. Надо разбираться сразу и окончательно. Все должно случаться в свое время, по доброй воле, а не где попало и с кем попало. Хотя, блондинка, конечно...

В автобусе я дремал. Сладко-сладко. И мне не мешали ничьи взгляды: ни пассажиров, ни водителя. Но когда привычно поднялся с сидения, собираясь выходить за остановку до конца, двери захлопнулись раньше, чем я успел до них добраться. А динамик злобно прошипел:

— Следующая — конечная.

Эффект вчерашней беседы был налицо. Быстрый и четкий. А ещё говорят, добрым словом нельзя ничего добиться! Ну, не совсем добрым, но все же. Честно, не ожидал.

На меня не взглянули. Даже в зеркало заднего вида. И в боковое тоже. Сделали вид, будто настырного пассажира не существует. Но из-за закрывающихся дверей раздалось чеканное объявление об очередной остановке. По обратному маршруту.

Неужели мир перевернулся? Стоило только найти точку опоры, и все получилось?

Коротышка Хозе с первого взгляда понял, что происходило со мной за последние часы, и смачно цыкнул зубом:

— Хороша была, да?

Кабинка, отделанная кафелем? Одуреть просто, как хороша.

Впрочем, надежды на установление взаимного расположения рассеялись раньше, чем оформились во что-то осознанное, поскольку, прогнав из взгляда мечтательность, напарник тут же пообещал:

— Лентяйничать все равно не дам!

* * *

Памятуя о полученной от начальства выволочке, я приготовился отказаться от всяческой транспортной помощи, но только зря потратил время и силы: по возвращении на базу выяснилось, что у конторы есть своя развозка. До границы Вилла Лимбо, не дальше, конечно. Но все же ситуация радовала. И настроение было соответствующим. Вплоть до вполне естественной, хотя и не особо ожидаемой встречи.

Все выглядело точно так же, как в ту ночь. Мутные сумерки фонарного света. Беззвучно возникшие на пути фигуры. Вот ножи не блестели, это факт. Потому что сейчас меня не требовалось пугать?

Он отделился от группы и подошел ко мне. Знакомым неторопливым шагом. Эста — Ночной мститель. Заговорил. Тихо, так, чтобы даже окрестные жители остались в неведении относительно темы нашей беседы.

— Знаешь, я не надеялся, что мы станем друзьями. Настоящими. Сразу отбросил эту мысль.

Туманная прелюдия однако. А вот разочарован он на самом деле. И это, наверное, плохо. Для меня.

— Не всем же быть друзьями, да?

Точно, не всем. Но все-таки один нужен точно. Не меньше одного.

— Мы друг другу ничего не обещали. Согласен. Но, черт подери...

О чем-то он печалится. Очень серьезно.

— Зачем ты подкатываешь к моей девушке?

Э, девушке? Той блондинке, что ли?

— Я ни к кому не...

А впрочем, стоит ли оправдываться? Мне поверят? Не думаю. Так может, лучше перейти из защиты в нападение?

— А пусть и подкатывал. Какие проблемы? На красотке не написано, что она — твоя собственность.

Его кулак сжался. Совсем рядом с моим подбородком.

— Для тебя это только забава. Я видел. Ты нарочно, да? Узнал, что мне нравится Глория и...

— От кого узнал? Эй, сеньор Норьега, проснитесь! Меня в этом квартале не привечают, и ты это прекрасно знаешь. Даже соседки-сплетницы замолкают, едва заметят поблизости.

Это, кстати, правда. Те кумушки стихли, как по команде, когда наткнулись взглядами на мою физиономию.

— Если кто-то и виноват в случившемся, то только она сама. Не надо было вырастать такой сладенькой.

Кулак дернулся. К моему носу. Остановился в каком-то дюйме, не больше.

— Не трогай её.

— Ты ещё скажи: не встречайся.

— И скажу!

— Не выйдет. Я учиться хочу. А она как раз учительница.

— Ты...

Пальцы разжались. Эста устало махнул рукой и повернулся. Наверное, чтобы не смотреть на меня.

— Значит, учиться?

— Дело полезное.

— Да уж.

— А потом что будешь делать? Надумал?

— Пойду в политику. Защищать права переселенцев.

Повисла тишина. И Норвега все-таки снова заглянул мне в глаза.

— Шутишь?

— Считаю, как хочешь.

Нет, все-таки слишком много надежд он питает в моем отношении. Необоснованных. Надо спустить парня с небес на землю.

— Шучу, конечно. Нам ведь здесь и так хорошо. Еда, вода в наличии. Крыша над головой есть. Хоть работай, хоть пьянствуй без продыха — свободный выбор. А главное... — Я подался вперед и понизил голос: — Главное, что ни первое, ни второе ничего не меняет. Для будущего.

— Эх...

Смешно смотреть, как он всякий раз клюет на одну и ту же наживку. Интересно, отстанет когда-нибудь от меня со своими глупостями?

— Быстро же ты проникся местной атмосферой. Решил, что так будет проще?

— А разве нет?

— Хочешь уподобиться папаше Ллузи? Забить на мир вокруг и собственную жизнь?

— Он не одинок. Взять хотя бы моего напарника по работе. Молодой, не дурак, с характером. И что? Даже учиться читать не хочет. Потому что это ему не нужно. Ни по жизни, ни как иначе.

— Значит, надо все оставить, как есть?

— Люди должны делать выбор сами. Не из-под палки.

— Людям нужно дать возможность выбора. Сейчас её просто нет. Никакой.

Может и нет. Не знаю. У меня ведь тоже было не слишком много свободы. Раньше. Зато теперь — хоть отбавляй!

— Желаю удачи.

На пятом шаге прочь он меня окликнул:

— Почему ты всегда уходишь на полуслове?

Я ухожу, когда слова становятся бессмысленны. Дальше нужны действия. Неважно, какие. Протест. Забастовка. Демонстрация. Митинг. Событие нужно. Что-то, нарушающее привычное течение жизни. Камень в тупле, не дающий покоя.

— Спокойной ночи. О, прости: спокойного дня!

Рассвет подбирался к Вилла Баха медленно. Тащился по моим следам еле-еле, шарахаясь от глубоких теней. И пелена воздуха была все ещё темно-серой, когда я добрался до дома. Такой же грязной, как намерения тех, кто за ней прятался.

Путь к двери оказался отрезан сразу же — широкоплечей коренастой фигурой, которую

легче было, пожалуй, перепрыгнуть, чем обойти. Кто-то тяжело задышал сзади, но обернуться, чтобы оценить масштаб неприятностей, я не успевал. Потому что вынужден был сосредоточить все внимание на человеке, лениво отклеившемся от стены и направившемся в мою сторону.

Его было видно плохо: утренние сумерки смазывали черты и детали одежды. Зато хруст молельных четок слышался очень отчетливо.

— Господь завещал нам любить ближнего своего.

Голос не слишком-то подходил к этим словам. Равнодушный, слегка визгливый. Но и повидаться со мной в такой ранний час явился кто угодно, только не священник.

— Но любовь никогда не приходит без боли.

В принципе, развитие событий можно было предсказать уже сейчас. Будут бить. Кандидат в битье — единственный. Я. Полюбопытствовать, в чем причина? А что ещё остается, чтобы потянуть время в надежде...

Да ну. Ерунда. Нет никакой надежды. Эста со своим патрулем далеко. Соседи у меня тихие, в чужие разборки не полезут. Тупик, в общем. Из которого хотелось бы уйти не сильно потрепанным — большего не прошу. Слышишь, Господи?

— И боль всегда оказывается доходчивее слов. Не так ли?

— Это все очень интересно, сеньор. Правда. Но место и время для душевительных бесед не слишком удачное. Не так ли?

Незнакомец улыбнулся. Так мне показалось. По крайней мере, раздавшийся звук напоминал смехок или что-то вроде.

— О, я не собираюсь никого спасать! Этим займется Он. Когда придет время.

Ладонь, обвитая четками, указала вверх. В ещё не проснувшееся небо.

— Я всего лишь укажу путь к очищению. И тот, кто способен внять, внемлет.

За спиной почувствовалось движение. Воздух всколыхнулся, по крайней мере.

— Внемлет боли, я правильно понимаю?

Новый смехок.

— И чем же я заслужил ваши труды по... э, наставлению меня на путь истинный?

— Даже самая жалкая божья тварь может огрызнуться. Но умная собака никогда не покажет зубы тому, чьи руки способны дотянуться до палки.

Понятно. Ничего конкретного мне не скажут. Не станут выдавать себя. Но какой-то знак должен быть. Иначе все грядущее избиение бессмысленно.

— А хозяйина у прилюдной собаки не будет никогда. Как бы она ни ластилась.

Намек на то, что меня некому защитить? Ой, спасибо, а то я не догадывался!

— Жаль только, что собака не знает, какой урок должна запомнить.

Незнакомец зло хрустнул четками. Но все-таки учел моё возражение и пояснил:

— Собака должна знать свое место и не твякать пустые угрозы.

А, теперь все ясно. Угрожал я лишь однажды. И, как видно, вовсе не впустую, если водитель автобуса спустил на меня своих псов.

Но ситуация осложнилась. Мне ведь теперь не остается ничего, кроме воплощения слов в дело. И думаю, любитель слова божьего это тоже понимает. Значит...

Этот тупик — последний?

Жаль. Чертовски жаль.

— И кто будет моим учителем? Ты?

Ещё одно движение. По левому флангу. Оборвавшееся, когда сверху раздалось

спокойное и многообещающее:

— Только дернись — получишь такой загар, что вовек не отмоешься.

Он стоял на балконе своего дома. Полупьяный, как и всегда, заметно пошатывающийся Фелипе Ллузи. И в руках у него, конечно же, была бутылка. С торчащим из горлышка фитилем. А в зубах мой названный отец держал хорошо раскуренную сигару.

— Так что, пошли-ка все вон отсюда. Да поживее!

Если эти люди и были трусами, то самую малость, потому что их вожак с минуту оценивал расстановку сил прежде, чем дать сигнал к отходу. И второе приглашение сверху предназначалось уже мне одному:

— А ты чего столбом застыл? Будешь ждать, пока они вернуться?

По лестнице я поднимался медленно. Словно старался оттянуть разговор. Вернее, необходимость сказать «спасибо» человеку, который только что спас мою жизнь. А когда добрался до комнаты, надобность в разговоре отпала сама собой: папаша Ллузи уже сопел в своем гамаке, любовно прижимая к боку бутылку. Без фитиля, конечно же.

Но поговорить все-таки пришлось.

— Что хотели эти люди?

Она вышла из теней, зябко передергивая голыми плечами. Настороженная. Хмурая. Некрасивая больше обычного.

— Покалечить. Или убить, что вероятнее.

— Почему?

— Имел неосторожность погрозить их дружку.

— «Воцерковленному»? Они не ходят теми же дорогами, что и мы. Ты не мог их встречать раньше.

Ну вот, давайте меня ещё в чем-нибудь обвиним. Особенно в незаслуженном.

— Да мне без разницы, кто. Я предупредил водителя автобуса, что надо работать честно, иначе можно потерять лицензию. И он воспринял меня всерьез. Прислал... Ты видела, кого.

— Они опасные люди.

— И это говорит та, от которой местная шваль шарахается, как от огня? А кстати... Ты же была здесь все это время. Правильно? Почему же не вышла? Глядишь, они бы быстрее испугались и разбежались.

Лил глубоко вдохнула и выпрямила спину.

— Они меня не боятся. И это плохо. Они должны признать истинную силу. И признают!

— Эй! — Я поймал её за плечо. — Куда собралась?

— Есть дело. Появилось.

— А я хотел побыть хорошим хозяином. Предложить тебе кофе, например.

Удар попал в цель: девушка поспешно отвела взгляд.

— Я не хочу кофе.

— Да ты только попробуй! Вкус приходит во время еды, так говорят? Вот мы и проверим.

— Я не хочу кофе!

— А вот я не откажусь. Ладно, не хочешь пить — просто составь компанию. Поболтаем о том, о сем.

— Тебе разве не нужно отдыхать после работы?

Ах, какая забота! Умилительно искренняя.

— Это да. На мешки меня сейчас не хватит. Зато хватит на...

— Пусти!

Она дернулась всем телом. И вырвалась, конечно. Потому что её никто не собирался удерживать.

— В чем дело? Не понимаю. То заявляешь, что я должен считать тебя женщиной, то убегаешь. Ты уж выбери что-то одно, ладно?

— Я выберу. Когда сама захочу.

Вскинула подбородок. Гордо, по-королевски.

— Но ты не должен об этом думать, потому что...

Её пальчик уперся мне в грудь. Примерно туда, где бьется сердце.

— Ты.

Коснулся теперь уже её груди:

— Мой.

И уже откуда-то снизу, от подножия лестницы победоносно прозвенело:

— Я так выбрала!

Остатки чересчур бодрящего кофе уплыли в канализацию. Вспылили воздух, покружились по раковине вместе с водяными струями и канули в небытие, а я занялся помолом свежей порции. Не для борьбы со сном, о нет! Спать не хотелось. Потому что и так все вокруг воспринималось, как сон. Ночной кошмар, ни за что не думавший заканчиваться.

Страшно было первые несколько минут. Когда незнакомцы выступили из темноты и ещё не обозначили свои намерения. Правильно говорят, что больше всего прочего нас пугает неизвестность. А если к твоему горлу уже приставлен нож, бояться поздно. И совершенно непродуктивно. Особенно учитывая кучу незавершенных дел, начиная с ежедневных гигиенических процедур коматозного друга.

— Тут такое дело, Хэнк... Неприятное. Очень может быть, что я так и не дождусь твоего пробуждения. Да-да, представь себе! Влип. В историю.

Правда, вряд ли она удостоится хотя бы пары строчек в сводке криминальных новостей завтрашнего газетного номера. Или все-таки послезавтрашнего? Хм. Нет, те парни не будут зря тратить время.

— Надо было вливаться. В здешнее общество. Заручаться поддержкой. Если даже у водителя автобуса нашлись решительные приятели, то и я бы справился. Но вся беда в том...

Это обида. Она и только она. Детское глупое чувство, от которого никак не избавиться. Все должно было идти совсем другим чередом. По правилам. По укатанной и ровной дороге. Нельзя было даже предположить, что на ближайшем перекрестке то ли бог, то ли дьявол затеют ремонт именно для меня. И объезд предложат такой, что неизвестно, куда кривая выведет. И выведет ли вообще.

— Надеяться на лучшее, да? Ты бы так поступил. И верил бы, конечно. А вот я не мог. С того самого вечера. До сих пор не верю в произошедшее.

Поэтому и не удивляюсь усугублению ситуации. Почему бы и нет, собственно? Кто обещал, что хуже уже не станет? Небеса и те промолчали.

«Фракционные девиации спонтанно сложившихся общественных формаций» — от одного названия скулы сводит. И лекции были скучнейшие. Хорошо, что факультативные, а не основные, иначе этот предмет я бы никогда в жизни не сдал. В той жизни, прошлой. Новая оказалась полна примеров, которые очень оживили бы не один учебный курс.

— Это очень серьезно, Хэнк. Хотя бы потому, что для моих ночных гостей убить человека не труднее, чем вдохнуть и выдохнуть. Вот ты мог бы представить себе такие ужасы посреди родного города? Я — нет. Правда, и город этот мне не...

Родной — это другое. Давнее, прошлое, почти забытое. В Санта-Озе я никогда не чувствовал себя, как дома. А когда окончательно осознал свои ощущения, все и решилось. Родилось желание подняться поближе к Джозефу, чтобы не жить одной жизнью с городом, раскинувшимся от побережья до гор, а играть в него. Смотреть на коробку с куклами, домиками и машинками сверху. Но оказаться вдруг одной из этих кукол... М-да, замечательная ирония. Вполне себе божественная.

— Все-таки извинюсь. Хоть это и лишнее. Подозреваю, у тебя были на мой счет определенные планы. Изначально уж точно были, не отпирайся! Как и у всех остальных. Но почему ты остался рядом позже, когда... Жаль, что не ответишь. Вернее, жаль, что я, похоже, не узнаю ответ.

Дружба? А что это такое, кто объяснит? Делить на двоих время, действия, мысли и чувства? Да, бывало. Неоднократно. И иногда здорово помогало. Только карие взгляды всегда были слишком темны, чтобы прочесть то, что в них кроется. Слишком глубоки.

— Знаешь, я ведь поначалу боялся местных. На полном серьезе. Там, где прошло моё раннее детство, черными глазами на меня смотрели очень редко. Мать ты видел, отец... Он тоже был ясноглазым, как это называют. И когда я вдруг попал в место, где почти все поголовно...

Помню, не хотел выходить из комнаты. Потому что все вокруг казалось чужим. Непонятным. Враждебным.

— И это продолжалось ещё много лет, Хэнк. Да, я даже на тебя смотрел настороженно. Думаю, ты чувствовал. Не мог не понять. Но не отступил. И не воспользовался, за что отдельное спасибо. Мне вообще нужно бы за многое тебя поблагодарить. Вот только отблагодарить нечем. Но в долгу не останусь, нет. Можешь быть уверен.

Фелипе добудиться не удалось. Попробовал раз-другой и оставил попытки. Судя по количеству недавно опорожненных бутылок, на возвращение в сознание папаше Ллузи требовалось не менее суток, а у меня времени на руках было куда как меньше. На все про все — частично уже израсходованный день.

Вероятность того, что папаша Ллузи прочтет оставленную ему записку, была ничтожной. Возможность, что Лил снова заявится в дом ближе к рассвету, выглядела несколько менее сомнительной, однако умеет ли девчонка читать? Черт её знает. Многим из Низины эта наука и даром не нужна, так что...

— Это твои проделки, Господи? Теперь-то Твои? В первый раз мне никто не дал подготовиться, а сейчас все в полном соответствии с процедурой, да? Предупреждение и запись в ежедневнике. Про встречу, на которую невозможно опоздать. А уж тем более, пропустить.

Позволяешь закончить дела? Спасибо. Но раз уж оказался настолько любезен... Ну да, да! Дай палец — всю руку оттяпают. И я такой же, как остальные. Одно из Твоих чад, и других объяснений Тебе, надеюсь, не требуется?

Несколько строк. Далась они нелегко: переписывал то так, то эдак. Казалось бы, что трудного в составлении завещания? А когда дошло до дела, пришлось поломать голову. И это учитывая, что новых знакомых я успел завести всего ничего! А по правде сказать, сами завелись. Как блохи.

Путеводная звезда соборного купола, парящая над крышами. Пара миль, не больше, по пыльной мостовой — разве это можно назвать настоящей дорогой к храму? Должна быть трудная, изнуряющая, жестокая и беспощадная. Так ведь заповедано небесами? Вернее, земными глашатаями небес?

Тишина. Пустота. Резные дубовые скамьи. Специально ведь привозили дерево с другого континента. Творили на века.

Сидеть неудобно. И непривычно. Ну да, если учесть, что все службы последнего десятилетия я проводил на ногах... Нет, надо напоследок побыть таким, как все. Притвориться, чтобы сделать приятное. Тебе ведь приятно, Господи? Смотреть на моё смирение? Или все равно?

Он тоже вырезан из дерева. Распятый на кресте человек, которого мы возвели в божества. Грандиознее смотрелось бы каменное изваяние. Внушительно и подавляюще. Но нет, высота фигуры скромная. С меня ростом или даже чуть пониже. Если подойти

вплотную, покажется, что смотришь на своего соседа. На того, кто мог бы им быть.

— Тебе придется ещё поработать, Господи. За меня. Ну да, а как Ты думал? Я попросту не успею все закончить сам, а у Тебя времени — до самого Судного дня. Справишься, в общем.

Нехорошо, конечно, перекладывать свои проблемы на чужие плечи. На растянутые в напряжении и оцетинившиеся костями. Но просить уже не о чем.

Прощение? Ерунда. Я снова сделал что-то не так и не вовремя, если заслужил прямую угрозу. И каяться поздно: все предельно ясно.

— Это был мой второй шанс, да? Извини, что не воспользовался. Говорят, правда, что бог троицу любит... Нет-нет, не бойся! Мне третья попытка не нужна. Оставь для того, кто по-настоящему достоин. Договорились?

Приятно отправляться в путь налегке. Наверное, так и надо поступать. Всегда. Останется пара задолженных перед девчонкой ужинов, да одинокий, вечно пьяный старик. Они ведь жили без меня, верно? Значит, и дальше проживут. А мне без них будет...

— Вам помочь?

Он умеет подкрадываться. Как хищник. Вполне может быть, что в своем далеком юном прошлом отец Мигель пребывал дальше от Господа, чем я теперь.

— С чего вы взяли, что мне...

— Требуется помощь?

Присел на скамью. Рядом. Осенил себя крестом, глядя на распятие, и что-то коротко прошептал.

— Вы слишком сосредоточены, юноша. Как будто должны что-то решить или сделать. И если в такой момент заглянули в храм... Другой причины быть не может.

М-да, не очень-то хотелось выглядеть озабоченным. Надо было лучше учиться контролировать свою чувства. Теперь уже нет никакой разницы, но все же. Стыдно. За легкомысленные огрехи прошлого, когда думалось, что впереди ещё целая жизнь.

— Помощь... Да, нужна.

— Господняя?

— Ваша, падре.

Удивился. На самом деле.

Ну да, редко кто приходит сюда, чтобы обратиться к человеку. Бог, святые, ангелы и прочие небесные обитатели — куда более желанные собеседники. Хотя бы потому, что слушают молча.

— И что такого могу сделать я, чего не может господь?

— Выступить душеприказчиком.

— О, понимаю!

На лицо отца Мигеля опустилась отрепетированная маска всепрощения и светлой скорби.

— Кто-то из ваших близких сейчас на смертном одре?

— Я.

Он чуть отстранился, словно собираясь внимательно оглядеть меня с ног до головы.

— Простите, но вы не выглядите...

— Больным? Неважно. Существуют сотни других способов ухода из жизни. Особенно не по своей воле.

— Хотите сказать...

— Мы ведь можем считать это исповедью, падре?

Оглянулся. Удостоверился, что в пределах видимости нет больше ни единой живой души. И ожидаемо предложил:

— Было бы намного удобнее пройти в другое место.

В исповедальню? Боже упаси! Никогда там не был и не рвусь. К тому же, скрывать мне нечего. Главное, чтобы падре оставил все нечаянно полученные сведения при себе. От греха подальше, что называется.

— Мне удобнее здесь, если не возражаете. Думаю, Он с удовольствием побудет третьим в нашей беседе.

Мои слова и кивок в сторону распятия заставили отца Мигеля нахмуриться. Не грозно или обвинительно, нет. Растерянно.

— Мне не пристало о таком говорить, но... Странное чувство. Я не помню ни одного человека, который так же, как вы, вел себя в священной обители. И одновременно все это кажется знакомым. Очень знакомым. У вас, случаем, объяснений не найдется?

Хотел бы, чтобы нашлись. Но увы.

— Оставим загадки Ему с Его провидением, ладно? А вот это — для вас.

Я протянул падре плоды своего литературного творчества: сложенный вчетверо лист бумаги.

— А где же печать?

А нету. Не нашлось в доме Фелипе ни одного конверта, который можно было бы заклеить. Но оно и к лучшему.

— Мне она не нужна.

— Но завещание полагается вскрывать лишь после...

— Мне решать, не правда ли, падре?

— Разумеется.

— И я разрешаю. Даже настаиваю: прочтите. Вдруг что-то будет вам непонятно, так я поясню. Пока могу это сделать.

Он посмотрел на меня, потом на бумагу. Вздохнул. Развернул.

— Сеньору Фелипе Ллузи, давшему мне имя и крышу над головой: моё глубочайшее почтение. И пожелание продолжения спокойной жизни.

Надеюсь, она ещё состоится, эта жизнь. По крайней мере, без меня вряд ли у кого-то возникнет необходимость досаждать старому пьянице.

— Эстебану Норьега: извини, что не сложилось. И удачи.

Не слишком «государственное» пожелание тому, кто работает над изменением политической обстановки, но почему бы и нет? Может, он правее всех прочих. То есть, на самом-то деле — левее, только правда его — правдивее.

— Девушке по имени Лил: похоже, ты сделала неудачный выбор. В будущем выбирай осмотрительнее.

Возможно, у неё просто нет других вариантов. И такое бывает. Но с её энтузиазмом случится много хороших шансов. Даже сомневаться не стоит.

— Падре Мигелю: благодарность за то, что донес эти послания до адресатов. И просьба.

Пауза. Взгляд вверх листа.

— Где же она?

— Я не дописал? Ах, да. Не смог подобрать слова, чтобы все было коротко и ясно. Так что вам придется слушать. Согласны?

— Как пожелаете.

— В доме Фелипе Ллузи, о котором речь в самом начале, находится ещё один человек. Он... Сильно болен. Наверное. По крайней мере, сейчас он в коме, и неизвестно, когда очнется. Я попрошу вас за ним приглядывать. Хотите — прямо там. Хотите — заберите в приют. Мне важно только одно: он должен очнуться. Когда-нибудь. А когда очнется, спросите его... Хотя нет, не нужно. Но если он спросит обо мне, расскажите все, что знаете.

— Но все, что я знаю о вас, это...

— А больше и не надо. Правда, не надо. Он может меня вообще не вспомнить. И может быть, это станет лучшим выходом.

Отец Мигель снова сложил листок. Спрятал в рукаве.

— Я выполню все, о чем вы просите.

— Спасибо.

Вроде и присаживался ненадолго, а задницу отсидел. И как только молящиеся проводят здесь часы за часами?

— И все же, юноша, насчет помощи...

— Вы уже помогли.

— Вашему духу? Хорошо. Но тело тоже нуждается. И зачастую больше, чем душа. А уж вопиет о своих нуждах куда как громче. Если вашей жизни угрожает опасность, я могу...

— Предоставить убежище? Нет, не надо. Я верю в бога не так, как вы, падре. Но то, что послано мне для испытания или наказания, приму. От начала и до конца.

— Вы пришли сегодня сюда. И это может значить, что Он...

— Желает моего спасения?

— Именно.

Измощенный болью лик. Взгляд, устремленный вниз, к пастве.

А я ведь только сейчас заметил, что Ты смотришь прямо на меня, Господи. Потому что стою у подножия Твоего креста, а не там, где обычно.

— Думать так означало бы, что я отдаю себя в Его руки.

— Все мы в руках господних.

— Ну что ж...

И смотрит деревянная статуя очень даже странно. Выжидательно. Мол, следующий ход — за тобой.

— Если Он и вправду хочет меня спасти, шанс Ему представится, обещаю.

Пусть будет испытание. Я не против. Хочешь проверить мою веру? Изволь. Не стану препятствовать. Пальцем о палец не шевельну, чтобы спастись самостоятельно. Положусь целиком и полностью на Твоё всесилие.

Церковники любят твердить, что все беды и страдания ниспосланы людям, дабы укрепить дух и доказать право на посмертный билет в царство небесное. Так вот, я ничего и никому доказывать не собираюсь. Где-то согрешил? Пусть. Сдается мне, по счетам уже заплачено. У Тебя появились новые планы? Ну и замечательно! Задумал разыграть замысловатый спектакль? Отлично! Тогда будь любезен позаботиться об исполнителе главной роли. Хотя бы последи, чтобы до занавеса он, то есть, я, добрался успешно.

Мне готовиться не нужно: только вдох сделать. Или выдохнуть. И шагнуть вперед. А Ты-то готов, Господи?

— Желаете подать жалобу?

Привратник был слепым. Абсолютно. И, учитывая его преклонный возраст, можно было только гадать, чем заработано увечье, долгой службой или несчастным случаем. Но жалости человек у входа в самую странную часть здания муниципального совета не вызывал. Скорее всего, многие ему даже завидовали. Получить на склоне лет постоянную и достойно оплачиваемую работу — чем не мечта? А если ещё и понемногу приторговывать информацией...

Многие, кстати, думали именно так, когда открывался отдел по приему анонимных жалоб на действия городских служб и служащих. Но строгие меры быстро остудили пыл нечестных на руку сеньоров и сеньор. Одна из весомых заслуг сенатора Линкольна, кстати. И очень действенная: по каждой жалобе непременно проводилось тщательное расследование. Другое дело, что иногда анонимки оказывались пустышками, но и в таких случаях результат мог считаться положительным. Хотя бы потому, что установленные факты клеветы тоже подлежали изучению. С помощью оболганного чиновника, конечно же. И понятно, чем заканчивались. Но главное, хотя времена расцвета «жалобной комнаты» прошли ещё до моего поступления в университет, она все ещё функционировала.

Коридор в этом месте был изломан много раз и под такими углами, что в десяти шагах перед собой ты уже никого не мог видеть. И никто, соответственно, не мог видеть тебя. Только страж дверей, сидящий в глубокой нише. Ага, тот самый. Слепой.

— Желаете подать жалобу?

Он повторил свой вопрос. Потому что знал наверняка: я остаюсь на месте.

— Да.

Еле заметный кивок. Нажатие потайной кнопки. Тихий шелест двери, открывшейся за спиной убеленного сединами старика.

Здесь не было окон. И вентиляции толком тоже, поэтому у жалобщика имелось не так уж много времени, чтобы сделать свое «черное дело». Хотя даже за час можно успеть настроичить достаточно занимательную историю.

Да, он все-таки не боялся. Водитель. Его привело в бешенство совсем другое. Моя персона. Голодранец из Низины посмел читать нотации уважаемому жителю Вилла Лимбо? Такое прощать нельзя! Ну ничего, как бы ни сложился наступающий вечер, свою угрозу я тоже осуществлю.

Одинокий стол посреди замкнутого пространства. Совмещенный со стулом, как старинная школьная парта. Стопка пыльных листов на краю и чернильница. Только перо не гусиное, а деревянное со стальным наконечником. Кстати, вот и ещё одно ограничение для жалобщиков: мало того, что не каждый вообще умеет писать, так ещё и инструмент... Аристократический, ага. Уроки каллиграфии для меня были обязательными наряду со всеми прочими науками. Но сейчас и эти навыки больше мешали, чем могли помочь.

Пришлось немало потрудиться, выводя рубленые закорючки букв. Вспотел весь, с ног до головы. Наполовину от напряжения, наполовину от духоты. Зато остался доволен своим посланием и опустил его в приемный ящик с чувством выполненного долга.

Оно ляжет на стол к инспектору спустя несколько минут. И запустит механизм следствия. Неповоротливый, долго разгоняющийся, однако всегда добирающийся до цели,

пока за положением дел в Санта-Озе присматривает сеньор Джозеф Линкольн.

Сколько ещё лет так будет продолжаться? С дюжину, не меньше. А что случится потом? Хотелось бы взглянуть. Ой как хотелось бы! Но в моем распоряжении времени явно намного меньше.

Последние часа полтора перед отправлением на работу я провел у полицейского управления. На одной из скамеек чудесного парка. Правда, разбит он был соответствующе: никаких высоких или протяженных растительных композиций, только клумбы и газон. Во избежание возникновения и бла-бла-бла. Впрочем, красивой природа от этого быть не переставала. И настраивающей на размышления.

Возможно, в полицию мне все-таки следовало зайти. Подать заявление. Правда, оно провалилось бы в долгий ящик, как и все остальное, не приносящее наград и премий. Зато в случае моей преждевременной кончины ясно указывало бы на виновника. Но все это выглядело бы...

Мы же договорились, Господи? Помнишь? Только Ты. Только Твоё провидение.

Можно было найти защиту. У того же Норьеги. Даже лучше: нападение на жителя Вилла Баха давало пламенному борцу за права и свободы прекрасный шанс оказаться на переднем крае. Проблема в том, что я не хочу делать такие подарки. Не хочу играть роль безвинной и незащитной жертвы, да и вообще полагаться на...

Люди моей прошлой жизни доказали свою ненадежность. Собственно, меня «забыли» гораздо раньше, чем в ночной тишине раздалось карканье той девицы. Один лишь Хэнк оставался рядом, но и его, в конце концов, стало бы обременять моё общество. Наверняка. У нас ведь не предвиделось больше поводов где-то бывать вместе. Официальных оснований, кстати, тоже. Самый молодой богач Санта-Озы и... Кто? На какое место я мог бы претендовать?

Бесполезное и бессмысленное существование, вот что меня ожидало, не случись той встречи в саду. И вот ведь странность: получается, что теперь, при всех нелепых странностях и завихрениях судьбы, я больше нужен этому городу, чем прежде. Ну чем не издевательство?

Кстати, о городе и работе. За нарушение маршрута меня уже пожурили, так что нарываться на очередную выволочку, только теперь уже за опоздание, не стоило. Правила должны соблюдаться, иначе зачем они вообще придуманы, одобрены и приняты большинством голосов?

От главной площади автобус отошел почти заполненным. Даже присесть было некуда. Только остановок через пять освободилось местечко в самом конце салона, на которое я и взгромоздился.

Лица вокруг уже можно было считать почти родными. Что характерно, и моя физиономия у постоянных пассажиров маршрута вызывала намного меньшее раздражение, чем в первый раз. Примелькался, в общем. Конечно, объятия никто из этих людей для меня не раскрыл бы, но высокомерное равнодушие ощущалось поприятнее, чем открытое презрение. Так, глядишь, ещё пара недель, и...

Вот кто остался непреклонен в своих чувствах, так это водитель: меня смерили уничтожающим взглядом при входе, а на протяжении всего остального пути злобно зыркали в зеркало заднего вида. Стало даже жаль человека. И когда последний из пассажиров потянулся к выходу, я отправился следом. Да, на остановку раньше конечной. Потому что не мог больше смотреть на красное от ненависти лицо.

Хлоп!

Двери закрылись прямо передо мной, изрядно напугав, кстати, того, кто уже вышел. Он даже повернулся и высказал что-то нелицеприятное. Но кто его слушал? Уж точно не водитель.

— Сеньор куда-то торопится?

— Да нет. Наоборот, хотел пройтись. Подышать свежим воздухом.

— Напоследок?

В прошлый раз он не опускался до прямых угроз. Значит, с того времени разозлился ещё больше. Взлелеял свое бешенство.

— Ну почему же? Надеюсь встретить ещё один рассвет. Как минимум.

— Надежда — глупое чувство. Ненадежное.

Эту реплику следовало бы произносить мне. С полными на то основаниями. Ну раз уж отняли, поищу другую. Например, такую:

— Друзья тоже не всегда выполняют свое обещание сразу и целиком.

Рожа водителя побагровела ещё больше. Попал в цель?

— Они доберутся до тебя, будь уверен!

Точно, попал.

— Да я и не сомневаюсь. Со второй попытки. С третьей. С десятой. Смотря, насколько ваши парни старательны. Им ведь может и наскучить. Или нет?

Один на один у меня есть шансы. Даже принимая в расчет увесистые инструменты, спрятанные под водительским сиденьем. Но стоит ли доводить до греха? Что мне даст возможная победа? Удовольствия и то пшик. На один укус. А пользы ещё меньше.

— Считаешь меня слабаком?

А он заводится. Чем дальше, тем больше. Но не форсирует события. Из-за людей на улице? Недавних пассажиров, которые с интересом присматриваются к происходящему в салоне автобуса?

— Думаешь, не смогу за себя постоять сам?

Я ведь так опоздаю на смену. Сколько он ещё может горячиться? Вполне вероятно, до самого утра.

Утро... Отличное время для всего, что ни пожелаешь. Даже для начала путешествия в мир иной. Не на ночь же глядя отправляться к богу? Каким бы радушным ни был хозяин, гость, заявившийся по темноте, всегда рискует получить от ворот поворот.

— Конечно, можете. И давно бы постояли, если бы не сидели... В смысле, за рулем не сидели. Я же понимаю: вы при исполнении и все такое. Вот если бы встретиться после работы, и моей, и вашей... В свободное время, то есть.

— Приглашаешь?

Он что, и правда, ухватился за мои слова?

— Почему бы и нет?

Теперь кашляет. Только не от пыли, которой хватает повсюду. От смеха.

— Ну как я сразу не догадался! Сначала сыплет угрозами по-взрослому, а потом верит, что кто-то захочет вдруг играть в игрушки? Ты же ещё настоящий ребенок! Всего лишь самоуверенный мальчишка!

Любопытный итог. Практика, идущая в разрез с теорией. Значит, зря нам в университете прожужжали все уши о политике компромисса? Мол, люди по природе своей в большей степени склонны к переговорному процессу, нежели...

Ага, как же! Хотя, будь на моем месте сейчас кто-то другой, более внушительный... Нет, скорее, внушающий. Тому же Эсте договориться удалось бы быстрее. И продуктивнее. Потому что за ним стоят реальные силы. И за водителем толпятся бездельники, обожающие резать прохожих по ночам. За моей спиной вот только ничего нет. Зато и оглядываться не нужно.

— Мальчишка! Таких, как ты, довольно отшлепать, и все дела.

Я уже понял о себе все, спасибо.

— Может, откроете дверь?

Его взгляд ушел в сторону. Вперед по направлению движения.

— И желающие размяться всегда найдутся. Не бойся, много времени не уйдет! Если повезет, даже на работу успеешь.

Автобус тронулся. Резко, с поворотом, отбрасывая меня на дверь.

— Эй, что вы...

Водитель промолчал. Скрючившийся, похожий на паука, добравшегося до заветной мушки и готовый...

Машину повело юзом, раскручивая, как волчок.

Ну конечно, если дать газа и одновременно выкрутить руль до упора, двигаться будешь по кругу. Пока место есть. Но зачем расправляться со мной таким экзотическим способом? Заблокировать рычаги управления и меня заодно, а самому убраться подальше — это разумно. Оставаться рядом со своей жертвой? Бред собачий.

— Хорошо подумал, кретин? Ты же тоже убьешься!

Что-то прозвучало. В ответ. Нечленораздельное. А может, в визге шин и вое мотора я просто не смог разобрать ни слова.

А ведь он меня, скорее всего, тоже не слышит... Черт! Но как-то налаживать общение надо. Пока мы оба ещё живы.

Полированный металл поручней и вспотевшие ладони — не самое удачное сочетание. Трудно держаться. Ноги ещё мешают, путаются в поисках опоры. Ну да ладно, мне всего-то и нужно несколько дюймов. Вот так, правее. Ещё правее. Чтобы заглянуть в боковое зеркало и соорудить рожу.

— Какого...

То, что я увидел, лицом назвать было трудно. Застывшая маска, на которой жили одни глаза. И эти глаза кричали. Орали. Вопили. Во весь голос.

— Дьявола?!

Никто не хотел никого убивать. И умирать никто не хотел. Вот только обстоятельства складывались таким образом, что...

— Твою-то мать!

Никогда не любил карусели. С детства. С того дня, как отец решил меня развлечь таким образом. Так за какие грехи сейчас попал на этот адский аттракцион?

Оборот, и стена дома становится ближе. На несколько дюймов. Сначала не замечаешь движения, а потом впору тереть глаза в надежде, что все это тебе только кажется.

Бьешься о поручни. Ладонями, локтями, плечами, поясницей, коленями: болтает, как тряпку на ветру. Что-то похожее по физике нам рассказывали. Центробежное, центростремительное. Не учили, правда, как быть со всем этим. Вот ничего и не остается, кроме как двигаться. Поступательно. И верить, что твои сухожилия выдержат.

Его пальцы сжаты тисками. Проще выломать рулевую колонку, чем разорвать эту хватку. Какие ещё есть варианты?

Ну да, как я сразу не догадался! Педаль газа. Прижата ботинком, но у обуви, слава Господу, пальчиков нет, и цепляться она не...

Его нога сгибается под очень странным углом. В кости сгибается, чего быть не должно. Зато соскакивает в сторону, и вой двигателя становится тише. С каждой секундой.

Все. Сделано. А почему карусель не замедляет ход? Непорядок! Где-то тут был ручной тормоз, или я ошибаюсь?

Буммм!

Ох, не надо было отпускать поручень...

* * *

Это больно. Все вместе. И картинка перед глазами никак не желает проясняться.

— Да приподнимите вы ему голову! А то ещё захлебнется... Ну вот, я же говорил!

— Доктор доморощенный! Раньше не мог это сказать?!

И правда, что-то мешает дышать. Ровно десять секунд, в течение которых мой желудок пытается выбраться на свежий воздух. К счастью, у него это не получается.

— У кого-нибудь есть вода?

— Вот, тут ещё немного осталось...

Капли летят в лицо. Противно-теплые. Затекают в рот, и становятся ещё омерзительнее. На вкус.

— А второму-то как помочь?

— Как, как... У тебя при себе пила есть? То-то же! Да не трогай его! Все равно не вытянешь: мало того, что кабина покорежена, так и он ещё узлом завязался.

Мир вокруг постепенно останавливается. Или моя голова? Неважно. Но происходящее все равно плохо видно. Хотя, вечер же давно наступил. Темень. А ещё вполне разумная экономия на осветительной сети в те часы, когда...

— Освободите проход!

Лучи прожекторов ударяются в мятую коробку автобуса. Отражаются. Много-много солнц, только свет от них белый и совсем неживой.

— Отойдите все! Да отойдите же!

— А то что? Рванет, что ли?

— Вот куда ни плюнь, всюду умник найдется... Да-да, тебе говорят!

— Так рвануло бы уже, если бы могло. Мы ж тут не сумасшедшие, чтобы в огонь лезть.

У меня брат в автопарке работает, я про эти машины все знаю. Он горячее-то выжег до доньшка, пока крутился: под конец смены остается всего-то пара литров, а на базу на аккумуляторах все возвращаются.

— А аккумуляторы, по-твоему, рваться не умеют?

Что-то зазвенело. Потом завизжало. Наверное, пила. Значит, хороший был удар, если пришлось водителя выпиливать. Странно, как меня-то на улицу ухитрились вытащить?

Ага, двери открыты. Причем все. Запараллелены с тормозной системой, что ли? Если так, то решение удачное. Спасительное, можно сказать.

— Скоро справитесь?

— Пять минут. Ну, семь. Как пойдет.

— Тогда сами позовете. А пока не мешайтесь!

Знакомый голос. Где-то я его уже слышал. И лицо, пожалуй, видел.

— Ага, старый знакомый!

Доктор Вега, точно. На сей раз в форме бригады скорой помощи. С официальным визитом, то есть.

— Нет, подниматься не надо! Лежи. И дыши ровно.

Пластины медицинского сканера тоже теплые, а хочется прохлады. До смерти хочется.

— Так, легкое сотрясение все-таки есть. Ну ничего, отлежишься: это даже лечить смешно. А что у нас ещё имеется?

Имелось многое, судя по количеству мест, которые обследовали руки доктора.

— Могу обещать: жить будешь. Первую неделю со скрипом и руганью, но будешь. Обязательно.

Отрадно слышать. Хотя уточнение настораживает, да.

Лязг. Визг. Грохот.

— Все, готово!

— Вот, держи пока. К вискам приложи.

Салфетка, пропитанная чем-то пахучим и — какое счастье! — наконец-то холодным, шлепнулась мне в ладони.

— Ну-с, взглянем на второго пострадавшего!

С моего места копошащиеся спасатели тоже просматривались хорошо. В первую очередь потому, что свидетелей аварии все-таки оттеснили за ленты оцепления. Прямо в руки зевающих полицейских.

— Эх его...

Непрофессиональный диагноз, зато точный. Потому что водитель автобуса, извлеченный, наконец, из металлической ловушки, остался точно в той же позе, в которой сидел за рулем. Растопырившись и изогнувшись всеми сочленениями. Ну разве что, за исключением ломаной голени правой ноги.

Они попробовали его разогнуть. Вся бригада, по очереди и совместными усилиями. Не получилось. Доктор Вега поколдовал со своими приборами над несчастным, потом вдрут

нервно дернул головой и посмотрел. В мою сторону. Прямо на меня.

— Ладно, кладите его, как есть... Пролезет в двери. Должен пролезть. Я подойду через минуту.

И подошел. Правда, сначала ко мне. Наклонился, словно собирался проверить моё состояние, но вместо этого спросил, зло и почему-то растерянно:

— Как ты это делаешь?

Что? О чем это он?

— Сначала один, потом второй... И оба — рядом с тобой. Скажешь, совпадение?

Один и второй? Ну второй — это водитель, понятно. А первый? С кем доктор меня вообще мог видеть? Я и то его увидел только потому, что...

Хэнк. С перекошенными членами. Не такими же и не настолько страшно, но похоже. Очень похоже.

— Как ты это делаешь?!

Если бы я знал! А не знаю в силу той простой причины, что...

— Не я ЭТО делаю.

Вега выпрямился. Посмотрел сверху вниз ещё раз. Недоверчиво.

— Доктор, с парнем вы закончили?

— Что? А, да... Жить будет.

— Опрашивать можно?

Глаза доктора сверкнули. А может, это в них отразились лучи ближайшего прожектора.

— Можно. Все можно.

В поле моего зрения вплыло новое лицо. Сверху располагалась форменная фуражка, снизу — расстегнутый не по уставу полицейской дорожной службы воротничок.

— Сколько дашь?

Я что-то должен давать? Кому и за что?

— Сумма на усмотрение клиента. Тебе повезло парень, что ночной тариф ещё не начался, так что...

— Повторите, пожалуйста.

— Чего повторить?

— Вы что-то сказали... Про сумму. Какая сумма? Зачем?

— Э, а доктор-то пошутил, — разочарованно сплюнул полицейский, обращаясь к кому-то в стороне. — Клиент явно не в себе.

— Ну не в себе, так не в себе! Тебя учить надо? Посмотри по карманам.

Его руки любезничали меньше, чем докторские.

— Нет ничего.

— Хорошо посмотрел?

— Куда уж лучше? У него карманов-то раз, два и обчелся.

— Потормоши тогда. Вдруг очнется?

Меня шлепнули по щеке. Легонько, но удар отозвался звоном чуть ли не во всем теле.

— Эй, парень! Ты давай, быстрее соображай: есть шанс переночевать в своей собственной постельке.

И все-таки, я туплю. При чем тут постелька? Или он хочет сказать, что если заплачу, меня тут же доставят домой? В обход всех правил и инструкций?

— Вот дьявол! Следаки прикатили. Плакали наши денежки.

— Ничего, ещё успеем свое сорвать сегодня. Ночь-то только что началась! А с этим

блаженным пусть сами разбираются.

— Что тут у нас?

— У вас, шеф, дорожно-транспортное.

С вновь прибывшим офицером полицейский разговаривал так сладко, что уши готовы были слипнуться. Мои, по крайней мере.

— Жертвы есть?

— Слава Господу и Деве Марии, только пострадавшие. Одного увезли на скорой, а это второй.

— Опрос проводили?

— Никак нет, шеф! Ждали распоряжений от вышестоящего начальства.

— То-то. Знаю я вас...

Человек, заглянувший мне в лицо, в отличие от его коллег по цеху, не собирался ничего предлагать. И спрашивать тоже не стал. У меня. Зато повернулся к полицейским.

— Его врач смотрел?

— А как же! Первым делом.

— И что сказал?

— Что клиент... в смысле, что пострадавший в сознании. И можно проводить следственные процедуры.

— Какая бригада приезжала?

— Сорок третья.

— В сознании, значит?

— Так точно!

— Вы бы хоть ему в глаза посмотрели, олухи.

— Доктору?

— Парню этому! Он сейчас родную мать и то вряд ли признает.

А вот это офицер зря. Не настолько я плох. Все-все помню. И маму мою зовут... зовут... маму...

— Раз медицина отказалась, сами поработаете.

— Э, шеф...

— Доставьте его в управление. И не дай бог, добавьте новых синяков — за каждый спрошу. Со всей строгостью!

Конечно, особой заботы я не почувствовал. Но хамить все-таки не стали. Только тот, что давал советы своему напарнику, повторял через каждые пять минут:

— Чтоб я ещё раз вот так вокруг бахито прыгал? Да лучше в постовые пойду!

* * *

Пусть воспоминания о позднем вечере и ночи у меня оставались самые туманные, в одном я был уверен твердо: разнос корыстным служителям закона давал вовсе не тот человек, что сидел сейчас через стол передо мной.

Этот был энергичным. Даже слишком. Ерзал в своем строгом костюме так, словно собирался из него выпрыгнуть в любую минуту. И, едва я опустился на стул, начал с места в карьер:

— Готов сделать признание?

Почему-то вспомнилась давешняя парочка. По крайней мере, энтузиазм был примерно того же градуса, так что ответить «в тон» получилось само собой:

— Всегда готов, шеф! Как на духу, шеф!

Нормальный человек оскорбился бы. Или усмехнулся. В любом случае не стал бы воспринимать сказанное всерьез. Ага. Нормальный. А вот следователь и бровью не повел. Чуть наклонился над столом, уставился немигающим взглядом мне в глаза, выждал с минуту, а когда почувствовал неладное, подбадривающее протянул:

— И?

— В чем я должен признаться?

На смуглом лице отразилась целая гамма эмоций. Не очень сложная, зато яркая. Потом нависли уже не над столом, а надо мной. Сурово и недвусмысленно. К счастью, поток угроз так и не пролился, потому что дверь в дальнем конце комнаты распахнулась, и кто-то тихо, но весомо сказал:

— Рамирес, хватит валять дурака. Найди себе другую игрушку.

Следователь поник. Сдулся, как воздушный шарик. Недовольно одернул пиджак, гордо выпрямился и, больше не удостоив меня ни одним взглядом, удалился восвояси, предупредительно разминувшись с новым игроком на поле моей явно незавидной участи.

Допросная комната была не столько большой, сколько длинной, как и многие другие помещения полицейского управления Санта-Озы. Бывший форт, что с него возьмешь? Белоснежная крепость на скале над океаном, неприступная и грозная... Правда, с тех пор океан несколько сдал свои позиции, и там, где раньше плескалась вода, постепенно начали обживать люди. Оборонительные укрепления частично снесли, фасад облагородили, особо устрашающие элементы сгладили, и теперь снаружи мало что напоминало о прошлом массивного здания. Но внутри характер остался. Бесстрастный и непреклонный. Чего только стоили эти долгие проходы от дверей: за три десятка шагов можно было успеть испугаться до смерти! Если было, чего бояться.

Позабывшийся о моем самочувствии мог показаться внушительным исключительно в сумерках, природных и душевных. Невысокий, щуплый, без намека на официоз: ни тебе костюма, ни тебе галстука, только рубашка поверх майки. Так впору было бы одеваться его более молодому коллеге, но мужчины словно нарочно поменялись ролями. И голос звучал вовсе не пугающе. Но почему-то он все же заставил вытянуться в струнку вымогателей при исполнении. Да и я сообразил, что поднимаюсь на ноги, только когда услышал:

— Сиди, сиди.

Потом он и сам присел за стол. Раскрыл принесенную с собой папку, начал листать подшитые бумажные страницы.

Листал долго, с пантомимой: щурился, чесал бровь, приглаживал клоч седых волос над виском, зевал и прочая. В общем, всем своим видом показывал, что занят чертовски важным делом. Но я был точно того же мнения, поэтому терпеливо дождался окончания представления и поднятого на меня взгляда.

Этот следователь смотрел иначе. Не угрожающе и даже не вопросительно. Просто изучал, причем не особенно старательно, скорее раздумывал о чем-то, а моё лицо выбрал в качестве фона.

— Так я должен признаваться или нет?

— А хочешь?

— Да не откажусь.

Он приглашающе махнул рукой.

— Могу вот признаться в том, что прошлым вечером двое полицейских предлагали доставить меня домой. Безо всяких разбирательств и допросов. За сумму, размер которой разрешили определить мне самому.

— И сколько бы ты дал?

Глупо верить в честность и неподкупность чиновников. Любого ранга. Об этом нам подробно рассказывали на лекциях по государственному устройству. Заодно учили на глаз угадывать покупную цену. Но сейчас я спасовал бы. Потому что слишком ясно помнил вчерашний коротенький разговор под прожекторами.

— Так сколько?

— Когда будет, что давать, тогда и отвечу.

Он усмехнулся. Не надо мной, над чем-то своим.

— Кстати, можешь написать заявление. На патрульных. Как писал на того водителя.

О, а вот и свобода слова. Вернее, конфиденциальность информации. Во всей своей

красе. Хотя, чему удивляться? Происшествие было? Было. Закончившееся... А чем оно закончилось, в самом деле?

— С ним все в порядке?

— Что, очко заиграло? Не беспокойся, он вполне себе жив. И даже в сознании. Правда, до допроса ещё не добрался: всю ночь напролет изливал душу священнику. Видно много грехов успел накопить.

Я бы тоже, наверное, подумал о душе. Если бы оказался на месте перекошенного на все стороны водителя.

— Мы с ним поговорим, разумеется. И возможно, не однажды. А пока... — следователь веером разложил бумаги по столу. — Будем работать с тем, что есть.

Проявлять живой интерес вряд ли было уместно, но я не удержался:

— И что есть?

— Всякое разное. Вот, к примеру, показания очевидцев. Результаты медицинской экспертизы. Счет за услуги службы спасения. Много чего есть, не сомневайся. Только одной малости не хватает.

— Какой?

— Объяснения, что же там все-таки стряслось.

У меня его тоже нет. К счастью? Нет, скорее, к сожалению. Если бы я знал, какие силы скрутили в бараний рог здорового и сильного человека, это могло бы подсказать... Или помочь. Мне и Хэнку.

— Собираетесь обвинить?

— Тебя? Упаси Господи! Если только ты не маг и чародей. Или не супергерой, который гнет рельсы одним взглядом. Все очевидцы, как один, утверждают, что ты не приближался к пострадавшему. Ну, до того, как все началось. И никакого оружия или прочих устройств при тебе не было — на это тоже есть убедительные свидетельства. Так что, даже если у тебя была мыслишка пожить на казенных харчах, извини. В этот раз не получится.

— Тогда почему я все ещё...

— Здесь? До оформления документов по делу. Все отчеты и экспертизы должны быть завизированы высоким начальством. Как положено. Сейчас как раз и визируют.

— А справку мне дадут?

— Какую справку?

— Что я... Понимаете, шеф, я же из-за всего этого на работу опоздал. В смысле, вообще не попал на работу. Чудо будет, если меня уже не уволили.

— Ах, это... выпишут. В канцелярии.

— Спасибо.

— Да не за что благодарить. Процедура, не более.

— Значит, я могу?

— Идти? Да пожалуйста. Я провожу.

Он аккуратно собрал бумаги обратно в папку и пошел к двери рядом со мной. А перед самым порогом отстал на шаг и, понизив голос, напутствовал:

— А про сумму ты подумай. На будущее. Так всегда проще, и тебе, и нам.

Узкий коридор вывел нас в старый внутренний двор, накрытый стеклянным куполом, под которым лабиринтом змеились приемные отделения. Здесь было много людей, в основном местных полицейских работников, но попадались и гражданские лица всех мастей. И было шумно, как везде, где скапливается достаточное количество народа. Но крик,

раздавшийся от входных дверей, пролетел надо всем этим гулом без помех. А следом, вполне ожидаемо, наступила гробовая тишина.

— Отпустите его, он ни в чем не виноват! Это я! Я все сделала!

* * *

Лучше бы моё сотрясение не проходило. Тогда списал бы все на плохое самочувствие и другие последствия аварии. Но видеть хрупкую, и в то же время яростно отчаянную фигурку было... Странно. Удивительно. Непривычно. И одновременно ощущалось то ли чувство вины, то ли угрызения совести.

Она что, пришла сюда из-за меня? Да ещё во всеуслышание пытается заявить, что случившееся — её рук дело? Что за бред?!

— Это все я! Только я и никто другой!

Перед ней расступились. Как морские воды перед Моисеем. Но тот хоть служил богу и совершал благое деяние, а Лил...

— Отпустите его!

Ну что за дура? Никто меня не держит. И не стали бы держать.

— Отпустите!

Бегаёт она быстро, в своем весе москита. Раз, два, не успел оглянуться, уже висит на тебе, да ещё ухитряется при этом ощупывать. Можно подумать, меня тут на кусочки резали, чтобы теперь понадобилось считать, все ли на месте!

— Он ни в чем не виноват...

Ага, первый запал прошел, теперь наступает упадок сил? Э, только не падай тут мне!

— Сеньорита?

Это уже следователь. Настроенный на нужную волну.

— Вы сказали, что...

— Этот человек ни в чем не виноват, — повторила Лил, возвращая в голос прежний напор. — Я все сделала. Я одна.

— Очень любопытно. Нет, правда, весьма и весьма любопытно. А не подскажите нам, что именно вы сделали?

— Я поставила метку. Метку мертвеца. Он отмечен смертью.

— Кто отмечен?

— Тот, кто хотел поднять руку на моего мужчину!

Спрашивать, какой мужчина имелся в виду, не требовалось: назойливая обезьянка забиралась по мне все выше и выше, время от времени что-то шепча и прикасаясь губами. Наверное, тоже метила. А может, молилась.

— Вы хотите сказать, что заколдовали сеньора Фуэнтеса, от чего с ним и произошёл... несчастный случай?

— Где будут приходить до самого конца. Пока конец не наступит, — с мрачной уверенностью заявила Лил, прямо мне в ухо.

Следователь поднял ладонь к виску, собираясь пригладить волосы, но на полпути передумал и сотворил пальцами жест, очень похожий на тот, которым встречали и провожали девушку во время нашей первой прогулки по Низине.

Только не говорите мне, что он поверил в это идиотское заявление про колдовство!

— Сеньорита...

Точно, поверил. По тону голоса сразу понятно.

— Вы подтвердите свои слова под присягой?

— Я скажу все, что понадобится. Если его отпустят.

Для начала неплохо, чтобы ты сама это сделала, мартышка.

— Сеньора Ллузи никто не задерживает. Он может идти.

Наконец-то сползла. И победоносно посмотрела, хотя и снизу вверх.

— А вам, сеньорита, надлежит...

— Вы в своем уме, шеф? Она же просто ребенок. Нафантазировала, бог весть что, а вы ей потакаете!

— Тебе сказали идти, так и иди, — цыкнул на меня следователь. — Не мешайся под ногами.

— Это... Нет, даже не бред! Это идиотизм! Какое, к дьяволу, колдовство?!

По его лицу читалось, что мне светило заключение под стражу за оскорбление полицейского при исполнении или что-то в этом роде, но в непосредственной близости от Лил никто почему-то не спешил делать выводы. И вообще действовать не спешил.

— Вы будете слушать эти нелепые сказки? Seriously?!

Молчание. Полное? Нет, кто-то где-то что-то бурчит, но так тихо, что слов не разобрать. Опасается кары небесной? То есть, колдовской? А Лил в восторге. Выгнулась и нос задрала. Правда, если приглядеться, личико опять слегка посерело. Меньше, чем в прошлый раз, но все же. Лечить её надо. Только не понятно, от чего в первую очередь.

— Шеф, прошу вас, подумайте трезво!

— А вот мне мой богатый опыт подсказывает, что на некоторые вещи нужно смотреть исключительно через стенки наполненного вином бокала. Будете спорить, юноша?

Теперь звуки прекратились. Все и сразу. Поэтому каждый шаг приближающегося к нам человека был слышен четко и торжественно.

Начальник полицейского управления Санта-Озы, сеньор Энрике Ангелино да Сильва больше всего походил на доброго плантатора. Из старинных пропагандистских изданий, призванных затуманить генетическую память темнокожих аборигенов о временах рабовладения. Высокий, ещё десять лет назад — статный, а теперь округлившийся со всех сторон, обладатель роскошных усов, переходящих в бакенбарды, выглядел бодрым, несмотря на раннее утро. И скорее всего, источником выходящей из берегов энергии являлась женщина, следовавшая за Сильвой.

Не местная, сразу видно. Жители экваториального Юга — дети игуаны. Они никогда не сорвутся с места просто так, вообще не пошевелятся, пока перед глазами не возникнет нечто, сулящее личную выгоду. А эта сеньора казалась похожей на ловчую птицу, высматривающую добычу с высоты полета. Впрочем, даже если бы она вздумала расслабиться и слиться с толпой, для начала пришлось бы поменять гардероб: женщины Санта-Озы не носят коротких юбок, выставляя напоказ поджарые икры. Минимум одежды — удел молодых красоток. Вернее, тех, что ещё не расцвели. Как Лил, к примеру. А зрелые сокровища прячут за занавесями. Почти прозрачными, конечно: должен же ищущий видеть, что движется в верном направлении?

— Команданте!

— Опять все веселье оставили себе, Гарсия?

— И в мыслях не было. Да веселья тут, прямо скажем...

— Мне послышалось что-то особенное. Про какую-то метку. Верно?

Следователь поморщился, но вынужден был признать:

— Было такое. Девчонка заявляет, будто...

— Давайте-ка пройдем ко мне. Поговорим подробнее. А вы продолжайте! — махнул рукой Сильва офицерам в зале. — Работайте, работайте!

— С вашего позволения, сеньор, я тоже пойду. Работать, — сказала женщина, шевельнув желваками на впалых щеках.

— А я-то хотел позабавить вас местными чудесами!

— Меня забавляет экзотика, это верно. Но такая... Право, уже чересчур. Честь имею.

Начальник управления отсалютовал уходящей, причем без тени иронии. Но я не успел подумать, что он делает это в силу очень определенных причин, потому что вместе с женщиной мимо меня пронеслось облако жасминового аромата. Того самого, наводнявшего в памятный вечер городской дом сенатора.

Неужели, именно она была тогда с Джозефом? Девяносто шансов из ста за это, уж слишком духи чужеродные: не под здешний климат. Но если так, вряд ли речь идет о банальной супружеской измене. Хотя бы потому, что сенатор Санта-Озы тоже не сторонник экзотических развлечений. По крайней мере, был. Все то время, что я проводил с ним рядом.

* * *

До личного кабинета Сильвы допустили только Гарсию, меня, Лил и пару мускулистых низших чинов. В целях обеспечения безопасности, видимо.

— Ну вот, теперь я готов выслушать всю историю, от начала и до конца, — милостиво сообщил начальник управления, опускаясь в кресло, обивка которого, похоже, помнила последнего настоящего команданте. Того, что управлял фортом во времена пушек и парусов.

— Обычное уличное происшествие. Водитель автобуса неважно себя почувствовал, потерял сознание, машину повело юзом... Но все закончилось вполне благополучно. Не в последнюю очередь усилиями этого молодого человека.

— Герой? — прищурился Сильва, переводя взгляд на меня.

— Никак нет, команданте! Надо было что-то делать, чтобы не помереть самому, вот я и делал.

Начальник одобрительно кивнул и снова повернулся к следователю:

— Тогда из-за чего весь этот балаган?

— Юная особа, которую вы видите перед собой, взяла на себя смелость заявить, что... э... заколдовала водителя. И ему стало плохо именно посредством колдовства, — Гарсия говорил медленно, стараясь сделать вид, будто пренебрежительно относится к собственным же словам, но я помнил его произвольный жест, а Сильва...

Сильва наверняка знал своего подчиненного очень хорошо, потому что сцепил пальцы в замок над столом и спросил прямо:

— Вы допускаете такую возможность?

— Команданте...

— Допускаете или нет?

— Вы же понимаете, я не могу дать ответ, которые не скомпромети...

— Я понимаю, Гарсия. Я все прекрасно понимаю. И со слухом у меня все отлично. Этс

ведь вы спрашивали, согласна ли девица повторить свое заявление под присягой?

— Я хотел её припугнуть. Немного. Чтобы не отнимала своими глупостями время у занятых людей.

— Это не глупости! — буркнула Лил у меня из-под мышки. — И я скажу все, что попросите. Хоть на распятии поклянусь!

— Колдовство, значит? — опустил подбородок команданте.

— Колдовство!

— И в чем же конкретно оно заключалось?

— Тот человек хотел причинить вред моему мужчине. Он был врагом, а врагов нужно уничтожать!

— То есть, вы намеревались убить сеньора Фуэнтеса?

— Я поставила метку. Метку Геде. Я указала цель. Средства выбирает лоа.

Когда она так говорит, по коже и впрямь начинают скакать мурашки. То, что сама верит в свои фантазии — несомненно. И Гарсия, похоже, не прочь поверить. Стало быть, последнее слово за начальником управления. Он, вроде бы, всегда славился здравомыслием, но в подобных противоречивых обстоятельствах даже прирожденному скептику есть, над чем задуматься.

— Надо сказать, ваш лоа избрал весьма занятный способ убиения. Слишком причудливый. Не проще было ли...

— Для лоа нет ничего невозможного. Путь к цели может быть длиннее или короче, но рано или поздно он придет к своему завершению.

— А вы, собственно, кто? И как вы сюда прошли, скажите на милость?!

При дневном свете её черное лицо вовсе не казалось грозным или пугающим, особенно обрамленное мирной белизной покрывала.

— Моё имя Мари. Мари ла Кру.

— Очень приятно, сеньора. Но если вы заметили, это помещение — особое, в него проходят только по приглашению, а вас никто не...

Незваная гостя пропустила слова Сильвы мимо ушей легко и непринужденно.

— Девочка говорит правду. О том, что касается меток.

— И вы тоже будете утверждать, что вечернее происшествие продиктовано колдовской волей?

— Команданте...

— Что ещё, Гарсия?

Следователь откашлялся и, понизив голос, пояснил:

— Эта женщина — мамбо, команданте. Жрица вуду. Она знает, о чем говорит.

Вуду, вуду... Знакомое слово. Я его слышал. Но где и когда? Не вспомнить. Что-то этническое. То ли традиции, то ли обычаи. Культурология никогда не входила в круг моих интересов. Может быть, и зря.

— Она является проводником...

— Спасибо, Гарсия, можно обойтись без дальнейших подробностей. Я в курсе.

— В восточных кварталах её почитают наравне со святыми.

— А вы, насколько я помню, проживаете совсем в другой стороне, однако... Да полно вам! Шучу. А шутки начальства не бывают неудачными, верно?

Следователь умолк. Как мне показалось, все-таки немного обиженно.

— Итак, сеньора... Не расскажете ли внятно и четко, о какой метке идет речь?

Мамбо, как её называли, прошла к столу и уселась напротив Сильвы. Элегантно и с достоинством, которое невозможно натренировать, если его изначально нет в твоей природе. А Лил судорожно вцепилась в мой локоть.

— Есть много способов уничтожить врага. Метка Геде — не самый тонкий из них, но надежный. Весьма и весьма. Суть её заключается в том, что жертва отмечается... своего рода маяком, потом открываются врата в мир мертвых, и на свет маяка устремляется дух, откликнувшийся призывателю. Как я уже говорила, этот путь может быть достаточно длинным, но дело будет сделано в любом случае. Раньше или позже.

— Дух?

— Tonton masoute. Так его иногда называют. Призрак, сотканный из злобы.

— И вы тоже это практикуете?

— Я знаю правила. Я умею им следовать. Но я — мамбо. Я не творю черных дел.

— Что ж, хоть что-то прояснилось. Отлично. А эта девочка? Она в ваших терминах как должна именоваться?

— Лилис не посвящена.

— И что это меняет?

— Я приглядываю за ней. Она помогает мне по хозяйству. Она может стать жрицей, но не сегодня. И не завтра.

— Значит, её заявления — ерунда?

Вместо ответа темнокожая Мари повернулась к нам. Ко мне и Лил. И строго спросила:

— Какие вещи потребны для вызова духа?

— Нож, амулет, кожа. И кровь призывающего.

— Что дальше?

— Папа открывает врата, Барон — могилы. Нужно просить очень хорошо, чтобы они услышали. А потом нужно просто выбрать.

— Что выбрать?

— Голос. Всего один голос, который скажет то, что ты хочешь слышать.

Ровные дуги бровей мамбо сморщились складками, но она признала:

— Все так, все так...

— Девочка провела обряд?

— Она могла его провести. Но это не значит, что он прошел, как следует.

Мари поднялась, подошла, положила ладонь на щеку Лил:

— Ты звала духов?

— И они не промолчали.

— Это было так сильно нужно тебе?

— Да. — Девчонка выпрямила спину. — Это было мне нужно.

Мамбо замолчала. Вместе с ней почтительно молчал и Гарсия. Охранники за спиной команданте, даже не шевельнувшиеся, когда странная женщина вошла в кабинет, стояли, стиснув зубы. Только глазами двигали. Очень осторожно.

— Я не сторонник всех этих ваших штук, — сказал Сильва, устав от наступившей мрачной тишины. — Как по мне, что колдовство, что проделки святых — одного поля чуда. Но поскольку меня поставили отвечать в этом городе за порядок... Я должен принять решение.

— Можно верить или не верить в восход и заход солнца, но оно все равно будет двигаться по небу, — заметила Мари ла Кру.

— Да-да, именно так. Я не могу отрицать существование и... определенные возможности вашего рода занятий. Однако думаю, что вы согласитесь со мной в другом вопросе. Касательно отдельных представителей профессии. Кто-то ведь может быть более умелым, а кто-то менее?

— Как всегда и везде.

— Отлично! — кажется, команданте наконец-то вернул себе прежнюю уверенность, слегка пошатнувшуюся во время проникновенной речи мамбо. — Значит, все, что нам требуется, это подтвердить, мог иметь место акт колдовства или нет. Или, проще говоря, получить практическое свидетельство возможностей вашей воспитанницы. Как вы на это смотрите?

Мари задумалась. Ненадолго. И согласно кивнула.

— А что скажете вы, сеньорита?

— Как пожелаете, — гордо бросила Лил.

— Есть только одна небольшая проблема, — подкрутил ус Сильва. — А может, большая. Если я правильно понимаю, ваше колдовство направляется на людей? То есть, вызывать дождь или бурю вы не...

— Лоа могут все. Сила духов не знает границ. Но природа — их владения, не людские. Можно просить. Вот только придет ли ответ?

— Ясно. Значит, нужна жертва. И вот в этом, как раз, трудность. А, Гарсия? Вы же не согласитесь поучаствовать в нашем эксперименте?

Следователь побледнел. Стал серым, как пепел сигары, погасшей на столе у команданте.

— И среди ваших коллег вряд ли найдутся энтузиасты. Да, мы возвращаемся к тому, с чего начали. Вернее, к тому, чего пытался добиться мой усердный подчиненный: вам, сеньорита, лучше забыть о своих словах.

— Я поставила метку!

— Думайте, как вам удобнее. Ваше право. Но ситуация показывает, что...

— Он умрет. Если ещё не умер, умрет потом!

— Не умрет, — мамбо сделала попытку обнять Лил, но та отшатнулась. — Я помогу ему.

— Вы мне не верите? Вы все мне не верите... А я говорила с лоа. И лоа слушали меня!

Её плечики дрожали, как в лихорадке. Тощие, остренькие, держащиеся прямыми из последних сил.

Вот так, девочка. То, что важно для тебя, что важнее всего прочего мира, другие и в грош не ставят. Не замечают. Собираются растоптать. Совсем как мои надежды. И это будет больно, могу подтвердить. Но я-то — здоровый мужик, а ты такая хрупкая... Справишься ли? Особенно в одиночку?

— Команданте, ваше приглашение ещё в силе?

— Какое приглашение, юноша?

— То самое... про эксперимент.

— А почему, собственно, спрашиваете?

— Если нужен кто-то, жертва, как вы сказали... Я могу.

На меня уставились все. Кроме Лил, которая почему-то не рискнула обернуться.

— Юноша, вы... простите, что спрашиваю, но это важно. Вы в своем уме?

— А разве мне что-то угрожает? Здесь же никто не верит, что у девчонки получится.

Даже её учительница не верит.

— Вероятность есть всегда, — напомнил Сильва.

— Зато все вопросы будут сняты. Правда, команданте?

Начальник управления разве руками:

— Пресекать инициативу на корню — не моё правило. Если юноша желает по доброй воле... Мы уж точно ничем не рискуем. Если колдовские чары и вправду действуют, не полиции с ним сражаться. А если все это шарлатанство, то на нет и суда нет. К вящей славе божией.

На камеру я не рассчитывал.

В смысле, не думал, что благое человеческое намерение доведет меня до тюрьмы: во имя соблюдения чистоты эксперимента и для собственного спокойствия команданте принял единственно возможное решение. Ага, поместить добровольную «жертву» туда, где колдовские чары не практиковались, а если имели место, то заключенным помочь так и не смогли. По крайней мере, история полицейского управления вкупе с историей форта не помнили случаев спасения, особенно чудесных.

Соглашаться на участие во всем этом идиотизме было... ну да, глупо. А ещё опрометчиво: только некоторое время спустя я вспомнил, что водитель-то все ещё жив и даже что-то соображает, если терзал священника ночь напролет. Значит, вполне мог связаться со своими дружками. И конечно, мог отдать определенные распоряжения. Насчет меня? Да и пожалуйста! Но я же был не один. Поэтому оставалось только молиться, чтобы...

Молиться. Считается, что делать это эффективнее всего в присутствии прямого посредника между человеком и богом. Мне всегда представлялось иначе, но сейчас выдавался шанс проверить общепринятую теорию, раз уж зверь сам вышел на ловца.

— Намечается причастие?

Вопрос застиг падре Мигеля ещё на самом пороге. Но не смутил. Священник вошел в камеру, смиренно подождал, пока дверь закроется, и только потом поинтересовался:

— А вы желаете причаститься, молодой человек?

— Да не так, чтобы слишком.

— И мне думается, что уместнее будет просто побеседовать.

— Душеспасительно?

Падре подвинул стул от стола к кровати, сел, скрестил руки на груди и посмотрел. Осуждающе, если мне не почудилось.

— О спасении я хотел поговорить, не скрою. Но, каким бы это ни показалось оскорбительным... Не только о вас пойдет речь.

— Любопытно.

— Вы совершили поступок. Неожиданный, с непредсказуемыми, возможно опасными последствиями. И в сам момент деяния думали не о собственном благе. Я прав?

А я и спорить не буду.

— Правы.

Он удовлетворенно кивнул и продолжил:

— Осмелюсь предположить, что вами двигало желание защитить...

— Хотите честно ответить? И вопросов никаких не останется.

— Попробуйте.

— Я хочу только одного: выбить раз и навсегда из головы девчонки всю эту колдовскую дурь. Ещё бы кое-что хотелось выбить... ну ничего, подождет.

— Дурь?

— Она на полном серьезе считает себя волшебницей. Не помню, как это у них называется, да и ладно. Она уверена, что с помощью какого-то мусора может вершить судьбу человека. Вы не находите это кощунством? А как же Господь? Думаю, у него на этот счет тоже есть мнение. Очень похожее на моё.

Падре улыбнулся. Сочувственно и слегка растерянно.

— Пожалуй, я понял. Вы хотите изъять из жизни девочки чудеса.

— Я не хочу, чтобы она однажды жестоко разочаровалась в своих надеждах.

— Так, как это пришлось сделать вам?

Ну да. Правда, моя «сказка» и не обещала закончиться счастливо. Так, намекала немного. Вводила в заблуждение. Но чтобы прямо и четко уверить: все получится, если будешь хорошим мальчиком? Нет, никогда. Ни разу. Мне нравилось так думать. Грело душу. Только тепла хватило ненадолго.

— Не имеет значения.

— Что ж, вам решать. На свой счет, разумеется. Но что касается девочки...

— Она на каком-то особом положении? Или вы заступничаете по доброте душевной? Из любви к ближнему?

Взгляд Мигеля посуровел, но все равно не смог бы напугать даже самого впечатлительного ребенка.

— Любовь к ближнему, над которой вы смеетесь, молодой человек, способна на великие деяния. И настоящие чудеса. Впрочем, вы задали вопрос, и я отвечу.

Он помолчал, глядя на клочок неба, застрявший в решетке глубокого окна.

— Лилис никогда не была счастлива. Трудное детство, как часто говорят о подобных судьбах. Её мать несколько лет перед рождением дочери провела в грехе. Пересчитать мужчин, что перебивали в постели Лурдес, не взялся бы никто. И с каждым — всего одна ночь. Или утро. Никакого второго раза, никаких привязанностей. Я знал нескольких человек, что предлагали ей руку и сердце, искренне, со всем чувством... Лурдес отказала всем. И однажды вовсе закрылась от мира. Как потом выяснилось, чтобы выносить и родить дочь. А после родов словно помешалась: твердила всем, что малышка — особенная, лучшая из людей. Единственная.

— Многие матери говорят такое.

— Да, пожалуй. Но я закончу, позвольте? Она протянула ещё несколько лет, постепенно сходя с ума. Лилис было около семи, когда мать ушла в мир иной.

— Достаточный возраст, чтобы понимать.

— Не скажу, что она понимала многое, но... да. Радости это не прибавляло. С тех пор я присматриваю за девочкой, как могу.

— Не вы один. Та странная... мамбо? Она говорила о том же.

— Мари? Увы. Ближе к смерти Лурдес сблизилась с ней. На почве своего безумия. И завещала заботу о дочери.

— Которую вы не одобряете. Заботу, имею в виду.

Падре вздохнул:

— Видите ли, у Лилис есть некоторые... особенности. Неустойчивые психические реакции, как сказал бы врач, но я скажу проще: мятущаяся душа. Причины понятны. Однако есть ещё последствия, и они настораживают.

— Вы о чем?

— Девочка не просто верит в колдовство или, говоря мягче, сверхъестественные и необъяснимые вещи, как это делают многие дети, подростки, да и взрослые. Она уверяет, что слышит голоса.

— Лоа. Она называла их «лоа».

— Да как ни назови... Суть не меняется. Я потороплюсь, если объявлю её блаженной,

но уверен, что когда-нибудь так и случится. А до тех пор Лилис нуждается в участии. В чуткости, заботе, доброте. Неважно, что она творит, какие неудобства способна доставить, нужно быть снисходительным и внимательным. Каждую минуту. Всегда.

То, что у девчонки не все в порядке с головой, я уже понял. Давным-давно. Пока шалости, правда, были вполне безобидными. До прихода в полицейское управление. Ухватила за первое попавшееся происшествие, чтобы найти подтверждение своей «исключительности»? Хорошо же её мама воспитала! И кстати, падре-то куда смотрел? Все это корректируется в юном возрасте и вполне успешно. Упустил из вида? Не решился вмешаться? Странно. Как меня прогнать из собора потребовалось, так сразу и грозность нашлась, и сила. А перед маленькой девочкой спасовал?

— Смотрю, вы не слушаете... И почему я вам все это рассказываю?

Хочешь переложить груз на чужие плечи, вот почему. Тяжеловат крест оказался, да? Ладно, пусть так. Я особо деликатничать не буду. В крайнем случае, выпорю.

— Может быть, потому что я — её мужчина?

— Она так сказала?

— Она все время так говорит.

Падре сдвинул подбородок пальцами.

— Это хорошо.

— Для кого?

— Для девочки, в первую очередь. Она избрала вас опорой. Надежной частью своего мира. Неизменной. Спасительной.

— Звучит не особо обнадеживающе.

— Как и принятие на себя любой ответственности. Лилис Сапатеро доверяет вам.

— Скорее, считает своей собственностью.

— Своим близким окружением, — поправил падре. — Точно так же она относилась бы к каждому из друзей.

— Которых у неё нет.

— Которых нет. Это жутчайшая несправедливость на свете, когда ребенок оказывается отрезан от общества. В силу физических или умственных недугов, из-за упрямства родителей, по иным, подчас нелепым причинам. Для такого человека, когда он вынужден покинуть свою раковину, жизнь становится сродни прогулке по минному полю.

— Я бы не сказал, что девчонка чего-то боится. Скорее наоборот, боятся как раз все вокруг.

— Страшиться — удел сомневающих. Свет рассеивает все страхи.

— Значит, ей однажды достался очень яркий фонарик.

Падре Мигель укоризненно качнул головой и обратился к кому-то за дверью, повышая голос:

— С божьей помощью, я составил свое мнение. Можно продолжать.

* * *

Процессия, торжественно вошедшая в камеру, оказалась немногочисленной. Собственно, лица были все те же: команданте, мой следователь и две, эээ... колдуньи?

Честно говоря, я в равной степени сомневался насчет обеих. Просто чернокожая, в силу

возраста и приобретенного жизненного опыта, производила большее впечатление. По крайней мере, внушала к себе уважение плавностью движений и спокойствием. Внутренним, которое, как ни странно, всегда явственнее и заметнее внешнего. Помню, у меня в расписании была пара-тройка контактов на этот счет. Тренинги по эмоциональной устойчивости и все такое. И я даже побывал на вводных занятиях. Чтобы решить, какой из шарлатанов больше заслуживает платы за свои фокусы.

— Нужно что-то ещё? Для вашей работы, сеньорита, — уточнил Сильва, обращаясь к девчонке на удивление почтительно.

Потешается? Да нет, вроде не похоже. Начальник управления, все-таки, человек не в том статусе, чтобы развлекаться, насмехаясь над бесправными и беззащитными: у него в подчинении целая куча куда более забавных мишеней. А главное, ни одна из которых слова поперек не скажет. Наоборот, натужно посмеется вместе с команданте.

Лил не стала отвечать. Не разжала стиснутые до синевы губы, только мотнула головой. Отрицательно. Ну и слава Господу! Если бы в камеру внесли какие-нибудь погремушки, ленточки, бусики, палочки и прочую бессмысленную дребедень, боюсь, сохранять вежливую заинтересованность было бы трудно всем присутствующим. Мне уж точно.

— Итак?

— Не торопите её, сеньор, — тихо попросила чернокожая Мари. — Осталось самое малое из ритуала. И самое важное.

— Хотите сказать, то, что нам продемонстрировали ранее, всего лишь...

— Тссс! Проявите ещё немного уважения. Совсем немного.

Сильва пожал плечами, но коснулся рта кончиками пальцев, показывая: все, согласен, буду нем, как рыба. Остальные и до того молчали, а когда девчонка шагнула ко мне, так и вовсе затаили дыхание.

Не знаю, какой ерундой Лил занималась целые сутки, но явно не спала: кожа вокруг глаз казалась совсем серой. Комплект одежды тоже был прежним. И слишком легкомысленным для намечающегося представления. Ничего не имею против народных традиций и связанной с ними театрализации всяческих бытовых ситуаций, но право, если уж речь зашла о колдовстве, можно было внешнюю атрибутику хоть обозначить? Например, накинуть на плечи девчонке такую же хламиду, в какой щеголяла её наставница. Прочитать молитву или абракадабру, символизирующую заклинание. Сделать пасс руками. А так получается, она просто подойдет ко мне и... И что-то случится?

Лил остановилась. На приличном расстоянии: не дотянуться. Подняла голову и уставилась на меня. Не моргая. Глаза в глаза.

Поймав её взгляд, кстати, вполне можно было поверить в нечто сверхъестественное. На несколько секунд.

Крепкий кофе. Не только что заваренный, а уже успевший постоять. Слегка остывший, сбросивший пенку и обнаживший свою глубину. Не ту, что прячется на дне чашки. Другую. Где-то под ней. Под блюдцем. Даже под столиком. Может, в области пола? Нет, ещё дальше.

Взмах ресниц, и все, нет больше кофе. Остался только карий взгляд, напряженный и вопросительный.

Я что-то должен сказать? Сделать? Упасть на пол и забиться в конвульсиях? Вряд ли, потому что все остальные смотрят на меня с интересом, но явно без опасений, что случится нечто, угрожающее жизни и здоровью. Значит, планировался какой-то простой фокус. Что-то вроде гипноза? Хорошо. Но почему она всего лишь молчит и смотрит? Пусть озвучит

задание, даст приказ, вот тогда и оценим силу заявленного колдовства.

Ну же! Только не говори, что струсил в последний момент. Не поверю.

Ещё взмах. Один, другой, третий. Мелко-мелко задрожавшие ресницы, между которыми вдруг заблестели...

Слезы?

Дверь камеры оставалась открытой, и наверное, только поэтому Лил удалось выбежать вон: не думаю, что её глаза, залитые соленой водой, что-то могли видеть в этот момент. Следом, кстати, никто не отправился. Ни падре, так трогательно, почти душераздирающе рассказывавший мне о нелегкой девичьей судьбе, ни величавая мамбо. Пожалуй, проводил девчонку взглядом один только Гарсия. На всякий случай.

— Что скажете? — первым общее молчание нарушил команданте.

Можно было не гадать, кому задан вопрос. Одной-единственной персоне изо всех нас. Той, которая хоть что-то должна была понимать в случившемся. Или хотя бы притвориться, что понимает.

— Порадуете нас или огорчите?

— А что бы вам хотелось услышать, сеньор?

— Собственно, правду. Ничего, кроме правды, ведь мы собрались здесь именно за этим.

Мари ла Кру мягко улыбнулась:

— Правда состоит в том, что никто не добился своей цели. Кроме, разве что, этого молодого человека: он хотел помочь девушке, попавшей в затруднительное положение, и помог. Что заслуживает уважения.

— О каких целях вы говорите? Мы хотели лишь...

— Вы, сеньор, хотели увидеть чудо. Или, на крайний случай, чудесный спектакль. Ваш подчиненный надеялся, что увиденное подарит вам немного больше веры. Я желала убедиться в силе девочки, святой отец...

— Позвольте мне сохранить мою цель в тайне, — подал голос падре Мигель. — Могу только чистосердечно подтвердить: да, то, на что я рассчитывал, также не случилось.

— Кто у нас остался? Девочка. Но думаю, её даже не надо спрашивать о результате. Мы все видели слезы, сеньоры. Это самый искренний и правдивый ответ.

Сильва, кивавший каждому слову чернокожей мамбо, признал:

— Вы правы. Никто не получил желаемого. И пожалуй, это справедливо. Как считаете, падре?

— Все в руках божьих.

— Вне всякого сомнения, вне всякого... — осенил себя крестом команданте. — Что ж, никого не смею задерживать.

Вышел он первым. Как полагается самой важной персоне. Гарсия потянулся следом и вздрогнул, услышав моё:

— Шеф! Насчет справки...

— Будет тебе справка. Все будет.

— Так я сейчас зайду?

В ответ, уже из-за порога, раздалось что-то малоразборчивое, но вселяющее надежду на получение нужного документа.

Падре на прощание перекрестил меня, уж не знаю, зачем, и тоже ушел. Последней к выходу двинулась Мари ла Кру, и поскольку теперь уж точно было ясно, что по доброй воле никто не станет ничего рассказывать, пришлось заступить ей дорогу.

— Вам что-то требуется, молодой человек?

— Информация.

— И какая же?

— Вы всех нас, и себя в том числе, замечательно разложили по полочкам, но не сказали главного. Мне, по крайней мере.

— И что же, по-вашему, главное?

— То, из-за чего все и затевалось. Колдовство.

— Оно не состоялось, — улыбнулась мамбо.

— Отлично. Но я могу узнать, что произошло бы, если бы...

Её улыбка стала шире. Обнажила ослепительно-белые, особенно на фоне такой кожи, зубы.

— Или вы хотите, чтобы я спросил у Лил? Вряд ли это поможет ей поскорее успокоиться.

— А знаете, пусть будет именно так. Спросите. Либо это убьет девочку, либо заставит родиться заново. Для новой жизни.

Поскольку я не двигался с места, ей пришлось меня обойти. Давая понять, что продолжения беседы не будет.

Справку выписали в рекордные сроки: Гарсия сунул мне бумажку с ярко-синей печатью ещё на полпути к выходу из общего зала. И тут же убрался восвояси под улюлюканье коллег, уже наверняка посвященных во все подробности только что завершившейся истории.

Солнце на небе подползало к обеду. То есть, к зениту. Жарило вовсю. Укрыться от палящих лучей можно было только в тени парковых кустов, да и то весьма условно. И уж точно никто бы не обезумел настолько, чтобы выходить на самый солнцепек, пусть и к фонтану: водяная пыль слегка освежала кожу, но для защиты требовалось что-то поматериальнее. Особенно маленькой фигурке, присевшей у мраморного бортика. Ага, уткнувшейся голыми коленями в острую каменную крошку.

— Тебе не больно?

Попытка быть вежливым прошла без внимания.

— Ну не получилось, и ладно. Чего переживать?

Ноль эмоций. Смотрит куда-то в переплетение струй. Но хоть не плачет. Или просто в брызгах, оседающих на её лице, не разобрать слез?

— А что вообще должно было получиться, кстати?

Ага, теперь все четко: брызги налево, слезы направо. Целый поток.

— Да хватит уже!

И платка-то под рукой нет... Придется пожертвовать рубашкой: утереть чумазую мордочку. В смысле, загорелую от природы.

— Есть смысл рыдать-то? Мир же не рухнул. Вон, стоит себе, такой же, как раньше, сама посмотри.

— Мир...

Первое слово за весь день. Наш совместный.

— Стоит...

— И будет стоять, можешь мне поверить. Потому что ему все наши слезы до одного места.

— Этот мир пусть делает, что захочет. А мой... мой... Моего мира больше нет!

Новый поток слез. Чуть послабее, ну да и рубашка у меня не безразмерная.

— Можешь объяснить толком? Только учти, ещё одного взрыва рыданий я терпеть не буду. Уйду и больше ничего спрашивать не стану.

— Не уходи.

Сказала еле слышно, зато за штанину уцепилась не хуже краба.

— Значит, поговорим?

Кивнула. В паузе между сморканиями. Интересно, кто стирать-то будет?

— Я уже понял: твои планы полетели ко всем чертям. Что бы ты ни планировала. И хотя сейчас уже почти бессмысленно это знать, с другой стороны, и тайну хранить больше не нужно. Что ты хотела сделать? В смысле, наколдовать?

Бурчание. Куда-то вниз, в песок.

— Не слышу.

Ещё несколько слов, по-прежнему неразборчивых.

— Нет, так дело не пойдет!

Она легкая. Чуть тяжелее Генри, если сравнивать. И поднять её за талию так же легко. Только приходится держать, чтобы снова не осела вниз.

— Вот, теперь можешь говорить.

— Ты должен был...

Ага, значит, подобие гипноза намечалось. В принципе, из всех фокусов самый реальный. И беспроегрешный. Если получается.

— В меня...

Странное построение фразы. Настораживающее.

— Влюбиться.

Она говорила все тише и тише, так что последнее слово пришлось наполовину угадывать, а не слушать. Может, поэтому долгожданный ответ и показался мне настолько нелепым?

— Только и всего?

— Однажды и на всю жизнь!

Чуточку обиделась? Зато вроде больше не плачет.

— Разве любовь можно наколдовать? Возьми любую сказку, и она расскажет тебе обратное. Чудо настоящей любви всегда рушит все чары.

— Сказки это сказки! Чудес в жизни не бывает!

— А колдовство бывает?

— Да!

Идиотская позиция. Главное, не предполагающая осмысленной дискуссии.

— Ладно. Значит, ты хотела заколдовать меня, чтобы я в тебя влюбился. Допустим. И ты была уверена, что все получится?

Гордо отвернулась.

— Тем не менее, я сейчас стою перед тобой и в сфере чувств изменений не ощущаю. Какой вывод будем делать? Очень простой: никакого колдовства не существует.

— Существует! Просто у меня... просто...

Последний заряд слез был совсем слабым. Как раз на рукав рубашки.

— Просто я...

— Та ещё колдунья. Правильно?

Опустила взгляд.

— И в чем трагедия? Никто даже не улыбнулся, если хочешь знать. А могли бы освистать, и это было бы намного больнее.

— Пусть свищут. Пусть смеются. Это все уже не важно.

— А что важно?

— Я слышала их. Лоа. Можешь говорить все, что хочешь, но они были рядом. Были со мной все эти годы, а сегодня... Промолчали. Сегодня, когда были нужны, как никогда.

— Наверное, у них нашлись другие дела. Более важные.

— Просто промолчали. Они слышали мою просьбу. Я знаю, что слышали!

А уж я сколько просил. И не духов каких-то. Самого главного. Того, кто их всех сотворил. И тоже уверен, что каждое моё слово донеслось до Его ушей. Правда, не могу сказать, что в ответ промолчали. Ответили, и ещё как! Примерно в том же стиле, как ни печально.

— Не помогли — их проблемы. Забудь. Если ты им нужна, ещё сами придут и попросят.

Господи, что я несу?! Хотел же наоборот. Немного действенной шоковой терапии Лил не помешало бы. Совсем чуть-чу...

А ведь мамбо на это и рассчитывала. Когда не ответила на мой вопрос. Отправила меня к зареванной девчонке, уверенная, что я не стану никого щадить. Занятная забота о воспитаннице, нечего сказать!

— Придут?

— Ну, прилетят. Понятия не имею, как они передвигаются.

— И попросят?

М-да, момент упущен. Дождаться нового? Да ну, к черту! Голову и так уже напекло.

— Придут, не придут — их дело, я уже сказал. А вот мы точно сейчас пойдем.

— Куда?

— Домой!

— К тебе домой?

Могу спорить, к этой секунде в голове девчонки уже не осталось ни одной мысли о духах, колдовстве и прочей возвышенной ерунде. По крайней мере, во взгляде, что-то ищущем на моем лице, ничего сверхъестественного не читалось. Но это-то как раз и пугало. По-настоящему.

— Ты приведешь меня в свой дом?

Все-таки она сумасшедшая. Повернутая на любви. Даже колдовство ей было нужно только для этого. Ну и для замужества, наверное. Хотя если учесть, что её мать, согласно рассказам падре, так и не захотела связать себя узами брака...

Право, не знаю, какой вариант развития сложившейся ситуации меня больше удручает: возможность обзавестись блаженной супругой или вероятность того, что до венца мы так и не доберемся?

— Мы будем жить вместе?!

Хорошо хоть, людей вокруг нет: не видят скачущую и вопящую девицу.

— Пошли уже.

— Мы будем жить вместе!

На плече её нести ещё легче. А что самое удобное в этом моменте: не путается под ногами. Пинается только. От избытка чувств. И повизгивает прямо в уши. То в левое, то в пра...

Стоп. Слева — это вовсе не она. Это тормозные колодки.

— Эй, амиго! Как поживаешь? Хотя, что я спрашиваю? Если есть женщина, есть и жизнь, а ты, вижу...

Господи, а это ещё кто? Рожа вроде знакомая, только где я мог её видеть? Торчит из окна такси. А! Вспомнил. Тот самый, добрый самаритянин, который подвозил нас до границы Вилла Баха. Как его там... Муньес или что-то в этом роде. Только расставались мы на более церемонной ноте. «Сеньор» и все такое прочее. А теперь, значит, «амиго»?

— Доброго дня.

В появлении нового собеседника было, по крайней мере, одно неоспоримое преимущество: Лил смущенно затихла.

— А приятель твой как? Помню, выглядел он плоховато.

— Пока не помер.

— Ну и слава Господу!

Именно этого мне и не хватало сегодня, пожалуй. Разговора ни о чем с едва знакомым человеком. Причем любопытным и понятия не имеющим о такте и вежливости.

— Гуляете?

— Собственно, домой уже отправляемся.

— Подвезти?

— Я не при деньгах, так что...

— Да ну, какие деньги между друзьями? Садитесь, домчу в два счета!

Или он и вправду добряк, или хорошо усвоил основные правила расширения рынка услуг. Ну да, скидки постоянным пассажирам, бонусы, рекламные акции — вся эта нелепая, но действенная ерунда. Только целевую аудиторию выбрал неудачно.

— Куда ехать-то?

— В Низину. Рискнешь?

— Да запросто.

— Камино Брава, пара кварталов от колонки, дом... С балкончиком. Дурацким. Увидишь — сразу поймешь, что это он.

Лил, едва коснувшись ногами земли, тут же юркнула в машину. Довольная донельзя.

— Хорошего парня нашла, — подмигнул ей водитель. — Надежного. А уж видела бы ты его тогда вечером... Настоящий принц был.

— Принц? — переспросила девчонка, озадаченно хмурясь.

— Ещё какой! Одет, причесан, все дела. Да не переживай, он и сейчас хорош!

— Принц...

Откинулась на спинку сиденья. Почти вжалась. И о чем-то напряженно задумалась.

Меня тоже вдруг внезапно осенило:

— Довезешь её? Только смотри, чтобы никаких проблем не было.

— Можешь на меня положиться, присмотрю, как за младшей сестренкой. А сам что? Не поедешь?

— Надо зайти в одно местечко. Уж извини, в следующий раз покатаешь. Договорились?

— Как скажешь. Ну что, красавица, готова?

Шевеление губ, но ни одного звука. Ушла в себя, что называется.

— Удачной дороги! И спасибо. Как получу зарплату, сразу...

Он покачал головой. Укоризненно. А потом машина торжественно поплыла, иначе не скажешь. Прямо как карета. С самой задумчивой принцессой в мире.

* * *

События прошедших суток вкупе с потрясениями души и мозга совсем выбили из головы единственно важную деталь аварии — трансформацию сеньора Фуэнтеса. А вот доктор сразу подметил схожесть между двумя больными, которых ему довелось осмотреть. И поставил диагноз. То есть, назначил меня главным виновником. Не то, чтобы я совсем уж был ни при чем в обоих случаях, однако...

Форту большой гарнизон не полагался: упор ставился на мощные орудия, а не на живую силу, поэтому когда возникла необходимость не защищаться от внешнего врага, а подавлять внутренние волнения, рядом — через пустошь, сейчас занятую под парк — отстроили казармы. Широкобокие, низкосводчатые, с трех сторон окружившие просторный плац. Помещения без какой-либо внятной планировки внутри. Зачем солдатам удобства и личное пространство? Правильно, незачем. Зато сооружать здесь центральный госпиталь Санта-Озы оказалось крайне удобно. Правда теперь внутри выбеленных стен расположился сущий лабиринт из палат, операционных, сестринских, кладовых и кабинетов, разбираться в котором не рискнул бы ни один здравомыслящий человек.

— Чего тебе? — неприветливо спросила женщина, перекладывающая пухлые тетради из стопки в стопку.

— Навестить больного.

Одна, вторая, третья, четвертая. Пауза. Пятая и шестая — в новую стопку.

— Что за больной?

Отутюженными и внимательными медсестры здесь бывали, похоже, только в дни приезда сенаторской команды. А сейчас мало того, что разгар дня, приемный покой пустует, так ещё и обеденный перерыв слишком скоро, чтобы напрягаться.

— Привезли прошлой ночью. На «скорой», после аварии. Водитель автобуса.

Лениво посмотрела в журнал. Листнула страницу.

— Как звать?

— Фуэнтес, Альваро.

Палец пополз по строчкам. Ещё ленивее, чем взгляд.

— Есть такой. А ты ему кто будешь? Только не говори, что родственник: целый день

прошел, а кроме священника никто не появился.

Странно. Нет семьи, что ли? Ладно, допустим. А шайка ночных беспредельщиков? Уж из них кто-то точно должен был наведаться. Например, чтобы получить новые распоряжения на мой счет.

— Так кто?

— Сослуживец.

Она мельком взглянула на карточку, однозначно определяющую меня в жители Низины. Хмыкнула.

— Врешь.

— Вру.

— Полицию вызову, — пообещала медсестра, правда, все с той же апатией, чуть ли не зевая.

— Зовите. Только можно я пока пройду, посмотрю на него?

— Вот настырный... — ага, все-таки зевнула. — Иди уж. Секция Д, палата 34. У двери все равно сканер стоит, мимо него не пройдешь.

Это она напомнила совершенно правильно. Только дело было вовсе не в обеспечении безопасности.

Конечно, высокопоставленных больных, а также тех, кто мог дорого заплатить за свое здоровье, охраняли безукоризненно. Правда, совсем в другом районе города и совсем другом здании. А центральный госпиталь принимал всех остальных, и администрацию волновало лишь количество посетителей: от него зависел объем бюджетного финансирования. Сначала пробовали сканировать людей на главном входе, но цифры получились жуткие. В первую очередь, за счет самого персонала, мельтешащего туда-сюда. Тогда и было принято решение отслеживать тех, кто пользуется медицинскими услугами, целенаправленно. И сами услуги, кстати, тоже.

Систему ввели в эксплуатацию примерно год назад. Помню, главный врач по этому поводу прочел проникновенную речь. Пыжился от гордости, краснел, потел... Смотреть было малопривно, слушать — неинтересно. Но тогда это казалось мне важным, присутствовать на городских событиях. Нужным. Перспективным. М-да.

Половина палат в секции Д пустовало: за прозрачными перегородками не было видно следов человеческого присутствия. Чистота, строгость, скромность. Никаких излишеств. Ни тебе букетика цветов на столике у кровати, ни картинки на стене. Впрочем, даже обитаемая комната, та, куда меня направила медсестра, выглядела точно так же. Уныло. Мало подходяще для ускорения выздоровления. Впрочем, пациент, похоже, не замечал ничего вокруг себя. Как по мне, к своему счастью.

Сканер мигнул, считывая матрицу моей «молли», и дверь шурша отъехала в сторону. А несколькими секундами повторила этот маневр уже у меня за спиной.

«Альваро Фуэнтес. Возраст — 35 лет. Диагноз...» Ага, пустое место. Было сначала написано что-то вроде «дорожная авария», но потом затерли, да так и оставили. Жаль. Я-то думал, хоть здесь разобрались, что к чему.

Наверное, санитары не на шутку устали, укладывая его на кровать, и все равно казалось: сидит. Вернее, собирался то ли сесть, то ли лечь обратно, но почему-то застыл на полпути. Согнулся, потом перекосялся. Или наоборот?

Но на то, что случилось с Хэнком, не очень-то и похоже. Например, кожа не обугленная. Смуглая, да, но такой она была и до аварии. Если разница и есть, то на пару

тонов. Главное, сами искривления, если их можно так назвать. Все-таки другие. Намного более... грубые, что ли?

Этот бедняга словно набросок. Задали основные направления усилия, на глазок, условно, и потянули. Не каждое мышечное волокно по отдельности, а пучком, выворачивая конечности из суставов. Как будто кто-то боялся не успеть. И если бы вдруг не передумал, то вполне возможно, что водителя разорвало бы на...

— Помолись со мной! Кто бы ты ни был, помолись, прошу тебя!

Пробовали когда-нибудь выгнуть все пальцы в разные стороны, а потом попытаться ухватиться за чужую штанину? Вот и у Фуэнтеса не получилось. Только заставил меня дернуться от неожиданности.

— Помолись со мной!

Глаза его тоже смотрели, куда придется. В основном, внутрь черепа. Представляю, что там можно было разглядеть. И представляю, почему никто не спешил навещать больного.

— Признавайтесь друг перед другом в проступках и молитесь друг за друга, чтобы исцелиться, ибо многое может усиленная молитва праведного!

И с языком у него проблемы. Слова удается разобрать, но общее впечатление... Мрачное. Не приведи Господи, чтобы Хэнк однажды очнулся таким. Я его тогда сам убью. Чтобы не мучался.

— Помолись со мной!

Крюки, шарящие в воздухе. Бррр.

— Прошу тебя...

Все, насмотрелся. Прочь отсюда. Подальше. В коридор. Пред темные очи доктора Веги.

— Пришел полюбоваться на дело рук своих?

— Я уже говорил вам, что...

— Я помню. Да ладно, это шутка. Хотя смеяться, конечно, не над чем.

В антураже госпиталя он производил более внушительное впечатление. И уважения вызывал несоизмеримо больше, чем когда закуривал сомнительную сигаретку в темном доме папаши Ллузи.

— Пойдем, поболтаем, раз уж зашел. Не против?

Собственно, на это и рассчитывал, отправляясь в госпиталь. Хотя особо не надеялся выполнить все, что запланировал.

— Как голова?

Кабинет доктора располагался поблизости от палаты: весь путь не занял двух минут. А обстановка была ещё аскетичнее, чем в апартаментах сеньора Фуэнтеса. Хотя, так могло только казаться. Например, из-за закрытых стальных шкафов с непрозрачными дверцами и совершенно пустого процедурного стола.

— Все ещё на месте.

— Чувство юмора на месте точно, — он приоткрыл один из шкафов. — Извини, не приглашаю присесть: некуда.

— Ничего, постою.

— Как твой приятель?

— Который из?

— А вот злоупотреблять не стоит. Даже юмором.

Хлопнул дверцей, защелкивая замок. Размял в пальцах папиросу, скрученную явно не фабричным способом.

— По-прежнему. Выглядит чуть здоровее, если вы об этом. Но в сознание не приходит.

— Это не так уж плохо, кстати.

— Ага.

Помолчал. Поднес папиросу к лицу. Понюхал.

— Лучше так, чем...

— С ним произошло то же самое? С этим водителем?

— Я бы сказал, тебе виднее, — Вега оперся о стол. — Но да. Суть та же.

— Почему тогда результат другой?

— А вот это вопрос.

Он все-таки закурил, и по кабинету поплыл знакомый сладкий аромат.

— Трудность в том, что я пока не представляю, каким было воздействие. Отчасти похоже на последствия магнитной бури, но слишком узкая локализация. Точечная, можно сказать, а следовательно, и интенсивность превышает все разумные пределы. Просто зашкаливает.

— В природе такого не бывает?

— Да кто знает, что бывает и не бывает на этом свете? Я вижу впервые, вот и все.

— А ваши коллеги? Вы ведь наверняка консультировались с кем-нибудь?

— Соображаешь, — черты докторского лица начали умиротворенно расслабляться. —

Спрашивал. Не прямо, конечно. Но думаю, результат все равно был бы тем же. Отрицательным.

— Неужели во всем мире никто и никогда...

— Насчет всего мира говорить не буду. Хотя шанс крайне маленький, да. Ничтожный.

— Значит, нет ни диагноза, ни методики лечения?

— Значит, нет.

Примерно то, что я ожидал услышать. И надеялся, что не прозвучит.

— Зато есть подопытный и куча времени.

— Хотите сказать...

— Я собираюсь попробовать. Пока только местное воздействие. Возьму списанный томограф и займусь. Может, что и получится. Ну а не получится, и ладно.

— Человеколюбиво звучит. Очень.

Вега затаился папиросой. С видимым наслаждением.

— Врачи все немного сволочи, разве не знал? Бессердечные ублюдки. А если серьезно...

Он вдруг посмотрел мне прямо в глаза. На редкость ясным взглядом.

— Ты сам все видел. Я буду делать то, что могу и умею, не больше и не меньше. И буду молиться, чтобы кому-то из нас повезло: или мне, или пациенту. На выбор Господа.

Хотелось бы верить, что Он вообще собирается что-то выбирать. Из двух зол. А может, из миллиона?

Чем больше узнается, тем больше все запутывается. Можно верить в бога, можно отрицать его существование, однако бессмысленно спорить с тем, что умножение знаний умножает скорби земные. Пока горизонт возможностей закрыт туманом неведения, он широк. Велик. Необъятен. Но как только пелена начинает распадаться на отдельные струйки... Заканчивается все пошлым и примитивным тупиком. Стеной, в которую утыкаешься носом.

Даже боюсь представить, что чувствует тот несчастный. Судя по сумасшествию взгляда

и голоса, ничего приятного в новоприобретенном облике точно нет. А уж полезного тем более. И печально думать, что исправить ситуацию способна только молитва.

То есть, это неплохо, Господи. Ещё один шанс для Тебя явить чудо на потребу страждущим. Отдаться на волю Твою всем телом и душой. Я тут попробовал. Недавно. Чтс сказать? Получилось. Вполне. Наверное, сердце больше согрелось бы от чего-то, сделанного человеческими руками, но и так сошло. Стодилось.

Да, неплохо полагаться на высшие силы. Может, единственно правильно. Но как-то... Скажем, фатально.

Пешка на шахматной доске. Один шаг — одна клетка. Туда. Сюда. Если главный игрок позволит, сможешь кого-нибудь скушать. Если проморгает замысел противника — скушают тебя. Вот только фигуры не имеют собственной воли, а нас Ты ею наделил. Сполна. Зачем, Господи? Чтобы усложнить жизнь нам или себе?

Жаль, что самоубийцы до Тебя не добираются. Это было бы самым простым способом попасть на божественную аудиенцию. И задать пару вопросов. Уже не насущных, конечно. Так, для удовлетворения последних отблесков любопытства. Например, уточнить, каким маршрутом должен был следовать по судьбе и где свернул не в ту сторону.

Но ответа не будет, да, Господи? Не раньше, чем путь пройдет. От начала и до конца. Тишина хороша всем, кроме одного: любой звук чуть громче вдоха или выдоха разносится в ней мгновенно и громогласно. Стук в дверь не стал исключением, ударив прямо в виски.

Для посетителей любого рода время неподходящее: сиеста в разгаре. На улицу никакой дурак не выйдет без крайней надобности. Да и по надобности тоже. Потому что все на свете вполне может подождать. Но тот, кто стоял за порогом, похоже, считал иначе и продолжал терзать мой слух.

Вообще-то, стучать не обязательно. Достаточно толкнуть дверь и войти: на этих досках места для замка или засова никогда не подразумевалось. С самого сотворения дома. И все же удары не прекращались, постепенно складываясь в подобие мелодии. Которая, прямо скажем, мне не нравилась. И которую я все-таки решил оборвать.

За дверью стояла...

Нет, не Лил с торбами и котомками. Гораздо хуже. Её воспитательница.

Платье мамбо, должно быть, сменила, потому что полотно снова слепило глаза белизной, даже учитывая непременно пешую прогулку по кварталам Низины. Лицо все также чернело, таинственно и зловеще. А немигающие глаза уставились на меня, едва я появился в дверном проеме.

Друг напротив друга мы простояли примерно минуты две. Может, чуть больше. Потом это начало надоедать.

— До свидания.

Я не стал ждать у закрытой двери: пошел обратно. К лестнице. Пусть стучит, пусть делает все, что хочет, играть в гляделки мне некогда.

— Это самое удивительное приглашение войти, которое я получала.

Ага, наконец-то догадалась, что церемонии здесь не приветствуются. Ну и славно.

— Что вам нужно?

Даже если бы я не стоял на третьей ступеньке от пола, чернокожая Мари все равно смотрела бы на меня снизу вверх, но так эффект, конечно, усиливался. Правда, в глазах незваной гостьи не было робости, зависти, ненависти или чего-то вроде, то есть тех обычных чувств, соответствующих ситуации. Взгляд хищника, готовящегося к атаке. И вовсе не кошки. Скорее, анаконды. Бесстрастной и бесстрашной в силу того, что достойных противников у огромной змеи попросту нет.

— Моя девочка хочет войти в этот дом.

— А вы? Хотите?

— Я уже вошла.

Полностью в своем репертуаре. Не от мира сего, но хозяйка всего.

— И как? Нравится?

Она проплыла по лестнице мимо меня и остановилась только на верхней площадке. Чтобы сделать вид, будто ждет, пока ей тут все покажут.

— Хотите осмотреться — осматривайтесь. Только не отвлекайте.

Вода как раз остыла достаточно, чтобы заняться очередными гигиеническими процедурами. Постоит ещё немного, станет противной и придется греть снова, потом снова ждать. А так есть шанс обиходить Хэнка и самому успеть подремать до работы.

Все же есть между ними разница. Между моим другом и моим недавним врагом. У того мышечные волокна натянуты, как струны, а Хэнк расслаблен. Да, несмотря на все завихрения, рассыпанные по телу, оно не твердое, а нормальное. Обычное. Как у любого, кто мирно спит. И вот это совсем странно. Как искажения сохраняются, если их ничто не удерживает на своих местах? Бред какой-то.

— Папа?

Она произнесла это слово на французский манер. С характерным выделением последнего слога. И с нескрываемым удивлением. А потом опустила на колени у кровати и накрыла скрюченную ладонь своими.

— Папа?

Темные пальцы на темной коже. Оттенки только слишком разные. Бесконечно далекие друг от друга.

— Кто позвал тебя сюда? Кто ищет свой путь?

Такое благоговение уместнее смотрелось бы в храме, а не в убогом домишке у постели искалеченного уродца. Святые, конечно, и руинами не брезгают, но вряд ли это наш случай.

— Кто достучался до тебя?

— Сеньора, вы мне мешаете.

Она замолчала, не переставая пристально всматриваться в закрытые глаза Хэнка. И не меняя позы.

— Сеньора, вы понимаете? Мне нужно закончить. Если хотите, потом припадете к своей святыне. Когда она станет чуть почище, чем сейчас.

Послушалась. Поднялась на ноги. Отошла на пару шагов назад. Позволила завершить омовение. А когда я выпрямился, черное лицо снова оказалось у меня перед глазами. Вернее, немного пониже.

— Ты не мог его позвать. Лоа не говорят с тобой. Кто тогда?

— Сеньора?

— Он приходит не к каждому. Он открывает врата, но редко сам проходит сквозь них.

Я уже видел её такой. В ту ночь. Мою первую рабочую. Несколько минут проникновенного прорицания черт знает о чем.

— Неужели он сам сделал этот выбор? Но это означает...

Осеклась на полуслове. Затихла, глядя вроде бы на меня, а в действительности куда-то дальше. За пределы дома, по крайней мере.

— Тебе указали путь.

Ещё немного, и я тоже кое-кому укажу дорогу. На выход.

— Сеньора, это все просто замечательно. Ничего не имею против ваших взглядов на вещи. Правда. Но понятия не имею, о чем вы говорите. И это меня напрягает.

— Ты не должен понимать. Ты должен следовать.

Теперь поем в унисон с падре?

— Следовать чему?

— Указанному пути.

А взгляд такой ясный-ясный... Почти как у доктора Веги после забористой папироски.
Тьфу.

— И что это за путь?

— Только он знает, — черная рука простерлась над искривленным телом.

Отлично. Просто потрясающе. Конечно, судя по тону голоса, «он» имеется в виду какой-то другой, а вовсе не Хэнк, но от этого не легче.

— Он пребудет с тобой, пока путь не будет пройден.

— А потом?

— Вернется в свой мир.

— И что останется?

Мамбо растерянно моргнула, выходя из своего транса:

— Что должно остаться?

— Вы сказали, что некто сейчас находится здесь, а потом уйдет. Вот я и спрашиваю, он оставит после себя хоть что-нибудь?

Она тряхнула головой, сбрасывая покрывало на плечи.

— Думаю, я должна объяснить.

— Да уж, пожалуйста.

— В этом доме найдется чашка воды?

— Для вашего ритуала?

Мари ла Кру улыбнулась. Во весь свой зубастый рот.

— Я просто хочу пить.

Одной чашкой не обошлось: вылакала три. И ещё половину. Потом молитвенно сложила руки, что-то кому-то шепнула и повернулась ко мне.

— Не буду утомлять вас подробностями, молодой человек. Но вы хоть что-нибудь знаете о моем искусстве?

С момента, как я услышал слово «вуду», новых воспоминаний в голове не прибыло, поэтому пришлось пожать плечами:

— Можете считать, ничего.

Она вздохнула.

— Что ж... Тогда стоит сказать только самое главное.

Наступила очередная пауза. Видимо, для пущей торжественности.

— Я говорю с духами, обитателями иного мира. И духи отвечают, если пожелают того. А иногда они проходят через врата, чтобы побыть какое-то время среди людей. Чаще их присутствие незримо и не ощущаемо даже для того, кто звал, но бывает... Да, бывает, что loa избирают своим временным пристанищем человеческое тело, и тогда оно изменяется.

Занятно. Про одержимость демонами я слышал кучу проповедей, но что-то падре ни разу не упоминал о внешних признаках. Намерения, воплощенные в поступках, и только.

— Значит, по-вашему, в моего друга тоже вселился какой-то дух?

— О, совсем не «какой-то»! Очень большой loa. Очень важный. Самый важный.

Надо же, какая честь! Интересно, чем я её заслужил?

— Он стоит на страже между двумя мирами. Без его позволения ни один другой loa не

может сойти в мир людей.

— Если он такой важный, зачем сам пришел сюда? Послал бы кого попроще.

Мамбо кивнула. Не соглашаясь со мной, конечно, а в такт своим размышлениям.

— Была нужда. Большая нужда, чтобы прийти. Недостаточно было открыть ворота, и он сам стал воротами. В которые ты войдешь, как только сможешь.

Ну да. Знак божий, указывающий. Но на что именно?

— И как войти в эти ворота?

— Ты узнаешь. Когда настанет время. Ты будешь следовать пути и однажды доберешься до цели.

— И этот дух уйдет?

— Да. В тот же миг.

— И Хэнк... И мой друг станет прежним?

Она улыбнулась. Просто обнажила зубы, не говоря ни слова.

— Так он вернет себе прежний вид или нет?

Накинула покрывало обратно, на коротко стриженные курчавые волосы. Двинулась к выходу.

Наверное, самым естественным было бы броситься за ней, схватить, потрясти хорошенько и получить ответ. Любой. Ведь даже смертный приговор лучше неизвестности. Но чернокожая мамбо наверняка только того и ждала: покорного признания своего непонятного могущества. А я никогда ни перед кем не вставал на колени.

* * *

Её ладошка дотронулась до моего плеча так осторожно, как будто боялась спугнуть. И ни за что не разбудила бы, если бы я спал, а не просто сидел в кресле, закрыв глаза.

— Я пришла.

Да неужели?

— Тетя Мари уже заходила к тебе?

Ага, значит, визит был вполне себе санкционированный. Официально-матримониальный.

— Она дала свое согласие?

Вот кто бы мог подумать... Нет, кто и в какой степени помрачения рассудка мог бы себе представить, что последняя сирота самого нищего изо всех нищих кварталов станет вдруг придерживаться церемоний, не всегда соблюдаемых даже в великосветских кругах?

Бред. Но удивительно естественный. Все так, как и должно быть.

— Она разрешила?

Второй вопрос звучит настойчивее. И заметно нетерпеливее.

— Понятия не имею.

— Как это?

— Твоя ведьма-хранительница ушла, ни слова не сказав о тебе и обо мне. В смысле совместимости и всего прочего.

— Но о чем тогда она говорила?

Стоит открыть глаза? Пожалуй. Например, чтобы взглянуть на лицо, дрожащее каждой черточкой.

— Да так. О всякой ерунде, не относящейся конкретно к нам.

Лил куснула губу. То ли обиженно, то ли растерянно.

— Я попрошу ещё.

— Не надо.

— Если мамбо не благословит...

Предрассудки, один на другом. Пирамидкой. С чего бы вдруг? Притащиться в полицейское управление и поставить всех на уши со своим колдовством у неё хватило смелости, а как дело дошло до личной жизни, обязательно потребовалось чье-то одобрение? Чуть! Не верю.

— Что для тебя важнее, её решение или моё?

Пенка кофейного взгляда всколыхнулась, напомнив, что где-то там, глубоко-глубоко... Нет, не сегодня. Как-нибудь в другой раз.

— Я...

— Кто-то однажды в стенах этого дома ткнул мне пальцем в грудь и что-то продекларировал. Помнишь?

— Прodelка... деркали...

— Заявил. То есть, заявила.

Бледные щеки слегка порозовели.

— Или на это ты тоже спрашивала разрешение у ведьмы?

— Нет.

Ответила тихо-тихо. А если бы ещё опустила взгляд, можно было бы принять её за великую скромницу, только сегодняшним утром покинувшую стены монастырского приюта.

— Зачем тогда нужен кто-то ещё? Зачем вообще двоим третий лишний?

Вот теперь хлопнула ресницами. Победоносно, но как-то подозрительно хитровато. А потом скосила подбородок в сторону кровати.

— Третий уже есть. И не я просила его прийти.

Кстати, хорошее напоминание. Своевременное.

На приказ встать ноги откликнулись неохотно. Разленились, сволочи: экономят силы каждую секунду, если получается. Учитывая, что скоро надо отправляться на работу, поведение конечностей вполне объяснимо. И очень тревожно. Уж слишком быстро организм свыкается с новым распорядком дня. Или вернее будет сказать: ни капельки не протестует?

Плечи у неё тоненькие. Страшно братья, но надо. Чтобы развернуть девчонку лицом к Хэнку.

— Хорошо его видишь?

Она почувствовала подвох. Даже попробовала выскользнуть, но только охнула от боли, когда мои пальцы сжались сильнее.

— Я спросил. Ответишь?

— Вижу.

Ой как мы недовольны... Ну ничего. Потерпим. Оба.

— Человек, что сейчас лежит в центральном госпитале, тот, против которого ты, как сама говоришь, колдовала, выглядит похоже.

Вздрогнула.

— Конечно, отличия есть. Но врач, ты его знаешь, кстати... Так вот, доктор Вега считает, что и водитель автобуса, и мой друг пережили примерно одно и то же.

Затихла. Застыла статуей.

— Я не полицейский, вести следствие не умею. И не верю в колдовство. Только факты уж больно странно сходятся между собой. Что скажешь? Это тоже твоих рук дело?

Дернула плечом. Сильно. Пришлось отпустить, пока кость не хрустнула.

— Я просила о смерти для того, кто тебя обидел.

Шагнула к кровати. Присела на пол, подтягивая колени к подбородку.

— Я желала, чтобы того человека не было. Никогда больше.

Отчасти так и получилось, если взглянуть беспристрастно.

— Он должен был умереть, и все.

Чтобы войти в чужой дом, надо получить разрешение, чтобы убить, довольно желания? Дикае нравы. Дикарские.

— Возможно, он и умер бы. Только вместе со мной.

Обернулась. Испуганно хлопнула ресницами.

— С... С т-тобой?

— Уж не знаю, каким способом твой злой дух собирался лишить жизни водителя, но это случилось как раз, когда в автобусе мы оставались вдвоем. И скажу честно: не думал, что выживу. Ещё бы немного и...

Она метнулась по полу стремительнее змеи. Обхватила руками мои ноги где-то чуть повыше колен, прижалась всем телом.

— Я не могла.

— Чего не могла?

— Причинить тебе вред... Сделать хоть что-то против тебя... Я не могла. И никогда не смогу!

— Так ты колдовала или нет?

— Я... Это не могло тронуть тебя. Ни один волосок на твоей голове!

Уж не знаю, как поживают мои волосы, но сотрясение они пережили. Вместе со всем остальным организмом.

— Прости меня.

Когда на тебя смотрят снизу вверх, да ещё жалобным взглядом, устоять трудно. Если, конечно, твои ноги не заперты в живой капкан.

— За что?

— Я знала, что ничего не получится. Знала сразу, как только тебя увидела. В самый первый раз, у порога своего дома.

— Знала?

— Ты сказал правду. Там, у фонтана. Любовь не дает колдовству совершаться.

— Совсем недавно ты твердила другое.

— Я... Я хотела. Знала, что все напрасно, знала, что получу в ответ только боль. И все равно не могла отказаться. Но больше, обещаю... Больше никогда не стану даже думать о том, чтобы...

— Чтобы «что»?

Кофейный взгляд вдруг стал предельно серьезным.

— Я не буду колдовать. Никогда.

Примерно в том же тоне обычно приносят присягу. На верность.

— Когда я рядом с тобой, мне ничего не нужно.

Занятое уточнение. Когда. А в остальное время?

— Никакого колдовства? Совсем никакого?

Поворот головы. Направо. Налево. Снова направо.

— А как же твоя мамбо? У неё на тебя явно были виды.

— Она поймет.

А не поймет, так придумает себе очередную загадочную историю с духами, вратами, путями и прочей ерундой.

— Но я должна быть рядом. Всегда-всегда.

Это я уже усвоил. Крепко-накрепко. И по большому счету возражать не хотелось. К тому же, дому требуется хозяйка. Хоть какая-нибудь.

— Хорошо.

— Ты... ты не прогонишь меня?

А смысл? Все равно будет болтаться неподалеку да мешаться под ногами в любой, особенно неудобный момент.

— Не прогоню.

Ликование в карих глазах. Совсем детское.

— Только учти, что у тебя появятся некоторые обязанности...

— Я все-все буду делать! Все, что скажешь!

Вот знает женщина, чем поймать мужчину. Любая. С младенчества, если не с рождения.

— Все не надо.

Сощурилась, растягивая губы в хищной улыбке.

— И этого тоже не надо!

— Ну совсем чуть-чуть...

— Брысь!

Она не стала испытывать судьбу дальше. Упорхнула, хихикая так гнусно, что заставила пожалеть о принятом решении. Глубоко и искренне, но недолго: солнце клонилось к закату, предвещая...

Ну да, новый день. Мой новый рабочий день.

«Ввиду истечения стабилизационного периода можно говорить о коренном изменении тенденций в приросте и убыли населения по отдельным территориальным зонам. В частности, необходимо особенно отметить тот факт, что регионы с традиционно высоким уровнем рождаемости, превышающим смертность более, чем вдвое, к настоящему моменту в большинстве своем перешли к обратному принципу. Разумно предположить, что в ближайшие десятилетия — в течение нескольких поколений — следует ожидать дальнейшего снижения плотности населения в перечисленных странах, возможно до минимального значения, оставляющего государству право быть признанным. Не в последнюю очередь такому положению дел способствует физическое ограничение ареала обитания с невозможностью расширения границ, однако более действенным в данном случае выступает фактическое отсутствие свободы перемещения при публичной декларации соблюдения прав человека.»

Северным территориям продолжает требоваться рабочая сила, но в ближайшее время экономические факторы вряд ли приведут к принятию соответствующих политических решений, поскольку слишком высока вероятность нового глобального переселения народов, а вместе с ним и неизбежного перераспределения зон влияния, в чем не заинтересована на настоящий момент ни одна из сторон.»

(Из специального отчета Комиссии по демографии при ООН)

Проектирование зданий и сооружений — какая-никакая, а все же наука. Прочность, надежность, долговечность, всякие инженерные заморочки на тему того, как бы потратить меньше, а получить больше. Эффективности, в первую очередь. Ну и денег тоже. Куда же без денег? Но помимо технических условий строение должно удовлетворять требованиям эстетики и... Этики. Обязательно. Непременно. А если последним пренебречь, может возникнуть весьма неудобная ситуация.

Для политика тактичность — средство производства, а не свойство характера или результат воспитания. Никто из людей, занимающихся государственными делами на высшем уровне, не страдает укорами совести на предмет подслушивания и подглядывания. Я тоже, хотя такого эффекта не добивался. Ни осознанно, ни подсознательно. Поэтому когда изгибы коридора донесли до меня эхо разговора, уши затыкать не стал.

— Что скажете, сеньора? Или следует представить это предложение руководству?

— Ну зачем же... Не стоит отвлекать занятых людей. Я вполне могу принять решение сама. Компетенции хватит.

«Сеньорой» была, конечно же, Долорес. Правда, с доселе неизвестными мне интонациями. Смесь робости, гордости, осторожности и настороженности — не тот букет, которым встречают, к примеру, работников. Значит, в кабинете присутствовал гость особого свойства. Вот только голос этого человека слишком уж напоминал...

— Пока не могу гарантировать постоянный контракт, но думаю, и разовые заявки будут полезны вашей конторе. В плане набора репутации, прежде всего.

— О да, репутация! Она стоит дороже денег, в этом вы правы.

— Вот перечень объектов, которыми вы могли бы заняться. Если согласитесь, поставьте в известность. Нет, не меня, диспетчера: его номер указан в каждой заявке. Да-да, тут внизу.

— Но в случае необходимости я могу сослаться на...

— Это было бы нежелательно. Думаю, вы понимаете, о чем я?

— Разумеется. Никаких проблем! А если в самом крайнем случае?

Ответа не последовало. Наверное, собеседник подмигнул Долорес или сделал какой-то другой знак, потому что прощальные слова толстушки прозвучали вполне удовлетворенно:

— Всего доброго, сеньор! Как говорится, заходите ещё!

Эстебану Норьеге понадобилось секунд десять, чтобы добраться до того участка коридора, где я подпирал спиной стену. И ещё секунды три, чтобы пройти мимо, сделав вид, будто мы не то, что незнакомы, а и вовсе живем в разных вселенных. Впрочем, оно и к лучшему: представитель муниципалитета в строгом костюме и при галстукe был совсем не похож на того бесноватого Эсту, который периодически донимал меня революционными идеями. Холодный, чопорный, глубоко чужой и чуждый.

Наверное, до сих пор дуется. Из-за своей подружки.

— К вам можно, сеньора?

Долорес подняла на меня взгляд от пачки листов. Видимо тех самых, врученных Норьегой. И посмотрела, надо сказать, весьма многозначительно. А потом откинулась на спинку кресла.

— Какие люди! Уж и не чаяла снова тебя увидеть, парень.

— Это ещё почему?

— Думала, сбежал наконец-то. Не обижайся, но с твоими задатками работают не у мусорных баков, а в poste... Там, где чисто, мягко и жарко.

Ага. Раздевалка не прошла даром? Понимаю. И даже вправе оскорбиться, но... Имея и родословной такого человека, как мой отец, легко забыть о стыде. Сразу и навсегда.

— Да мусор тоже скучать не дает, знаете ли. Жары и при нем хватает.

Справка из полицейского управления легла на стол перед Долорес и была изучена с неподдельным интересом. Впрочем, уточняющих вопросов не последовало: синяя печать вкупе с невнятным «участвовал в следственных действиях» отбивала любопытство самым успешным образом.

— Так-так... Значит, не прогуливал? Славно. Дисциплинированный работник — мечта работодателя.

— Я хочу работать.

Хотя бы для того, чтобы быть сытым: возвращение домой в очередной раз поставило меня перед фактом пустых полок кухонного шкафа. И новой батареей опустошенных бутылок. А ведь теперь на моей шее висит ещё и... Нет, пусть сама тоже зарабатывает. Чем-то же она жила до встречи со мной?

Стук пальцев по столу. Монотонный и слегка угрожающий.

— Сеньора?

— Помнится, я просила называть меня по имени. Ну да так даже лучше. Дистанция ещё никогда и никому не вредила.

Это ещё что за тема? От толстушки требовалось только принять к сведению

полицейскую бумажку и отправить меня разгребать очередные авгиевы конюшни, а не сидеть вот так, с таинственным видом, и вести туманные разговоры.

— Я ведь ещё тогда задумалась, в самый первый раз: что такому парню делать в мусорной конторе? И оказалась права.

— В чем, сеньора?

Она пододвинула ко мне стопку листов.

— Знаешь, что это такое?

— Не имею представления.

— Это взятка. Самая натуральная. Муниципальный заказ. За него обычно борются, а не получают в подарок.

Объекты, о которых говорил Эста?

— Это... — она снова постучала пальцами, только уже не по столу, а по бумаге. — Это — путь к новым вершинам. Для конторы, по крайней мере. И чтобы кто-то вот так просто, буднично, по-свойски вдруг пришел сюда с дарами волхвов... Уж извини, не поверю.

В этой сфере я всегда «плавал». Во время учебы, имею в виду. Никак не удавалось уяснить, в чем разница между правами и возможностями частных предпринимателей и государственных учреждений. Конституция Экваториального союза декларировала равенство, сотрудничество и взаимопомощь, а в реальной жизни возникали невероятные, неестественные, но страстно любимые обеими сторонами переплетения интересов, вводящие меня в ступор на каждой лабораторной работе.

Есть закон. Есть правила, написанные на гербовом листе, одобренные и принятые к исполнению всеми участниками игры. Так почему же параллельно и перпендикулярно возникают все новые и новые игровые поля и фигуры? Так не должно быть. Любое усложнение процесса — лишний шанс краха системы.

— Не знаю, насколько мои догадки близки к истине, да и не хочу знать, но... Ты, парень, оказался здесь не случайно: это я буду помнить твердо.

И что делать прикажете? Развернуться и гордо уйти восвояси? Было бы красиво. И правильно, наверное. Только жрать хочется сильнее, чем сохранять мнимое достоинство. А если усилиями Эсты я сегодня буду лишен законного обеда...

— Думайте, что хотите, сеньора. Я пришел работать.

— Я хочу много разных вещей, — сухо ответили мне. — И знаю, что если отказываться от всего, что предлагают, может быть, однажды прослывешь святым. Только на небесах и без меня народу хватает.

Заманчивое предложение, да? И хочется, и колется?

— А поскольку от грешной земли до ада ближе, чем до горних дорог... Вот что я сделаю!

Ну, для начала она сделала все-таки паузу. Торжественную.

— Я возьму все эти заявки: негоже добру пропадать. И обеспечу их выполнение. Твоими силами!

Хм. Решение и впрямь удачное. Почти гениальное.

— Твой приятель из муниципалитета что-то затевает? На здоровье! Но пусть имеет в виду: ты всегда будешь рядом. В том же котле.

Эсту стоило бы убить. Самым жестоким образом. Чтобы больше никому и никогда не испортил жизнь.

— Завтра явишься утром, — от теории заговора Долорес перешла к делам насущным. —

К девяти.

Это что же получается? Я ведь в шесть только закончу. Ни сна, ни отдыха?

— Сеньора...

— Я же сказала, что обеспечу выполнение. А вы после полной ночной смены ног таскать не будете, так что радуйтесь: сегодня отработаете только половину. До перерыва. И чем быстрее справитесь, тем раньше отправитесь отдыхать.

Стоп. Почему во множественном числе?

— Напарника своего не забудь порадовать тоже. Только учти: драк на дворе не позволю. За воротами сколько угодно, а тут ни-ни!

Насчет драк она была права. Скорее всего. Потому что когда я подошел к машине, Хозе непримиримо повернул голову в сторону. Обратную от меня.

— Как жизнь?

— Я тебя не знаю.

Следующие пару минут мы молчали. В принципе, я мог бы держать язык за зубами и гораздо дольше, а вот у напарника, видимо, за прошедшие дни накипело слишком многое: прошло ещё секунд тридцать, и мне обвинительно сообщили:

— Ты предатель.

Громко сказано.

— Сбежал. Оставил меня одного.

Допускаю, что внешне все так и выглядело.

— Думаешь, эта толстая стерва кому-нибудь когда-нибудь делает поблажки? «Ничего не хочу слышать... Вот пройдет положенный срок, тогда и пересмотрю график...»

Ясно. Парень делал двойную норму. Есть, с чего злиться. А когда услышит от меня новые «благие вести», совсем расстроится. Главное, к кабине его не подпускать. К ящику с инструментами, то есть.

— Я справку принес. Долорес покажет, если хочешь. В полиции был. Слышал про аварию автобуса?

— Кто ж не слышал! Даже видел, что от него осталось: как раз когда на работу шел.

— Ну вот. А я в нем ехал.

На меня все-таки посмотрели. Соблаговолили.

— Прямо в нем?

— Ага.

— До последней остановки?

— И немного дальше. Мне, наверное, ещё от врача справку бы дали, если бы попросил.

— Ого! А как там все было-то?

Трепать языком всегда веселее, чем работать. А ещё это здорово помогает коротать время от одного мусорного короба до другого.

Хозе оказался вполне благодарным слушателем: подбадривал и воодушевлял рассказчика многочисленными, правда, не всегда внятными восклицаниями и наводящими вопросами. В какой-то момент история даже вышла за пределы достоверного, и, признаться, мне стоило трудов вернуться к действительности: сам не ожидал, что так увлекусь. Дешевая популярность, как её называют? Ну, по крайней мере, достигается она и впрямь не самыми дорогими средствами.

Впрочем, в придуманных «воспоминаниях» о произошедшем проскочило и одно вполне реальное. Тогда я принял его за обычные мурашки, взъерошившие волосы на теле, но теперь

засомневался. Больше походило на прикосновение. Обволакивание. Омывание. Словно струи чего-то среднего между воздухом и водой скользнули по моей коже и, кажется, чуток под ней, а потом унеслись прочь. Все равно как пятно света от фонарика двигается по земле, на мгновение слепя всех, кто попадает на пути, но исчезает быстрее, чем успеваешь привыкнуть к новым ощущениям или возненавидеть их...

Машина остановилась, и Хозе показательно убрал руки с руля.

Я должен что-то сделать? Ах да, это же тот самый перекресток. Ведьминский.

— Пойдешь?

Как-то ничто меня туда не тянет. Ни рабочие обязанности, ни чувство долга, ни прочие предрассудки.

— А, наконец-то понял, что к чему?

Признаться, не слишком.

— Это ведь все могли быть её штучки. Она на такое мастерица.

Хорошо, что в друзьях у моего напарника не нашлось никого из полицейского управления, иначе он наверняка был бы в курсе «волшебной» версии несчастного случая. Вот тогда разговоры о сверхъестественном точно терзали бы меня каждую смену. С первой минуты и до последней.

— Ты мог ей просто не понравиться. И пиши пропало.

— Я нравлюсь женщинам. Большинству.

Он хохотнул:

— Ну, считай наоборот: что она тебя к себе приваживает. Только и так, и эдак, голова-то твоя болеть будет!

Святая правда. Сумасбродные желания Лил до сегодняшнего дня оборачивались трудностями моей жизни. Правда, если положить на чаши весов девчачьи старания и энтузиазм Эсты, неизвестно, кто ухитрится подгадать больше. Пока лидирует, кстати, бесноватый социальный инспектор.

— Значит, ну её к богу в рай? — с надеждой спросил напарник, касаясь рычагов управления.

— Не так сразу.

Я спрыгнул вниз, на гулкую брусчатку.

— Уверен?

Хотя в голосе Хозе присутствовали нотки беспокойства, парню, похоже, было до смерти любопытно, чем закончится моё противостояние с мамбо. Кто кого переупрямит, например. И пожалуй, на его месте я бы тоже развлекался бесплатным зрелищем. Мог бы развлекаться. В должном расположении духа.

— Я скоро.

В ответ ухмыльнулись: мол, ещё увидим.

А к чему мне, собственно, задерживаться? Забрать мусор — дело нескольких минут, и то, если придется повозиться из-за чужой нерасторопности. И если хозяйка дома снова не...

Короб снова был девственно пуст.

Обычно так поступают из вредности или из намерения причинить дополнительные неудобства своему противнику. Элегантная месть «за все хорошее». С другой стороны, это ведь не в моем доме будет вонять протухшими потрохами и гнилой кровью? Не хочет, как хочет. Сама пусть справляется.

Крышка хлопнула громко. Гораздо громче, чем полагалось инструкциями и допускалось

в ночное время в приличном обществе. Но я не успел испугаться, что кого-то разбужу, потому что за плечом насмешливо вздохнули. И поинтересовались:

— Пришел за ответами?

На ловца бежит овца. Вернее, уже прибежала. Черная и курчавая.

— За мусором. А уйти могу с пустыми руками. Выбирайте сами.

Мамбо улыбнулась во весь свой хищный рот.

— Молодой человек сегодня не в духе?

— Духи — ваша сфера, вам виднее.

— И то правда.

Она обошла меня со спины, от правого плеча к левому и снова спросила:

— Так ты ищешь ответы?

Не те, которые может дать ведьма. Разве что...

— Насчет той аварии. Её причины. Если Лил и правда все это наколдowała, могла ли она сделать так, чтобы...

Нет. Не сейчас. Нельзя давать слишком много информации своему возможному противнику, особенно когда не представляешь точно, как он может ей воспользоваться.

— Чтобы что?

— А, ерунда. Забудьте.

— Как пожелаешь. Но на первую половину твоего вопроса отвечу: да.

— На какую ещё первую половину?

— Не было ничего обыденного в том происшествии.

Согласен. Хотя бы потому, что оно случилось со мной. С моим участием.

— Папа ещё ни разу не оставлял два следа разом.

Опять этот чей-то загадочный родственник? Ну, со следами ясно, почему два. И если следовать извращенной логике мамбо, водитель автобуса тоже кому-то указывает путь. Против своей воли, конечно, но это, конечно, мелочи.

— И для кого предназначен второй?

— Глупый вопрос.

— А все-таки?

— Ты движешься верно, в этом нет сомнений. Но то, что Папа не оставляет тебя... Могу предположить, что тебе нужно поторопиться. Нужно успеть что-то сделать, пока не стало слишком поздно.

— А поконкретнее он не может выразаться, этот ваш Папа?

Мамбо пожала плечами:

— Два мира не могут сойтись вместе без жертв. Кто-то принимает обет слепоты, переходя черту, кто-то отдает дар речи. Знаки никогда не бывают ясными, иначе...

— Иначе это сильно бы все упростило, и мир быстрее стал бы идеальным. Но в мутной воде удобнее ловить рыбу.

Мари ла Кру рассмеялась. Звонко-звонко.

— Юность видит только прямые линии. И в этом её счастье, что ни говори!

— А зачем ходить по кругу, если можно пройти напрямик?

Она шагнула ближе и уставилась мне в лицо. Глаза в глаза.

— Нет, это не юность... Не только. Ты всегда так делаешь, верно? И делал всю жизнь.

Не бродил закоулками? Ну да. Жаль было тратить время и силы. А ещё омерзительно было притворяться и хитрить. Даже когда было, во имя чего. И насколько понимаю теперь,

те мои неумелые притворства все равно никакого эффекта не произвели. Значит, не стоило и стараться.

Впрочем, слушать чужие домыслы о сокровенном тоже не слишком приятно.

— Вы ничего не знаете о моей жизни.

— Я? Нет. Знают они.

Да неужели? Ерунда. Хотя... Чем черт не шутит, когда бог спит? А мой бог явно взял небольшой отпуск после недавних праведных трудов.

— Точно знают?

Кажется, она чуточку обиделась. Зато попалась на удочку. По самые жабры.

— Это легко проверить. Если не струсить.

Обращение к медиумам и прочим шарлатанам всегда казалось мне чем-то непотребным и непристойным. Наверное потому, что одно время Елена-Луиза увлекалась визитами к какому-то доктору потусторонних наук. Меня таскала с собой: дома оставлять боялась. В итоге я часами маялся в чужой гостиной, разглядывая жутковатые картины на стенах и гадливое содержимое стеклянных шкафов, попутно слушая доносящиеся из кабинета завывания якобы духов. Мама с таких сеансов выходила, мягко говоря, не в себе, что не добавляло доверия к оккультным действиям, а наоборот, прививало отвращение. На всю жизнь, как мне тогда казалось.

Смешно сознавать, что сейчас я по собственной воле собираюсь повторить мамин опыт. Не знаю, какие ответы искала она и нашла ли, но мне терять в любом случае нечего. Если мамбо знает хоть пару деталей о моем прошлом, значит, есть шанс на возвращение. Если опростоволосится... Ну что ж, так тому и быть.

— А чего тут бояться?

Новый оскал. Зловеще-довольный. Неужели любой женщине достаточно для счастья того, чтобы мужчина хоть раз поддался на какую-нибудь нелепую провокацию?

— Пойдем в дом. Там будет удобнее.

Сказала бы честно: бесплатных зрителей там не окажется. Явно же берет деньги за свои представления, так зачем манерничать?

На улице была ночь, как ей и положено. Но свет фонарей успешно делал свое дело, давая представление об окружающей среде. В доме мамбо тоже царил темнота, но совсем другая. Беспросветная, несмотря на сотни язычков пламени.

Свечи были повсюду. На столиках, на стенах, кажется, даже на потолке, и конечно, на полу. Так много, что ступить некуда. Только этот свет не освещал ровным счетом ничего: разглядеть лицо мамбо можно было, лишь уткнувшись в него. Ну, почти уткнувшись. А потом зазвучал барабан.

Сначала ритм походил на биение пульса, глухой, мерный и слабый. Но с каждым ударом или шлепком — я так и не смог понять — мелодия менялась. Первый марш был тягучим, как патока. И предельно нудным. Казалось, этой монотонности, сводящей зубы, не будет конца, и вдруг ровное течение разорвалось буйством карнавала, увлекающая сердце за собой, все быстрее и быстрее. Круг танца замыкался и размыкался, сбивая дыхание. Тянуло приноровиться, ухватиться за музыку, пуститься в пляс, пока невидимое веселье обнимает тебя... Не успел. Едва подумал, а ритм уже сорвался с прежнего настроения совсем в другое.

Звук стал намного глуше. Как шепот. Его еле удавалось разобрать, скорее получалось лишь ощутить движение воздуха от ладони, поднимающейся и падающей на натянутую кожу барабана, но почти не слышимый, он доставал до костей. И был в несколько раз быстрее предыдущего, хотя это казалось невозможным. Ускорял бег, пока не взорвался канонадой, после которой захотелось прочистить уши. Особенно когда, наконец, наступила благословенная тишина.

— Кого будем убивать сегодня?

Говорила мамбо, совершенно точно. Своим собственным голосом. Вот только таких интонаций у чернокожей ведьмы не могло появиться ни за что и никогда. Вообще вряд ли хоть один живой человек не смог бы вложить в несколько простых слов столько

бесстрастной ненависти и вожделения одновременно.

— Цель определена?

Может, в африканских традициях это считалось нормальным, но я подсознательно ожидал чего-то более туманного. Невнятно-романтического и абсолютно бездейственного. Пустой говорильни, то есть. А чтобы вот так, сразу, с места в карьер...

Её ладонь легла мне на плечо. Странно тяжелая. Но мысли о том, чтобы сбросить её прочь, почему-то даже не возникло.

— Ты звал меня.

— Вообще-то, не я. Женщина.

— Ты звал. Я уже слышал твой голос. Вчера. Или тысячу лет назад?

Вот уж чем-чем, а вызовом духов никогда не занимался. Ни в шутку, ни всерьез.

— Ты что-то путаешь. Я не мог тебя звать. Я понятия не имею, кто ты.

— Тогда мы квиты. Я тоже забыл свое имя. Давным-давно. Или минуту назад. Но главное неизменно: когда ты зовешь, я прихожу убивать.

Теперь в моё плечо упирался уже подбородок, а губы шептали совсем рядом с ухом.

— Здесь скучно, не находишь? Немного крови и криков пришлось бы кстати.

— Никакой крови!

— Можно взять шнур. Самый лучший — из человеческого волоса, конечно, но это ведь такая редкость... Только если самому сделать. Вложить немножко души. И немножко меня.

Наверное, мне должно было стать страшно. Но не получалось. Никак.

— Что тебе нужно?

— А что нужно тебе? Не я бросил клич. Ты.

— Ведьма обещала рассказать о моем прошлом. А вместо рассказа явился...

— Убийств не будет? Не будет криков? Не будет тел, корчащихся в лужах крови? Не будет пальцев, неспособных разжаться?

Я повернулся, но не смог даже дотронуться до мамбо, одержимой духом: чертовка отпрянула назад мгновением раньше. Как будто наизусть знала, что собираюсь сделать.

— О чем ты говоришь?

— Не знаю. Это было. И это прошло. Чтобы однажды вернуться или никогда не возвращаться. Решаешь ты. И зовешь тоже ты. А я слушаю, слышу и прихожу.

— Ты можешь назвать моё имя?

— Разве оно имеет значение? Желание, воля, действие — вот что важно.

— Ты говоришь о смерти. А кто умер? Знаешь?

— Человек. Они всегда умирают, рано или поздно. Одинокие, несчастные, отверженные и больные. А я веду счет их смертям. Когда становится скучно.

— Как он был связан со мной? Тот умерший?

Мамбо зевнула.

— Слова, слова, слова... А где же веселье?

— Отвечай!

— И ты разрешишь мне повеселиться?

Что сказать? Да или нет? Чем я рискую? А впрочем, чем бы ни рисковал... это шанс.

— Да.

— Обещаешь?

— Обещаю.

Одержимая духом вплотную приблизилась к морю огненных язычков, становясь

похожей на черную тень.

— Он никогда не хотел говорить о тебе. Ни сразу, ни потом.

Похоже на отца. Очень похоже.

— А ты спрашивал?

— Не помню. Должен был. Не мог же я упустить хоть капельку веселья? Но все это было так давно... Прошлой ночью. В другой жизни.

— И он совсем ничего не сказал?

— О, он говорил. Твердил без умолка, одно и то же тысячу лет.

— И что именно?

— Моя кровь. Моя кровь. Моя кровь. Моя... кровь!

Голос сорвался на визг, а в следующее мгновение мамбо обернулась, кокетливо склонив голову на одну сторону.

— Ты обещал, помни!

И раздался крик.

Мне понадобилось несколько секунд, чтобы сообразить, кто и почему кричит. А потом ещё примерно столько же, чтобы вырвать ладони Мари ла Кру из пламени свечей. Или все-таки чуть больше?

— Со мной все будет хорошо.

Так она сказала минуту спустя. Даже не взглянув на руки.

— Вы уверены?

— Я умею лечить ожоги, если ты об этом.

Ну да, наверное, умеет. А на крайний случай всегда можно вызвать врача. Вон, того же Вегу: судя по препаратам, которые рекомендует больным, да по вечной ароматной папироске в зубах, он сам не чужд народных практик, и собрату... то есть, сестре в помощи не откажет. Но спрашивал-то я о состоянии душевного здоровья.

— А можно было до ожогов дело не доводить? Или для пушкого эффекта непременно требуется членовредительство?

Мамбо вопросительно приподняла брови.

— Зачем вы сунули руки в огонь?

— Я не... — Её взгляд окончательно прояснился. — Это кто-то из Пьетро. Что само по себе очень странно, потому что мой зов обычно не в силах долететь до того края мира духов.

В принципе, такого поворота и следовало ожидать. Разе она признается в шарлатанстве? Да никогда! Уже придумала объяснение. Ни черта не понятное мне, зато очень удобное для себя самой.

— Думаешь, я лгу?

Даже думать не хочу. Есть такая штука, как аутотренинг. Или, говоря попроще, самовнушение. При подходящем складе психики можно, если постараться, конечно, и ангелов видеть, и чертей гонять.

— Что он сказал тебе?

— Кто?

— Лоа, который ответил на зов.

Я что, должен пересказать всю ту ерунду? Нет уж.

— Ничего конкретного.

— Духи не говорят «конкретное», юноша. Они не называют имен, не устанавливают сроков, не назначают места. Только главное. Только то, что имеет значение.

Вот в это, пожалуй, поверю. Тот, кто шевелил губами Мари ла Кру, не разменивался по мелочам. И упомянутые детали, относящиеся к моему прошлому...

Все было именно так. Если пассаж про пальцы ещё мог оказаться удачной догадкой — предполагаю, что многие случайные убийцы испытывают похожие ощущения — то о словах мог знать лишь свидетель. Очевидец. Тот, кто присутствовал в комнате. Трое людей: я, Елена-Луиза и, собственно, убитый. Перед тем, как умереть, он про кровь и прохрипел. Причем, глядя на меня, а не на рану.

Что ж, учитывая мою нелюбовь к пустой болтовне, остается грешить только на маму. Хотя вряд ли. Она бы молчала ещё тверже, чем я сам. Ведь рассказать кому-то о последних словах первого мужа, значило бы признать себя свидетелем. А может, и невольным соучастником случившегося.

Нет, она не могла. Разве что на исповеди?

— Ты получил то, что хотел?

— Хотели, вообще-то, вы. Доказать, убедить, заставить поверить.

— И? Удалось?

Надежда. Торжество. Снисходительное сожаление. Искреннее любопытство. Как много всего может выразить взгляд!

— Кое-какое доказательство явлено было, сеньора. Но его слишком мало для того, чтобы поверить.

Мамбо вздохнула. И улыбнулась.

— А на чем тогда держится твоя вера в бога? Ты же веришь, не отрицай! Он часто являет тебе чудеса? Может быть, приходит в твою жизнь по воскресеньям? Дарил ли он тебе хоть раз свою благодать? Карал ли огненным мечом?

Хорошая провокация. Не знаю, заготовленная или спонтанная, но пожалуй, именно при таких обстоятельствах люди и меняют свои убеждения. Колдовство же тут, рядом. Вон оно, родимое, с песнями, плясками, барабанным боем, от которого дуреешь, с дымом пахучей травы, приносящей видения. Все, что хочешь. Все, что нужно твоему телу для ощущений. Да, именно так заблуждения и проникают в разум. Посредством плоти — самого слабого места системы, именуемой «человек».

У церкви свои ухищрения. И те же свечи, и монотонные молитвы, и купола соборов, взлетающие под небеса. Но к богу можно прийти безо всего этого. И, что главное, Он тоже приходит по-простому. Правда, сначала нужно остаться одному. Совсем-совсем.

— Ваш дух... приходивший не сказал ничего уникального. Все изложенные факты могли стать известны третьей стороне. С небольшой долей вероятности, но могли. Так что...

— Я не слышала ни слова из вашей беседы. Но одно я знаю точно: Пьетро не приходят к невинным агнцам. В твоём прошлом была кровь. Большая кровь.

Прозвучало сильно. То ли обвинительно, то ли угрожающе.

— Если и так, что дальше?

Она могла ответить все, что угодно. Например, припугнуть полицейским расследованием. Потребовать прекратить общение с Лил. Вообще начать шантажировать. Но я с удивлением услышал:

— Ничего. Это твой путь, не мой.

Длинные жилистые пальцы сдавили свечной фитиль, гася огонек.

— Уже поздно. Мне надо отдохнуть.

Приказ проваливать восвояси? Понял, исполняю.

Я вспомнил, что так и не забрал мусор, только когда увидел машину. И Хозе у кабины, нервно подкидывающего на руке монтировку.

— Кто кричал?

— Забудь.

— Она?

— Просто обожглась. Бывает.

— А орала так, будто с головой в костер окунулась.

Очень может быть. Однако если напарник слышал крик, то и все соседи в округе должны были насладиться коротким ночным концертом. Высыпать на улицу, начать задавать вопросы... А никого ведь не видно. Тишина, покой и всеобщая благодать. Ну, тут одно из двух: либо местные давно привыкли к образу жизни мамбо, либо пошло и примитивно боятся встречать в чужие неприятности.

— У женщины не все в порядке в черепке. Рано или поздно покалечится. Или вообще убьется. Куда смотрит социальная служба, интересно?

— Куда-куда... В сторону. Здесь все отводят глаза: так надежнее.

— Веришь в колдовство?

Хозе сунул монтировку под сиденье и поднялся в кабину.

— Да залезай уже! А то на обед не успеем. Лично я не хочу с пустым животом ещё полночи шататься.

— Тебе и не придется.

Новость о смене режима работы напарник воспринял неоднозначно. Возможность проводить больше времени с девушкой его, конечно, порадовала, но факт неожиданно свалившегося муниципального заказа насторожил. Казалось бы, какая разница простому работяге, где, что и когда делать, а вот поди ж ты...

Я невольно задумался, пока шел домой. О странном, почти необъяснимом, но стойком недоверии к действиям высокого начальства. Этому ведь должна быть причина, правда? Тому, что простое поручение, спущенное с уровня городских властей, вызывает не желание добросовестно его исполнить, а наоборот, тормозит мыслительные процессы.

Саботировать никто не пытается, слава богу. Хотя бы потому, что это все-таки чревато наказанием. Но энтузиазма нет. Если бы Эста принес свои бумажки не из-за меня, а просто в силу обстоятельств, скажем, в рамках общей разнарядки, Долорес явно не торопилась бы пускать их в работу. Тянула бы весь возможный срок. Весь вопрос, почему?

Что-то нелепое и неважное, на что никогда нет желающих? Вряд ли. Общегородские нужды не могут быть совсем уж бессмысленными. Максимум казаться таковыми, как вещь, равно необходимая всем. Когда проблема конкретная и персонализированная, она, конечно, более понятна. По крайней мере, не возникает вопросов, решать её или нет. А вот если речь идет о общественно значимых вещах, отношение мигом становится другим. Меня же лично это не волнует, не затрагивает, не мешает, не отвлекает, не приносит убытков, не раздражает? Ну и бог с ним. Значит, само как-нибудь наладится.

Плохой признак, кстати. Подобные настроения говорят о хрупкости существующего общества. Если народ начинает воспринимать обращения властей враждебно...

Точно. Так и есть. Отсюда и настороженность, и медлительность, и отсутствие

энтузиазма. Потому что власть — враг. Ну, на худой конец, просто неприятный сосед, от которого невозможно избавиться, но и от помощи которому почти всегда удается отвертеться. Или помочь так, чтобы лишний раз не обращался.

В принципе, все понятно. Естественно даже. Как можно рассчитывать на народную любовь, если город перегорожен непреодолимыми барьерами? Ладно бы только физиологическими, так ещё и мораль задействована. Стихийно, совершенно бесконтрольно сложившаяся, что самое страшное.

Интересно, сенатору в голову хоть раз приходили такие же мысли? Не уверен. Результатов-то не заметно. Значит, думает по большей части о чем-то другом. О семье, например. О доме...

Но уж точно никогда не задумывается о поиске места для сна!

Это было ожидаемо. Предсказуемо даже. И все равно, обнаружение Лил в кресле положительных эмоций не вызвало. Несмотря на всю невинность спящего личика.

Наверное, во владениях папаши Ллузи кровати водились. Одичавшие, конечно. Отвыкшие от своих обязанностей напрочь. Или гамаки. Вот только ползать по дому впотьмах, когда на отдых остались считанные часы до рассвета, было глупо. Неэффективно. Впрочем, лечь спать на полу — ещё хуже. А поскольку в моем распоряжении имелись только два реальных варианта, но каждый предполагал кооперацию...

Я подвинул Хэнка. В конце концов, лежанка позволяла уместиться и вдвоем. К тому же, получалась экономия на одеяле: парень все ещё был горячее, чем считается нормальным. И я вполне сладко спал, привалившись спиной к живой печке.

Пока прямо надо мной не заорали. Примерно с той же степенью ужаса, что и ночью. И женским голосом, разумеется.

— Что случилось?

— Ты... ты... ты живой?!

Она тряслась всем телом. Натурально, от кончиков пальцев до макушки.

— Ты... я вдруг подумала, что... что ты...

Увидев парочку неподвижных тел на кровати? Хм. Хотя, с кем не бывает спросонья? Мне тоже иногда мерещилось всякое разное. Только без криков.

— Надо было где-то лечь, вот и все.

— Да... конечно, надо...

— Кресло ты заняла. А я пришел поздно, не хотел разбудить весь дом.

Вот зачем объясняюсь, а? Правильнее было бы выволочку устроить.

— Ты всегда здесь спишь?

— За Хэнком надо присматривать, так что — да.

— Извини.

Во взгляде раскаяния нет. Даже намек. Ну ладно, хорошо хоть, что сделала вид, будто сожалеет.

— Ничего. Только будь добра, найди себе другое место. Договорились?

— Я могу спать здесь. И присматривать. Если разрешишь.

Вот упорная... Ну зачем ей это?

— Я умею ходить за больными, не волнуйся. А ты тогда сможешь лучше отдыхать.

Вы только посмотрите, какая заботливая! Нет, малявка, зная, что все твои действия всегда направлены на извлечение личной выгоды, поостерегусь принимать такие «подарки».

— Не нужно. Это моё дело.

Я должен быть рядом, когда он очнется. Только я один.

— Ну, как хочешь.

Обижается Лил всегда искренне и красочно, этого у неё не отнимешь. Но почему-то возникает стойкое желание не приголубить, а шлепнуть. Пониже спины.

— Выбери себе комнату, какая понравится. У тебя же должно быть свое пространство?

— Свое — что?

— Место, где хозяйничать будешь ты одна.

— Я знаю такое место.

Смешно и странно видеть на почти детском лице гримасу, куда более подходящую зрелой женщине. Немного пугающе, если быть совсем уж честным.

— Я о других местах говорю!

— Я, правда, уже взрослая. Вот сегодня же схожу и возьму справку.

Этого мне только и не хватало: усугубляющейся с каждой минутой серьезности намерений.

Как же тебе сказать, девочка, что я за себя-то толком не могу отвечать и не знаю, чего ждать от будущего? У тебя все ясно, все просто. Твой мир не переворачивался с ног на голову, отсекая возможности и надежды.

— Сын.

О, вот и папаша пожаловал. Крик разбудил? Наверняка.

— Пойдем-ка. Есть разговор.

Ага, сейчас получу честно заслуженное. За двоих. Ладно, сон все равно испорчен, да и за окнами потихоньку светает.

— Ты привел в дом женщину?

Сама привелась, вообще-то. Моё участие в процессе свелось к минимуму. Но раз уж виноват, отвечу.

— Как видишь.

Фелипе прошелся вдоль стены, скользя взглядом по бутылочным горлышкам.

— Ты серьезно настроен?

— В смысле?

— Она пришла на одну ночь или...

— Боюсь, что задержится. Надолго.

Остановился. Уставился на закрытую дверь. Где-то там за ней кое-кто наверняка навострил шаловливые уши.

— С этим есть проблемы? Тогда говори сразу. Я подумаю, что можно сделать.

Тишина.

— Если что-то не так, уйду. По первому же тре...

— Нет.

Папашин голос прозвучал как-то необычно. То ли потрескивая, то ли дребезжа.

— Не надо никуда уходить. И женщина пусть остается.

Он нагнулся, поднял с полу одну из бутылок, в которой ещё плескалось достаточно темно-янтарной жидкости.

— С утра пораньше начинаешь? Может, все-таки подождешь чуток?

— У меня сегодня праздник, какой бывает только раз в жизни.

— Что ещё за праздник?

— Мой сын стал мужчиной.

Он это серьезно? Какой, к черту, сын? Между нами было заключено натуральное коммерческое соглашение, а не...

Глаза Фелипе Ллузи подозрительно блеснули, когда он повернулся.

— Благодарю тебя, Господи.

Содержимое бутылки уместилось в один глоток.

— А ты иди, иди... Она уж заждалась, наверное.

Лил, и правда, сгорала от нетерпения, пританцовывая у лестницы. Странно, что не подошла к комнате ближе. Испугалась?

— Что он сказал?

— Ничего страшного.

— А все-таки?

— А что ты бы хотела услышать?

Она куснула губу. Похоже, уже не в первый раз.

— Я ему не понравилась, да? Я знаю, что никому не нравлюсь. Но я буду хорошей хозяйкой, обещаю! Ты же знаешь! Буду смотреть за домом, готовить, сти...

Судя по настроению папаша Ллузи, привлекательность и прочие качества моей «избранницы» не имели ни малейшего значения. Вообще. Главное, что была она. Девушка. Впрочем, Лил лучше об этом не сообщать.

— Все хорошо. Он не против.

— А ты?

Вот же чертовка! Почему она так ловко догадывается, о чем я думаю?

— Будем считать это союзом. Дружеским.

— И все?

Завалить её на кресло или ещё куда, заставить выпустить когти от удовольствия, насытить так, чтобы ещё долго вспоминала и не решалась просить добавки? Это было бы нетрудно, тем более, что идиотский режим посещений «Каса Магдалина» пока не выветрился из памяти тела. И наверное, это здорово бы облегчило дальнейшую жизнь. Нам обоим. Только стоило ли начинать именно с такой обыденной скуки? Неужели девчонке никогда не мерещились свадебные венцы, красивые клятвы, лепестки роз на белом шелке? Они же все этим бредят, невесты на выданье. А Лил готова пожертвовать. Отказаться, даже не попробовав. Наверное потому, что уверена: любовная романтика — не для неё. И это...

Черт! Ну тебе-то что до этого, Фрэнки? Дали, так пользуйся! Она сама на тебя лезет, а ты вдруг заартачился. Боишься, что ли?

А может и так. Боюсь. Цель не изменится, ведь её, у меня, в сущности, нет, а вот направление движения начнет выписывать зигзаги. И в какой-то момент я окажусь так далеко от своего прежнего пути, что забуду, как возвращаться.

Это будет для меня благом, Господи, я знаю. Но уж извини, не сейчас. Чуть попозже, договорились?

* * *

— Ну что, орлы? Готовы к подвигам на благо общества?

— Да, сеньора.

Наше недружное мычание вызвало на лице Долорес кровожадную улыбку, но толстушка справилась с эмоциями и продолжила уже без издевки в голосе:

— Все просто, как божий день. Кстати, если не будете лениться, как раз за день и управитесь. Вот адрес. Хозе, машину возьми ту же, её хорошо отдраили. И на мешки не жадничай! Отсортировывайте внимательно, а то, не приведи господи, опять придется платить за настройку оборудования... Напарнику сам объяснишь, что к чему. А теперь, за работу!

— А зачем мешки? — спросил я, закидывая джутовые тюки в кузов.

— Увидишь, — мрачно пообещали мне.

По улицам того края Низины, куда нас отправили старания Эсты и воля Долорес, пришлось ехать медленно и печально. Чтобы не покалечить архитектурных уродцев, считающихся здесь домами, ещё больше. А главное, чтобы не сверзиться вместе с мусоровозом с наклонной плоскости, лишь приблизительно похожей на проезжую часть.

«Родной» квартал по сравнению с этим выглядел почти замечательно. С претензией на столичный размах. Цивилизованно, одним словом. Не прилепившиеся друг к другу коробки из-под обуви, а нормальные, человеческие здания. Не глиняное русло пересохшей реки под ногами, а мостовая. Не пыльное безмолвие, а...

— Приехали.

Парковкой озадачиваться не стали: остановились, и ладно. Все равно в этой тесноте не удалось бы разъехаться даже с детским самокатом. Зато в дом можно было зайти прямо из кабины, как Хозе и поступил. Это мне понадобилось выбираться наружу, обходить машину,

забирать мешки и просачиваться ко входу, распластавшись, как морская звезда.

Внутри простора тоже не обнаружилось. Строго говоря, весь домишко был по площади, как кухня, спальня Хэнка ну и комната с гамаком, не больше. Хорошо, что без перегородок.

— И как кому-то удавалось здесь жить?

— Здесь женщина жила. А женщины все могут, — резюмировал Хозе, путаясь ногами в ворохе платьев, то ли кем-то брошенных, то ли самостоятельно сползших на пол с ближайшего стула.

Да, пожалуй, женщина: при общем хаосе обстановка вполне себе уютная. Коврики всякие, занавесочки, салфеточки. Дом папаши Ллузи по сравнению с этим — пустыня. Без единого оазиса. Интересно только, он все благополучно пропил из домашней утвари, или отродясь ничего не имел?

— В общем, так, — вздохнул напарник, осматривая фронт работ. — Все, что бумажное, в одну кучу. Все, что тряпки — в другую. Потом, когда разгребем основное, деревяшками займемся. Понятно?

Вполне. В чем-то даже логично.

— А куда это все пойдет?

— На завод.

А, в переработку. Что ж, дело полезное. Хотя...

— Смотри, есть вещи совсем новые. Может, стоило бы их соседям раздать? Вдруг пригодятся?

Хозе торопливо сплюнул, прошептав что-то вроде молитвы.

— Даже не вздумай! И себе не бери, а то мало ли что...

— Что?

Он повернулся, обводя рукой вещевые завалы.

— Ты тут видишь чьи-нибудь следы?

— Пожалуй, нет. Все это давно лежит, вон какой слой пыли с улицы налетел.

— То-то. Думаешь, вокруг одни дураки живут или бессеребренники? Разобрали бы за милую душу. А раз оставили и обходят стороной, значит, нечисто тут.

Ага, мало мне было чернокожей с её мистическими причудами, теперь ещё и напарник занялся народным творчеством. Но болтать все равно веселее, чем молчать.

— Нечисто?

— Что-то с этой бабенкой случилось нехорошее.

— Да умерла, и все.

— Э, умереть по-разному можно. Хорошо, если тело найдется, а бывает...

— М?

— Иногда человек просто берет и пропадает. Как не было.

Знакомо. Прямо как со мной случилось. И пропажи никто не заметил. Должно быть и у здешней обитательницы не было рядом родных, друзей, да хоть кредиторов, которые забили бы тревогу. Хотя все равно странно: дом пустует, муниципалитет об этом извещен, а следов обыска не видно. Полиция должна была тут побывать. Описать имущество. Провести дознание. Пусть формальное, но все же. Следы бы остались. А тут получается, все спокойненько лежит, как хозяйка положила. И то ли она затевала большую уборку, то ли...

У нас дома царил такой же развал, когда мама собиралась в дорогу. Тогда, после смерти отца. Надо было выбрать, что взять с собой, а что отдать в счет покрытия долгов. Вот и раскладывались по стульям и столам брюки, рубашки, платья, шарфы, галстуки, чашки-

ложки, письменные приборы, наследственное серебро, книги, драгоценности и прочее. А потом Элена-Луиза долго ходила по лабиринту былой роскоши, время от времени зависая над отдельными предметами. Принимала нелегкие решения. Перед той женщины, что жила здесь, похоже, стояла та же задача. Более скромных масштабов, если только.

— Ну, умирать она точно не собиралась.

— Почему?

— Потому что не собиралась. Видишь, как все расставлено аккуратно? Даже обувь рядком, как на параде.

— Угу. Зато вид у неё... непарадный.

Хозе был совершенно прав: по большей части туфли были стоптаны, потерты и даже порваны. Причем в одном и том же месте на всех парах. Или нарочно прорезаны? Да, так и есть. Слишком ровные края у отверстия. И одинаковые по всем туфлям. Но зачем было их портить?

— Вот эти вообще не ношенные, — с видом знатока сообщил Хозе, запихивая платья в мешок. — В магазине брала, не на рынке, по ярлыкам видно.

Так говорит, будто завидует. А впрочем, справедливо: не представляю, каковы цены на фабричную одежду, только, к примеру, с нынешним жалованьем мне пришлось бы всю жизнь копить на тот пиджак, уделанный Норьегой. Правда, дорогая покупка — ещё одно подтверждение странности происходящего. Не думала женщина о смерти. Совсем не думала. Скорее наоборот, начинала новую жизнь.

— А вас тетя Ана прислала?

Девчонка. Малолетняя. С пучком тростника в руке? А, это кукла такая!

— За вещами, да?

— Нет, сеньорита. Твоя тетя здесь больше не живет, и мы пришли убрать...

— Она мне не тетя. Она — тетя Ана.

Железная детская логика. Чем-то Лил напоминает.

— Она уехала. Но дом-то оставила. Не оставила бы, если бы уехала насовсем. Отдала.

Разумно. Если женщина и впрямь меняла место жительства, имело смысл что-то сделать с лачугой. Не продать, так подарить. А раз ничего подобного не произошло, да ещё все брошено, значит... Не успела?

— Она же вернется?

— Иди домой, — хмуро посоветовал Хозе. — Нечего тебе тут делать.

Девочка послушалась. Наверное, прочитала в голосе моего напарника настоящий ответ на свой вопрос. Может, не поняла толком, но почувствовала ясно. И вышла, волоча куклу по пыли.

— Видишь?

— Что?

— Нечисто, как я и сказал.

Бумаги в доме нашлось немного. Да и откуда она могла здесь вдруг взяться? Попалась только газета примерно трехнедельной давности, из бесплатного тиража, раз в месяц выпускающегося для распространения среди тех, кто не привык тратить деньги на средства массовой информации.

Страницы уже начинали желтеть: ещё несколько суток, и все разлетится в труху, сэкономив муниципалитету пару монет на переработку. Полезное было нововведение, прямо скажем. С одной стороны, официальная пропаганда в действии, с другой — затраты

минимальные. А ещё, как утверждали особо циничные граждане, в случае чего правительственным ляпам никаких печатных подтверждений не остается. Шикарно, в общем.

О, знакомые лица! Что это у нас было? Открытие очередного фонтана, кажется. В народном парке. Разумеется, сенатор с супругой — главные действующие лица. А тут... Пстойте-ка. Это же я. С Генри в охалке, чтобы парень своими восторгами по поводу прогулки не снижал градус торжественности. Но главное...

И как я сразу не подумал?! Вот оно, подтверждение! Доказательство моего существования! Даже в бесплатной газете. Значит, и в нормальных изданиях должно было все остаться. Нужно всего лишь добраться до архива и... А что у нас в тексте, давайте проверим?

А ничего. Ни имени, ни малейшего упоминания. Сопровождающие. Свита, безликая и безымянная.

Собственно говоря, это нормально. В последние месяцы, когда сенатор и Елена-Луиза, по всей видимости, уже решили мою судьбу, наверняка всем представителям СМИ было дано соответствующее негласное указание. Знаю я, как это делается. Наблюдал лично. И если на снимках не всегда удается затереть ненужное, то текст — целиком и полностью на совести журналиста.

— Ты чего там завис? Не знаешь, куда что кидать?

— Да так, задумался... Все я знаю.

Хозе состроил укоризненную рожу и снова нырнул в хаос вещей, которого, кстати сказать, постепенно становилось все меньше и меньше.

У меня на очереди оказался стол. Наполовину письменный, наполовину туалетный. С баночками-тюбиками-флакончиками на одной стороне, и дряхлым бюваром — на другой. Личная переписка пропавшей без вести женщины должна была интересовать только полицию, а потому папочно-бумажная дребедень полетела в полагающийся ей мешок. Вот только напоследок взмахнула, что называется, крыльями: один из листков выскользнул наружу, покружился немного и замер на полу. Прямо у меня под ногами.

Кто угодно счел бы это знаком. Господним, дьявольским или... После общения с Мари ла Кру можно было расширять спектр сверхъестественных участников человеческого бытия в любую сторону.

Кто угодно?

А, и пусть! Мне бояться больше нечего.

Бумага была не новой, блекло-линованной. Вырвана из раритетной ученической тетрадки? Похоже. Но край обрезан аккуратно. Женщина, которая это делала, либо никуда не торопилась, либо крайне уважительно относилась к написанию писем. И, на моё счастье, старательно выводила буквы.

«Дорогая Инеза, ты и представить себе не можешь, что случилось!»

Так писали раньше. В смысле, давно. В старинных романах из отцовской библиотеки. Конечно, ценны они были вовсе не слогом, а... С другой стороны, судя по общему уровню образования в Низине, здешние люди начинают заново. Открывают для себя то, что во всем остальном мире уже считается чудаковатым, устаревшим, отжившим свое.

«Это настоящее чудо, небывалое и невозможное, я о таком Господа даже не молила. Но ты же знаешь, благодать нисходит к смиренным мира сего, вот и мне...»

Можно только позавидовать. Искренне. Смогу ли я когда-нибудь ощутить ту самую

благодарить, а, Господи? Ради научного интереса хотя бы. Потому что со смирением у меня всегда было туго.

«Хуже всего, что они запретили рассказывать. Никому на свете я не могу открыть этот секрет. Даже тебе, дорогая подруга, а ты у меня одна на свете и есть. И от этого моё сердце болит, как если бы мы расставались навсегда. Я должна уехать, так нужно. Такое условие они поставили. Но мне ничего не говорили о том, что будет потом, а значит, я найду способ вернуться. Или написать. И вот то письмо точно будет отправлено и дойдет до тебя! Твоя Ана Веласко.»

Страшные тайны, романтически настроенная девица, невероятное событие? Мило. Весьма. Чушь, конечно. А впрочем...

Человек пропал? Да. Неожиданно и бесследно. Интересно, куда вдруг могла подеваться сеньорита Веласко из замкнутого мирка Санта-Озы? Переехать в другой квартал? Так все бы знали. Покинуть границы города? Ой, вряд ли. Если она жила здесь, значит, не могла подойти даже к подножию Сьерра-Винго. Только уйти морем, и то недалеко. До Пояса девственницы в лучшем случае.

М-да, вопросы есть. Правда, тот факт, что ими никто, кроме меня, до сих пор не задавался, может одновременно служить адекватным ответом. Наверняка, все было просто и естественно: обыкновенный несчастный случай. Родственников не нашли, поэтому никого не оповещали. А сейчас, наконец-то, дошло дело до имущества погибшей. Вот так.

И мне, как ни странно, в этом смысле повезло больше: о моей пропаже сообщат. Если, конечно, смогут привести папашу Фелипе в состояние, способствующее восприятию информации.

* * *

Через пару кварталов от дома Веласко, когда машина кое-как выбралась на дорогу нормальной ширины, в кабине появился новый звук.

Шумно было и раньше, куда же без шума? Ровный, монотонный, быстро становящийся почти незаметным фоном. Когда отходишь от мусоровоза подальше, понимаешь, что уши чем-то все-таки были забиты, но пока находишься внутри, не обращаешь внимания. А вот новый инструмент оркестра солировал вдохновенно и успешно.

Сначала я подумал: что-то звякает. И уже хотел спросить Хозе насчет состояния механических узлов нашего транспортного средства, но в этот момент к звяканью добавился пронзительный свист, а лицо напарника приобрело выражение крайнего уныния.

— Сломалось что?

— День наш сломался. Весь, — хмуро ответил коротышка.

Он ещё немного послушал режущую слух мелодию, потянулся к приборной панели и что-то там нажал. А ещё секундой спустя мне подумалось: уж лучше бы продолжалось прежнее свисто-звяканье, потому что откуда-то из угла кабины раздался голос. Знакомый и донельзя довольный.

— Как дела, мальчики? Управились? А то я для вас новое задание припасла.

Все из того же списка инспектора Норьеги?

— Только закончили.

— Ну и славно! Вам как раз по пути будет. Завернете к муниципалитету, заберете

макулатуру.

— Ага, бешеному кобелю...

— Я не расслышала, повторите!

— Вас поняли, сеньора. Муниципалитет. Макулатура.

— И смотрите у меня, ведите себя прилично! Чтобы все по форме!

Напарник скривился ещё сильнее и буркнул что-то совсем уж неразборчивое, зато ярко окрашенное эмоциями. Отрицательными.

— И незачем ворчать, я посчитала: в смену уложите. Если не будете тратить время на ругань и жалобы. Диспетчеру можете не отзваниваться, но чтобы отметка в путевом листе была проставлена не как в прошлый раз. Все ясно?

— Да, сеньора.

— Не слышу!

— Да! Сеньора!

При желании легко можно было представить лицо Долорес в этот момент. Злорадно-торжествующее. Но, по правде говоря, такого желания ни у меня, ни у человека, который находился рядом, не возникало.

Хозе было, пожалуй, попроще, чем мне: надулся, и все. Когда неурядицы спускаются свыше, можно клясть их с полным на то основанием. А вот если собственноручно притащил проблемы в свою жизнь... Интересно, если дать Эсте отлуп, хороший такой, серьезный и мужской, это что-нибудь изменит?

— Вот ведь стерва.

А где прежние эмоции? Куда делись? Успели перегореть? Хотя, и правильно: либо злись, либо укладывайся в график.

— И чего взъелась?

Ага, пыл угас и мысли снова начали выстраиваться по порядку. Порождая закономерные вопросы.

— Ты тут ни причем.

— А?

Мстить, по пути задевая всех, кто случайно оказался рядом — нехорошо. Неблагородно. Правда, где Долорес и где благородство, спрашивается? И рядом не стояли.

— Это из-за меня.

— Ты про прогул, что ли?

Вообще-то, нет. Но такая версия будет понятнее. Как и все, до чего доходишь сам.

— Забудь. Да и она уже забыла. Тут что-то другое...

Лицо Хозе, краешком видное мне в зеркале заднего вида, приобрело выражение величайшей задумчивости. Увы, ненадолго.

— Все, понял!

Я бы не стал уточнять, но моё мнение по этому вопросу напарнику не требовалось.

— Она ведь тебе предлагала?

— Что?

— Сам знаешь, что.

Ещё и подмигнул. С намеком.

— Я...

— Конечно, предлагала! Может, ты просто не расслышал. Или занят чем был. А она теперь злится.

О чем это он? Какое ещё предложение?!

— И сейчас ещё не поздно согласиться. Но тут ты сам смотри, что тебе выгоднее.

Ни черта не понимаю.

— Можешь говорить яснее?

Он даже повернул голову, чтобы посмотреть. На меня. Весьма удивленным взглядом.

— Так ты...

И расхохотался.

— Это смешно? Объясни, посмеемся вместе.

Я вроде бы не понижал голос, не вкладывал в него угрозу или что-то подобное, но Хозе быстро оборвал свое веселье.

— Да ладно, я не со зла. Понятно, что ты про неё не подумал, на тебя же такие бабы вешаются!

Ну наконец-то! Значит, речь идет об интимном общении с начальницей?

— Предлагала, вспомнил?

И пытаться не буду. Потому что ничего такого не было. Вот только стоит ли рушить версию Хозе?

— Ты не думай, я не в обиде. Женщины всегда так, если что не по ним, душу вынуть могут. Тут уж держись!

Держаться пришлось, кстати. На поворотах, потому что, как пояснил напарник, не превышая скорость, мы бы добрались до муниципалитета уже в ночи. Но прибытие в место назначения вовремя оказалось только половиной проблемы.

— Разве карнавальная неделя начинается сегодня?

— Для нас — да, — вздохнул напарник, вручая мне цветастый сверток.

Никто бы не умер, конечно, надев нелепо раскрашенный жилет и головной убор, похожий одновременно на кепку, фуражку и подшлемник. Но застрелиться бы захотел. Или повеситься.

— Это вообще что и зачем?

— Форма. Парадная, — сплюнул Хозе под переднее колесо.

— Тот, кто её придумал, у него... С головой как было?

— Почему было? И сейчас никак нету. Директорской дочки творение. Она ж художница известная.

— От слова «худо»?

— Ага.

— А нам обязательно...

— Штраф платить хочешь?

— За что?

— Нарушение регма... реглан...

— Регламента?

— Его самого.

— Нет уж.

— Тогда вперед!

Стеклянные двери в холле порадовали отражением двух клоунов со складными тележками. А вот лицо администратора не дрогнуло ни единой черточкой: видимо, цирковые бригады вроде нашей бывали здесь достаточно часто. Настолько часто, что долгих разговоров не требовалось.

— Отдел попечения и библиотека.

— Что возьмешь? — спросил Хозе.

Судя по вожделенному взгляду, брошенному в сторону лифта, коротышке явно хотелось прокатиться на этом чуде техники. Что было мне очень даже на руку:

— Давай, прогуляюсь туда, где книги.

— Тогда во дворе встречаемся, ладно?

Точно, будет развлекаться. Ну и пусть. Главное, чтобы мне хватило времени.

— Как скажешь.

Библиотека располагалась на первом этаже и частично в подвале. Вряд ли это хорошо для бумаг и бумажной продукции, зато служащим и мусорщикам заметно облегчает жизнь: стянутые бечевкой кипы сулили не один и даже не десяток рейсов к мусоровозу. А ещё то, что предназначалось на выброс было...

Почти новым?!

— Это же газеты за прошлый месяц?

— Ага, — зевнула женщина, раскладывая по столу стопки картонок.

— Разве они не должны храниться дольше? Год, два или сколько там положено?

— Не, пара месяцев от силы. Потом все переводится в цифру. Недавно программу приняли.

Экономия средств и ресурсов? Да, что-то такое было. Обсуждалось довольно активно. Но каким образом архивы...

— Можно, я в базу загляну? Заметку одну хочу найти, а то мы с ребятами поспорили...

— Да пожалуйста.

Терминал тоже был новенький. Аж сиял. И чистота клавиатуры, скорее всего, оставалась бы девственной ещё долго, если бы не мой интерес.

Сентябрь, август, июль... Нет, это все слишком позднее. Что у нас значимого случилось, скажем, в январе? А, новогодний бал! Унылое мероприятие, радующее только местных кумушек, но меня туда таскали регулярно. И костюмы, кстати, заставляли надевать не менее отвратительные, чем... Вот, нашел. Картинок — на целый разворот. В тексте моё имя вряд ли упоминали, но снимали, вне всякого сомнения. Потому что официальные постановочные фото...

Что за ерунда?!

Сначала я подумал, что это брак матрицы монитора. Бывает, несколько пикселей сбоят, особенно когда оборудование закупается через пятые руки. Но перемещение изображения по экрану ничего не меняло: там, где на снимке должно было находиться моё лицо, неизменно оказывалось мутное пятно. В каждом издании, которое я не поленился проверить. Выборочно, за разные годы.

Оставалось только поаплодировать тому, кто все это провернул. Правда. И когда только успели? Это же уйму времени надо было потратить. Программе одной явно было не

справиться, значит и операторы работали. Много операторов. Очень много. И очень четко: тронули только меня, можно даже разглядеть границу между оригинальным изображением и заплаткой. Bravo! Что тут ещё скажешь?

— Нашли, что искали?

Скорее, потерял.

— Да, спасибо. Это все, что нужно было забрать?

— Через неделю снова накопится, тогда и заходите.

Ага, непременно.

Пожалуй, это была моя последняя надежда. Разумная, логичная, основательная и... Катастрофически погибшая. Нет, если уж заметать следы, так от начала и до конца, это я понимаю. И все-таки, почему бы хоть один раз, всего один раз, Господи, слышишь? Ты играешь честно, согласен. Но неужели так уж никогда и никому не поддаешься?

* * *

Хозе во дворе не наблюдалось. Более того, он не появился ни через пять, ни через пятнадцать минут. Учитывая, что архивные исследования задержали меня намного дольше, чем требовалось для перевозки мусора, можно было начинать беспокоиться. В конце концов, лифты, как и все в этом мире, имеют привычку ломаться.

В отдел попечения пришлось подниматься по лестнице. С тележкой, чтобы иметь возможность объяснить свое присутствие на этаже. И она недолго оставалась пустой.

— Ну слава богу, а то я уж хотела закрывать! — в растянутый на креплениях мешок дружной стаей полетели лохматые папки.

Спрашивать, не видели ли тут где-нибудь рядом Хозе, было уже лишним делом. Оставалось только терпеливо ждать, пока тараторящая о ненормированном рабочем дне женщина опустошит шкаф с потерявшими актуальность документами. Бумаги набралось порядочно, но все же меньше, чем в библиотеке, и везти груз было легко. Правда, торопиться я не собирался. Плелся по коридору нога за ногу, гадая, успеет ли напарник за это время утолить свою тягу к развлечениям. Конечно, поиски можно было продолжать и дальше, но свободно гулять по этажам? Несколько рискованно. Кто знает, вдруг ещё каким отделам и секторам приспичит вынести мусор?

Вечером муниципальный совет, наверное, ничем не отличался от любого другого учреждения: часы пробили семь, служащие прошелестели на выход, и жизнь остановилась. Кое-где раздавались звуки уборки и шаги припозднившихся работников, но они едва-едва разгоняли тишину. А вот голоса в ближайшем ответвлении коридора прозвучали вполне ясно.

— Позвольте вам представить общественного консультанта, сеньориту Толлман. Она, как непосредственно занятый в проблеме специалист...

Джозеф? Что он здесь делает? То есть, это нормально, когда сенатор посещает подчиняющийся ему орган власти, но где все остальное, полагающееся случаю? Кортёж, свита и прочие милые мелочи?

— Очень приятно.

— И мне, сеньора.

Голосок Глории как-то странно дрожит. Волнуется девушка? Ну ещё бы! Не каждый же

день с высшими лицами приходится разговаривать. Зато вторая женщина вполне спокойна. Как дремлющий аллигатор. И кажется, где-то я уже слышал этот характерный акцент.

— Хочу добавить, что отчеты, составленные сеньоритой, всегда были безукоризненны. Надеюсь, на это и впредь.

— Разумеется, сеньор сенатор!

— Возможно, мисс Кейтель захочет задать вам несколько вопросов, поэтому заранее предупреждаю: вы имеете право отказаться от беседы, но это было бы... Вы меня понимаете?

— О, что вы, сеньор! Любые вопросы, без проблем.

Интересно, она, так отвечая, вытягивается по стойке «смирно»?

— Я назначу время позже, если вы не против.

— Как вам будет угодно.

— Собственно, я собирался показать мисс Кейтель типовой отчет. Вы можете предоставить нам что-нибудь в качестве образца, сеньорита?

Пауза. Впрочем, совсем крохотная.

— Сеньор сенатор, видите ли...

— Какие-то трудности?

— Дело в том, что эти отчеты, как и любая документация нашего отдела, подлежат определенному сроку хранения, после чего...

— О, кажется, я понял, что имеет в виду сеньорита. Архив сдан на утилизацию?

— Да, сеньор сенатор. Только вчера. Если бы я знала, что он понадобится...

— Ничего страшного. Я подожду, пока вы подготовите новые бумаги. Сожалею, что вам придется ускорить график.

— Я сделаю все, что смогу, сеньор сенатор.

— Сколько вам потребуется времени? За неделю справитесь?

— Да. Даже быстрее. Намного быстрее.

— О, не торопитесь сверх меры! Мне нужна качественная работа, как и всегда.

— Я поняла, сеньор.

— Сообщите, когда все будет готово. Жду. А теперь, мисс Кейтель, позвольте мне продолжить нашу небольшую экскурсию по...

Голоса начали удаляться. Мужской и женский. Вместе с неторопливыми шагами. Больше никаких звуков слышно не было, а значит, Глория оставалась стоять, как вкопанная, там, где её настигла встреча с сенатором.

Я тоже не двигался. Некоторое время. Минуты полторы примерно. Потом покатил тележку прямо вперед, ко второй лифтовой шахте. В конце концов, не мог же Хозе одновременно находиться в двух противоположных крыльях здания?

— Мусорщик? Подожди!

Да, она все ещё стояла там, за поворотом. А потом сорвалась с места, как ужаленная.

Цок-цок-цок. Шмыгнула в дверь ближайшего кабинета. Цок-цок-цок. Вылетела обратно, прижимая к груди несколько папок. Метнулась ко мне, не глядя швырнула свою ношу в разверстную и почти досыта наевшуюся пасть мусорного мешка, прынула обратно.

Все это мельтешение происходило на периферии моего зрения: поворачиваться, чтобы яснее разглядеть обстановку, а заодно дать повод себя узнать, я не стал. А как только Глория вернулась к кабинету, продолжил движение.

В обрывках подслушанного разговора и том, что случилось дальше, было много

странного. Может быть, даже все подряд.

Сенатор в присутственном месте в неурочное время, да ещё в компании неизвестной дамы? Подозрительно. Такие прогулки обычно совершаются, чтобы что-то скрыть. Неофициальные дела с мелкой служащей муниципалитета? Ещё загадочнее. Какими достоинствами обладает сеньорита Толлман, если её услуги востребованы высшим должностным лицом Санта-Озы? Отчеты, говорите? А на что тогда сенатору команда талантливых аналитиков, выписанных из разных уголков мира?

Конечно, есть вероятность, что все это — секретная операция. По крайней мере, держащаяся в тайне от значительного количества лиц. Но в чем она заключается? Неужели Джозеф ударился в заговоры? Вряд ли. Он может прятать нечто личное, это да. И если так, то участие мелкой сошки, которой легко пожертвовать, объяснимо. Глория, как расходный материал. А вот спутница сенатора — птица явно другого полета.

Вспомнил, где мы с ней встречались! В полицейском управлении. Иностранка, ведущая себя, как хозяйка положения. Женщина, выбирающая духи с запоминающимся ароматом. Уже дважды я заставал её в обществе сенатора, и это больше, чем совпадение. Откуда же она взялась? Мне мисс Кейтель не представляли, уверен. В сенаторском доме она не появлялась, в резиденции тоже. Такое впечатление, что и возникла-то она лишь совсем недавно.

Да, тут есть, над чем поразмыслить. В отличие от другого обстоятельства, очень настораживающего: вот там все ясно, как божий день. Глория оказалась врушкой.

Женщины любят недоговаривать, и это им зачастую прощается. Но несколько минут назад я стал свидетелем прямого, можно сказать, возмутительного обмана. А улики лежат в пределах досягаемости. На расстоянии руки. Краснеют корешками из мешка.

Нет, по дороге я их не открывал. И в лифте сохранял полнейшее безразличие. И во дворе. Начал читать, только когда забрался в кабину.

Они были совсем тоненькие, эти папки. Буквально по листку в каждой, похожему на анкету. Имя, место жительства, семейное положение, статьи доходов. Такие сведения могли запрашиваться налоговой службой, службой социальной поддержки, жилищной комиссией. Ничего необычного. Несколько ничем не выдающихся людей.

Серхио Гомес. Марта Гонсалес. Педро Перейра. Леон Валеньес. Эвита Алонсаго. Ана Веласко. Аврелия Погги. Родриго...

Стоп!

Ана Веласко?

Двадцать семь лет. Не замужем. Детей нет. Близких родственников нет. Получатель пособия на общих основаниях. За последний год сменила несколько временных мест работы.

Снимок не впечатляет: обычная женщина. На улице из толпы не выделится. Впрочем, и остальные в этом смысле похожи на пропавшую. Толком нигде не работающие, не обремененные семьями, все живут в Низине, не отмечены посещением полиции даже по личной инициативе. Прямо-таки невидимки.

И стоило ради унылой ерунды лгать сенатору?

Должно быть, стоило.

Папки я кинул в кузов. В отсек для макулатуры. Пустые, конечно: анкеты сложил вместе и спрятал в карман комбинезона. Попутно старательно отметал мысль о том, что если меня прихватят с этими документами, окажусь соучастником. Весь вопрос, чего именно?

Хозе появился на горизонте как раз вовремя, чтобы не позволить мне задремать. Подошел вразвалочку, всем видом показывая, что он тут главный, и равнодушно спросил:

— Бить будешь?

Может, и следовало бы. Если бы чужое легкомыслие не подарило занятную задачку моим мозгам.

— Я за тебя отработаю. Когда скажешь.

Отличная манера извиняться. С истинно аристократическим достоинством. Народный патриций, не больше, не меньше.

— И давно тебя от лифтов прёт?

Он гордо поднялся в кабину, завел двигатель, деловито осмотрел приборы.

— Ладно, молчу.

— Мама меня с собой взяла. Когда пособие подтверждала. Я ещё был совсем маленький.

— На пару дюймов меньше, чем сейчас?

— Просто маленький, — вяло огрызнулся Хозе. — Я до этого выше наших крыш ни разу не поднимался.

А крыши в Низине — максимум три человеческих роста. Да, для жителя одноэтажной равнины здание муниципалитета, вздымающееся над парком, может стать самой настоящей мечтой. И я хорошо это понимаю. Сам ведь тоже норовил все время забраться повыше. К самым небесам. Туда, где кажется, существует совсем иная жизнь. А ещё хочется верить, что если задержишься там подольше, то сможешь стать её частью. Навсегда.

— Ты в следующий раз предупреждай просто: я бы выспаться успел, пока ты катаешься. А то Долорес нам завтра выдумает очередное задание, а сил на него не...

— Завтра? — задумчиво сдвинул брови Хозе. — Нет, завтра ничего она сделать не сможет. Завтра выходной.

* * *

Что делает нормальный человек по выходным? Среднестатистический гражданин после рабочей недели, так сказать? Понятия не имею. Семья сенатора никогда не отдыхала в полном смысле этого слова: в любой момент могли случиться официальные встречи, прием высоких гостей, вояж на общественное мероприятие и прочая чушь, определяющая быт тех, кто находится при власти. Постоянное ожидание, вот что помнилось мне из прошлого. Поначалу томительное, потом напряженное и под конец — привычно-ленивое. Подозреваю, что мог от всего этого отказываться, если бы захотел. И мама явно чувствовала бы себя счастливее в моё отсутствие. Так нет же, болтался хвостом то туда, то сюда. Считал необходимым. Думал, что будет польза. Получал знания и умения, да. Вот только отдыхать не научился.

Пауза между трудовыми буднями, наверное, должна быть эдаким водоразделом, резко меняющим течение жизни. И режим совсем другой. Скажем, сон не меньше, чем до рассвета. Или до полудня. Плюс расслабленность всего организма, а не дурацкая дрожь где-то глубоко внутри.

Я встал из постели, то есть, из кресла, когда понял, что глаза не хотят держаться закрытыми. Сварил кофе. Выдул на балконе две чашки подряд. Посчитал звезды. Погулял вокруг дома. Сходил за водой. Вымыл Хэнка. Постоял под душем сам. Снова отправился на кухню кофейничать.

— Ты чего по дому шатаешься? Рано ещё, — сладко зевнула Лил, кутаясь в очередную дырявую шаль.

— Да так. Спать не хочу.

— А чего хочешь?

Она протиснулась между мной и столом, заспанная, но уже вполне готовая шагнуть на свою любимую дорожку.

— Ничего не хочу.

— Хорошо подумал?

Уточнение прозвучало странно. Слишком многозначительно.

— Хорошо-хорошо.

— Ура!

Взгляд знакомо-озорной, сон как рукой сняло... Ой, не к добру это.

— Раз у тебя на сегодня никаких своих желаний нет, будешь исполнять мои!

Можно было догадаться, куда она клонит. Вернее, склонится. И можно было этого избежать. Не догадался вовремя? Ну и ладно. Но все же нужно уточнить:

— Сегодня у меня выходной.

— Сегодня у всех выходной! Большой день. Лучший день в году.

Почему вдруг — лучший? Ничего особенного. Кроме, разве что, одного совершенно случайного и незначительного обстоятельства. Если не ошибаюсь в подсчетах.

— Постой, какое сегодня число?

— Четвертое.

Точно. День рождения. Моего. Но Лил этого знать не может. Неоткуда. И хорошо, что не знает, иначе... Уж её «подарок» известен мне заранее и наверняка.

— И что в нем замечательного?

— Ну ты прямо как не здесь родился! — фыркнула девчонка. Правда, тут же спохватилась: — А и верно, не местный же... Ладно, сейчас все расскажу.

Она пристроила пятую точку на край стола, оказываясь чуть выше и соответственно, чуть ближе к моему лицу.

— Ты святцы знаешь?

— Примерно. Наизусть не учил.

— Четвертого октября кого во всем мире почитают?

Ну, вряд ли во всем. Скорее, только в католическом. Но на заданный вопрос отвечу без запинки:

— Святого Франциска.

— Вот! А что он по жизни делал, знаешь?

Не «по жизни», а при жизни. Глупил страшно. Примерно как и я.

— Он... э...

— Делился с бедными. Всем, что имеет.

Упрощенно говоря, да. На самом деле в судьбе человека, именем которого меня назвали, случалось и многое другое. Всякое разное. Но да, такой нелепый поступок, как снять с себя все до нитки и отдать первому встречному — самый запоминающийся подвиг для сознания простого смертного.

— А сегодня другие будут делиться!

И впрямь что-то смутно припоминается.

Служба в соборе состоится тематическая, без вопросов. Страстная или проникновенная,

по выбору падре. А дальше? Обычно устраивались посиделки кумушек, то в одном доме, то в другом. Больше всего меня устраивало, когда жребий падал на усадьбу Арриба: можно было улизнуть вместе с Хэнком подальше от женских бесед. На полном основании. Конечно, мы и в других ситуациях старались избавиться от необходимости внимать чопорному щебетанию представительниц высшего света Санта-Озы... За что и получали сполна. Взыскания, если можно так выразиться.

— Чем делиться?

— Вещами, — мечтательно закатила глаза Лил. — Красивыми.

Она про благотворительную ярмарку, что ли, говорит? То есть, раздачу ненужного?

— И можно будет брать все-все, что захочешь!

Ага, картинка проясняется.

— А я тебе нужен в качестве одной верблюжьей силы?

Кажется, девчонка не совсем поняла, что именно я сказал, но уверенно заявила:

— Ты сильный!

— Ещё скажешь, проповедь слушать придется?

— Не хочешь идти в собор?

А теперь почему-то обиделась. Надулась. Ещё немного, и пустит слезу.

— Да мне все равно.

— Падре надо слушать. Он умный. Он знает, как все должно быть.

Ну да. По книжке. Старой, заковыристой, путанной и противоречивой. Впрочем, если выбирать оттуда нужные цитаты, получается вполне складная история. Не убий. Не прелюбодействуй. Не укради. Не...

Как должно быть, говоришь? Ну-ну. Мне вот помнится призыв из детства: почитай отца и мать своих. Только Библия обходит стороной некоторые моменты. Например, как можно чтить человека, торгующего своими детьми? Ведь он именно так и поступал. Отец.

О, формально и официально это, конечно, называлось иначе! Для красоты. Для собственного успокоения. Ради соблюдения приличий. Но имя — одно, суть — другое. А если к тому же ещё и мозги вскипят от осознания великой миссии ради будущего всего человечества...

Как сейчас понимаю, ему об этом напели. Доброжелатели или враги, неважно. Главное, попали в цель. Не знаю, умным он был человеком, мой отец, или недалеким, но поддался соблазну очень легко. Возомнил себя полубогом или что-то вроде. Уверовал в собственную исключительность и начал требовать того же ото всех окружающих. Первыми под раздачу попали, конечно, мы с мамой. Я в меньшей степени, как-никак, все же плоть от плоти. Елена-Луиза... М-да.

— Знает. Умный. И все его слушают. Куча народу же ходит, да? Значит, они тоже знают, как и почему должно поступать?

Лил чуть подумала, но согласно кивнула.

А ещё могут найти себе оправдания. Строф много, одна половина противоречит другой, так что вариантов уйма. Наверное, я бы тоже придумал, чем объяснить содеянное. Подвести базу из священных текстов. Только глупости все это.

Я делал то, что понимал правильным и нужным. И если в тот миг моей рукой водил Ты, Господи, то нам, чтобы понять друг друга, уж точно не нужны слова третьих лиц, записанные четвертыми.

— Ты все равно не хочешь.

Кажется, вздохнула. Огорченно.

— Это для тебя важно? Сходить на службу?

— Я всегда хожу.

Осеклась. Задумалась. Тряхнула волосами, словно избавляясь от назойливого насекомого, и добавила:

— Ходила.

На всех языках, даже на языке жестов, это означало одно-единственное: потенциальную готовность нарушить правила своей жизни ради...

Ну да, каприза другого человека.

Откуда в ней вдруг взялась податливость? Ведь во всем остальном упирается так, что не сдвинешь. Или это очередная уловка? Ловушка, расставленная на меня? Уступить сейчас, чтобы потом требовать соответствующей компенсации?

Правильно говорят, что дурной пример заразителен. И не нужно гадать, где и от кого Лил подцепила склонность манипулировать людьми. С одной стороны мамбо, с другой — святой отец. Оба имеют на девицу виды, оба стремятся к поставленной цели, не брезгуя использовать чужие души. А у меня...

Ни видов, ни целей. Зато тошнит от того, чему был вольным и невольным свидетелем. Хотите прибрать Лил к рукам? Без моей помощи, пожалуйста. И да, если ещё не поняли, смекайте побыстрее: я буду фильтровать ваши поползновения. Все и всякий раз, когда смогу это делать.

— Надеюсь, в собор ты накинешь на себя что-то менее рваное?

Пожалуй, день Святого Франциска — самый странный день года в Санта-Озе. Двадцать четыре часа, переворачивающие мир с ног на голову. Конечно, потом все вернется на круги своя, но целые сутки напролет знать прячется в тени, а нищета нежится в лучах яркого солнца. Фигурально выражаясь.

Распознать все равно легко и тех, и других: различия как были, так и остались, только перекочевали из лагеря в лагерь. Обитатели Вилла Альта достали из закровов нарочито скромную одежду, жители Низины натянули все самое шикарное, чем обзавелись на предыдущих «днях дарения». И лишь застрявшие посередине люди из Вилла Лимбо никогда не знали, что делать, чтобы хотя на одной из сторон их приняли за своих.

Раньше это не так бросалось в глаза. Мне. Три четко определяемых группы? Ну и что? Удобно? Да. Значит, не стоит копать глубже.

Заложники собственных предрассудков. Странно, что они по-прежнему не хотят уступать. Противостояние ведь всегда вытягивает силы, а слияние с Вилла Баха могло бы создать на политической сцене куда более значимую и могущественную...

— Вы пришли сюда в особенный день и вправе ожидать подтверждения этому. Но я скажу: каждый день нашего бытия — особенный. Каждый день отмечается в календарях наших жизней поступками, которыми мы совершаем. Деяниями, несущими в мир то, что рождается внутри нас. Свет наших душ. И тень, если тьма хозяйничает в сердце.

Он умеет говорить. Падре. А ещё, как ни нелепо это звучит, он словно бы всякий раз и сам удивляется произнесенному. Как будто вдохновение снисходит прямо сейчас. И искренне верится, что святой отец никогда не пишет на бумаге ни слова из будущей проповеди.

— Даже дня в году бывает довольно, чтобы изменять мир и изменяться вместе с ним. Свою жертву мы вправе определять по собственному разумению, но как нет ничего невозможного для Господа, так не существует границ и для тех, кто желает прийти к Нему. Говорят, что первый шаг труден. Я скажу, что и второй не покажется вам легким. И третий. Ибо взлетать всегда труднее, чем падать.

Прописные истины. Повторяющиеся, знакомые от первого слова до последнего, зазубренные памятью наизусть. Потертые и выцветшие, как рубашка, которую откопал в сундуке. Только утратила ли она свою суть? Ни черта подобного. Как прикрывала спину и грудь, так и прикрывает.

Потому люди и слушают. Приоткрыв рты. Не отрывая взгляда от проповедника. Правда, не все. Вот Лил, к примеру, задрав голову, глазеет отнюдь не на падре.

— Куда ты смотришь?

— А?

— Там что-то интересное происходит?

Она ещё раз коротко взглянула наверх. На галерею, по которой ещё совсем недавно любил прогуливаться...

Я?

— Не знаю. Наверное, мне показалось.

Нехотя повернулась в нужную сторону. К алтарю.

Когда кажется, крестятся. И уж, во всяком случае, не пялятся на протяжении четверти

часа в одну точку. Что девчонка хотела увидеть? И главное: что вообще могла разглядеть?

Между теми резными колоннами никто никогда не ходит. Разве что служки, прибираясь. Смахивая пыль. Слишком высоко, слишком неудобно подниматься. Да и делать там нечего. Пустота, как она есть. Да, можно любоваться убранством собора, это я понимаю. Но напряженно смотреть в строго определенном направлении...

Она так делала раньше. Много раз. Это явно привычка, выработанная и закреплённая тщательными повторениями. Вот только налицо одна нестыковка: Лил смутилась. Не потому, что её застукали за чем-то постыдным, нет. От растерянности. Так бывает, когда действуешь автоматически, а тебя вдруг просят объяснить, что к чему. И зависаешь тогда напрочь.

«Ты казался ангелом, вознесённым надо всеми.»

Откуда в памяти взялись эти слова? Что-то ведь совсем недавнее. Но Лил не могла такое сказать. Да и не говорила: наши беседы-стычки я помню со всеми подробностями.

— Вступайте в новый день, почитая день прошедший и принимая его итоги душой и телом, и одно всегда подскажет другому, грехом или благочестием отмечены ваши деяния!

Высоко над головами зазвенели колокола. Птичьими трелями, радостно и беспечно.

Праздничные службы у падре Мигеля никогда не бывали долгими. Видимо, из чувства человеколюбия: в собор набивалось столько народа, сколько успевало, и большая половина стояла на своих двоих, слушая священническое напутствие. Она же дружно ринулась к выходу, едва колокольный гомон начал стихать.

— Ну что же ты? Идем скорее, а то не успеем!

— Куда?

Рукав затрещал. И ладно бы по шву, так нет, наискось через локоть. Старая ткань, чего ещё от неё можно было ожидать?

— Все без нас разберут!

Интересно, старые привычки всегда норовят вылезти на свет божий в самый неподходящий момент? Мы со службы обычно уходили в последних рядах, в тишине, по мраморному простору, а не...

Спины. Плечи. Локти. Бедрa. Дыхание, которое горячее воздуха. Прямо в загривок хорошо, что не выше.

— Держись строго впереди, понятно?

Лил с её юркостью вряд ли нуждалась в дополнительной опеке. Но послушалась. Замедлила шаг, норовя прижаться.

— Эй, чего размахался?!

— За собой следи!

Он тут же перешел от слов к действиям, кто-то из толпы, спешащей к выходу. Пихнул кулак мне под ребра. К сожалению, попал и наверняка довольно ослабил. Надо было развернуться и, со всей дури...

Макушка Лил качнулась.

— Ты зачем падать собралась?

Нет, никаких больше праздников. Это же столпотворение, а не душеспасительное собрание. Если уж девчонке до смерти захочется послушать умные речи падре, лучше попробовать договориться о личной беседе. И скорее всего, будет сложно, он ведь один такой на весь город.

Да, в прошлой жизни для меня подобных проблем не стояло: в любой момент, по любой

прихоти. Как представитель небесных властей откажет приближенным к высшей власти мирской? Правда, больше походило на то, что это падре ищет со мной встречи, а не я с ним. Явно мама старалась. Даже понимая всю бессмысленность происходящего.

— Под ногу что-то попало.

Она весила побольше Генри, но до ступенек моих сил хватило. Для переноски на руках. А там можно было расслабиться и отдышаться раскаленным, но куда более чистым воздухом.

С крыльца собора толпа потекла на площадь, только уже не плотным потоком, а сотней ручейков — строго по количеству рядов, проложенных между споро развернутыми палатками и лотками. До начала службы здесь не было ни души, ни предмета, только полированные каменные плиты, а теперь громоздилось огромное торжище. С виду. А в действительности — рынок, на котором не будет совершено ни одной покупки.

— Идем! Ну идем же!

Теперь можно было не опасаться за Лил: народ рассосался по разным прилавкам, освобождая проходы. Правда, если она захочет пробраться поближе к товару, бока все же намнет.

— Не отставай!

Ряды с мебелью и домашней утварью девчонку не заинтересовали: просквозила мимо и нырнула туда, где над головами колыхались яркие флаги одежды.

Все это было новым. В крайнем случае, едва ношеным. Популярным решением также считалось выставить что-нибудь, единственный раз надетое на общественно-значимое мероприятие. Вот за такие шутки, засветившиеся на страницах газет, тут, наверное, дрались яростно. Конечно, вряд ли победитель станет носить это шикарное платье или костюм, скорее, повесит в доме на видное место. Ради хвастовства. Или раз в год сюда принарядится.

— Ну где ты там?

Если в начале одежных рядов люди толкались активно, то по мере углубления обстановка становилась все спокойнее. Даже чопорнее. Никто уже не верещал, не метался из стороны в сторону: вели себя чинно и сдержанно. А причина чудесного преображения толпы выяснилась довольно быстро. Сразу, как только я добрался до восхищенно застывшей над одним из лотков Лил.

— Смотри, какая красота!

— Тебе-то она зачем?

Совсем иные нотки в голосе. Нарочито гордая осанка. Отутюженные стрелки и складки везде, где они проложены согласно фасону. Но человек-то все тот же.

— А мне не для себя.

Карлито умеет владеть собой, когда это требуется. Например, при исполнении служебных обязанностей. Но здесь не дом сенатора, а Лил не входит в число уважаемых людей, поэтому выражение смуглого лица перестало быть просто высокомерным. Превратилось в презрительно-злое.

— Да все твои друзья в этом утонут!

— А вот и нет!

Размер одежды, на которую положила глаз девчонка, и впрямь был достаточно большой. На крупного мужчину. Почти что на...

Интересно, это весь мой гардероб или носки-галстуки прислуга себе уже прикарманила?

— Как ты долго... Хорошо, что тут никого не было. Мы первые!

Конечно, не было. К шмотью senatorской семьи не каждый рискнет подойти. Кто-то побоится, кто-то по идейным соображениям пройдет мимо.

— Давай возьмем тебе рубашку? Взамен рваной?

Можно подумать, это я её порвал.

— Должна быть впору: такая же большая, как и ты.

И будет впору. Помню, как мерки снимали. На вырост, кстати, так что ещё довольно долго смогу носить. Даже если слегка раздамся в плечах.

— А цвет какой... Как небо!

Вообще-то, он называется «королевский синий». Но да, небо наверху, над нами, примерно того же колера.

— Примеришь? Ну примерь, ну пожалуйста!

Взгляд Карлито медленно, но верно начал наливаться бешенством. И только поэтому я позволил Лил стащить с меня испорченную рубашку.

Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы понять: парень рассчитывал заполучить эти вещи в свое пользование. Может, не все, но конкретную синюю тряпку — совершенно точно. Помню, как он смотрел на неё всякий раз, открывая шкаф. С жадностью и жаждой. Строго говоря, она бы ему пошла, эта рубашка. И к глазам, и к цвету кожи. Выглядела бы куда эффектнее, чем на...

— Это что такое?

Уфф! Зачем пальцем-то тыкать прямо в синяк?

— Задели. Случайно.

— Кто посмел?!

Руки в бока, перышки в стороны. Боевая колибри, одно слово.

— Забудь. Проехали.

Не признаваться же, в конце концов, что нахал ушел от возмездия только потому, что я расставил приоритеты в другом порядке? Ещё загордится. Хотя куда уж больше?

— Болит?

Если не трогать, можно не обращать внимания.

— Давай, поцелую и все пройдет?

— Рубашку давай!

Да, пока садится хорошо. Чуть плотнее стала по плечам, но оно и понятно: мышцы пошли в рост от нагрузок. Надо будет скорректировать, чтобы развитие шло гармонично и...

Господи, о чем я думаю? На кой черт теперь нужны старые правила? Разнесет? И пусть. Может, люди бояться начнут, и мне спокойнее будет.

— Прямо как на тебя сшита!

А сплюнул-то как зло... Завидует. Понимает, что мечту уводят из-под носа.

— Возьмем? Смотри, как тебе хорошо!

Я бы посмотрел, но из зеркальных поверхностей в моем распоряжении только взгляды. У Карлито — слишком мутный. У Лил — слишком сияющий. Слепнуть можно, если заглянуть.

— Ладно, уговорила.

— А это не хочешь примерить?

— Одну вещь в одни руки!

— А у нас двое рук на двоих!

Язык у неё розовый, длинный и острый. Причем буквально: заметно сужается к кончику.

— Сказано нет, значит, нет!

— Это кто сказал? Ты, что ли? А ты вообще тут кто?

Согласно историческим исследованиям, в давние времена принято было пускать вперед женщин. Туда, где можно встретить угрозу. И ученые полагают, что причиной тому была низкая стоимость женской жизни. Наивные глупцы, что ещё можно сказать? Если пустить вперед кого-то вроде Лил, идущей следом фаланге рыцарей просто нечего будет делать: девица изведет врага собственноручно. Вернее, собственноразлично.

— Что за крики? Карлито, я слышала твой голос. Возникли какие-то проблемы?

О, а вот и кавалерия прибыла. Амазонки. В количестве всего двух, зато каких!

С матерью Хэнка я был знаком не слишком хорошо. Сеньора Тереса Томмазо дель Арриба мудро оставляла своему сыну простор в личной жизни и никогда не навязывала свое общество молодым людям без особой на то нужды. Её легко было представить на террасе с вязанием или вышиванием, ещё легче — окруженной стайкой внуков и правнуков. Очень домашняя женщина. И обычно очень спокойная, в отличие от сегодняшнего дня. Но к восстановлению порядка приступила вовсе не она, а та, кому это полагалось, так сказать, по должности.

— Я задала вопрос, Карлито.

Элена-Луиза бывает строгой чаще, чем это можно предположить, глядя на хрупкую фигурку и набожно скрещенные на талии ладони.

— Простите, сеньора. Это больше не повторится.

Ага, сразу пошел на попятную. Значит, ему все-таки попадало от моей матери? Странно. И когда только успевала?

— Охотно верю. Однако, может быть, расскажешь, что именно ты обещаешь не повторять?

Лицо Карлито начало каменеть. Наверное, он смог бы таким образом отмолчаться и отделаться от неприятного разговора, но в спектакле были заняты и другие актеры. Причем не на последних ролях.

— Он не хочет отдавать нам одежду!

— Вот как?

Элена-Луиза ласково и чуть рассеянно улыбнулась, поворачиваясь к виновнику беспорядков.

— В следующий раз тебе непременно стоит послушать службу. Я позабочусь о том, чтобы так и случилось. А пока будь любезен следовать инструкциям. Даже если сердце велит тебе иное.

Все, о Карлито можно забыть. Как об активном участнике событий. Он ещё долго будет бешено дышать и смотреть налитым кровью взглядом, но не посмеет ни открыть рот, ни двинуться с места.

— Берите все, что пожелаете, молодые люди. Надеюсь, эти вещи принесут вам пользу.

— Они хороши, Элена, — мать Хэнка провела ладонью по другой рубашке, сливочно-белой. — Очень хороши. Но я не видела их на твоём муже.

— Это не его.

— А чьи же? Их много, подобраны со вкусом... Целый гардероб. Готовила кому-то подарок?

Элену-Луизу, оказывается, тоже можно смутить?

— Я... не помню, по какому случаю их покупали. Может, действительно, хотели подарить. Твоёму Алехандро, например.

— О, Алехандро! — теперь помрачнела и Тереса.

— О нем что-нибудь слышно?

— Ни слова. Раньше он никогда не уезжал так надолго, не поставив нас в известность. Хотя, разумеется, дела бывают разного свойства. Его могли вызвать в один из филиалов компании по конфиденциальному вопросу, и тогда это все объясняет.

Как все просто. Выходит, Хэнка пока не хватились? Бизнес и все такое прочее — отличная отговорка. Удобная, логичная, успокаивающая. А впрочем, и хорошо, что не бьют тревогу. Потому что если начнут звонить во все колокола...

Я бы лично не смог посмотреть в глаза его матери. Виноват, не виноват, неважно. Хэнк был со мной, а теперь его нет. Надеюсь, что нет только пока.

— Удачных вам приобретений, молодые люди!

— Спасибо, сеньора!

Ох, какие мы гордые... Правда, повод есть: не с каждым супруга сенатора запросто разговаривает посреди бела дня.

— Вот это нам заверни. И это. И ещё вон то!

— Тут тебе не магазин, малявка.

Так шипит змея в траве. На занесенную над ней ногу.

— Слышал, что тебе велели?

По части стервозности они, пожалуй, примерно равны. Моя мать и Лил.

— Не поленюсь ведь, догоню сеньору. И когда она узнает, что её приказания у прислуги в одно ухо влетают, а в другое выле...

Вряд ли девчонка намеренно произнесла это ненавистное для Карлито слово. «Прислуга». Скорее даже не задумывалась, а говорила о том, что видит перед собой. Правду говорила, то есть. Правду, от которой у сына Консуэлы всегда сводило скулы.

Конечно, он не полезет в драку. Нет, вовсе не потому, что перед ним особа женского пола. Она живет в Вилла Баха, а значит, не стоит и короткого взгляда. Она — букашка, ползающая где-то внизу, тогда как сам Карлито...

— Они всегда нас побеждают. Не стоит зря тратить силы на такую борьбу.

— А на какую стоит? — огрызнулся мой прежний слуга. — На твою, над которой смеются все, кому не лень?

А вот это новость. И не слишком приятная для Эсты. Хотя, справился он достойно: почти не дрогнул лицом. Так, скривился немного, притворяясь, что улыбается.

— И тебе хорошего дня, Карлос.

Возможно, не держи Норьега под руку белокурую сеньориту Толлман, разговор между двумя приятелями вышел бы более мужской. На языке увесистых жестов, то есть.

— Ты давай, давай! Заворачивай! — Лил почувствовала, что фокус внимания смещается в другую сторону и поспешила напомнить о себе.

— Добрый день. Франсиско, я правильно запомнила?

А смотрит-то как! Пожирает взглядом. Уж не потому ли, что припомнила недавнюю встречу с мусорщиком и...

— Вам идет этот цвет.

На самом деле не очень. Если верить консультации стилиста. Рубашка была заказана исключительно для комплекта. Чтобы я хоть в чем-то гармонировал с одним из парадных выходных маминых нарядов.

— А по мне — слишком ярко. Для Низины.

Она должна была понять намек. Несложно ведь, да? Наши стороны улицы — разные, сеньора, а движение транспорта слишком сильное.

— Яркие пятна случаются повсюду.

Эста соображал быстрее своей спутницы. Самую малость. Впрочем, это и ожидалось: он же был свидетелем нашей невнятной беседы в учебном классе. Но ещё догадливее оказалась Лил. Пока Норьега только собирался предпринять что-нибудь для снятия напряженности, девчонка сграбастала со стола пакеты с вещами и ткнула их в меня. Со всего размаха. А потом повернулась к Глории.

— Ты смотреть смотри, а слюни-то сглатывай!

Служащей муниципалитета не к лицу опускаться до уровня уличной шпаны. Я это знаю, Эста это знает, Лил если не знает, то блестяще следует интуиции. А уж блондинка, допущенная до деловых отношений с сенатором, просто обязана помнить о чести и достоинстве каждую минуту своей общественной жизни. В теории. На практике же...

— А ты макушку прикрывай. Чтобы не накапало.

Пакеты полетели под ноги раньше, чем Глория закончила говорить, но я еле-еле успел ухватить девчонку за талию.

— А ты... А ты... Думаешь, раз живешь повыше, так тебе все можно? И всех?

Лил бешено дергалась в моих руках, стараясь дотянуться до обидчицы хотя бы кончиками пальцев, а Глория и Карлито явно получали удовольствие. Она — от явленного превосходства, он — от маленькой мести, осуществленной чужими руками. И только Норьега не знал, к какому лагерю примкнуть.

Выступить в защиту дамы? Она и сама прекрасно справилась, так что поздно метаться. К тому же, ссора возникла по несколько щекотливой причине. Но мне почему-то подумалось: Эста растерян вовсе не из-за этого.

У него на глазах, прямо перед носом любимая женщина, казалось бы, принадлежащая к тому же социальному кругу, разделяющая мысли и намерения, улыбается, намеренно причиняя боль той, кому должна помогать искренне и бескорыстно... Есть, от чего застыть на месте.

— Пойдем домой.

— И позволить этой... этой...

— Пойдем, я сказал.

Рассыпавшиеся пакеты остались лежать там же, где упали. На поле проигранного боя.

Лил вспомнила о них примерно на полпути к выходу из ярмарочного лабиринта и снова заметалась:

— Мы же забыли... Надо вернуться, а то разберут! Знаешь, сколько тут охотников на чужое добро?

Ага. С одним только-только распрощались. Вернее, с одной.

— Возвращаться — плохая примета. Дороги не будет.

— Ну и пусть не будет! Я не могу, чтобы... Эта женщина, ты видел, как она на тебя смотрела?!

— Забудь.

— Она бы лучше прямо сказала, что ждет тебя в своей постели, так было бы честнее!

Жаркое солнце. Новое, пока ещё незнакомое лицо. Яркая ткань на загорелом от ржавчины теле. И препятствий всего ничего: лишь нелепая тощая девчонка. Нищенка из Низины. Зачем же ждать? Вперед, в атаку! А заодно можно потрепать нервы парню, который ходит за тобой хвостом.

— Да плюнь ты на неё.

— И плюнула бы! Если бы ты не вмешался!

В определенных кругах женские драки — изысканное развлечение. Но там участницы хотя бы получают деньги за свое бешенство.

— Хочется опозориться ещё больше?

— Это ещё почему? Надо отвечать на удар! Иначе себя уважать перестанешь.

— Тебя падре так учил?

Ага, смутилась. Затихла. Позволила поставить себя на землю.

— Не... Все говорят. На улице.

Только вот что-то не все делают. Фелипе заливает свои беды вином. Хозе млеет от катания на лифтах, но даже не помышляет хоть на шаг приблизиться к тому, чтобы видеть эти самые лифты каждый день. Долорес, вместо того, чтобы ухватиться за неожиданную удачу, видит во всем подвох и заговор.

Им хорошо в их нишах. А может, плохо, но они все равно не стремятся прорваться куда-то за пределы своего бытия. Весь вопрос, почему? И почему я сам легко сворачиваю на укатанную дорогу, как только появляется такая возможность?

— Ну хорошо, ответила бы ты. Плевком или ещё как. Неважно. А что дальше?

— Как это что? Я бы показала...

— Свое недовольство. Свой дурной характер. Ещё какую-нибудь чушь. Но разве что-то изменилось бы? Она все равно останется жительницей Вилла Лимбо. И продолжит задирать нос каждый раз при встрече с тобой. А ты будешь по-прежнему носить метку Низины. Столкнулись, разошлись, и все.

Так волна накатывает на берег. Прилив за приливом. А потом возвращается обратно в океан. И только иногда она набирается достаточно силы, чтобы продвинуться чуть дальше, чем обычно и... Разрушить все на своем пути.

Неужели потребуются ещё одна война, чтобы что-то изменилось? Нет. Не дай бог. Если мой голос сможет хоть как-то повлиять на ситуацию, он будет подан против.

— То, о чем ты говоришь, оно... Оно же такое, какое есть. Навсегда.

Совсем посерьезнела. Даже погрустнела.

— Может да, а может, и нет. Если найдутся люди, которые возьмутся за дело...

— Люди?

— Ну, само собой точно ничего не случится.

— Люди...

Задумчиво уставилась себе под ноги. На каменные плиты площади. Вокруг шумела толпа, перехватывающая друг у друга лакомые дармовые вещички, а Лил стояла посреди этой карусели жизни, неподвижная и напряженная. Натянутая, как струна.

— Или один человек. Так бывает, что хватает и одного.

Вздрагнула. Пошатнулась.

— Ну вот, я же говорил: пойдём домой. Ты устала. Да ещё понервничала.

— А тебе не жалко?

— Чего?

— Мы же все бросили... Там.

— Ни капельки не жалко. Я и это могу выбросить. Прямо сейчас. Хочешь?

— Нет, нет, не надо!

Она потянула за ткань, пытаясь помешать. Шов не выдержал такого напора, разошелся.

— Ой! Я все зашью, и будет как новое, вот увидишь!

Откуда эта тяга к тряпью? Как будто оно особенное. Как будто что-то значит для девчонки.

— Надо только ниток найти в цвет... Подожди, я мигом!

Ну хоть отвлеклась от обиды на Глорию, и то ладно. Правда, это ведь может быть и отвлекающий маневр? Наговорила одно, а сама отправилась за другим?

А, и пусть. Ну её. Хочет расшибить лоб? На здоровье.

О, кстати о здоровье: знакомая физиономия с привычной папироской в зубах.

— Здравствуйте, доктор.

— И тебе не хворать.

Вега сладко затыкнулся, поглядывая через чье-то плечо на ближайший прилавок.

— Зашли отовариться?

— Не для себя. Если меня увидят в чем-то из здешнего бесплатного бутика, стыда не оберешься. Я же работаю. Зарабатываю.

— А я думал, спасаете человеческие жизни.

— Одно другому...

Он присмотрелся внимательнее к тому, что для него было скрыто за спинами, вздохнул и передвинул папиросу из одного уголка рта в другой.

— Поболтаем немного? Про жизни как раз.

В ярмарочном гомоне на нормальную беседу можно было даже не рассчитывать, и мы отправились к выходу. К тишине пустого переулочка, вливающегося в соборную площадь.

— Я ведь не бездельничал эти дни.

— Я разве сказал хоть слово о вас и...

— Не поверишь, мне самому интересно. Что и как. Занятная болезнь оказалась.

— Все-таки болезнь?

— Я бы сравнил её с раком. Частично. По механике действия.

— А именно?

— Раковые клетки начинают расти, когда получают определенную команду. Кто-то может прожить всю жизнь, имея выявленную предрасположенность, а кто-то, с виду здоровый, как бык, сгорает за месяц. Потому что внешние условия сложились необходимым образом. Так и тут получилось. Тем более, что «молли» прямым образом созданы для того,

чтобы воспринимать воздействия и реагировать на них. Только в нашем случае программа сбилась.

— Какая ещё программа?

— Я пообещался с коллегами... Вроде говорил уже об этом, да? Мой приятель по университету, сам сейчас занимающийся преподаванием, подкинул задачку своим аспирантам. Ребята у него талантливые, к тому же молодые, значит, мозги ещё не зашоренные... Они выдвинули интересную гипотезу. Я-то думал, имело место просто воздействие, локальная буря или что-то подобное, но тогда бы все постепенно вернулось к исходному виду. Понимаешь? Ну вот как надавить на мышцу, она деформируется под давлением, но если его убрать, срабатывает эластичность тканей и...

— Да, кажется, понимаю.

— Тут тоже должно было сработать. Со временем. Может быть, потребовалось бы много дней, но процесс обязан был начаться. Сразу же после отмены воздействия. А приборы показывают обратное. То есть, вообще ничего не показывают: полная стабильность.

— Хотите сказать...

— Это не я. Это парни. Предположили. Буря или не буря всему виной, но она вмешалась в структуру «молли». В самую начинку. Сбила настройки так, что теперь эти маленькие дряни видят мир через... В общем, иначе видят. Делать продолжают то, что и делали: восстанавливают равновесие. Только уравнивают, черти что черт знает с чем!

Я поймал себя на мысли, что посматриваю на папироску во рту Веги. С вожделием.

— И... Можно хоть как-то...

— Не знаю. Вот честно, не знаю. Верить и надеяться можно. Даже нужно.

— Спасибо, что рассказали.

— Да ну, не за что. Буду держать тебя в курсе. А ты ничего не хочешь мне сказать? — Взгляд доктора стал темнее темного.

— О чем?

— Я не сторонник всяких дурацких теорий, но... Уж больно складно все выходит. И знаешь, на что похоже? До жути похоже.

— Понятия не имею.

— Опыты. Испытания. И вряд ли эта штука предназначена для добрых дел. А ты... — Вега вдохнул дым, прищуриваясь. — Нет, слишком молодой. Тебе бы не доверили. В руки бы не дали. Вот отбирать кандидатуры, наблюдать, присутствовать, отмечать впечатления и все прочее — это да.

Забористая трава у него. Надо бы познакомиться поближе. Подружиться. Получить свободный доступ на плантацию.

— И места удобные для работы: в Низине вообще никто никого не хватится. Вот с водителем только оплошали немного.

— Думайте, что хотите.

— Так и буду делать, спасибо за разрешение. Но если я хоть немного прав в своих выводах... Может, при случае замолвишь словечко? Врачи всегда и всем нужны.

И этот туда же. Из той же когорты. Вместо того, чтобы бить общенародную тревогу, мол, город подвергают опасности испытаниями нового страшного оружия — молчок. Все нормально, все обычно, все привычно.

— Вам бы тоже к врачу обратиться.

— К психиатру, что ли?

— К наркологу.

Он захохотал. И хохотал все время, пока я шел обратно к площади. Туда, где Лил должна была уже либо найти нитки, либо устроить кровавое побоище.

* * *

«Объект № 121. Время замера показателей: час, три часа, шесть часов, девять часов, двенадцать часов, в течение первого отрезка приборная фиксация — посекундная. После введения последней модификации штамма «Энтони-Х452-Р/12» наблюдается спонтанное нарастание слоев матрицы в узловых фрагментах. Одновременно отмечается повышенное тромбообразование, в крайних фазах требующее оперативного вмешательства. Затухание процесса после перевала проходит по экспоненте. Жизнеобеспечивающие функции объекта попадают в границы нормы, однако основные показатели сохраняют колебательный характер.

Основной результат: изменение напряженности м-поля начинает вызывать заметное отторжение только на третьей ступени (против второй — у объекта № 98).

Предварительные выводы: вероятность успешного завершения эксперимента — более 6 процентов.

Рекомендация: расширение периода наблюдений вплоть до завершения физиологического цикла.

Личное замечание ответственного исполнителя: когда-нибудь он сработает. Должен сработать.»

(Из отчета экспериментального отдела Второй специальной лаборатории «Голден Глоуб Ресерч»)

* * *

— Уж лучше бы ты с ней переспал.

Надо было хорошо знать Хозе, чтобы понять всю глубину его уныния. Несведущий зритель не обратил бы внимания: ну, ворчит человек, с кем не бывает? Позанудствует и перестанет, как говорится. Только тот, кому коротышка-мусорщик иногда приоткрывал душу, мог представить, насколько...

— От тебя ведь не убыло бы? Да и бабенка в самом соку.

Такой поворот мыслей означал, что мой напарник морально был готов приложить и свою руку к удовлетворению потребностей начальницы. Ну или не руку, а что-нибудь другое. По обстоятельствам.

— Может, ещё не поздно, а?

Если бы все было так просто! Хотя, если вспомнить ту же Магдалину, неизвестно, что лучше, вражда личная или профессиональная. Одно дело, когда защищаешь сердечные завоевания, и совсем другое, когда покушаются на положение, которое ты занимаешь в обществе. Очень немногие ставят первое выше второго. И я не из их числа.

Два человека это всего лишь два человека. Зачастую вскоре появляются третий,

четвертый, пятый... До дюжины доходит, если здоровье позволяет. Но глаза на тебя смотрят всегда одни и те же. Замысленные привычкой. Ты знаешь, чего от них ожидать, наизусть знаешь. Хорошо? Да вроде неплохо. И все же что-то внутри, то ли рядом с сердцем, то ли ближе к животу, время от времени настойчиво требует новизны. Всплеска. Вспышки. Взрыва. Неожиданного и неуправляемого.

А когда этот момент проходит, только и остается скорбно признать:

— Поздно.

Вздых. Тяжелый-тяжелый.

— А если...

— Перебесится. Надо подождать. Немного.

— Твоими бы устами!

Выходной день не примирил Долорес с её подозрениями и опасениями, поэтому с утра пораньше нас ждал новый наряд-приказ. И судя по унынию на лице Хозе, не самый воодушевляющий.

— Да и мы не переломимся. В первый раз, что ли?

Напряженная пауза. Унылый ответ:

— Вообще-то, в первый.

Ага, понятно. Неизвестность томит?

— Смертельного там точно ничего не будет.

Очередной вздох.

Наш путь лежал через весь город. От дальней границы Вилла Лимбо до старых намывных территорий.

Сейчас никто бы не подумал, что под мостовой и кварталами жилых домов когда-то не было и намек на земную твердь. Правда, поначалу ставили только сваи — так было дешевле и быстрее. Потом постепенно сменили технологию на затратную, зато психологически более приемлемую для жителей. Не знаю, было бы мне страшно жить над водой или нет, но многих вынужденных переселенцев такая ситуация пугала. Наверное, после долгого путешествия по океану, сопровождавшегося...

Погибло много людей. Точное количество жертв до сих пор не подсчитано, если верить официальным отчетам. И как говорил Джозеф, торопиться с этими цифрами никто не будет. Потому что окончательный итог не принесет миру успокоения, а сделает ровно наоборот.

— Почти приехали.

Застройка сменилась полосой густых зеленых кустов, а та промелькнула и оборвалась, открывая взгляду пространство. Пустынное, но не пустое: портовые сооружения далекими горами громоздились слева и справа, а прямо перед нами расстилались поля биореакторов.

Я гулял тут только однажды. На торжественном пуске последнего слова техники в эксплуатацию. Было шумно, празднично, пафосно. Выпивали, закусывали, слушали вдохновенные речи, аплодировали и все такое. Обычная рутинная Правда, тогда блеска и жизни в этом месте присутствовало не в пример больше. А сейчас...

С высоты птичьего полета рисунок каналов и накопителей выглядел затейливо и нарядно. С высоты человеческого роста — странновато и слегка пугающе. Как лабиринт, построенный неведомыми титанами. Неважно, что весь он был только в плоскости, вровень с поверхностью земли: решетчатые полосы, под которыми еле ощутимо колыхалась темнота, прямо скажем, не просились под ноги. А ещё, когда ветер на пару секунд остановил свое движение, первый же вдох заполнил нос сладковатым ароматом. Не особенно противным, но

желания им дышать тоже не вызывающим.

— И это все... — растерянно поднял брови Хозе.

— Все ваше! — радостно подтвердил мужичок, вынырнувший словно из ниоткуда.

Потом стало ясно, где он прятался: как раз в одном из каналов, решетка которого была откинута на сторону.

— Все-все? — уточнил мой напарник, непроизвольно сглатывая.

— Да тут работы немного. До дождей управитесь!

Я давно уже заметил, что все люди, ростом доходившие мне до подмышки, бесконечно энергичны. Вот и встретивший нас не мог стоять на месте спокойно: жестикулировал, пританцовывал, корчил рожи. От избытка чувств, видимо.

— А я уж думал, снова зятянут очистку до последнего. Нет, в этом году муниципалитет спохватился вовремя. Им что, по шапке надавали за все хорошее?

Может и надавали. Сенатор точно нелицеприятно высказывался о прошлогоднем прорыве очистных сооружений. Ничего особенно страшного не случилось, если не считать недели плавающей вверх брюхом рыбы у побережья. Потом, правда, улов крабов был как никогда шикарен и существенно пополнил бюджет, так что и в произошедшей неприятности нашлось несколько плюсов.

— А что делать-то надо?

— Лопату в руки и вперед!

Лопату?

— Втыкаешь, подхватываешь, поднимаешь, в мешок попадаешь — наука простая.

Судя по всему, наши лица выражали крайнее недоумение и непонимание, поэтому бодрый мужичок проиллюстрировал теорию практикой: нагнулся над открытым каналом, зачерпнул и потянул наверх...

Больше всего эта масса напоминала собой желе из чуть разведенных чернил каракатицы, с густотой которого перестарался повар. Вырезанный кусок лежал на лопате, почти не дрожа, и слегка деформировался, только скользя по наклонной плоскости. А потом вязко хлюпал. В мешке.

— Теперь все ясно?

— А кроме как лопатами эту штуку нельзя ничем взять?

Чистильщик хохотнул.

— Пробовали. Думаешь, ты один такой умный? Любой насос забивает в три счета. Она ж хуже патоки, пакость эта. Зато растет на ней все, что только пожелаешь. Я сам домой кулек притащил, так жена нарадоваться теперь не может на свои цветы! Надо будет ещё прихватить: глядишь, и огородик наладим.

В принципе, это искупало многое. Почти все. Биологи отработали свой грант на совесть. Ну а то, что технологи облажались...

— Вы только переодеться не забудьте. Она, конечно, безобидная, но мало ли что?

Хозе снова сглотнул, не отрывая взгляда от радужных бликов на черном студне.

Работа и впрямь не казалась сложной. Пока не наденешь брезентовый комбинезон и не сообразишь, что ближайшая тень — от машины, и укрываться в ней, когда солнце поднимается все выше и выше, задача практически невыполнимая.

Помогал только ветер, отгоняя запахи и чуть освежая лицо. Жаль, люди не умеют остужать себя как собаки: язык что высовывай, что нет, разницы маловато. Потом покрываешься мгновенно, с ног до головы, глаза щиплет, не переставая, а ничем себе не помочь. Ни промокнуть, ни вытереть. Во-первых потому, что надо стаскивать перчатки, а во-вторых потому, что защитные очки размером на пол-лица приклеиваются к коже намертво. Хорошо хоть, влагу немного стравливают, и то радость.

— Жрать хочется.

— Ага.

— Как думаешь, нам обед привезут?

— Понятия не имею. Знаю только одно: если придется раздеваться, я потом все это на себя снова не надену.

В каком-то смысле издевательство, а не работа. Автоматизации — ноль без палочки. Не считать же использование гидроманипулятора для поднятия решеток большим подспорьем? Капля удобства, не больше. А так все ручками, ручками... И ножками тоже.

— Когда верх вычерпаете, слезайте вниз. Да не бойтесь, не утонете! Тут по грудь, не выше. А тебе, громила, так вообще по пояс!

Он вовремя выскочил, как чертик из табакерки: мы как раз закончили выгружать половину студня. Верхнюю.

— Я туда не полезу, — заявил Хозе.

Сказал тихо, но твердо. Лучше б истерил, право слово: неприятно смотреть на человека, охваченного ужасом.

— Это же все равно, как в ад шагнуть по собственной воле.

А по мне, ад сейчас и так вокруг нас. По крайней мере, не могу представить, где может быть ещё жарче.

— Пусть хоть выгонят, не полезу.

— Да ладно тебе повторять... Понял уже.

Что там может быть страшного? Обыкновенные осадки. Мусор, земля и все, что предыдущий сезон дождей унес со склонов Сьерра-Винго, протащил по городу, за компанию захватывая и окрестные плохо лежащие вещи. Ну ещё немного химикатов, превращающие бросовую органику в концентрат питательных веществ для дальнейшего употребления. Дело нужное, дело важное. А если не убрать содержимое биореактора вовремя, оно опять выплеснется в океан. На радость тамошним падальщикам и горе муниципальных служб.

— Хоть мешок тогда держи.

— Это всегда пожалуйста!

О, немного оживился. Хотя ему и впрямь с такими настроениями лучше было в канал не соваться: когда мои ноги по середину бедра ушли в вязкое желе, стало понятно, что с места я сдвинусь не раньше, чем усердно поработаю лопатой.

Минутой спустя оказалось, что Хозе был недалек от истины, когда заикался про ад. Внизу было жарко. Градусов на пять, а может, и все десять жарче, чем на открытом воздухе. И оставалось только вознести хвалу Господу за то, что слой перегноя не доставал до... Сварилось бы все. Вкрутую.

Первый мешок прошел сравнительно легко, второй уже вызвал небольшие затруднения, а на третьем начали отваливаться руки. Причем не только мои.

Лопата вошла в студень так же легко, как все предыдущие разы, а вот обратно вылезала уже неохотно. Упиралась изо всех сил. Пришлось рвануть, а потом удивленно смотреть, как блестит на солнце сахарно-белый остов того, что когда-то явно было человеческой ладонью.

* * *

— Я должен был догадаться, что ничем хорошим это не закончится!

Негодование Норьеги можно было понять: полицейские первым делом вызвали кого? Правильно, главного виновника. Того, чья подпись стояла под нарядом на чистку биореакторов.

— С тобой всегда так, да? Куда ни пойдешь, везде трупы?

— Труп, кстати, первый. И даже не труп, а...

— Водителя живым тоже трудно назвать. Будешь спорить? А уж твоего приятеля...

— Не трогай того, к чему не имеешь отношения. И кстати, насчет автобусника: если бы кое-кто хорошо делал свою работу, ничего не случилось бы.

— Кое-кто?

— Ага. Кое-кто муниципально-кабинетный.

— Ах так, значит?!

— Эй, эй, парни, а ну разошлись по углам! — прикрикнул на нас инспектор, приехавший по вызову. — Брейк, я сказал!

— Вы даже не понимаете, сеньор...

— А вот это чистая правда. Не понимаю. И будь на то моя воля, не стал бы понимать вовсе, откуда вдруг в здешней помойке взялся труп.

— Женщина, — сообщил криминалист, освобождавший кости от остатков студня. — Довольно молодая.

— Ещё что скажете?

— Все. Я закончил.

— Как это?

— Сами взгляните, — инспектору под нос сунули планшет с цветастыми диаграммами. — В наличии только костная ткань. Остальные уничтожены. Разложились полностью. Ещё неделя-две, и от костей бы тоже ничего не осталось. Но тогда хоть не пришлось бы заниматься опознанием.

Шутка была не слишком удачная: полицейский скорее скривился, чем улыбнулся.

— Никаких шансов?

— Магнитная матрица растворилась в этом киселе. Возможно, отдельные фрагменты и удалось бы собрать... Хотя, вряд ли. Мы даже не знаем, тут сбрасывали тело в отстойник или его смыло сверху, вместе с дождями.

— Да уж.

— Если она попала в канал сразу после смерти, эластичности тканей хватило бы на долгий путь. Даже через весь город.

Инспектор сдвинул широкополую шляпу на затылок, присаживаясь на корточки рядом с останками, разложенными на брезенте.

— Ещё один тупик. И почему именно в мою смену?

— Можно поднять медицинскую картотеку, — предложил криминалист. — На учете состоят все, так что рано или поздно узнаем, кто это. Приблизительный возраст установить удастся, а потом, путем исключения...

— Вам хорошо в лаборатории: сколько надо, столько и колдуете. А с меня спрашивать будут каждый день.

Он смотрел на скелет так пристально, что и я невольно перевел взгляд вниз.

Ферменты сняли с костей все, превратив человеческое тело в подобие заготовки для куклы. Угловатый каркас, чистый, пока ещё глянцевый и гладкий. Игрушечный. Прямо-таки украшение для дома на День мертвых. Не слишком большой, аккуратный, симметрич...

А это ещё что такое? Сразу и не заметишь, когда солнце бликует. Нет, точно, деталь явно лишняя. На нормальной ноге должно быть пять пальцев, а не шесть: два мизинца это перебор.

Два мизинца?!

— Сеньор, а имя поможет опознанию?

На меня посмотрели, как на идиота.

— Что ещё за имя?

— Женщины. Той, которая здесь лежит.

— Ну-ка, ну-ка! — он в два счета оказался рядом со мной. — Ты её знаешь?

— Нет.

— А что тогда голову морочишь?

— Я знаю, кем она может быть.

— И?

— Ана Веласко.

— Почему именно она?

— Я... Мы совсем недавно убрали вещи из её дома. Хозяйка то ли уехала, то ли пропала, вот муниципалитет и распорядился. А у неё была такая обувь... Показалась мне странной. Каждая правая туфля прорезана с одной стороны, как раз в месте мизинца. Как

будто была тесна.

— Вот! — инспектор повернулся к криминалисту, зачехляющему инструменты. — Вот как надо работать! Спасибо, парень!

Меня поощрительно хлопнули по плечу и тут же забыли.

— Снимешь у него показания и марш проверять!

Это уже относилось ко второму полицейскому. Младшего чина.

— Я в управление.

— Э, сеньор, а как же...

— Тебя подбросят. Ведь подбросите же?

Надо было видеть выражение лица сержанта, когда тот понял, что вместо относительно комфортной служебной машины придется отправляться обратно на мусоровозе. Все, кто слышал распоряжение инспектора, захихикали. Кроме нас с Хозе. Я не смеялся, потому что задумался совсем о другом, а мой напарник оскорбился. В самом прямом смысле слова. И предупредил:

— Будешь кривить рожу, поедешь в кузове. Или вовсе на своих двоих пойдешь.

Выбор был невелик, но очевиден: пара миль под палящим солнцем перевесила брезгливость. Сержант проводил тоскливым взглядом кавалькаду полицейских машин и стукнул пальцами по планшету.

— Место: залив, комплекс реакторов. Предмет расследования: человеческие останки. Рабочая версия: гибель в результате несчастного случая. Процедура снятия показаний свидетеля.

Сканер у него был компактный, легко уместившийся в кармане, но работал побыстрее стационарных. Как мне показалось. Однако причина удивительной скорости крылась вовсе не в технических характеристиках устройства.

— Франсиско Ллузи, 21 год. Вы обнаружили труп?

— Да. Когда чистил...

— Э, погоди-ка!

Я не заглядывал в экран, но это и не потребовалось: лицо полицейского отразило всю высветившуюся информацию весьма точно, да ещё и с изрядным эмоциональным акцентом.

— Дорожно-транспортное происшествие, повлекшее за собой тяжкие телесные повреждения. И свидетель тот же. Ты.

Свежие записи в базе данных, понятно. А теперь, надо полагать, моё имя и вовсе окажется на первых местах. И каждый захудалый патрульный станет...

— Потерпевший неоднократно замечен в общении с участниками группы «Воцерковленных».

— Группы кого?

— Местные. Из Лимбо, — хмуро пояснил Эста, тоже оставшийся без средства передвижения: полицейская машина, доставившая Норъегу сюда, благополучно убралась вместе с остальными. — Наводят порядок, как они считают. Под цитаты из Библии.

— Уличная банда, что ли?

— Ага.

— Из показаний потерпевшего следует, что возможной причиной происшествия являлась стычка между ним и...

Сержант нахмурился, вчитываясь в строчки протокола. Потом поднял взгляд на меня.

— Телесные повреждения. Твоя работа?

— Там картинки есть?

— Где?

— В деле. В досье. В том, что вы с таким интересом читаете.

— Э...

— Посмотрите. Хотя бы из любопытства. И расскажите, как я мог бы сделать то, что сделано. Мне тоже интересно.

Он внял моему предложению. Изучил фотоматериалы. Правда, толку из этого не вышло:

— Это ведь не просто стычка была, верно? Пусть он не явный участник банды, а только сочувствующий, все равно из этого лагеря. «Воцерковленные» — влиятельная группировка. Пока ведут себя тихо, но все ещё впереди, как говорится. И если кто-то бросает им вызов... Одиночки таким не занимаются.

Пока кто-то или что-то не начинает угрожать их жизни. И покушаться на безопасность их близких.

— И тут снова появляется труп. С участием все того же человека.

Дайте ему премию. Почетную грамоту. Вымпел на рабочий стол. И уберите этого кретина от меня куда-нибудь подальше!

— Если все так, как вы говорите, с какой стати мне самому было труп находить? Случайность. Стечение обстоятельств. Я же не по собственному желанию сюда отправился.

— Могу подтвердить. Наряд был выписан муниципальной службой, — поддакнул Эста.

— И это может служить хорошим прикрытием! — осенило сержанта. — Есть такое понятие, как преступный сговор. Слышали?

Что стоять на жаре в брезентовом комбинезоне, что работать — удовольствие одинаково сомнительное. А когда кто-то, в дополнение к физическим неудобствам, начинает насиловать твой мозг...

— Сговор, значит? Я вам расскажу, каким он может быть. Видите, сколько тут народу вокруг? Вы да я, да мы с тобой. Меня с сеньором Норьегой вы уже записали в соучастники, а Хозе компанию всегда поддержит, на это он мастер. Сговоримся быстро, даже слов не нужно. И отправится ваш труп в недолгое и недалекое путешествие по отстойникам. Не знаю, как быстро мясо отпадет с костей, но у вас вроде никаких особых примет нет, так что опознавать будут долго. Если вообще справятся.

Табельное оружие он вытаскивал из кобуры судорожно, явно не выполняя положенный норматив. Хотя, надо признать: направленный на меня ствол не дрожал. Почти. Задергался он чуть погодя, когда сержант сообразил, что опасность может равным образом исходить ото всех троих.

— Угроза офицеру при исполнении расценивается, как...

— Да будет вам, офицер! — Эста расплылся в примирительной улыбке. — Вы поймите: парень с утра здесь торчит, на самом солнышке, припекло его немного, вот воображение и разыгралось.

— А второго? Тоже припекло? — полицейский покосился на Хозе, мрачно скрестившего руки на груди.

— Так они же вместе работают. Вот вы здесь сколько времени провели? Часа не прошло, да? А как себя чувствуете? Запах к тому же... Не говоря уже о том, почему мы все встретились. У кого хочешь крыша поедет.

По лбу сержанта поползла струйка пота. Стеклянисто-мутная.

— Вы же не будете каждого дурака в управление таскать? Он завтра и не вспомнит, что

говорил, ручаюсь. Вот и вам не стоит эту дурь запоминать.

— Да, вы, пожалуй, правы... Что-то здесь жарковато. Для всех нас.

— Так давайте переберемся в более уютное местечко! Там дела и закончим.

Полицейский торопливо кивнул, убирая пистолет.

— Все в кабину не влезут, — предупредил Хозе, сплевывая точно между прутьев решетки.

Соврал, конечно: в тесноте да не в обиде, как люди говорят. Правда, желания прижиматься к сержанту у меня лично не было. Ни малейшего.

— Я снаружи проедусь. С ветерком.

— Я тоже. Покажешь, как?

— Костюм испортишь.

— Ничего, переживу.

Скинуть комбинезон было настоящим наслаждением. Правда, сразу же пришлось облачаться в его младшего братца: другой сменной одежды под рукой не было. Но этот хоть не пропитывался так густо водоупорными смесями, а потому пропускал воздух. Слегка.

— Вот на эту площадку встаешь. Держишься тут.

Инструкция вроде бы запрещала такое катание на мусоровозе. Если правильно помню. А зря: немного подбрасывало и пошатывало, зато хорошо обдувало. Что ещё нужно для счастья залитому потом человеку?

Разве только хороший друг. Которому стоит сказать:

— Спасибо.

— За что?

Из-за ковша его лицо было плохо видно. Если не высовываться по пояс, с риском рухнуть вниз, под колеса.

— Ну не за работу же! Хотя...

— А я предупреждал.

— Помню.

— И предлагал.

— Угу.

— Но ты со своим упрямством...

— Мусор тоже кто-то должен убирать.

— Почему обязательно ты?

А почему бы и нет? Все очень органично получается: ни роду, ни племени, ни прошлого, ни завышенных требований к окружающему миру. Вписался. Вполне.

— Проехали. Но все равно спасибо.

— Ещё раз повторишь, и поспоримся. Без шуток. По-твоему, я должен был стоять и смотреть, как он в тебя целится?

Маленький молодой чин, оставшийся без присмотра и поддержки коллег. Конечно, он схватился за оружие. Чтобы почувствовать уверенность хоть в чем-то. Петер, в редкие минуты, которые отводились для инструктажа подзащитных лиц — то есть, сенатора и его окружения — мрачно повторял: либо нападающий стреляет сразу, либо не стреляет вовсе. Кто не успел, тот опоздал, как говорится.

— Ничего бы не случилось.

— А мне вдруг почему-то подумалось иначе. Там, на полях, в самом деле, слишком жарко.

И большую часть года совершенно безлюдно. Одни только полуразложившиеся трупы.

Ана Веласко, по жизни отмеченная несчастьями. Сначала лишний палец на ноге, потом загадочное волшебное событие, которого она ждала с таким нетерпением. И дождалась, видимо. Только закончилось все мерзко и буднично.

Не знаю, о чем думают полицейские и что они нагородят в своем расследовании, но ты не могла по своей воле попасть в канал биореактора. Ты бы ни за что не подняла решетку самостоятельно. А представить, что люки вдруг оказались открытыми... Нет, очень маловероятно. Тебя скинули сюда. Мертвую. А может, даже ещё дышащую. Они знали, что ты не сможешь выбраться обратно. Никто бы не смог. Все было просчитано, продумано, отработано. А стало быть, в здешних отстойниках вполне могут найтись и другие.

Пропавшие без вести.

Например, люди, чьи имена были указаны в папках, которые Глория Толлман трясущими руками швырнула в мусорный мешок.

— Эста?

— А?

— Что у тебя с той блондинкой?

Он взял время на размышление, прежде чем продолжить беседу встречным вопросом:

— Зачем интересуешься? Сам глаз положил?

— Все на свете бывает.

— Можешь даже не пытаться. Глори не такая. — Ещё одна пауза. Долгая, с отчетливо ощущающимся придыханием. — Вообще не такая, как все.

Да неужели?

— Она гордая. Разборчивая. Чувства не показывает.

Значит, я видел совсем другую женщину. Изголодавшуюся как раз по чувствам и ощущениям. Странно, что Эста тогда этого не заметил. Хотя, смотрел-то он в другую сторону. На меня, как на главную угрозу.

— Вы с ней, правда, пара?

— А ты любопытный сегодня.

Насторожился? Нормальная реакция. Жаль только, невыгодная мне.

— Я серьезно, Эста. Потому что если вы не вместе, как это называется, то...

Не знаю, что. Но он мысленно закончил фразу за меня. Единственно возможным образом.

— Можешь считать, вместе.

Сурово сказал. Вынес окончательный вердикт. Крайне прискорбный, с учетом сложившихся обстоятельств.

— Хорошо, я понял.

— А все-таки, почему спрашивал? Запал на неё, да?

— Какой она вообще человек?

— Станные у тебя вопросы. На самом деле, странные.

Она — звено в цепочке событий. Непонятно, какую именно роль играет, но явно связана с происходящим. Те папки не могли взяться из ниоткуда, чтобы тут же исчезнуть в никуда. Сенатор, опять же. Все это очень важно, даже сомневаться не стоит. Таинственно. Загадочно. Главное, как выяснилось, смертельно опасно для непосредственных участников.

— И все же?

Он замолчал. Метров на триста.

— Она достойна большего, чем имеет.

О, снова та же песня? Эсту послушать, так у него все поголовно исключительны и достойны. Начиная с меня.

— Она... Умная. Образованная. Скромная. Очень скромная.

Последнее уточнение, скорее всего, относится к тому, что парочка до сих пор не вступала в интимные отношения. Неприступная гордячка, значит? Не удивлюсь, если эта маска надевается только для сеньора Норъеги. А раз так, вполне возможно, Глория и впрямь имеет на него виды. Заманивает. Иначе давно отказала бы.

Что ж, остается порадоваться за Эсту: он, оказывается, завидная партия. По крайней мере, для работниц муниципалитета.

— А чем занимается? Ну, помимо уроков?

— Работает в том же отделе, что и я. Социальный надзор.

Понятно тогда, откуда появились досье на жителей Низины. Весь вопрос в том, зачем они понадобились сенатору.

— Давно работает?

— Я уже говорил, что твои вопросы мне не нравятся?

В мусорной конторе душ был просто восхитительным. Не вечно противно-теплым, как дома, а любой на выбор: хочешь, тебя начинают бить чуть ли не кристаллики льда, а потом шпарит кипятком до полного изнеможения. Снова, снова и снова. Так хорошо, что не заставить себя вылезти из кабинки.

А когда все-таки выползаешь, чувствуешь настоящую потребность вернуться и поплотнее задвинуть дверцу, лишь бы не встречаться с начальницей.

— Доброго вечера, сеньора.

Хорошо бы сейчас здесь оказался Хозе. Понял бы, что все его утренние сетования напрасны: во взгляде Долорес не наблюдалось ничего женского, одна угроза, замешанная на чем-то вроде страха.

— Добрым он точно уже не будет. Как и завтрашнее утро. Как и все последующие дни.

— Есть повод печалиться?

— И ещё какой! Свежевымытый.

— Сеньора?

Она подошла ко мне вплотную.

— От тебя много неприятностей, Франсиско. Больше, чем я видела за весь предыдущий год. Да даже за всю мою жизнь, если уж на то пошло. Можно сказать, ни дня не проходит, чтобы...

— Я не собирался находить тот труп.

— О, охотно верю! Только все же нашел.

Ну что тут скажешь? По-своему она права: куда ни сунусь, возникают проблемы. Но неужели дело во мне одном?

— Сеньора, мне нужна эта работа.

Смотрит она пострашнее сержанта. Тот просто боялся, а Долорес перешагнула рубеж и готова действовать любым образом, если придется.

— Но я уйду, только скажите.

— Может и скажу.

Толстушка повернулась ко мне спиной. Вдохнула влажный воздух душевой.

— Знаешь, как говорят? Держи друзей близко к себе, а врагов ещё ближе.

Наверное, это была попытка провокации. Согласно представлениям Долорес о природе моего истинного участия в «неприятностях». Поэтому я промолчал и не сдвинулся с места, пока начальница не ушла. Медленно-медленно.

Допускаю, что она потом ещё и подглядывала. Пока одевался. Но пряталась хорошо: ни разу не попала на глаза. Как, впрочем, и кто-либо другой, кроме...

Острые коленки сиротливо высывались из-под рваного кружева шали. Сдвинутые вместе. А стопы были косолапо расставлены, носок к носку. И даже если бы у Лил имелись лишние пальцы, на её обуви это не отразилось бы ни малейшим образом: три веревочки и подошва — полная свобода движений.

— Ты что здесь делаешь?

Она подняла голову и зевнула. Сладко-сладко.

— Тебя жду.

— Долго ждешь?

Глупый вопрос, конечно. Если успела задремать — уж всяко не меньше часа.

— Дождалась же?

Вот так всегда. Только начинаешь верить в то, что кошка стала домашней, а она выпускает коготки.

— Тогда просыпайся и пойдём.

Вечерний автобус отъехал от остановки прямо у нас перед носом. То ли водитель и сам подремывал за рулем, то ли решил повредничать из солидарности с калекой, прохлаждающимся в госпитале: должен был нас видеть, но не подумал притормозить.

— Надо будет снова зайти в муниципалитет.

— М?

— Написать ещё одну жалобу. На некорректное поведение работников транспортных организаций.

— Ты про что это?

— Забудь. Так, думаю вслух.

— Думать нужно головой, а не языком. Язык, он для того, чтобы говорить. Человеку с человеком.

Пожалуй. Только даже мы с тобой, вроде и перекидываемся словами, а вряд ли понимаем, что каждый из нас имеет в виду. И дело не в терминах. Все гораздо проще и печальнее.

На развитие любой ситуации можно, а иногда и нужно влиять. Есть куча разных способов и инструментов, от примитивных до хитроумных. Но что ещё важнее, есть несколько уровней влияния. Если на нижнем из них можно хоть головой биться о стену, хоть тараном — толку будет чуть, то на более высоких достаточно пары небрежно брошенных слов или случайного жеста, чтобы все перевернулось с ног на голову. Нужно всего лишь знать, где эти самые уровни расположены.

Подавляющее большинство жителей Вилла Баха считают, что им открыта только последняя сфера влияния, та, что у земли или ниже. А на самом деле созданы и, как ни странно, работают вполне эффективные механизмы взаимодействия. Бери и пользуйся! Почему же не берут? Почему позволяют своей жизни плыть по каналам напрямик в отстойник?

— Что делал сегодня?

— Где?

— На работе, где же ещё?

— Тебе, правда, интересно?

Врать она не умеет. И слава богу!

— Так полагается. Ведь полагается, да?

— Что?

— Спрашивать у супруга, как он провел день? Я вижу, как люди живут, ты не думай! И кино смотрю. Когда получается.

Старательность — это хорошо. Заслуживает одобрения и поощрения. Выглядит несколько нелепо в исполнении Лил, но...

— Вообще-то, необязательно. Спрашивать.

— А почему тогда... Они все врут, что ли?

Может быть. Даже наверняка. Но, черт подери, как иногда хочется, чтобы точно такая же ложь наполнила твою собственную жизнь! Хотя бы на пару дней.

— Понимаешь, люди... Они разные.

— Ты про Низину и остальных?

— Нет. В этом смысле разницы никакой.

— А говорят, что разница есть. Что из-за неё мы и живем здесь. И будем жить до самой смерти.

— Физиология это совсем другое, Лил. Объективное.

— Фи-зи-ло... Чего?

Интересно, она хоть церковную школу посещала время от времени? Писать и читать умеет? Как-то не выпадало случая выяснить. Но если девчонка придерживается тех же принципов существования, что и мой напарник по мусору, обидно. И больно. Мне за неё.

— То, какой ты родилась и выросла. Твоё тело. Можно лишиться его части, одной или нескольких, но главное, суть или что-то в этом роде, останется неизменным.

— Навсегда-навсегда?

— Вроде того.

— Тогда лучше не знать.

— О чем?

— О том, что измениться не получится. Если не знаешь, можно верить.

Это точно. Вера тем и хороша: крепнет по мере того, как опустошается твоя голова.

— Так вот, на тему вопросов о работе. Кому-то они нравятся, кому-то нет.

— А тебе? Тебе нравятся?

Иногда кажется, что она из кожи вон лезет, лишь бы угодить. Лишь бы соорудить из нашего общего времени нечто условно-правильное, «такое, как у всех». И ей самой больно от этих попыток. Физически. Просто эта боль, видимо, смешана с другой, поэтому остается неопознанной. Но как только Лил поймет себя... Что-то случится. Определенно.

— Скажем, я не против. Хотя можно и без вопросов.

— Ну, давай сначала попробуем, как все делают. Да?

Остается только вздохнуть и позволить прозвучать торжественному:

— Как прошел твой рабочий день?

— В грязи.

— Э?

— Я копался в грязи. Вернее, копал грязь.

— Много?

— Грязи-то было? Ещё не на раз осталось.

— И завтра тоже будешь копать?

— Скорее всего.

— И так весь день? Скучно!

— Да не, веселья тоже хватало.

Сразу вцепилась в локоть:

— Расскажи, расскажи!

— В грязи нашелся скелет.

— Мертвый?

— Ты когда-нибудь видела живые скелеты?

— А то! На День Мертвых их полным-полно вокруг.

Хм. Вполне возможно.

— Ты что, не праздновал никогда?

В сенаторском доме как-то не было принято следовать подобным традициям. Хотя да, припоминаю, что куколки, составленные из игрушечных костей, появлялись. На половине прислуги и в очень ограниченном количестве. Елена-Луиза не позволяла некоторым народным традициям входить в свою семейную жизнь.

— Неважно.

— Ой, это же так весело!

Поминать покойников? Обхохотаться можно, какое веселье.

— Мертвый был скелет. Совсем мертвый.

— И откуда он взялся?

— Полиция будет разбираться.

— Там и полиция была? — хватка пальцев стала ещё крепче.

— Так труп же. К нему всегда прилагается расследование.

— Я знала, что тебя нельзя оставлять одного! Знала!

Прижалась к моему боку. Горячая, как полуденное солнце.

— Каждый день теперь буду приходить. А то мало ли, что случиться может... Вдруг утащит кто?

— Утащит?

Замолчала. Задышала шумно-шумно мне в грудь.

— Ну-ка, поясни свою мысль.

— Да я...

Отправиться через весь город, на ночь глядя, чтобы сопровождать меня домой? Нет, тут дело не в спектакле «семейных ценностей».

— Скажи честно.

— А обижаться не будешь?

Так, пошла торговля. Значит, есть, ради чего.

— Не буду.

— Обещаешь?

— Я уже сказал.

Сопение. Пыхтение.

— Ну и?

— Я же не дурочка какая-нибудь... Я видела, как она на тебя смотрит. Всё-всё видела.

Господи, что ещё за «она»?

— Ничего, я тоже сильная. И никому тебя не отдам!

Вот только ногтями не надо впиваться в кожу! Больно же.

— Лил.

Пришлось остановиться, оторвать девчонку от себя, взять за плечи и посмотреть прямо в глаза.

— О чем ты говоришь? Я не понимаю.

— Ой да прямо!

Попробовала вырваться. Но взгляд не отвела, и то хорошо.

— Правда, не понимаю.

— Ты ещё скажи, что блондинку ту, с рынка, не встречал никогда!

Ах вот, что она имеет в виду... Сеньорита Толлман и наши с ней гляделки.

— Ты уже был с ней или только собираешься?

Осеклась. Вздрогнула. Шатнулась назад и упала бы, если бы я её не держал.

— А ведь был... Я помню, ты тогда пах весь сладко-сладко...

Снова-здорово. Плохо, когда девице нечем заняться: запоминает всякую ерунду и мусолит потом по первому же удобному поводу. Теперь понимаю, почему в местных семьях, если уж они состоялись, детей видимо-невидимо. Чтобы мужа жена выбирала предметом своих умозаключений в самую последнюю очередь.

— Глория тут ни причем.

— О, ты и имя её знаешь?! — Рванулась на свободу с удвоенной силой.

— Конечно, знаю. Она — мой учитель по...

— Замолчи!

По программе начального образования. Назначенный муниципалитетом. А кроме того, она — девушка моего социального инспектора и друга. Или друга и социального инспектора?

— Вы, мужчины, вечно не знаете, когда нужно молчать! А ещё нас в болтовне обвиняете!

Но это просто навскидку, не учитывая последние, так сказать, новейшие сведения, из которых выходит, что сеньорита Толлман имеет прямое отношение к...

— Пусти!

* * *

Я всегда делаю то, о чем меня просят. Даже если просящий оступается, теряя сандалию, и едва удерживается на ногах.

— Лил.

— Видеть тебя не хочу!

Пошлепала прочь, прихрамывая на босую ногу.

— Лил!

Так и есть, веревочка не выдержала. Надо будет дома что-то придумать, если у девчонки нет запасной пары обуви. Может, в закромах папаши Ллузи найдется кусок кожи, который можно порезать на ремешки?

— Лил, это смешно.

— Так почему я не смеюсь?

Её можно догнать в три шага. Ну, максимум в четыре, если не сбавит темп.

— Пойдем домой, уже поздно. Пора спать.

— А я выспалась! К тебе вечером собиралась, вот и...

— Сеньорита Сапатеро?

Здесь было так же темно, как и в Низине. Промышленная зона, большей частью мертвеющая по окончании рабочего дня, а потому экономящая на освещении. Редкие фонари, рассеянный свет, шумная ссора — удобное стечение обстоятельств, чтобы незаметно подъехать. Особенно на машине, начинка которой позволяет двигаться совершенно бесшумно. Не касаясь колесами земли.

Лимузин сенатора. Не самый большой из имеющихся, не парадный, а предназначенный для деловых поездок. Матово-черный, впитывающий в себя любые отсветы. И Петер, такой же непроглядно черный в своем строгом костюме.

— Сеньорита Лилис Сапатеро?

— Меня так зовут. Чего тебе надо?

Не думал, что галантность телохранителя равно распространяется на всех дам, однако дверца машина распахнулась перед девчонкой-оборванкой с тем же почтением, что и перед Эленой-Луизой.

— Прошу вас.

Как бы Лил ни дулась на меня, как бы взбешена ни была, она все-таки сообразила: происходит нечто вовсе не будничное. Странное, если не сказать, пугающее.

— С вами хотят побеседовать.

Шаг назад. Голая стопа заскользила влажной от росы глиняной обочине, ноги поехали в разные стороны и...

Мы с Петером не сшиблись лбами только благодаря его профессионализму. Кажется, моей заслуги в ловле падающей Лил было чуточку больше, но держали её сейчас мы оба. Крепко. Лично я — намертво.

— Сеньорита не хочет ни с кем беседовать.

— С тобой — в первую очередь?

О, мы умеем шутить? Почему же раньше так тщательно скрывали этот талант?

— Убери руки.

— Или?

У меня нет ни единого шанса, кроме как получить перелом. Плюс внутреннее кровоизлияние.

— Я тебя где-то видел, парень. И я вспомню, где, можешь быть уверен.

— Руки.

— Петер!

Ну да, все логично: без окрика хозяина пес не поменяет свои планы. Зато как только прозвучит знакомый голос, и хвостом завилает, и бывших врагов начнет облизывать. Если понадобится.

— Приношу самые искренние извинения, сеньорита... за это внезапное обращение. Понимаю, оно могло вас напугать. Поверьте, вам ничто не угрожает. В моем обществе, по крайней мере. Вы ведь знаете, кто я?

Он не вышел из машины, только приопустил стекло. Так, чтобы в свете салона были ясно различимы черты лица.

— А кто ж не знает? — буркнула Лил, почему-то больше не торопящаяся выбраться из моих объятий. — Сеньор сенатор.

— Правильно. И у меня есть к вам очень важный разговор, сеньорита. Который удобнее вести в машине.

— Я туда не пойду.

Она заявила это тихо, но твердо. И ещё плотнее прижалась ко мне.

— Хотите что сказать, говорите так.

— Видите ли, сеньорита, то, что я собираюсь сообщить, касается лично вас и не предназначено для ушей кого бы то ни было другого.

— Он не причинит тебе вреда, — шепнул я в смуглое ухо. — Можешь ему верить.

— Все равно. Без тебя никуда не пойду!

Левая бровь сенатора задумчиво поползла вверх. Миллиметра на три-четыре. Потом вернулась обратно — вместе с решением возникшей проблемы, простым и гениальным одновременно.

— Сеньор!

— К тебе обращаются, — уточнил Петер.

— Не будете ли вы так любезны сопроводить свою спутницу в машину? И присоединиться к разговору. Если пожелаете.

Он явно передумывал на ходу: первоначальный план моё участие в беседе не предусматривал. Но откуда тогда взялось плохо скрытое облегчение в голосе? Как будто неприятные обстоятельства вдруг неожиданно осложнились ещё больше, зато достигли предела, за которым возможен только один образ действий. Ага, именно тот самый. Прыжок в пропасть с разбега.

— Сеньор?

Ну да, тугодума нужно поторапливать, иначе вся ночь пройдет мимо.

— Раз уж приглашаете... Почему нет?

Лил пришлось чутьчку подтолкнуть к открытой дверце. А потом терпеливо ждать, пока девчонка решится дотронуться до сидения.

Податливое и бесконечно упругое, на ощупь напоминающее... Господи, я ведь уже начал забывать, какая она, прошлая жизнь. Понял именно сейчас, плюхаясь на место, вполне возможно, ещё помнящее форму моей задницы. Хотя, нет, эту базу почистило, как и все остальные: под обивкой засновали волны, сканирующие новый, неизвестный предмет. Лил взвизгнула, когда почувствовала это шевеление, и едва не выскочила вон. Хорошо, что ближе к двери сел я: поймал и вернул обратно.

— Не волнуйтесь, сеньорита, это всего лишь устройство, обеспечивающее комфортные...

— Могли бы и выключить. Мы бы потерпели пару минут без лишних удобств.

Он хотел что-то возразить. Или пояснить. В общем, ответить. Но остановился на полувздохе, внимательно рассматривая моё лицо.

Узнает? Того парня, что явился в городской дом и пытался качать права? Вряд ли. У парикмахера я не был уже давненько, да и ссадины, полученные во время знакомства с Эстой, скорректировали внешний вид. Плюс кардинальная смена гардероба.

Нет, напрасно напрягаете зрение, сеньор сенатор. Лучше взгляните на изначально намеченную жертву.

— Честно говоря, я планировал вести разговор несколько иначе, но, учитывая ситуацию... Сеньорита Сапатеро, вы хотите изменить свою жизнь?

Лил, едва справившаяся с активным контуром сиденья, напряглась ещё больше. И угрюмо спросила:

— Как это?

— Довольно просто. Технически. Разумеется, если в вашем распоряжении имеются все необходимые средства.

Не думаю, что она поняла хотя бы половину сказанного. Впрочем, понимать и не требовалось: посыл ощущался без участия мозга. Я никогда ещё не видел в исполнении Джозефа такой проникновенной доброжелательности. В отношении меня, по крайней мере.

— Вы рано похоронили свою мать, а с отцом и вовсе не были знакомы... Не посещали муниципальную школу, не получали профессионального образования... Все ваше имущество — жилой дом, предоставленный городом в рамках программы социальной помощи под долгосрочную аренду...

У него на коленях лежит точно такая же папка, как те, что недавно листал я. Можно

побиться об заклад: выращена она в том же питомнике. Под чутким наблюдением Глории Толлман.

— В отчетах вашего инспектора нет замечаний о смене или попытках смены социального статуса. Вы совсем ни к чему не стремитесь, сеньорита?

— А что, надо?

Сенатор закрыл досье и отложил в сторону. Наклонился вперед, опираясь локтями о колени. Принимаем «демократичную» позу? Значит, пора ждать массивной атаки на неокрепшее сознание.

— Вынужден признать: Санта-Оза мало может предложить вам. И как гражданину с ограниченными правами, и лично вам, как человеку. Это прискорбно и несправедливо. Это нуждается в изменении. Понятно, что взять и в одно мгновение вывернуть весь мир наизнанку невозможно. Но вы — не весь мир. И у вас есть шанс измениться.

Невозможно? Ха! Я испытал нечто подобное. Пусть мой мир никто не выворачивал, а всего лишь слегка подправил, эффект налицо.

— Как я уже сказал, в этом городе вас не ждет ничего замечательного. Но есть другие города, далеко отсюда, в разных частях света. Вы можете выбрать любой.

— Разве мне можно отсюда уехать?

Да, ответьте, пожалуйста, сеньор сенатор! Мне тоже интересно.

— Если согласитесь принять моё предложение. Вернее, подарок.

— Я люблю подарки. Только мне редко их дарят.

Я тоже любил. Вроде бы. Пока не понял, что ими в основном норвят откупиться. Малая кровь, как это обычно называют.

— Что ж, тогда смею надеяться, что вы не откажетесь от моего.

Конверт, извлеченный из внутреннего кармана пиджака, даже в рассеянном свете салона выглядел дорого. Партия, изготовленная по личному заказу. Крафт-бумага с синтетическими волокнами: не разорвешь, как ни старайся.

— Эта карточка оформлена на предъявителя. Никаких имен, никаких личных сведений: я не хочу ограничивать вашу свободу ни в чем. Я не буду знать, куда вы отправитесь, где решите остановиться, какую жизнь выберете. Я даю вам возможность попытаться что-то изменить, и мне достаточно знать, что вы ей воспользуетесь.

Аттракцион неслыханной щедрости? С чего бы вдруг?

— Смеетесь, сеньор? Да я на лодке никогда не каталась вдоволь: сразу сердце прихватывает начинает, как подальше в море отплывешь.

— Об этом и речь, сеньорита. Об особенностях вашего организма. Если вам повезет, вы сможете избавиться от них. Полностью.

— А если не повезет?

— Такое более вероятно. Но тоже поправимо.

Или он врёт, или... Случаются не одни только страшные чудеса?

— Все оплачено. Полностью. Ваше путешествие в медицинский центр, тщательное обследование, операция. В случае успешного исхода характеристики вашей биомагнитной матрицы расширятся и откроют вам доступ в любой уголок мира. Если исправить матрицу не получится... Вам будет обеспечен пожизненный курс коррекционных инъекций, выполняющих ту же функцию. Повторяю, вы не будете ограничены ни в чем. Кроме того, карта обеспечит вам беспроцентный кредит на образование, жилье и все, что потребуется. Выбор только за вами. Выбор и решение.

Ничего себе! Звучит подозрительно и слишком туманно, но сенатор не стал бы врать о том, что нельзя проверить. Жители Низины не отличаются доверчивостью, насколько я

знаю. И если это «чудесное предложение» уже поступало кому-либо из них...

Черт! Неужели?!

— Вы хотите изменить свою жизнь, сеньорита Сапатеро?

Посопела. Побурчала что-то себе под нос. Выдохнула.

— Я смогу уехать?

— Куда угодно.

— И там жить будет лучше, чем здесь?

— Там вы будете полноправным гражданином. Понимаете, что это означает, или нужно объяснить подробнее?

— Я буду... Вроде тех, что живут в Лимбо?

— Вроде тех, кто живет на склонах Сьерра-Винго.

Жаль, что я сидел сбоку: наверное, в этот момент глаза девчонки, и так не особо узкие, расширились раза в три.

— Вроде... вас?

— Да.

Она вытянулась струной, а потом оплыла. Сползла по сиденью совсем низко, выставив острые коленки на уровень собственной головы.

— Это... это...

— Вы не верите? Понимаю. Можно навести справки, если потребуется. Да, шанс успеха операции — минимальный, но он есть. И кому-то везет, на самом деле.

— Но почему?

— Что именно?

— Почему я?

— Считайте это лотереей. Розыгрываем ярмарочных призов. Вы ведь бываете на ярмарках?

— На каждой.

— И выигрывали что-нибудь хоть раз?

Лил кивнула.

— Вот видите! А для этого приза победителей выбираю я.

— И больше никого не было?

— Были. До вас. И будут после вас. Я не могу помочь всем и сразу, сеньорита. Но я всегда делаю то, что в моих силах.

Ну прямо предвыборная речь! Защита, опора, благороднейший и честнейший человек с королевскими дарами. С виду. А по сути? Странная и опасная затея, заканчивающаяся неизвестно чем.

Впрочем, вполне даже известно. Сам видел. Сам выкапывал.

— Я...

— У вас будет время подумать. Но обещайте, что не потратите его попусту.

Он протянул Лил конверт. Та осторожно взяла подарок, заглянула внутрь и растерянно спросила:

— А это что ещё?

— Телефон. По которому я буду ждать от вас один-единственный звонок. С сообщением, что все хорошо. Или просто несколько слов о вашей новой жизни. Где бы вы ни находились, вы дозвонитесь. И я сразу же отвечу.

Интересно, у Аны Веласко был при себе такой аппарат? В отстойнике ничего не

нашлось, конечно же. Но это лишний повод думать, что женщина утопла не по своей воле.

— Завтра вечером, до полуночи вас будет ждать судно в рыбном порту. На двадцать третьем причале. Если вы решите принять мой подарок, уже будущей ночью начнете другую жизнь. Если нет... Значит, таков ваш выбор. И на всякий случай поясню: при пустой пассажирской каюте банковская карточка будет аннулирована.

А вот это сказано, пожалуй, исключительно в мой адрес. Чтобы не вздумал стукнуть подружку по затылку и продать её «сокровища» на черном рынке.

— Не смею больше задерживать вас, сеньорита.

Слушал Петер весь разговор или среагировал на вызов, дверца распахнулась ни раньше, ни позже официального прощания. С улицы внутрь ворвался воздух, пыльный и аппетитный. В смысле, пропитанный съедобными ароматами. В промзоне так пахнуть не может, стало быть...

Вот так-так! Знакомая улочка. Квартал до дома, не больше. Значит, все это время машина двигалась, а я и не заметил. Отвык. Напрочь. А ведь раньше с завязанными глазами, на спор с Хэнком мог рассказать весь маршрут, до дюйма. М-да.

Девчонка пошатнулась, когда коснулась ногами земли, и повисла на моем локте. Лимузин тихо прощуршал мимо нас и растворился в темноте. Натурально пропал из вида: светопоглощающая окраска кузова идеально отработала потраченные на деньги.

— Я возьму это.

Мелочь, способная изменить жизнь. Хотя, какая уж мелочь? Подобная операция, при условии, что её возможность все-таки правда, а не придумки сенатора, вряд ли проводится в рядовой клинике. И курс инъекций стоит недешево: в ведомости на оплату прислуги эта строка шла отдельно. Красным цветом и внушительными суммами.

— Эй, отдай! Моё! Мне подарили!

Прыгала она высоко. Но все равно не достала.

— Отдай!

— Собираешься завтра отправиться в порт?

— Может и собираюсь!

— Одна?

— Если понадобится, и без провожатых справлюсь!

Прошла минута, не меньше, прежде чем Лил поняла, о чем именно я спросил. Правда, осознание не сильно изменило поведение: девчонка насупилась, а не опомнилась.

— Там будет место только для одного человека.

— И что? Завидно?

Ещё бы. Киплю, прямо-таки. Давлюсь жадной слюной. Тьфу.

— Отдай, а не то...

— Пойдешь к сенатору жаловаться?

— И пойду!

Кстати, она сможет. Добраться, куда задумала.

— А если я скажу, что это опасно? Поверишь?

— Тебе? Ну уж нет. Вижу же, как глаза горят! Уже в мыслях морем дышишь, да?

Приторным ароматом отстойников, скорее. Конечно, морской воздух туда тоже долетает, время от времени, но сладкие флюиды гниения висят облаком поплотнее, чем те, наверху, над головами.

— Я не люблю море.

— А тебе его любить и не надо! Переплыть, и все.

Уже пробовал. Переплывал. Ничего приятного в путешествии не нашел. Условия, правда, были спартанские, даже не эконом-класс.

— Отдай, кому говорят!

— Может, чуточку задумаешься? Вот на секунду хотя бы попробуй представить... Дорогой подарок. Дороже не бывает. И полная секретность, такая, что сам сенатор не будет знать, что и как дальше. Представила? А рассказывает он все при мне. При постороннем человеке, который в его «лотерею» никогда и ничего не выигрывает. Какой вывод можно сделать?

— Ты умный, ты и делай.

О, теперь набычилась. И примеривается к новому прыжку.

— Он ведь не уточнял, кто должен занять каюту на том судне. Зато предупредил, что карточкой тут воспользоваться не удастся. И продать на сторону не получится.

— Да кто ж свою жизнь продаст? Столько денег во всем мире не сыщешь!

— Сенатор не просто так позволил мне слушать ваш разговор.

— Да иначе я бы в машину к нему не села, вот и все! Ему пришлось.

Сеньору Линкольну-то? Пойти на поводу у обстоятельств? Ага, как же. Он прекрасно знал, что произойдет после беседы. Предполагал с точностью до девяноста процентов. Размахивал выигранным билетом перед лицом нищего. Дразнил голодную собаку куском мяса.

— Скажи, много твоих знакомых упустили бы шанс, который представился тебе?

— И я не упущу!

Наклон корпуса, шаг в сторону, и девчонка снова промахивается.

— Хорошо. А что бы ты сделала, уехав? Сенатор не обещал райские кущи, только подспорье на первое время. Пошла бы учиться? Начала бы работать?

— Ну а чего ещё?

— И кто мешает тебе все то же самое делать здесь? Конечно, приятнее слоняться по улицам и строить из себя колдунью. Пока не надоело. А потом?

— Замуж выйду. Детей нарожаю.

— А многому ты сможешь их научить? Что сможешь рассказать? Духи это хорошо. Занимательно. По первому разу даже интересно. Но у них свой мир, а у людей свой. И в этом мире...

Я не сразу понял, что она плачет. Наверное потому, что все происходило беззвучно. Струйки текли по щекам, каплями падая в дорожную пыль, и только тогда можно было их заметить. По отсветам фонаря в соленой воде.

— Лил?

— Не трогай меня!

Дернула плечом, повернулась.

— Я не прав?

— Тебе только это и нужно знать, да? Что ты прав? Ты от этого счастливее становишься?

— Лил, я...

— Прав! Да, прав! Доволен?

Пошлепала прочь. По-прежнему в одной сандалиии. А где вторая? Потерял, дурак. Оставил в лимузине, похоже.

— Лил!

— Да иди ты со своей правотой!

Дома без неё было пусто. На удивление. И уныло. Но повседневные обязанности все равно никто не отменял. И молчаливый слушатель всегда оставался в моем распоряжении.

— В этом городе творится какая-то ерунда, Хэнк. Опасная ерунда. Сенатор со своими странными идеями... Знаешь, что он придумал? Выбирает из местных одного счастливого и дарит ему путевку в новую жизнь. Каково, а? Конечно, никому ни слова, под страхом смертной казни и все такое... Только пока ситуация складывается так, что один из последних таких «победителей лотереи» сгнил до костей в помойной яме. И думаю, не только он. В смысле, она.

Понятно, чему так радовалась сеньорита Веласко. Особенно если была по натуре восторженной дурочкой. Уж на что Лил прагматичнее, и то повелась. Загорелась идеей лучшей жизни.

— Мне все это не нравится, Хэнк. Не в смысле сенаторской идеи, нет. Он имеет право тратить свои деньги, как хочет. Хочется представлять себя тайным благодетелем? Пусть. Если хоть один человек от его подарка стал счастливее, уже отлично.

Он ведь давно этим занимается. Джозеф. Папок в мусорном мешке было достаточно много, чтобы представить масштабы. Но возникает другой вопрос...

Сеньор Линкольн, вам не жаль времени, усилий и средств на простых людей? Похвально. Достоинно. Уважаемо. Только почему, черт подери, вам было не выделить малую толику из щедрот для меня? Я просил денег? Хоть раз просил? Клянчил дом, машину, должность? Требовал вообще чего-то? Нет. Старался учиться, готовился к тому, чтобы быть полезным. Вам. Городу. Людям, в нем живущим. Это не заслуживало поощрения? Ладно, допустим. Примем как данность, что я обязан был так поступать. Положение требовало, семейное или общественное. Но можно же было хоть каким-то образом показать, что мои усилия замечены? Что мои действия...

— Он поставил не на того человека. Когда начал свои лотереи. Да и сейчас дело нечисто. Слишком нарочито все сделано. Под девизом: «Хватай наживку, не медли!». И сдается мне... Точно! Живец. Приманка. Остается только надеяться, что сети расставлены толково, и хищник в них запутается.

Правда, остальные — тоже. Уже запуталось достаточно рыбешек, на добрую уху хватит. И я тоже суну голову в ячею. Завтра. Затянется петля вокруг шеи? Да на здоровье. В каком-то смысле мы с Лил — близнецы. Сиамские. Только она не знает, как хочет жить, не придумала ещё, а я знаю, как хотел. Но не смог.

* * *

— Будешь мне должен, — с нажимом повторил Хозе.

— По гроб жизни.

Он хмуро дернул бровями. Видимо, заявленный срок все же был слишком долгим для расплаты за пустячную услугу.

— Только смотри, не задерживайся сильно. Дурака валять не так-то просто, как кажется.

— Не дурака. Всего лишь дурочку.

Коротышка криво улыбнулся.

Да, пожалуй, Долорес не особенно подходила под такое определение. Конечно, по большей части заблуждалась в своих выводах, зато действовала вполне разумно. После неожиданной находки на полях отстойников и вовсе решила лично контролировать ход работ. Любых, порученных нам с напарником. Но если вчера визиты начальницы заставили бы меня лишь пожать плечами, то сегодня присутствие надзирателя было нежелательным. Совсем.

— Вот, возьми, пожуешь на ходу. Ты же к обеду не успеешь вернуться?

Из кулька пахло маринованным луком и перцем. Сладко-острым.

— Невеста готовила?

— Ага.

— Чтоб с другими не целовался?

— Да ну тебя! Нана не такая. Не ревнивая.

— А судя по количеству специй...

— Не хочешь, выкинь.

Вот так поворот. А я думал, парень кинется на меня, как Лил вечером, начнет прыгать, кричать: «Отдай!».

— Выкинуть?

— Ну да. Вон, можешь прямо в кузов швырнуть, траве от этого хуже не станет.

— Значит, на тебе, боже, что нам негоже?

Он недовольно вздохнул:

— И привязался же... Да, я все равно есть не стал бы. Сам сказал: перца там много. Мне по жару до вечера болтаться: обопьюсь. А ты в столовой наворачиваешь все подряд за милую душу, так что...

Что есть, то есть. Привычка к острой пище. Сколько себя помню, никогда не мучался изжогой.

— Я постараюсь не задерживаться.

— Дело-то нужное?

— Ещё какое нужное!

С удачей Господь не подвел: из всего обширного списка нарядов на уборку мусора Долорес выбрала парк вблизи здания муниципального совета. Где-то впереди маячила череда праздников, вплоть до встречи сезона дождей, и все места общественных гуляний должны были быть приведены в порядок.

С одной стороны, погрузка мешков с травой и ветками — работа, что называется, не бей лежачего: ошметки растений ведь не сами собой собираются, а парковыми служащими, те же никогда и никуда не торопятся. Потому что скорость на жалованье не повлияет. Вот на отстойниках нам бы пришлось пахать, как проклятым... Зато туда Долорес вряд ли заявила бы, а сюда обещала заглядывать регулярно.

В личном кабинете Эста отсутствовал. Пришлось терзать его родственницу просьбой связаться с племянником и вызвать в муниципалитет. Для важного разговора. Параллельно я был вынужден выслушать сетования на легкомысленность нынешних молодых людей, не желающих остепеняться, пока невесты вокруг не закончатся. Любые попытки возразить, конечно же, во внимание не принимались. Норьега, ещё на подходе услышавший проповеднические речи, так и не переступил порог комнаты: приглашающе махнул рукой прямо из коридора.

— Проблемы?

— После сеанса нотаций, предназначенных вовсе не мне? Теперь уже можно считать, что нет.

— А чего тогда звал? Тетушку взбаламутил, она меня потом расспросами изведет, что, да как, да зачем... Решит ещё, хулиганим вместе, тогда вообще хлопот не оберешься.

— Ну извини. Другого способа тебя достать не было.

— Мог до вечера подождать. Ты же мой маршрут знаешь.

— В том-то и дело, что не мог.

Эста настороженно сдвинул брови:

— Что стряслось?

— Есть одна история.

— Твоя?

Все не унимается? Упорный.

— Увы, нет. И поверь, лучше бы она была моей.

Дверь кабинета он закрыл. Не на замок, правда, но так, чтобы лишние звуки до любопытных ушей не долетали.

— Рассказывай!

Этим я занимался с самого утра. Конструировал монологи. Вертел информацию и так, и эдак, пытаюсь найти ту единственную цепочку фактов, которая не слишком сильно ранит... Зря, в общем, время потратил. Не получилось ничего внятного, а значит, предстояло излагать все, как в первый раз. По свежим следам.

— Что ты знаешь о возможности скорректировать характеристики «молли»?

Эста наморщил лоб.

— Да поговаривают... Слухи разные ходят.

— Прочти.

Найти нужные справочные сведения оказалось и в самом деле просто. Минут пять на поиски в библиотечной базе, ещё несколько секунд на распечатку.

— Это что такое?

— Статья. Журнальная. Там все доходчиво описано, без научных закидонов.

Ему понадобилось совсем немного времени, чтобы усвоить прочитанное.

— Ого.

— Ага.

— Но если такое делают...

— Процент успеха крайне мал. Как кому повезет. И главное, это дорогостоящая процедура, назначаемая по особой квоте. В смысле, чтобы только попасть в очередь, нужно быть и богатым, и удачливым.

— То есть, чудо возможное, но почти нереальное? Я понял.

— Угу, нереальное. Пока не найдется человек, собравшийся поиграть в чудотворца.

Норьега нервно разгладил ладонями распечатку.

— Да говори уже, в чем дело!

Ну что, Фрэнки, готов прыгнуть в омут с головой?

— Один из высокопоставленных чиновников Санта-Озы решил благодетельствовать сырых и убогих. Подарить новую жизнь. Запись на операцию с шансом полного выздоровления, в случае неудачи — пожизненная коррекция матрицы, тоже не самое дешевое мероприятие, кстати. А ещё конкретные деньги на первое время. Стартовый капитал.

— Звучит, как сказка.

— Так и есть. По сути. Для избранных счастливицков происходящее явно было больше, чем волшебством.

— И много их?

— Рожденных заново? Понятия не имею. Думаю, кое-какую пищу для размышлений даст сводка пропавших без вести. Люди ведь пропадали в Низине?

Эста кивнул:

— Нечасто. Но да, бывало такое.

— Ну вот. Только не все из них отправились в лучшую жизнь, как выяснилось.

— М?

— Помнишь вчерашний скелет?

— Хочешь сказать...

— Сеньорита Веласко тоже получила сказочное предложение. Я прочитал письмо,

неотправленное. Нашел, когда вывозили хлам из её дома. Куча счастья, предвкушение, упоминание о строжайшем запрете делиться с кем бы то ни было информацией, восторги и прочие глупости.

— Оно у тебя?

— В мусоре оно. И скорее всего, уже переработано. Я же не знал тогда, о чем идет речь. Подумал: странное послание. Но раз человека давно уже не было, и никто его не хватился... А вчера все встало на свои места.

— С трупом-то понятно. Только откуда взялась придумка про чиновника?

А это уже вторая часть истории. Самая занимательная.

— Я лично видел и слышал, как вручался последний такой подарок.

Норьега глубоко вдохнул:

— Ты?

— Да, сподобился. Правда, насколько понимаю, это произошло вовсе не случайно, а с прицелом.

— С прицелом на что?

Сейчас в ход должны пойти детали. Подробные и неопровержимые. К сожалению.

— Чиновнику нужна была база, из которой можно выбирать счастливчиков. Чтобы соблюсти справедливость, наверное. Равные права на удачу. Собственноручно собирать досье не с руки, особенно если ты по долгу службы не имеешь отношений с необходимой фокусной группой. Значит, нужен посредник. Человек, способный добывать специфические сведения, не вызывая подозрений. Не рискуя ни собой, ни участниками «лотереи», в общем. Улавливаешь?

— Стараюсь.

— Поэтому чиновник привлек к исполнению своего плана сотрудника муниципалитета. Из отдела социального надзора, так было удобнее всего. Естественнее.

Судя по напряженной работе мысли, отразившейся на лице Норьеги, тот начал перебирать в уме коллег.

— Но как говорится, если тайну знают двое, это уже никакая не тайна... Тот муниципальный служащий начал играть в свою игру. Наверное, торговать информацией. И видимо, счастливчики прекратили добираться до места назначения. Либо вместо них в медицинском центре появлялся кто-то другой. Как думаешь, сколько согласится заплатить человек «в бегах», чтобы без проблем получить новую жизнь?

— Сколько попросят.

— Ага. Схема ясна?

— С твоих слов... Да. Но это пока ещё только слова.

Я вынул из-за пазухи листки досье и положил на стол перед Эстой.

— Узнаешь бланки?

Кивок.

— А имена?

— Двоих точно разыскивали. И не нашли. А это та женщина, которая...

— Вместо лучшей жизни нашла смерть.

Норьега разложил обрывки личных дел в подобие пасьянса.

— Наши бумажки. Весь отдел пользуется такими. А в отделе человек... Много.

Последнее слово прозвучало вопросительно. Не в смысле, что социальный инспектор сомневался в своей оценке количества персонала. Вопрос подразумевался совсем иной. И

спустя несколько секунд он все-таки прозвучал:

— Кто?

— Это так важно?

— А на кой черт ты тогда вообще все это рассказывал?!

— Чтобы кто-нибудь знал о происходящем.

— Почему именно я? Я же тоже работаю в отделе надзора. Могу ведь быть заодно с тем твоим злодеем.

Не такой ты человек, Эста. А даже если такой, то притворяешься просто поразительно. Хочется верить сразу и безоговорочно.

— Что ж, считай, рискнул. Удачно или нет, дело десятое.

— Тебе просто не к кому было больше пойти, да?

Угу. Ситуация вполне прозрачная. И я бы даже признал это сам. Вслух. Через минуту, не больше.

— Я хотел поставить тебя в известность. Потому что тебе небезразличны судьбы твоих подопечных.

— А что дальше? Что мне делать?

— Выбор за тобой.

— Ну уж нет! — Он сгреб листки в одну кучу. — Это все прекрасно! То есть, ужасно. Неважно. Ты пришел, рассказал жуткую историю, но при этом не сказал ничего конкретного!

— Например?

— Имена! Где ты взял бланки? Нашел на улице? Не поверю.

— Конечно, нет. В муниципалитете.

— Будешь утверждать, что нашел?

— Их положили в мусорный мешок, который я вез.

— Значит, ты видел, кто это сделал?

— Да.

— Кто?!

Наверное, стоило просто все записать. На бумагу. И отправить почтой. С именами, датами, стенограммой бесед. Но мне почему-то показалось, что живое участие будет эффективнее... По крайней мере, оставит нужный след в чувствах.

— Ты знаешь этого человека. Большого не скажу.

— И про чиновника не скажешь? Ты же видел и слышал его, да?

— Он заслуживает уважения. Глупая затея была, наивная, но искренняя. Он хотел помочь.

— Единицам?

— На всех не хватило бы даже его имущества.

Ой, зря я это сказал: Эста сразу подобрался, как охотничья собака.

— Даже «его» имущества, говоришь?

А небо за окном такое... такое... Ясное, как правда.

— Сенатор, да? Больше никто не смог бы.

— Без комментариев.

— А ты его защищаешь.

Нет. Ни капли. И не пытаюсь.

— Это личное. Не поступок «хорошего гражданина», а что-то вот тут, — он наклонился

и ткнул кулаком мне в грудь.

— Эста...

— Знаю, что не расскажешь. Может, и правильно делаешь. Но тебе станет легче, когда выговоришься. Обязательно. А если будешь держать все в себе...

Ничего я не держу. Пусто везде. Злость и та закончилась.

— Конечно, в полицию ты обращаться не собираешься. Из-за сенатора?

— Он решит проблему своими силами, поверь. И уже решает.

— Ну-ка, ну-ка! О чем речь?

— Предложение новой жизни предназначалось не мне. Но мне позволили его услышать.

Неслучайно.

— Думаешь?

— Сенатор собирается поймать злодеев с поличным. Он обставил все так, чтобы именно я сегодня отправился на назначенное место и...

— И?

— Там что-то должно произойти. Но акулу нужно выманить на чистую воду, а для этого обычно используют...

— Свежую кровь.

Да, вроде того. Приманку. И Лил подходит на эту роль меньше всех остальных кандидатов.

— Ты понимаешь, что может случиться? Или должно? Тебя ведь прямо там могут...

Убить? Скорее всего. Не уверен, что труп входит в планы сенатора, но одним покойником больше, одним меньше... Невелика потеря.

— Все будет хорошо.

— Будет. Потому что я тоже буду там!

Хорошо, что это его решение. Так проще. Не придется оправдываться больше, чем нужно.

— Где назначена встреча?

— В рыбном порту. Двадцать третий причал. Знаешь эти места?

Вместо ответа Эста ринулся к шкафу и после недолгих поисков швырнул на стол потрепанный рулон бумаги.

— Сейчас увидим!

* * *

По случаю выхода в город Долорес выглядела просто шикарно. Можно сказать, волнующе. Для сторонних зрителей. Что же касается непосредственных подчиненных, те чувствовали себя, по меньшей мере, неудобно.

— Это уже не первое нарушение вами рабочей дисциплины, ведь так, сеньор Ллузи?

Самым отвратительным в этом тяготящем спектакле было то, что мои реплики, к примеру, в сценарий не входили. Любые возражения, оправдания, охи, вздохи и прочие попытки принять участие в беседе оставались незамеченными.

— За предыдущие вам удавалось получить индульгенцию. Как говорится, первый раз прощается... Но с сегодняшнего проступка я начну вести учет. Строгий, не сомневайтесь!

К позитивным моментам относилось теперь уже явное нежелание Долорес со мной

расставаться. Казалось бы, не устраивает работник — уволь к черту, и все дела. Но это мне, похоже, больше не грозило. Надеюсь, что скорее к счастью, чем к сожалению.

— Если потребуется, я изыщу средства, чтобы снабдить вас персональной рацией. С условием ежечасного отчета о местонахождении и выполняемой работе. И не приведи Господи мне обнаружить потом расхождение между вашими словами и результатами пеленга!

В каком-то смысле почти приятно: столько внимания сразу и мне одному. Немного напрягает? Ну, это с непривычки! Неделя, две, три, и все станет обыденным. Как утреннее пробуждение в доме, о существовании которого я двадцать лет своей жизни даже не подозревал.

— Странно, что на сей раз вы не рассказываете очередную детективную историю. Не успели придумать?

Ответить? Нет, бессмысленно и бесполезно. Хотя и история есть, и преступление, и улики.

— К завтрашнему дню фантазия проснется? Буду ждать с нетерпением.

О, в таком случае лучше, если вечернее приключение поставит точку не только в благотворительной затее сенатора, а и в...

— Ко мне он ходил.

Вот кто не заморачивается внешним видом, так это Лил. Город, не город, день, ночь — никакой разницы. В силу скудости гардероба? Верно. Но женщины обычно любят себя украшать. Не могут удержаться. А ещё цветок в волосах хотя бы чуточку скрасил мрачное выражение лица.

— Повидаться надо было.

Когда делаешь подобное заявление и одновременно строишь морду утюгом, как, по рассказам, любит повторять девушка Хозе, тебе вряд ли поверят. Хотя, можно ведь руководствоваться и другими мотивами. Например, сообразить, что со стороны угрюмой малявки исходит куда большая угроза, чем дисциплинарные взыскания за рабочие проступки.

— О, ну раз такое дело...

— И мы ещё не закончили.

Обещание скорой и беспощадной разборки? Наверняка.

— В свободное от работы время, сеньорита. Я за этим прослежу.

— Угу. И я прослежу. Посижу тут, в сторонке.

Женщины поняли друг друга: Долорес отправилась к машине, а Лил плюхнулась на первую попавшуюся скамейку. Сдвинула коленки вместе, обхватила себя руками и уставилась на меня. Исподлобья.

— Твоя зазноба? — спросил Хозе, когда мы оба склонились над заполненными мешками.

— Вроде того.

— Мелковата как-то. Ты-то парень видный, а она...

— Какая есть.

— Но с характером, это уж точно! Горяча, наверное, чертовка?

Ну что тут ответишь? Только хмуро промолчишь.

Так она и сидела всю вторую половину дня. Не двигаясь. Поразительное терпение. Или поразительное упрямство. Хотя именно благодаря ему мне позволили не возвращаться на

базу, а сразу отправляться домой. То есть, напрямиком в пасть разозленной девицы.

— Есть хочешь?

Посопела, помолчала, буркнула:

— А сам как думаешь? С обеда же тут торчу.

— На, попробуй. Островато, но с голодухи пойдет.

Лепешку Хозе я так и не съел. Заболтался с Эстой, а когда попал под раздачу начальственных нотаций, и вовсе забыл про сверток. Хорошо, что упакована еда была грамотно: не обветрилась и не потеряла ни капли своего аромата.

— Твоё?

— Какая разница?

— Дома делали, не в кафешке. Откуда взял?

— Угостили.

— Новую чику нашел?

— Девушка напарника сготовила. А он со мной поделился. Ещё вопросы будут или все-таки поешь?

Она впилась в бурито зубами. Жадно и хищно.

— Уххх...

— Очень много перца?

— Переживу.

С едой Лил расправилась в считанные секунды. Отряхнула ладони, разгладила юбку.

— Ну все, теперь можем прогуляться.

Интересное заявление. В мои планы не входящее никаким боком.

— На сегодня гулянки отменяются.

— Все-все?

— Абсолютно.

— Даже в сторону порта?

Ага. Понятно. Память у нас вовсе не девичья.

— Ты туда не пойдешь.

— А ты?

Рассказать? Может, и стоило бы. В конце концов, она имеет право знать. Как непосредственный участник. В то же время, на кой черт ей все это? Только волноваться будет. Или влезет, куда не звали. Нет уж, пусть лучше злится. Так безопаснее.

— Ну хоть проводить-то можно?

Насмешничает. Сквозь обиду и злобу.

— А ручкой на прощание помахать позволишь?

— Я не собираюсь никуда уезжать.

— Ой ли?

— Хочешь прогуляться? Давай прогуляемся.

К вечеру народа прибавляется в парках, на торговых улицах и в открытых кафе, а деловые кварталы стремительно пустеют. Очень удобное свойство для долгих разговоров наедине.

— Я понимаю, тебе нужнее.

— Что нужнее?

— Вещи те. И все остальное.

Возможно, в других обстоятельствах имело смысл ухватиться за подвернувшийся шанс.

Но могли ли они возникнуть? Лил попала в список сенатора потому, что живет в Санта-Озе и находится под муниципальным надзором с самого рождения. Я в этой очереди буду крайним с конца. Хотя бы учитывая дату официальной регистрации. Да и матрицу менять мне не надо. Билет на тот край света и немного денег, вот и вся выгода. Только для неё мне не нужно чудо. Заработаю. Со временем. И уеду, если захочу. В любой момент.

— Тебе там будет лучше.

Да параллельно мне будет! Что там, что здесь, стартовые условия одинаковы. Кстати говоря, Санта-Оза даже предпочтительнее: я знаю здешние особенности. Преимущества, недостатки, традиции, уловки, сферы влияния.

— Выучишься, разбогатеешь...

Ох, мечтательница!

— Я никогда не собирался гоняться за деньгами.

Сначала потому что они мне не требовались. Да и теперь ровно по той же причине.

— Почему? Деньги всем нужны.

— И тебе тоже?

— А чем я хуже других?

— И для чего? Можешь рассказать?

— Дай денег — расскажу!

По-своему она все-таки очаровательна. Прямая, открытая, честная. Не идеальная мужская мечта, конечно, но думаю, тому же Хэнку она бы понравилась. Так что, может и хорошо, что он спит: отбил бы в два счета.

— Как по мне, деньги нужны только для дела. Но большую часть всего на свете можно сделать только желанием, собственными силами и поддержкой единомышленников.

— Без единой монеты?

— Не веришь?

Качнула головой.

— Деньги ведь не сразу появились в мире. Сначала люди обходились взаимными услугами. Кто-то вскопает поле, кто-то смастерит плуг, кто-то пошьет одежду. Услуга за услугу.

— А почему он тогда вообще появились? Ведь так проще. И честнее.

— Потому что мир становился все больше и больше. И цепочки услуг вытягивались все длиннее и длиннее... Так и получилось, что когда человеку с одного края земли нужна помощь кого-то с другого края, свиней туда не погонишь: сдохнут по дороге. А деньги послать можно и уже там купить на них хоть целое стадо.

— А почему нельзя найти помощи ближе? У соседей? У него ведь должны быть соседи!

— У кого?

— У того человека, о котором ты говоришь. Почему же они ему не помогли?

А в самом деле, почему?

— Наверное, не захотели. Или поссорились.

— Значит, он плохой? Если ругается с соседями, значит, плохой.

В логике ей не откажешь. Простой, будничной, наивной логике.

— Были причины, в общем. Серьезные. И не у него одного.

— А если бы все жили дружно, то и денег бы сейчас ни у кого не было?

Кто знает... Всякое случается.

— Вот нам с тобой деньги разве нужны? Продуктовый паек выдается, жилье, вода,

транспорт предоставляются. Благотворительные ярмарки? Пожалуйста! Бери не хочу.

— Но ты же зачем-то пошел работать?

Затем, что новоявленный папочка ухитряется пропить теперь уже два пайка.

— За еду.

— И все?!

— Какое-то жалованье мне положили, не спору. Но я пока даже не думал, на что буду его тратить.

— Как это на что? На...

И осеклась. Задумалась. Надолго. А потом сокрушенно признала:

— Да, если одежду покупать, так все равно лучше той рубашки не найдешь, а она даром досталась.

— Вот видишь.

Дюжина шагов в молчании.

— Но если тебе не нужны деньги, зачем тогда туда идешь?

— Потому что есть вещи поважнее.

— Какие?

— Я тебе все объясню. Завтра.

— Ага, так я и поверила!

Все ещё насупленная. Сердитая. И немного растерянная.

— Я никуда не уеду.

— Поклянись!

Опять детство в попе заиграло?

— Чем поклясться?

— А что для тебя самое дорогое?

Трудно сказать. Ничего вроде и не осталось.

— О, придумала! Другом своим поклянись! Жизнью его.

Не слишком ли серьезно будет?

— Ага, струсил! Значит, врал?

— Хорошо. Клянусь жизнью Хэнка, что не уеду из Санта-Озы.

— Никогда-никогда?

Временами этот максимализм начинает раздражать.

— Никогда.

Слегка оттаяла — уцепилась за локоть. Но тут же сообщила:

— Так, на всякий случай: я тебя не простила. Ясно?

Без предварительной рекогносцировки, проведенной Эстой, я бы заплутал в Пуэрто-Пескере^[12] сразу и окончательно. Один лабиринт причалов, где-то повторяющих береговую линию, а где-то выстроенный, как первоначально показалось, наперекор здравому смыслу, чего стоил... Разномастные суда положения тоже не облегчали, не позволяя разглядеть что-либо на пару корпусов вперед. На двадцать третьем, правда, обстановка была поспокойнее: в основном, небольшие рыбацкие лодки и катера. И проплешины пустых мест на стоянках.

Неужели среди местного населения даже рыбаков становится меньше? Плохой признак. Это же преимущественно семейные династии, значит, дети не желают идти по стопам родителей. Если они вообще существуют, конечно. Наследники. Хотя, неизвестно, что приятнее: не иметь детей вовсе или видеть, как они слоняются без дела целыми днями. Скорее всего ведь так и есть. В смысле, ничем не занимаются. Ввиду полного отсутствия целей.

Забавно, но я никак не могу вспомнить, была ли разработана стратегия развития города. При мне подобные разговоры точно не велись, в бумагах сенатора, разложенных по всему дому, даже тезисов на эту тему не наблюдалось. Но Джозеф же должен был понимать, что происходит? Или у Санта-Озы судьба такая на роду написана: умереть? Не хотелось бы верить. И не хотелось бы стать свидетелем. А впрочем...

Я же пообещал? Значит, буду умирать вместе с городом. Или — жить вместе с ним.

На берегу воздух всегда пахнет солью. И прелыми водорослями. Аромат едкий. Чужой. Угрожающий. Правда, когда в него вливаются ноты жевательного табака, становится совсем неуютно.

Двое. Примерно одинакового роста, в одинаковых полотняных костюмах. Почти близнецы, только один поздоровее. Зато у второго на носу очки, а в руках несессер.

— Это здесь раздают билеты в лучшую жизнь?

— Ага, прямиком в рай отправим! — осклабился здоровяк.

Очкастый шикнул на него и щелкнул застёжкой.

— Все будет в лучшем виде. Фирма гарантирует. А для того, чтобы путешествие не доставило вам каких-либо неудобств...

В свете причальных фонарей блеснула игла иньектора.

— Это снимет возможные спазмы и другие осложнения. Пожалуйста, закатайте рукав.

— Не люблю я, когда в меня иголками тычут.

— Для вашей же безопасности. Но конечно, если желаете помучиться...

Он сделал вид, будто убирает инструмент назад, и я вздохнул.

— Да ладно вам, доктор! Это ж шутка.

— Лично я считаю, что в делах жизни и смерти юмор неуместен.

— Ага, он у нас серьезный, — в разговор снова встрял здоровяк. — Все делает без улыбки. Зато на совесть.

Я потянул рукав вверх.

Скорее всего, снотворное. Так проще. Убивать же не требуется: скинут снова в отстойник. А, забыл, там сейчас все перекрыто полицией. Значит, на самом деле отправят в плавание. С грузом. И пожалуй, рыбы справятся с телом не хуже, чем химикалии.

Тишина. Ни плеска, ни вдоха. Неужели я ошибся в своих выводах? Тогда, наверное, ещё

не поздно свалить восвояси. Если позволят.

— Пройдите сюда, под свет. Здесь удобнее.

— Конечно, конечно, доктор.

Шаг. Второй. Третий.

— Стойте!

Капля пота сорвалась с брови. На щеку. Соленая и холодная.

— Это не тот человек.

Изо всех возможных гостей он был самым логичным. И самым неожиданным. Вернее она.

— Как не тот? Он знал, куда идет, точно говорю.

— Должна быть девушка.

Платок, в который закутаны плечи, спускается почти до самого подола юбки. Темный, под цвет береговой ночи. Если поднять его край на голову, фигура совсем сольется с окружающим миром, а сейчас светлые волосы солнцем сверкают под фонарем.

— Да какая разница?

— Должна быть девушка.

Каблуки постукивают по доскам причала. Мелко и нервно.

— Он не поедет.

— Не вам решать, сеньорита. Есть срочный заказ, а заказы надо выполнять. Желание клиента превыше всего.

— Я сказала: нет.

— Вы плохо понимаете? Босс ждет. И если не дождется...

— Я сама принесу то, что нужно.

С подельниками Глория разговаривала сухо, без единого намека на эмоции. Наверное, поэтому парочка, переглянувшись, согласилась с предложенными условиями.

— Ну смотрите, сеньорита. Наше дело маленькое, можем и отойти в сторону. Только потом не жалуйтесь, что не справились!

Ушлепали. На твердую землю. Вокруг снова стало тихо.

— Я не ошиблась в тебе.

Чувства в голос пока ещё не вернулись.

— Она, конечно, не могла удержаться и не рассказать, а ты, едва понял, какой шанс идет в руки, не стал медлить.

Зябкое движение плеч под платком.

— Все же жаль, что мои планы нарушились. Я хотела посмотреть, как настырная девица сдохнет, но...

Ну да, сострять досье на Лил и подсунуть его сенатору было парой пустяков. Тем более, Джозеф ясно давал понять, что следующая «лотерея» вот-вот состоится.

— Отдай мне конверт. Ты же слышал, его должен получить... заказчик. Иначе у всех нас возникнут проблемы.

Гордый профиль, смягченный лунным светом. Равнодушный и бесстрастный.

— Я достану тебе новый. Если захочешь. И если...

Шагнула ко мне. Подняла голову.

— Я хочу быть с тобой, Франсиско. И поверь, ты не останешься внакладе.

— О чем вы говорите, сеньорита?

— Есть деньги. Много денег. Не так много, как я рассчитывала, он ведь все такие

жадные... особенно те, кто и пальцем о палец не хочет ударить. Но нам с тобой хватит. Здесь — на целую жизнь. Или уедем, хочешь? Нужно только немного подождать, пару месяцев, и у нас появятся такие конверты. На двоих.

Смотрит так, будто хочет что-то найти в моих глазах. Настойчиво. Беспощадно.

— Ты умный парень и никому ничего не скажешь. Я ведь не ошибаюсь?

Странно. Я уже знал, приходя сюда, кто и в чем замешан, но слушать живое признание как-то... жутковато, что ли. И разрушительно. Для светлых мыслей об окружающем мире, по крайней мере.

— Нам будет хорошо, обещаю.

С холодной скользкой змеей в постели может быть хорошо? Не уверен.

— Глори?

Она дернула головой, но не повернулась.

— Глори, это ты?

— Все замечательное однажды заканчивается. Знаешь, почему, Франсиско? Потому что любые решения надо принимать вовремя.

То, что ткнулось мне в живот, явно было оружием. Пистолетным дулом.

— Тебе, как всегда, не спится по ночам, Эстебан? — она почти проворковала эту фразу, в отличие от предыдущей, сухой, как галета.

— А что ты здесь делаешь?

Он не должен был выходить на причал. Договаривались, что не станет вмешиваться. Правда, и я не рассчитывал на то, что в сценарий вдруг введут женскую роль.

— Дышу морским воздухом.

— Это не лучшее место для прогулок молодой женщины. Можно встретить опасных людей.

— Разных людей.

Глория, и так стоявшая почти вплотную ко мне, ещё немного подвинулась. Вперед. Вдавливая металл все сильнее и сильнее.

— Я часто приглашал тебя на набережную. Помнишь?

Она усмехнулась, по-прежнему глядя на меня.

— И ты каждый раз отказывалась.

Улыбка стала шире. И заметно кривее.

— Я начал думать, что ты просто не любишь море.

— Или не люблю тебя.

По лицу Эсты трудно было сейчас что-нибудь прочитать: оно застыло. Натурально, как будто все мышцы разом свело. И наверное, сеньорита Толлман уже праздновала победу. Но Норьега поступил так, как обычно и делают хорошие парни в правильных фильмах.

— Теперь понимаю, в чем было дело. Ты не хотела бывать там, откуда другие отправлялись на смерть.

Улыбка осталась приклеенной к губам Глории, зато взгляд помрачнел.

— Скольким людям ты подписала смертный приговор? Десятку? Может, сотне?

— Хочешь знать точную цифру? Можешь посчитать сам. По спискам пропавших. Но их ведь никто не искал, правда, Эстебан? Их не стало, словно и не было. Никогда.

— Зачем ты это делала, Глори? Зачем? — В голосе Норьеги тоже не слышалось чувств, одно только гулкое эхо горечи. — Они и без того были несчастны, чтобы умирать вот так, обнадёженными и обманутыми.

— Они умирали счастливыми. Веря, что отправляются в рай. А не оставались прозябать тут, в нищете и бессмысленности.

— Тебя послушать, так получается, что ты их благодетельствовала?

— Почему нет?

— В нищете, значит? Разве они ехали за деньгами? Им просто хотелось стать...

— Такими же, как богачи со склонов Сьерра-Винго. Да, я знаю.

— Ничего ты не знаешь! — Он чуть ожил. Лицом. — Я вспомнил одного из твоего списка. Мы разговаривали, наверное, с полгода назад. Он мечтал изменить жизнь, но не свою. Он хотел помочь всем. И когда выпал этот чудесный шанс... Представляю, с какими чувствами несчастный мальчик шел сюда.

— С теми же, что и все остальные.

— Ты видела его?

— Какое это имеет значение?

— Ты ходила на причал каждый раз?

Хорошо, что он не видел лица своей возлюбленной. А с другой стороны, тогда никаких вопросов не потребовалось бы.

— Чтобы убедиться, да?

Она вздохнула. С ленцой и скукой.

— Ходила. Когда поняла, что задумал сенатор. Я ведь сначала ничего не знала. Мне поручили важное задание, и я была горда этим. Очень горда. А потом, в библиотеке, мне случайно встретила девица, имя которой стояло в списке, представленном нашему щедрому благодетелю. Она искала информацию. Конечно, как умела, а умела плохо. И обратилась за помощью. Ко мне. Думаю, ты догадываешься, что за статьи ей были нужны.

Вот все как просто, оказывается. Счастливый случай. Вернее, несчастный.

— Главного она не сказала, но это было уже не обязательно. По её глазам, по лицу... И любой дурак понял бы: что-то нечисто. К тому же она торопилась. На какую-то вечернюю встречу.

Интересно, если бы та девушка узнала, что её невинная просьба привела к гибели стольких людей, что бы она чувствовала?

— Я и в тот раз стояла на причале. В тени, конечно, не высовываясь. И смотрела, как эта нищенка, радостная и сияющая, уплывает прочь. В лучшую жизнь.

— Уверена?

Она снова улыбнулась. Снисходительно.

— У меня имелись все данные, которые нужны для слежки. И немного денег, чтобы заплатить детективу там, куда уплыла яхта. Он рассказал про операцию, про банковский счет и все остальное. И мне стало обидно. До боли обидно.

Оно и понятно. Если бы я в свое время узнал про сенаторские причуды, это стало бы убийственным. Может, для меня, но скорее — для него. Да, я не вынашивал бы планы мести или что-то подобное, а просто пришел бы и начал задавать вопросы. И постарался бы получить ответы. Всеми силами.

— Блаженны сырые и убогие, ибо их ждет царствие небесное... Библия оказалась права. Но разве это можно считать справедливым?

— Это не повод лишать жизни тех, кому повезло.

— Для тебя? Пусть так. Но не для меня.

— Глори, то, что ты говоришь...

— Пугает? О да! Я даже слышу, как ты дрожишь. Вон, причал раскачивается из стороны в сторону... И потом, Эстебан, не ты ли все время твердишь, что каждый человек заслуживает лучшего? Разве я не вхожу в число этих «каждых»?

М-да, а раньше лекции по психологии казались мне занудными и никчемными. Теперь понимаю, почему: иллюстраций не было красочных.

— Заслуживает, да. Но я не говорил о том, чтобы отнимать у одного и отдавать другому.

— Удачи никогда не хватает на всех.

— Это мерзко, Глори. То, что ты сделала... Я не знаю подходящих слов.

— Так сходи и почитай толковый словарь. Или ещё что-нибудь.

— Ну уж нет. Я уйду отсюда только вместе с тобой, и отправимся мы...

— В полицейское управление? Не смей! Тебе нечего предъявить, кроме слов.

— Ну почему же?

Зашуршала бумага.

— Те досье, что ты готовила. На них стоит твоя печать. И все имена совпадают с именами про...

Она все-таки обернулась. На один короткий взгляд. А потом снова уставилась мне в глаза, ни на градус не потеплевшая, но заметно взбешенная.

— Ты? Я должна была догадаться!

— Этого хватит для начала следствия. Должно хватить.

— Плохо слушаете, сеньор Норвега. Я же упоминала, кто заказывал подготовку документов. Повторить?

Ну да, следствие — последнее, что допустил бы сенатор. Огласка, шумиха, народные волнения... Не будет никакой полиции, и Глория прекрасно это понимает.

— Если все так, как ты говоришь, я сам, своими руками...

— Не сдюжишь, Эстебан. Уж извини, но это не твоё. Так что лучше иди домой, ложись в постель и проспай к утру, чтобы все забыть.

— Ты тоже кое-что забываешь. Нас тут не двое, а трое.

— А, в самом деле!

Она повернула голову.

— Надеешься на помощь этого простофили? Зря. Если он двинется с места, то умрет. Может, быстро, может, медленно. Как повезет. И то же самое случится, если ты сделаешь хоть один шаг в мою сторону.

За происходящим на причале должны были наблюдать. Непременно. Со всей возможной тщательностью. Но не только вести запись событий. Сенатор ведь понимал, какие элементы задействованы в планах Глории. Преступные, скажем прямо. И он обязан был позаботиться о моей безо...

Или нет? Или выводы напрочь неверны? В конце концов, если сеньор Линкольн в самом деле не желает огласки, ему выгодно, чтобы все свидетели, случайные и не очень, канули в Лету. То есть, в воду. С причала.

Значит, ждать нечего? Ну и ладно.

— Уходи, Эстебан. Пока не случилось непоправимое.

— Она...

— Держит меня на прицеле? Да.

И тут все снова вернулось к правильному фильму. В глупейшей его вариации.

— Если я уйду, ты его отпустишь?

— Я подумаю об этом.

Норьега сдвинул брови:

— Если с ним что-нибудь случится...

Одна и та же карусель. По пятому кругу. А я всегда это ненавидел.

— Может, не станем откладывать на будущее?

Просторные складки платка мешали не только мне: Глория не видела движения моих рук и вздрогнула лишь когда почувствовала хватку на запястьях.

— Не дури! У меня хватит духа выстрелить.

— А мне плевать. И учти, насколько бы больно не было, я не разожму пальцы. Пока Эста до тебя не доберется.

— Хочешь умереть?

— Мне терять нечего.

— Все так говорят, пока речь не заходит о жизни.

— Это не жизнь. Жалеть о ней точно не буду.

Ей стало больно раньше, чем мне. А сразу же за болью наступил временный паралич, ощущения от которого я прекрасно изучил на собственном опыте. Во время занятий с инструктором по самообороне. Так что, когда Норьега возник за спиной Глории, выстрела можно было уже не ждать.

— Возьми.

Эста взвесил пистолет на ладони. Небольшой, что называется, дамский, но вполне убийственный.

— Что, теперь сам используешь? — зло спросила Глория, отчаянно массируя онемевшую кисть. — Ну, вперед!

— Знаешь, это совсем непросто.

— Так отдай своему приятелю, у него крыши нет, срывать даже нечего!

— Есть вариант поинтереснее.

Я опустил руку в карман, нашарил и вытащил телефон. Тот, сенаторский. На один звонок.

Соединение произошло мгновенно, и на том конце мне ответили:

— Слушаю.

Напряженно? Безразлично? Разобрать было невозможно.

— Ваши наблюдатели записали все, до последнего слова?

Пауза. Видимо, потребовавшаяся для связи с теми, о ком я спросил.

— Да.

— Тогда девушка в вашем распоряжении.

Я нажал кнопку отбоя не сразу. Подождал пару секунд на случай, если мне все-таки что-то захотят сказать. Не дождался.

— Пойдем, Эста. Нам тут больше нечего делать.

Все это время Глория медленно отодвигалась назад, к кромке причала. Замерла, пока длился мой разговор с сенатором, но сразу после него прыгнула. В темноту.

Раздался плеск воды, но не одиночный, как можно было предположить. А минутой спустя беглянка снова была водружена на причал. Парой крепких парней в легком водолазном снаряжении.

Ещё несколько мужчин сходной комплекции подошли со стороны суши. Двое взяли Глорию под локти, а третий — Петер, личный телохранитель сенатора — протянул руку. За

телефоном.

Значит, они все-таки болтались здесь? Группа захвата плюс наверняка ещё и снайперы? А что же медлили? Могли вмешаться ещё до появления Норьеги. Проявить человечность, так сказать, не подвергая меня и его ненужному риску. Но да, я ведь всего лишь парень из Низины, и ни моя жизнь, ни моя смерть ничего не стоят.

Телефон полетел в воду. По широкой дуге.

— Я могу отправить тебя за ним.

— Попробуй.

Он выше ростом, чем я, но это не мешало нам смотреть друг другу в глаза. До самой развязки, какой бы она была.

Щелчок. Сухое столкновение пальцев, и один из водолазов послушно соскользнул с причала.

— Я все ещё не вспомнил тебя, парень. Но теперь буду стараться вдвое упорнее.

— Бог в помощь.

Они исчезли точно так же, как и появились. Беззвучно. И конечно, бесследно. Можно было спорить, что те двое подельников Глории тоже давно уже повязаны и доставлены. Куда следует. Да, отнюдь не в полицию.

— И это все? — разочарованно спросил Эста у воды, плескавшейся где-то под ногами.

— А чего ты хотел? Оркестра и салюта? Забудь. На высшем уровне все дела делаются именно так, тихо и точно.

— Тебе виднее.

— Снова за старое? Хватит уже. И кстати... — Вот удобный момент, чтобы раз и навсегда отвадить Норьегу от фантазий о моем происхождении. — Это же были люди сенатора, верно?

— Надо думать!

— Тот здоровяк вообще его сопровождает везде, на каждой фотографии найдешь, если захочешь.

— К чему клонишь?

— Если бы я был... Если бы и впрямь раньше жил там, где ты думаешь, он бы меня знал. Согласен?

— Ну, он мог и притвориться.

Прозвучало неуверенно. Слава Господу, получилось!

— Ты видел его лицо?

— Видел.

— Вопросов больше нет?

Он фыркнул:

— Тебе это так важно?

— Что?

— Не оказаться кем-то гораздо большим, чем...

— Нет никого большего.

Норьега вздохнул. Посмотрел на меня, перевел взгляд на воду. Вздохнул.

— А вопрос все-таки был. Один. Только смысл в нем пропал, когда ты сцепился с тем амбалом.

Повернулся вполборота, поднял воротник куртки.

— Ты в самом деле держал бы её. Столько, сколько нужно.

— И это твой вопрос?

— Нет, это ответ. Твой.

Думал, домой мы отправимся вместе. Может, по пути заглянем в какое-нибудь ночное кафе, выпьем по стопке горького рома... Но нет, так нет. Догонять не буду. Постою, подышу ароматами рыбы и йода, заодно попробую угадать, занят водолаз поисками или уже их закончил.

— Эй, полегче!

Она выскочила на причал, чуть не сбив уходящего Эсту с ног. А когда добежала до меня, без паузы, на одном выдохе выпалила:

— Никогда так больше не делай!

И взмахнула рукой.

Это должна была быть всего лишь пощечина. Звонкая, но девчоночья. Я уже получал от Лил такие, и в другое время даже не стал бы уворачиваться.

В другое. Не в эту минуту.

Её лицо выглядело примерно как в те минуты, когда разговор заходил о лоя и колдовстве. Одержимо. Пугающе? Нет. Скорее, с силой, которая вдруг стремительно надвинулась на меня, не хотелось сталкиваться. И мы не столкнулись.

Доски причального настила были мокрыми: водолазы, да и Глория, задержанная при попытке к бегству, оставили свои следы. А очередные сандалии не сумели удержать свою хозяйку на скользкой поверхности.

Бултых!

Крупные брызги взметнулись вверх, орошая причал, и вода тут же забурилась.

— Держи!

Прыгать за девчонкой? Вот ещё. Сама виновата, в конце концов, привыкла, чуть что, руки распускать. И так вытасу.

— Слышишь меня?

Барахтается. Молча. Наверняка, обиженная насмерть.

— Эй, не хочешь за руку брать, потяну за волосы!

Лежать, упиравшись животом в кант настила, не слишком приятно. Можно сказать, больно. А высматривать во взбаламученной темноте Лил — гиблое занятие. Ей-то меня видно намного лучше, к тому же, судя по бултыханию, держаться на воде девчонка умеет. Не утонет, в общем. Если сама не захочет.

— Долго будешь упрямитесь?

Она словно ждала подобного вопроса: вдруг прекратила шевелиться. Совсем.

Связки я слегка потянул. Не мог не потянуть, свисая с причала. Пальцы одной руки и пятка — вот все точки опоры, что мне оставались.

От воды волосы Лил закрутились тугими кольцами, надежно запутывая все, что в них попадало. В том числе и мою руку.

— Пусти!

Отплевалась и забарахталась с новой силой.

— Вылезай давай.

— Не буду!

— Ну, тогда...

— Ай-й-й!

— Или по-хорошему, или по-плохому. Выбирай.

Она думала недолго. Обхватила мою руку, как удав, и притихла, больше не мешая себя вытаскивать.

Когда поднялся на ноги и выпрямился, спина отозвалась нытьем. Слабым, но ясно ощутимым. Оставалось надеяться, что к утру все пройдет.

— Может, одолжишь рубашку?

Она — главная. Всегда и во всем. В любой ситуации, от идиотской до смертельно опасной. Только так, а не иначе.

— Как пожелаешь.

А ветерок-то свежий. Слишком. Надо погреть мышцы, пока не застыли.

— И мясом зря не крути, я тебя не боюсь.

Выскользнула из своего сарафана и закуталась в рубашку. Надо сказать, платьице

получилось куда длиннее предыдущего. Пристойнее уж точно.

— Не подглядывай!

Было бы, на что смотреть. Кожа да кости.

— Я просил не ходить за мной?

Угрюмое сопение.

— Не слышу ответа.

— Ну, просил.

— И видимо, эта просьба показалась тебе совершенно невыполнимой?

— Вот пристал... Да только полный дурак за тобой не пошел бы!

— Ты хорошо все видела?

— Угу.

— Это было опасно, Лил. Понимаешь? Если бы тебя заметили...

— Мне надо было знать.

Ну да, конечно. Убедиться, что я никуда не сбегу, особенно в далекий край-рай, где буду жить припеваючи.

— Теперь знаешь?

Она посмотрела на гладь воды, уходящую к горизонту.

— Я бы умерла?

— Не в этот раз. Но... Могла бы. Хорошо, что сенатор все-таки спохватился.

— Он добрый человек.

Он дурак. Полный и абсолютный. Ладно, даже если оставить в покое его идею с благодетельствованием, все остальное никакой критики не выдерживает. Нашел, кому довериться! Неужели нельзя было отбирать участников лотереи иначе? Действительно, наугад? Просто проходя по улице, тыкать пальцем в первый попавшийся дом? Нет, придумал схему, которая быстренько превратилась в преступную!

А ведь все эти трупы на вашей совести, сеньор Линкольн. Были и останутся. Навсегда. Каково вам жить дальше с таким грузом?

— Доброта закончилась.

— И больше не будет тех карточек?

Неужели расстроилась? Точно.

— Что, трудно расставаться с мечтами?

— Да я даже не успела ещё... помечтать.

Врушка. Наверняка всю прошлую ночь напролет представляла, как бы жила по-новому.

— Ладно, неважно. Все равно, пора забыть. И чем скорее, тем лучше.

— Зачем забывать? Это же... Это было здорово! Как в сказке.

— Дело твоё.

— Забыть — просто, — уверенно заявила Лил. — Р-раз, и отрезало, как не было. Только резать надо себя. По кусочкам. Если все подряд забывать, ничего не останется. Вот тут.

Растопыренная ладонь легла на плоскую грудь.

Резать, говоришь? Может, мне придется так и поступить. Однажды. Вооружиться ножиком поострее и начать строгать что-то где-то внутри. Потому что помнить становится все бесполезнее и бессмысленнее.

— Почему ты так сказал? Там, с этой женщиной?

— Что сказал?

— Про свою жизнь. Что не будешь жалеть.

— Потому что это правда.

— И... и обо мне? И обо мне тоже жалеть не будешь?

Всхлипнула. Сорвалась с места, хлопая сандалиями по дощатому настилу.

Топ-топ-топ, все дальше и дальше в ночь.

* * *

«Ты же меня знаешь, Таша, я фантазировать не умею. От слова «вообще». Я и в детстве сказки слушать не могла — не понимала, о чем в них речь идет, так что не сомневайся, не придумываю. Ни словечка. Я как раз из кафе возвращалась, в полном расстройстве чувств... Да-да, высказала недовольство по поводу обслуживания. Да, в очередной раз. Кто б ещё меня при этом слушал! Так вот, поднимаюсь, выхожу из лифта, а он — мне навстречу. Не лифт, человек! Я его частенько в коридоре встречала, только хоть убей, не помню, в какой он конторе работал. Да и неважно. Хотя... Что дальше? Я иду. Он идет. Друг на друга. И в упор меня не видит, уж думала: столкнемся, но в последний момент отвернул. К балкону завернул. И вид у него при этом был... Да не у балкона! Не перебивай, а то ничего не расскажу. Плохой у него вид был. Я потому и задержалась. Прическу поправить, туфлю. А он к самому краю подошел и говорит, отчаянно так: «Я умею летать». Думала, он себя настраивает, знаешь, тренинги эти дурацкие... Уже уходить собралась, а он возьми и шагни. Да, прямо туда, где ничего нет. И — стоит. В воздухе. Стоит, руки в карманах держит. Я, наверное, ахнула или охнула, потому что повернулся ко мне и снова повторил. Что летать умеет. А я смотрю, и в голове только одна мысль крутится, что нельзя так. Не бывает и быть не может. И тут он прямо мне в глаза вдруг заглянул. А потом дернулся всем телом и как рухнет... Да, прямо вниз. Метров триста летел. Его ложечкой с мостовой собирали. Сказали, что обычный прыгун. То ли день у него не задался, то ли девушка бросила. Я, конечно, при полиции промолчала, мало ли что? Только психиатра мне ещё не хватало по расписанию! Но было оно. Не то, чтобы летал, висел просто. Верил, что висит. И знаешь, Таша... Мне почему-то кажется, что не взгляни мы друг на друга, так и висел бы до сих пор. Или улетел куда вместе с птицами. Увидел он что-то не то, вот и сбился. А что именно, даже представить не могу...»

(Разговор, подслушанный в комнате отдыха)

* * *

— Не берет.

— А?

— Не берет, говорю.

— Чего-чего?

— Напор слабый, вот чего! Сейчас добавлю.

Штуцер дернулся, как живой, вырываясь из рук, зато струя, ударившая в кузов, мигом отслоила особенно цепкий шмат грязи.

Помывочный день, будь он неладен. С одной стороны, вроде и забот никаких: болтаться по городу не надо, сиди себе во дворе, балуйся с водой. А на деле — все та же работа. И

закупориваться приходится чуть ли не плотнее, чем на давешних реакторах, потому что летит от машины всякая разная мерзость. И лицо под прозрачным щитком потеет в два счета. Так, что ручьи текут. Соленые и едкие.

— Ну вот, пошло дело!

Хозе сидит на управлении. Как самый опытный работник из нас двоих. И как полный засранец, конечно. Мог бы и сменять меня, хоть через два часа на третий.

Где Лил шлялась остаток ночи, я так и не узнал. Потому что особо не стремился. Может, ушла к себе домой, может, отправилась к старой приятельнице. Самое главное, что её отсутствие не вызывало волнения.

При первом рассмотрении это казалось неправильным. Ведь молодая девушка, одинокая, практически беззащитная, если не считать фантазий о колдовстве. Чужих, естественно. Останавливающих на полпути. Но все равно, позыва встать и побежать следом за обидчивой капризулей не возникало. Ни на мгновение.

А потом, в какой-то момент я понял: так и должно быть. Лил — часть этого города. Родная, привычная, неотъемлемая. Она дома везде, куда бы ни пошла. Не говоря уже о том, что прекрасно знает каждый закуток и в случае чего...

— Сеньор Франсиско Ллузи?

Это меня зовут или показалось? Шум воды сжирает все остальные звуки. Хозе, в ответ на мой взгляд, пожимает плечами. Ну да, ему же тоже ни черта не слышно.

— Сеньор Франсиско?

Похоже на звон в ушах. Скоро там перерыв-то? Не хватало ещё оглохнуть.

— Франсиско!

О, почти в самое ухо гаркнули.

— Ну чего там ещё?

Когда держишь какой-нибудь инструмент, нельзя об этом забывать. Иначе случается... То, что случается.

Удар был точечный. И точный. Прямо под пышную грудь.

Не думаю, что напор воды был достаточно сильный, чтобы сбить Долорес с ног: скорее, упала от неожиданности. Показав всему двору кружева... м... Она что, носит панталоны? В такую жару?

— Сеньора!

От моей руки начальница зло отмахнулась. Поднялась сама, вымокшая, растрепанная, разъяренная.

— Я тебе это припомню, Ллузи! Крепко-накрепко!

— Да в чем дело-то было?

Все, ни слова больше, одни жесты. Как у регулировщика. И удаление восвояси, с гордо поднятой головой и обещанием казней египетских любому, кто посмеет посмотреть в её сторону.

— Сеньор Франсиско Ллузи?

Когда моечный аппарат стараниями Хозе затих, стало понятно: в ушах вовсе не звенело. Голос такой был у паренька в форменной курточке курьерской службы.

— Да.

— Распишитесь в получении!

Конверт был маленьким. Даже поменьше того, что сенатор вручил тогда Лил в лимузине. На габариты визитки. Собственно, внутри она самая и обнаружилась. Знакомая до

боли.

Пластиковый прямоугольник с мерцающей голограммой. Личная печать сенатора Санта-Озы. А на обратной стороне — несколько слов, написанных от руки. Его почерком.

— Это чего такое?

Хорошо, что я выше Хозе по меньшей мере на голову: коротышке через моё плечо не заглянуть.

— Неважно.

— Любовная записочка? А от кого? Я угадаю? От той горячей сеньоры?

— Угу.

— Ну ты силен!

— Не настолько, чтобы торчать тут целый день! Не хочешь сам поплескаться, а?

Верный способ укоротить чье-нибудь любопытство — потребовать плату за информацию. Пыл Хозе в плане расспросов угас быстрее, чем разгорелся, и до конца смены мы обменивались только мнениями о регулировках давления в моечном аппарате.

В холл за раздевалкой я выходил с опаской, но там не оказалось никого тощего, голенастого и дующегося. Зато за воротами меня ждал самый настоящий сюрприз.

— Как это понимать?

Визитка. Точно такая же, как и та, что прислали мне. С теми же словами и цифрами на обратной стороне.

— Знаешь, чей это дом? Хотя, зачем я спрашиваю? Конечно, знаешь!

Растерянный Эста — это что-то новенькое. Неожиданное. В чем-то трогательное.

— И не отпирайся, ты ведь тоже получил приглашение!

— С чего ты взял?

— Спросил. А курьер не особо и запирался.

М-да, все ж вокруг любопытные, деятельные. Один я — вялый и беспринципный.

— Ну получил. И?

— Пойдешь?

Хороший вопрос. Есть, над чем поразмыслить.

— Да как-то особо желания не воз...

— Ага, знал, что ты это скажешь! Так вот, пойдешь, в обязательном порядке!

— Очень надо!

— Надо! Кто знает, может, это твой шанс?

Приглашение, конечно, лестное. Многообещающее. А с другой стороны, слишком много официоза. Хотели поблагодарить? Покатали бы в лимузине снова, и хватит.

— Пойдешь-пойдешь! Я прослежу, раз уж тоже идти должен.

Хм. Неверный вывод.

— Ты никому и ничего не должен, Эста. Если уж на то пошло, он кое-чем обязан тебе. Ну и мне немного.

— Вот ты вроде умный парень, но как дело доходит до какого-то непонятого предела, начинаешь дурить, мама не горюй. Приглашение же от сенатора, понимаешь? Он сам будет с нами разговаривать. Это же... Это же...

Лил, для того чтобы начать мечтать, нужно было показать реальную сказку. А Эсте, как ни странно, потребовалось и того меньше: намек на высочайшее соизволение снизить до малых мира сего.

— Я бы на твоём месте не сильно рассчи...

— Точно, шанс! Сказать то, что давно хотел. Нужно только подумать хорошенько, выделить самое главное. Да, нужно подготовиться. Очень тщательно подготовиться!

Сейчас Норъегу можно было с полным на то правом называть бесноватым. Глаза горят, пальцы дрожат, лоб в испарине, ноги на месте не стоят — приплясывают. Чокнулся парень, одним словом. Всего лишь от обещания на шаг приблизиться к исполнению мечты.

— Так иди и готовься уже. На сколько встреча назначена? На десять часов. Только-только успеешь.

— Я за тобой заеду!

Умчался, только пятки засверкали. Как несолидно для уважаемого сеньора инспектора. Ай-ай-ай. Лично я торопиться не собираюсь. Дорога домой выверена до минуты: и так знаю, что времени хватит.

— Чего такой хмурый? Опять труп откопал где-нибудь?

Ага, источник езды по ушам никуда не девался. Всего лишь переместился с работы домой.

— Я думал, больше не придешь.

— Размечтался! Я же говорила: не отстану. Никогда и ни за что.

Ладно хоть уже смотрит не так обиженно. Отошла, наверное. Или затаилась, чтобы выбрать момент и нанести сокрушительный удар.

— Чего делал-то весь день? Рассказывай!

— Железо водой поливал.

— Это зачем?

— Машины мыл.

— А, понятно... Значит, трупов не было?

И не поймешь, притворяется или впрямь вернулась к прежней легкомысленной манере болтать обо всем на свете.

— Ни одного.

— У-у-у, жаль!

А мне-то как жаль. Новый труп — новый шанс отсидеться в полицейском управлении хотя бы до утра.

— Тебе на ужин что сготовить?

Положение усугубляется. Сначала были разговоры, теперь дело дошло до еды.

— Ничего. Я не буду ужинать. Не успею.

— Это почему?

— Надо кое-куда сходить.

— Куда?

Взгляд, полный искреннего интереса.

— Пригласили на встречу.

— Кто?

— Сенатор. И не раскатывай губу, Эста тоже туда идет. Похоже, предстоит скучный серьезный разговор.

— Сенатор?! — Подскочила на месте. — Вот так, запросто, тебя пригласил? В свой дом?

Строго говоря, домом особняк на камино Норте назвать трудно. Именно что место деловых встреч. И кстати, рассчитанное в основном на дела «местного значения»: с сора́тниками и влиятельными людьми Джозеф встречается совсем в других резиденциях.

— А ты в таком виде... А ну, быстро в душ!

Нормальный у меня вид. И вообще, мылся уже. После работы.

— Давай-давай! А я пока найду, что тебе надеть.

Вот это пугает не по-детски.

— Кому сказано? Не тяни время!

На выходе из душа она ждала меня с целым ворохом в руках. Подозрительно синим сверху.

— Я все-все зашила! Как знала, что понадобится.

Ах, чертовка... Значит, не только нитки она тогда искала. Вернулась и подобрала все пакеты.

— И волосы пригладь. Да не так! Дай, я сделаю.

Зеркало в доме Ллузи было всего одно, мутное, как жизнь самого хозяина. Но отражение просматривалось. Достаточно ясно, чтобы...

Это был кто-то чужой. Незнакомый. Давно забытый.

— Смотри, какой ты красавец! Настоящий принц. Или даже ангел.

С чудовищной душой, как мне тогда сказали. Одна настырная коротышка. Забавно, но до сих пор она толком и не вспоминалась. Времени для размышлений не находилось. Впрочем, желания — тоже.

— Ангел...

Девчонка качнулась, как маятник. Налево, направо.

— Лил?

Вздрогнула, почувствовав мои ладони на плечах.

— Что с тобой?

— Да как-то все... кружится...

Я донес её до кресла. Усадил.

— Так лучше?

— Умгум.

Тяжелые были два дня. Нервные. Неудивительно, что даже у такой заведенной пружины, как Лил, могут вдруг закончиться силы.

— Эй, а ты чего садишься?

— Не пойду никуда. Вдруг тебе станет хуже?

— Ничего со мной не станется. Иди.

А сама смотрит... Ну прямо-таки, страдалец страдальцем. Только, пожалуй, взгляд не как у святых мучеников на соборных мозаиках. Растерянный. Тех-то нам вечно представляют людьми, которые знали, на что идут, и принимали свой удел с покорностью и смирением. Что же касается Лил...

— Опоздаешь!

— Тебе не терпится, чтобы я ушел?

Отвернулась. Обиделась, что ли?

— Мне особо незачем идти на эту встречу. Правда. Сенатор не может предложить мне то, чего я... Просто не сможет. А на меньшее соглашаться смешно.

Узкая ладонь легла на мои пальцы.

— Ты странный.

— Разве?

— То, что сейчас сказал... Женщина ведь должна быть счастлива, услышав такое?

— Какое?

— Ну, про сенатора. Про встречу. Что откажешься от неё.

— Если это необходимо. Тебе.

Вздохнула. Глубоко и как-то тяжело.

— Вот и говорю: странный. Твои слова. Они совсем легкие. Пушинки-перышки.

— Не понимаю.

— Все, что ты решаешь, точно такое же. Легкое. Будто ничего для тебя не стоит.

Ах вот что её удивляет... Ну да, ещё на причале было ясно. Я должен был вести себя

иначе. Не рисковать, например. А сейчас — не расшвыриваться шансами. Ей, наверное, представляется, что мне под ноги сыплют золото и прочую драгоценную чепуху, а я этого не замечаю и успешно втаптываю дармовые сокровища в грязь.

Эх, девочка! Тебя можно было бы пожалеть, если бы ты не была самой собой.

— Если ты про жизнь, то я сам назначаю ей цену.

— И какая она, цена?

Да ни гроша. После того, как владел всем миром... Ну, практически всем. В конце концов, Санта-Оза — почти что вселенная. Моя личная. Должна была ею стать. А теперь что? Ни мечты, ни надежды. Есть только шальная тяга проверять при каждом удобном случае, насколько у Тебя, Господи, хватит терпения.

— Ты плохо себя чувствуешь. Может понадобится помощь.

То ли всхлипнула, то ли фыркнула.

— И что ты сделаешь?

— Все, что смогу.

— А многое ты можешь?

— Я же сказал: все. Кому-то пределы моих возможностей покажутся смешными, но других у меня нет.

— А вдруг появятся? Сенатор же зовет тебя не просто так. Вдруг он собирается...

Поднять меня из грязи в князи? Ага, как же! Хорошо, если не позаботится, чтобы все мы благополучно замолчали. Навсегда.

— Я в это не верю.

— Без веры жить нельзя.

Падре так твердит на воскресных проповедях, знаю. Когда-то я тоже пытался верить. Пока окружающая действительность не щелкнула меня по носу.

— Жить можно без кучи разных вещей. Не только без веры.

— Но это...

С улицы раздался гнусавый гудок, а следом нетерпеливый голос Эсты:

— Ты готов?

— Иди уже!

Толкнула. Кулачком. Совсем слабо, не то что прошлым вечером размахнулась.

— Я найду, чем вылечиться, не думай. Вон, на крайний случай твоего приятеля обопью.

И верно. Не пропадет. Выживет там, где любой другой сдастся.

— Только глупостей не делай, ладно?

Не ответила. Задумалась о чем-то своем, только махнула рукой, мол, проваливай, не мешай.

Норьега по случаю официального визита тоже позаботился о внешнем виде: вырядился в лучшее, насколько можно было судить. Но блеск любого наряда мерк рядом с громоздким монстром, попыхивающим в воздух ароматными облачками жареного дыма.

Темно-синий лакированный кузов с инкрустацией хромированными загогулинами. Широкий и длинный. Почти автобус. Низенький, правда, да ещё и с откидным верхом. В журналах по истории науки и техники такому самое место, а не на улицах вполне себе современного города.

— На какой свалке откопал?

— Обижает! Это семейная реликвия, можно сказать. Прадед покупал.

Ага, похоже. И заботился о своем приобретении тщательно. А кто-то из потомков

вместо того, чтобы выкинуть этот хлам подальше, поменял двигатель.

— А ты опять проговорился!

Разве? В любом случае, это не повод так сиять.

— Не видел таких машинок, да? Они же здесь повсюду. И в Лимбо тоже.

Хм. Пожалуй, и впрямь не видел. В сенаторском гараже парк техники совсем другой.

— Будешь все время ловить меня на словах, перестану с тобой разговаривать.

— Так не только на словах же... Ладно, залезай!

Не сиденье, а целый диван. Правда, не слишком приветливый: не он под тебя подстраивается, а ты под него.

— Может, проще было такси вызвать? Или вообще на муниципальном извозчике смотаться туда-сюда.

— Да ну, какое такси? Тем более, автобус. Сплетни мигом разнесутся.

Конечно. А поездку на металлоломе, который с трудом вписывается в повороты улочек Вилла Баха, никто и не заметит.

— Я часто машину беру, ты не думай.

— И каждый раз — по особому поводу?

— Не. Люблю кататься.

— В одиночестве?

Промолчал. Только пальцы на руле сжал. Мимолетно так, словно случайно.

Что-то Эста подозрительно спокоен. Со вчерашнего вечера. С пристани ушел без скандалов и истерик, и сейчас выглядит вполне обычно. Человек без нервов? С такими-то горячими убеждениями? Не верю. Но пожалуй, и усугублять не стоит: мало ли что? За рулем то он, а не я.

— Извини.

— Ничего. Глория не захотела, когда я предложил.

Понятно, почему. Для Норьеги старинная машина — раритет, дорогой и любимый, а для сеньориты Толлман — лишнее напоминание об убогости собственного существования. О тщетных попытках вырваться из замкнутого круга, виноваты в возникновении которого предки. Родители или дед с бабкой.

— Она родилась тут? В городе?

Он повернул голову. Коротко и недовольно.

— Зачем спрашиваешь?

— Хочу понять.

— А что тут понимать?

Тормоза взвизгнули. М-да, как я и предполагал: тяжело с большими габаритами в здешнем узком лабиринте.

— Она злилась, Эста. Озлобилась. Вот и все. Но не на тебя же, правда?

Сверху в салон что-то посыпалось. Труха и песок. Видимо, кто-то вытряхнул циновку над нашими головами.

— Может и на меня.

Ответил без паузы, а значит, без раздумий. Выходит, для себя все уже решил?

— А ты-то в чем виноват?

— Я... Как в народе говорят? Прохода не давал. Если бы меня не было... Рядом хотя бы не было все время, в общем.

Не договорил, но и так понятно, о чем речь. Девушка достаточно привлекательная,

опять же, светлой масти, что здесь редкость, то есть, вполне могла подцепить богатого благодетеля. Очаровать, соблазнить, вынудить исполнить заветную мечту. Но богачи, они такие привередливые... Не лягут на простыни, которые кто-то уже мял. По крайней мере, блондинка искренне и самозабвенно была в этом уверена.

— Забудь.

— Пытаюсь.

Судя по тону голоса, пока получается плоховато. А из меня утешитель тот ещё.

— Это был её выбор.

— Знаю.

— Она могла смириться. Отказаться от соблазна.

— А ты на её месте? Мог бы?

За границей Низины улицы стали шире и оживленнее. Но да, подавляющая часть машин, что попадались навстречу и попутно, были примерно того же возраста, что и движимое имущество Эсты.

— Я на своем месте.

— Ой ли?

У дверей сенаторского особняка нас встретил швейцар. Или сотрудник службы безопасности, исполняющий роль привратника. Незнакомый, что само по себе настораживало и наводило на не слишком приятные мысли. Он забрал присланные визитки, жестом пригласил войти, но остался на улице. А внутри не оказалось уже ни одной живой души, кроме...

— Добрый вечер, господа.

Расслабленная обстановка дома частных приемов резко контрастировала со строгим костюмом хищной женщины, памятной мне ещё по полицейскому управлению. Любая другая выглядела бы сверхсексуально в двойке мужского покроя, но не эта. Дело прежде всего — вот что читалось в каждой черточке лица и складке ткани. Только дело и ничего больше.

— Моё имя Диана Кейтель. Я представляю Инвестиционный фонд Дрейка. Отдел программ особого содействия.

Вторая часть названия места её работы явно должна была тревожить сильнее, но меня выбила из колеи уже первая. Фонд Дрейка? Щедрые благодетели всего мира? Кто бы мог подумать, что сенатор осуществляет свои фантазии именно с их помощью? Нет, конечно, это вовсе не невероятно, но...

Значит, все было серьезно. Основательно и надежно. На той стороне длинного пути, по крайней мере. Джозеф не мог выбрать лучших партнеров. А лучшее, конечно, всегда стоит дороже просто хорошего.

— А где же... Нас пригласил сюда...

— Сенатор Линкольн? Правильно. Сейчас он занят неотложными делами и приносит свои извинения.

Подобная формулировка всегда означает одно: не очень-то хотелось. В смысле, никакой встречи с сенатором не планировалось с самого начала.

— Я уполномочена сделать вам предложение. От имени мистера Линкольна и от организации, которую представляю.

Эста потускнел. Как будто фонарик выключили.

— Разумеется, все это строго конфиденциально. Надеюсь на ваше понимание, господа.

Она взяла со столика две тонкие папки и вручила нам. Сначала Норьеге, потом мне.

— Здесь представлен полный перечень мероприятий и объемы услуг. Все цифры согласованы и утверждены.

Поездка, операция, пожизненная коррекция в случае неудачи оперативного вмешательства — все то же самое, что сулил сенатор. А вот грант на обучение в любом университете мира, по выбору, это мило. И налоговые льготы, читай — повсеместные банковские скидки плюс благоволение работодателей, которые с твоих предпочтений будут получать и капельку своих. Нет, это не просто предложение новой жизни. Это гарантированное будущее. Твое. Твоих детей. Их детей. Так далеко, насколько хватит воображения.

— А вы не хотите посмотреть, прежде чем принимать решение?

Эста что, все ещё читает надпись на обложке?

— С вашего позволения...

Положил обратно. Аккуратно, словно боялся помять.

— Это разумное предложение, — с легким нажимом уточнила сеньора Кейтель.

— Очень разумное. Но не одностороннее, правильно?

Внимание переместилось на меня:

— Разумеется. Любая сделка подразумевает взаимовыгодное участие обеих сторон.

— И что вы потребуете от нас?

— Требования выставляю не я, молодой человек. Я всего лишь посредник.

Ну да, ну да. Удобная позиция, как может показаться. Но если перевести её в область интимных отношений, картинка складывается совсем иначе. Проще говоря, если ты посередине, имеют тебя и сзади, и спереди.

— Так чем мы должны заплатить за вашу... о, простите! За щедрость сенатора?

— Тем, что её примете. И примените.

— То есть, исчезнем из города?

— Упрощенно говоря, да.

— А если чуть усложнить?

— Ваше возвращение в Санта-Озу не предусматривается.

Что и требовалось доказать. Ну, мне-то, положим, все равно, а вот почему Эста молчит? Придется за двоих отдуваться.

— У нас есть близкие люди. Родственники.

— Предложение не распространяется на членов семьи.

— Значит, мы должны оставить все, что у нас есть, и всех?

— Не создавайте трагедию на ровном месте, молодой человек. Никто не запрещает вам поддерживать отношения с... С кем пожелаете.

— На расстоянии.

Она чуть сузила глаза, рассматривая меня.

— Если успешно сможете воспользоваться предложенной вам стартовой площадкой, сможете обеспечить необходимое финансирование, пожалуйста, вызывайте родных к себе. Все в ваших силах.

Образно говоря, разбогатеете, как сенатор, сможете творить такие же глупости. М-да.

— Приглашаете в погоню за чудом?

— Я не собиралась затрагивать эту тему, но раз уж вы настолько упрямы...

Сеньора Кейтель скучно понизила голос. А заодно отвела взгляд в сторону. Слегка так,

чтобы продолжать меня видеть, но уже не смотреть в глаза.

— Нет ничего невозможного. Даже чудеса случаются. Только они чаще происходят с теми, кто не боится рисковать и жертвовать. Вам не запрещают помнить и вспоминать: на здоровье! Но вечно цепляться за прошлое нельзя. Нужно уметь оставлять за спиной то, что потеряло свой смысл и отжило свой век.

Или нужно уметь отказываться от себя самого? От клочков, капель и мелочей, сумма которых как раз и есть ты? От обещаний, например?

У меня их целых два, если что. Одно, данное Лил. И второе собственное: Хэнк. Зачеркнуть их, и от меня уже точно ничего не останется.

А заманчиво, черт подери!

Черт...

Почему я помянул его, а не Господа? Может, потому что сделанное предложение так сильно напоминает контракт о продаже души?

— Это должно было нас убедить?

Она пожалала плечами.

Теперь настал мой черед положить папку на стол. Поверх эстиной.

— Передайте сенатору, что сделка не состоится.

— Вы богатый человек?

— Совсем нет.

— А ведете себя так, будто весь мир в вашем распоряжении.

Как мне показалось, женщина по имени Диана произнесла это с оттенком зависти.

— Ну, своим миром я точно распоряжаюсь, как хочу.

Улыбка? Или у меня галлюцинации? Нет, точно улыбнулась. И тут же спрятала эмоции обратно.

— Значит, вы счастливый человек. И все это... — Она взяла папки, скрутила в рулончик. — Это вам, в самом деле, не нужно.

— Доброго пути домой, сеньора.

— И вам, господа. Кстати... Если вдруг озаботитесь деньгами, свяжитесь со мной: на машину, что стоит у входа, найдется много щедрых коллекционеров.

Её визитка была бумажной, нарочито скромной. И горько пахла жасмином.

* * *

Ночь в этом районе Вилла Лимбо ощущалась совершенно особенной. Тихой, но без малейшего напряжения. Безлюдно? Да. Мертво? Нет.

Привратника на месте не обнаружилось. Должно быть, все его функции заключились в том, чтобы изъять фактические доказательства нашего визита, а защита здесь никому не требовалась. Даже подумать, что какой-то воришка или, упаси боже, убийца вздумает напасть на обитателей домов по камино Норте... Абсурд. Слишком уж хорошо соседи знают друг друга. По крайней мере для того, чтобы на раз-два вычислить чужака и сделать нужный звонок.

Кстати, вот ещё один хороший повод не задерживаться.

— Эста, ты как там?

Он стоял, засунув ладони в карманы брюк. Остановился прямо против двери, на той же

линии, по которой выходил из дома.

— О чем задумался?

Ни ответа, ни приветия.

Со спины Норьега выглядел, как обычно. Прямо и несгибаемо. Только голова была чуть опущена, будто вдруг понадобилось что-то рассмотреть внизу, у ботинок.

— Эй, нам пора. Правда, пора уходить.

— Пора? — Эста поднял взгляд на меня.

— Да, нечего больше здесь делать.

— Пора...

Он двинулся к машине. Провел ладонью по лакировке крыла.

Вряд ли мы сейчас чувствовали себя одинаково. Эста двигался, словно с гирями на ногах, а у меня внутри было совсем-совсем легко. Пустовато, зато свободно. Правда, немного неуютно из-за того, что кое-кто рядом со мной не чувствовал себя мотыльком.

— Я правильно все сказал? Или не надо было говорить за двоих? Думаю, ещё удастся все переиграть, если понадобится.

— Переиграть...

Норьега тяжело оперся о капот. Завис над темной синевой, в которой звездами отражались фонари.

— Для него это все тоже было игрой.

Человек, с которым я приехал сюда буквально полчаса назад, был совсем другим. Воодушевленным. Полным энтузиазма и далеко идущих планов. Словом, Эстой на все сто процентов. А чей сейчас глухой и бесстрастный вопрос улетел в темноту?

— Он ведь играл с самого начала.

Возможно. Располагая сенаторскими ресурсами любой захотел бы почувствовать себя богом. Не сложилось, как виделось? Что ж, люди гибли всегда. В том же потоке, к примеру. Правда, тогда речь шла о каре небесной, а в этот раз все вышло по-человечески. Без участия высших сил.

— Дергал за ниточки.

Обычная практика. Он же стоит на самом вершине. Или, продолжая арахно-ассоциативный ряд, в самом центре паутины. Вот только, пожалуй, в отличие от паука очень редко лично проверяет, почему в одном или другом конце его владений что-то вдруг затрепыхалось.

— И мы для него были не больше, чем куклами.

Удобным материалом для достижения поставленной цели? Да. Но я бы покривил душой, и ты, Эста, тоже, если бы заявили, что не имели в этом деле личных интересов. Так что, игры играми, а кукловод не менее зависим от своих подопечных.

— Я хотел его простить. Простил бы, если ... Почему все оказалось напрасным?

Что-то блеснуло на капоте. Не бликом, искоркой.

— Нам ведь даже не сказали, что с ней случилось. Жива или уже... Её больше нет, но это ничего не изменило. Он даже не захотел прийти сам, прислал...

Такого поворота следовало ожидать. Личные встречи — роскошь. Почет, которого нужно добиваться. Ценный подарок к особой дате. Я заранее мог бы сказать, что, скорее всего, разговора с сенатором не случится. Но ты был весь в... На подъеме, в общем. И как-то не захотелось бить поддых.

— Мне столько нужно было ему сказать!

Ладонь взметнулась в воздух и снова опустилась на капот. Кулаком. Поднялась для

нового удара.

— Эй!

Прижать его руки к телу было посложнее, чем справиться с Лил: размеры не те. Хорошо ещё, бурного сопротивления не последовало.

— Машина ни в чем не виновата.

— А кто? Кто виноват?

— Сядь.

— Она поступила плохо. Ужасно. Я её не оправдываю. Но получается, все это было зря?

— Садись, кому говорят!

Такой Эста пугал не на шутку. Особенно когда начал рассматривать свои пальцы со странно пристальным интересом.

— Я поведу.

Вряд ли он слышал мои слова. И вряд ли заметил, как машина тронулась с места.

— Все было зря. Люди погибли. Столько людей. А за что? Зачем?

Если б я знал, сказал бы. Наверное. Хотя... Не ответы ему сейчас нужны. И не советы.

По питейным заведениям в нашей прежней дружеской компании специализировался Хэнк. В силу особенностей одной из сфер его семейного бизнеса: виноградники и все с ними связанное. Водил, угощал, просвещал. Устраивал настоящие экскурсии. А я никогда ничего не запоминал или притворялся забывчивым настолько удачно, что...

Нет, эту вывеску точно никогда не видел. Дверь неприметная, но главное, выглядит добротно. И мостовая не заплевана табачной жвачкой. Должно быть, пристойное место. Подходящее двум разочарованным мужчинам для беседы по душам. Единственная трудность в том, что души к расчету принимают только в аду, а на грешной земле пользуются другими платежными средствами.

— Эста, у тебя с собой есть...

— Сколько их было всего? Надо посчитать. Обязательно надо.

Он бормотал всю дорогу, но шум двигателя благополучно топил в себе этот лихорадочный треп. А теперь слова снова всплыли на поверхность.

Ясно, о деньгах спрашивать бессмысленно. Придется обходиться своими возможностями.

— Ладно, идем.

Патио оказалось совсем небольшим, к тому же густо заставленным кадками с вениками зелени, и путь к барной стойке напоминал путешествие по настоящему саду. Между кустами кое-где иногда всплывали лица посетителей, углубленных в процесс питья и мало интересующихся происходящим вокруг: как раз та атмосфера, что нам нужна.

— Чего желают сеньоры?

Он был один на всю стойку. Может, и на все заведение вообще. Спокойный до восточной медитативности и, судя по характерному аромату, обязанный своим состоянием духа хорошо известным в народе природным средствам. Правда, нирвана хозяина взяла перерыв, когда я положил перед ним свое удостоверение.

— Здесь наливают в кредит?

Нас могли выставить. Легко. Если бы нашелся повод. На крайний случай — желание. Но уж слишком много столиков пустовало, чтобы отмахиваться даже от длинных денег. Тем более, обеспеченных фондом социальной поддержки.

Уточнили у меня только одно:

— Работаете?

— Взгляните сами.

Постоянное место работы существенно увеличивало размеры кредита. Строго говоря, я мог бы набрать выпивки на всю будущую зарплату, если бы захотел. Или даже на полгода вперед. И, соответственно, погашение «рабочих» долгов происходило намного быстрее, поэтому бармен дежурно улыбнулся, сверившись с записями в реестре:

— Вы что-то выбрали или позволите предложить наш фирменный...

— Для начала — рюмку самого мерзкого, что у вас есть. Чтобы взбодриться.

Он понимающе кивнул, выставил крохотную стопку и медленной струйкой, едва ли не по капле, нацедил чего-то мутного, с заметным зеленоватым оттенком.

— Я один пить не буду, — категорично заявил Эста, на мгновение отвлекаясь от своих невнятных риторических вопросов к пространству.

Незамедлительно появилась и вторая стопка.

Пойло пахло не особенно противно. Горькой травой. Да и на вкус напоминало сгнившие пальмовые листья. Когда коснулось языка Зато когда пробралось дальше, заставило вздрогнуть всем телом.

— Чем предпочтете продолжить?

После такой гадости? Да чем угодно: все покажется сладким и изысканным. Однако, все-таки не стоит забывать о пределах финансовых возможностей.

— Местно-аутентичным.

— Простите?

— Ром подойдет. Тот, что посуше.

— Занимайте любой столик по вашему выбору, я подойду через минуту.

Эста так и уселся на плетеный стул. С полной стопкой в пальцах.

— Зачем мы сюда пришли?

— Затем, что взрослые всегда так поступают. А мы ведь с тобой взрослые?

Народную поговорку о болтливости пьяного языка я впервые услышал только здесь, в Санта-Озе, но осознал её правдивость гораздо раньше. Дома. Когда наблюдал за отцом.

Запойным он не был. По крайней мере, поначалу. Да и потом позволял себе выпивать нечасто: «профессия» требовала заботы о здоровье. Зато в редкие минуты свободы не останавливался, пока не уничтожил все спиртное в доме. Мама пыталась с этим бороться. Искренне и самоотверженно. До момента, когда ей наглядно и не особенно вежливо объяснили, кто в семье зарабатывает деньги.

Один он пить не любил. С последними друзьями разругался, видимо, ещё до моего рождения, при прислуге откровенничать опасался, а живую душу рядом все-таки хотел ощущать. Кто оставался? Я.

«Папа рассказывает сказки». Так говорила Элена-Луиза в ответ на мои вопросы. Каждый раз. И я верил. Пока однажды не напомнил отцу, о чем он пьяно бредил накануне. Нет, меня не ударили. Не тронули и пальцем. Но взгляд, странно чужой и одновременно знакомый до невысказанных глубин, сказал о многом.

Ну а сенатор, к примеру, использовал совместные распития горячительного в деловых целях. И время от времени устраивал мастер-классы, за которыми я имел удовольствие наблюдать.

— А все-таки, зачем?

Вот ведь настырный!

— Чтобы выпить. И выслушать.

— Ты наконец-то что-нибудь мне расскажешь?

Это превращается у Норьеги в навязчивую идею. Или уже превратилось?

Рассказать нетрудно. Забавно даже было бы взглянуть на лицо Эсты, когда он узнает мою настоящую историю. Но разменивать главный козырь по мелочи? Нет уж. Не сегодня.

— Я рассчитывал, что из нас двоих говорить будешь ты.

— И хорошо рассчитал?

— Пожалуйста, сеньоры.

Керамическая бутылка безо всяких опознавательных знаков и две кружки. Вот что-то, а посуда явно местная. Аутентичная. В стиле времен конкистадоров.

— Ну вот, нам уже добавку принесли, а ты ещё и не начинал.

Норьега посмотрел на меня, чуть помедлил, а потом лихо опрокинул стопку в рот.

— Ф-фух!

Ром оказался гораздо приятнее на вкус, хотя и ненамного слаще.

— А ты не слишком торопишься?

— Это ты отстаешь.

Эста понял намек, и с содержимым кружек мы справились практически одновременно.

— Ещё по одной или все-таки поговорим?

— Да о чем?

— О твоих расчетах на встречу.

— Да не было никаких...

Врет, конечно. И уличить его в лжи проще простого. Взять хотя бы костюм с галстуком.

Это мы, мусорщики, по-простому собрались, в рубашке навывпуск.

— Он должен был что-то услышать. От тебя. Правильно?

— А имени у него нет? Или должности? Ты все время избегаешь одного-единственного слова. Почему? Здесь — ладно, ещё можно бояться, что подслушают. Но когда рядом никого нет... Что тебе мешает? А в мыслях тоже всегда и только — «он»?

Выпивка начала действовать? Рановато вроде. Хотя, если присмотреться, Эста сейчас уже намного ближе, чем пять минут назад, к себе прежнему, настойчивому и напористому. Бесноватому, как выражается мой приемный папа.

— Это не имеет никакого значения.

— Для тебя? Хорошо. Но я хочу знать. Понимаешь? Мне надо знать. Мне.

— Так хочешь или надо? Ты уж определись.

Он открыл рот, осекся, махнул рукой и плеснул в кружку ещё рома.

— Значит, не скажешь?

М-да. Уперся насмерть. Придется все-таки пожертвовать пешкой, или как там это обычно называется в большой игре?

— Скажу.

Эста разве что не лег грудью на стол. Наверное, чтобы не пропустить ни единого звука.

— Честно?

— Как на духу.

Интересно, сколько минут он может вот так смотреть, не моргая?

— Ну?

— С этим человеком... с его образом у меня связаны воспоминания, которые я не хочу вытаскивать на свет божий снова и снова.

— Так вы все-таки...

— Он меня даже не помнит, Эста. Поверь. Помню только я. Все хорошее и все плохое.

Норьгега вернул свою задницу на стул и устался в кружку.

— Да, дела...

Впрочем, пешки оказалось мало, потому что через крохотную паузу возник новый вопрос:

— Было больно?

— М?

— Он сделал тебе больно, да?

Пожалуй, стоит выпить ещё.

— Ты ведь не жил в его семье. То есть жил, но не в семье, а как... Конечно, от тебя надо было избавиться к совершеннолетию!

— Эста.

— Чего?

— Твоё воображение...

И зачем я пытаюсь подбирать слова? Бесполезно ведь. Напрасный труд. Наверное, привычка, оставшаяся от прошлой жизни. Ну ничего, пройдет. Когда-нибудь.

— Слишком живое оно у тебя.

— Отсюда и все эти манеры, поведение, знания... Учителей приводили дом? Тайно, чтобы они даже не знали, кого учат?

Впору докатать бутылку в одно лицо и посылать за следующей.

И откуда Норьега берет все свои конспиративные теории? На работе от безделья листает бульварную прессу, что ли? И ведь объясняй, не объясняй — все едино. Мы могли видеться раньше. Вполне могли. Только он ни за что не вспомнит. И снимки в газетах, вытравленные из архивных материалов, ничего не решили бы, даже если бы сохранились в первоизданном виде. Усилили бы подозрения, самое малое.

— Эста, можно, теперь я спрошу?

— А? О чем?

— Ты шел на назначенную встречу не просто так. С целью. Какой?

Он потер лоб над правой бровью.

— Я хотел сказать. Обо всем, что происходит. И о том, чего нет.

— Например?

Норьега выразительно взглянул на бутылку в моей руке.

— Понял, понял.

Чем хорошо опьянение? Мир консервируется. Окружающий. Если он и меняется, то ты этого блаженно не замечаешь. Пока не случается насильственного вторжения.

— Обновку обмываете?

Интересно, как смотрит достопочтенная Консуэла на то, что её любимый сыночек посещает питейное заведение? А, Карлито? Ответишь, если спрошу? Нет, не успею до следующей фразы незваного собеседника.

— А тебе впору. Кто бы мог подумать?

В сенаторском доме не было запретов. Вообще никаких. Зато присутствовал кодекс пристойного поведения. Пей, кури травку, води проституток — никто слова не скажет. Вот посмотрят на тебя осуждающе. Так, что сквозь землю провалишься. Ну или сам срочно отправишься копать яму, чтобы провалиться. Совершенно добровольно.

А Консуэла к тому же всегда была крайне набожной женщиной. Благоговейно чтящей заповеди, указанные в тексте прямо, и те, что обычно читаются между строк. И вот она бы точно не похвалила сына за появление в злачном месте. Тем более, что трезвым его сейчас никто бы не назвал.

— Гостей здесь угощают?

Третьего стула за столом не предусматривалось, но это не смутило Карлито: притащил из-за зеленой изгороди. Отсутствие кружки тоже не стало препятствием для присоединения к нашему банкету.

— Хорошо живете! Тут, наверное, пойла дороже не найдется. Эста, тебе что, жалованье повысили?

Ага. Спасибо, что просветил. Значит, выдачи денег на руки в конце недели можно не ждать.

— Чего такой мрачный тогда? Радоваться надо, петь и плясать!

Дела прислуги меня никогда не занимали. Есть досье, есть жизненно важные сведения, которые надо иметь в виду, и довольно. Незачем забивать голову бантиками и завитушками, наслаивающимися на личность по мере движения от рождения к смерти. Так проще. Понятнее. Но приходится признать, что этого развязного парня я никогда раньше не...

А ведь он сейчас бесится. Натурально. Не по нашему с Эстой поводу, и то ладно. Хотя, бог с ним, с бешенством: есть ещё кое-что. Новехонькое. Снисходительное превосходство. Кого над кем, спрашивается?

Если судить объективно, то Карлито стоит ниже Норьеги. В социальном смысле. Физически — да, основную часть жизни проводит в горах. Потому что там и родился. В поместье. Отвезли бы роженицу в центральный госпиталь, как, собственно, полагалось, стал бы типичным жителем Вилла Лимбо. Вот тогда водил бы дружбу с Эстой на законных основаниях.

Э, дружбу?

— Вы двое приятели? Нет, правда?

Норьега скорчил гримасу, которая могла означать все, что угодно. Зато Карлито оказался как никогда расположен к общению и довольно сообщил:

— Друзья детства!

— Оставляли его в семье по соседству, когда матери приглядывать было некогда.

Давненько, должно быть. Ещё до моего появления в Санта-Озе. Потому что потом смуглый мальчишка с приторно смиренным видом попадался мне на глаза почти постоянно.

— Да ладно тебе хмуриться! Такой вечер хороший... И ночь выйдет отменная, если знаешь, куда пойти! Ты-то знаешь? Может, подсказать?

— Я тебе сейчас сам подскажу. Куда пойти.

— Эй, эй! Спокойно! Сеньор, тащите сюда ещё бутылку!

От толчка ладонью в грудь Эста плюхнулся обратно на стул, но отставил в сторону заявленное намерение только когда кружка снова наполнилась.

— Чего это он? — громким шепотом дыхнул мне в ухо Карлито. — Горе какое?

— Может и горе. Как посмотреть.

— Ну-ка, ну-ка! Кто посмел обидеть блаженного Эстебана?

А кого спрашивают? Меня? Похоже. Уж больно у Норьеги взгляд мрачный. Прямо поверх кружки.

— Да не сложилась тут одна задумка, только и всего. Встреча не удалась.

— О, встреча? Какая?

Ему было интересно. На самом деле. По-дружески? Нет, совсем иначе.

— С одним влиятельным человеком.

— Эсту пустили в высший свет? Это за какие же подвиги?

— За услугу.

— О, растешь, брат!

Он бы хлопнул бывшего «соседа» по плечу, но не дотянулся. К счастью.

— Понял, наконец-то, что помогать надо не всем, а только отдельным людям?

Ещё одна кружка в зачет Норьеги. Залпом.

— Так что не сложилось-то? Мало заплатили?

— Встреча и не сложилась. Должник не пришел. Прислал вместо себя шестерку. Карлито прыснул, разбрасывая капельки слюны вокруг. Веером.

— Значит, не заслужил! А вообще, дам совет. Бесплатный, на будущее.

Он снова наклонился, правда, больше в мою сторону, чем к Эсте.

— Богачей надо брать за живое.

Смуглые пальцы сжались в кулак.

— И держать...

Костяшки пальцев заходили, как жернова.

— Держать...

Ножки стула шаркнули по каменным плиткам патио.

— Вы оставайтесь, а я пойду.

— Ага. Только мебель сначала отпусти.

Эста посмотрел в том же направлении, что и я. Убрал руку со спинки стула.

Повернулся. Качнулся.

— И точно, пора нам.

— Уже отваливаетесь? Слабаки! — вынес вердикт Карлито, потянувшись за недопитой бутылкой.

А меня, однако, тоже качает. Хорошо хоть, не так, чтобы судорожно искать опору.

— Счастливо оставаться.

— Увидимся!

Как-то зловеще оно прозвучало, обещание это. Приговором.

Странно, но свежий воздух на улице ощущался острее. Наверное, потому что кустов поблизости никаких не было, не в чем было задерживаться ни ленивому ветерку, добравшемуся до центра города с самого побережья, ни... Судному гласу ангела, стоящего у машины и грозно упершего руки в бока:

— Эстебан Норьега, так вот какими важными делами ты занимаешься?

* * *

Она была в кружевах. Вся. С ног до головы? Нет, до шеи. Сильной, длинной, загорелой шеи. А вот дальше как раз начинался контраст. Ангелу ведь каким полагается быть? Длинноволосым, безвинным и благостным. Женщина же, вперившая взгляд в Эсту, замешкавшегося где-то у меня за спиной, была совсем другой: коротко стриженной, выдавшей виды и суровой.

— Марисоль? Откуда ты...

— Это кто у нас там заблеял? А ну-ка иди сюда, агнец божий!

Первое впечатление рассеивалось с каждой секундой. Хотя, и к лучшему. Земле нужны не ангелы, а люди. Именно такие, из выносливой плоти и горячей крови.

— Что, слух отшибло?

Эста шагнул вперед. В моё плечо. Буркнул:

— Как ты меня нашла?

В руке женщины звякнул серебристый брелок.

— По следам на волне и то хожу, не жалуясь... Сам же с сигнализацией месяц возился. Забыл? А зачем, спрашивается? Покажите мне человека, который польстится на эту старую развалину!

— Любители всегда найдутся, сеньора. Не здесь, правда. За морем.

На меня даже не взглянули, зато Норьега получил очередной вопрос-удар:

— Дружка богатого себе завел и в загул пошел?

— Он не...

— Не дружок?

Эста явно не был готов к осмысленной беседе. То ли из-за количества выпитого, то ли спасовал перед огненным напором. В любом случае, отвечать пришлось мне:

— Не богатый.

А чтобы больше вопросов не было, вытащил из-под рубашки карточку.

Женщина задумалась. На минуту, не больше. Потом приказала Норьеге:

— Марш в машину!

А когда тот упал куда-то в район заднего сиденья, очередь дошла и до меня:

— Особого приглашения ждать будешь? Садись, садись! Подвезу. До дома добраться на своих двоих у тебя сейчас силенок не хватит.

Об этом, кстати, ещё можно было поспорить. Да и торопиться некуда: добрел бы потихоньку. Но если уж амазонка по имени Марисоль скомандовала...

Квартала два она молчала, по большей части сосредоточенно глядя вперед, правда, изредка бросая взгляды в мою сторону. Косые и быстрые, чтобы несильно отвлекаться от управления транспортным средством. А вот у меня руля в руках не было, можно было глазеть вовсю, не отрываясь. Пока длинный просторный рукав не задрался до локтя, когда женщина поправляла зеркало заднего вида.

Борозда шрама на оливково-смуглой коже предплечья. Натоптанная тропинка. Широкая, белесая, с некрасивыми рваными краями. В общем, не тот аксессуар, который выставляют напоказ. И понятно теперь, откуда взялся такой покрой платья, странно старомодный.

— Хочешь спросить? По глазам вижу, что хочешь. Не надо, сама скажу. Протащило по лееру в том году. Навигатор ошибся с координатами бури, вот нас и задело. Краем.

Ну и что это за ответ? Вопросов только вдвое больше стало. Если не втрое. Хорошо ещё, собеседница не собиралась умолкнуть.

— Я служу в Береговой страже. Не место для женщин, да? Все так думают. А откуда мужчин-то взять? В Лимбо каждый наперечет. Вот здоровяк, как ты, на море бы пригодился. Только не попадешь туда, даже если рваться будешь. Не возьмут. Вы же бедные-несчастные, обездоленные и нуждающиеся, о вас заботиться надо, пылинки сдувать...

Кто же она такая? Не подруга, это точно: все слова идут вразрез с тем, что обычно мелет Эста. Хотя, в главном права, конечно. Бахито и впрямь не берут на военную службу. Статус не позволяет. Они ведь не граждане. Временные переселенцы. Беженцы. До сих пор. Все ещё.

— Вот и братец вместо того, чтобы мужскими делом заниматься, вокруг вас прыгает. Кузнечиком. Бумажки перекладывает с места на место и проповеди читает.

Ага, брат. В смысле, сестра. Она ему. Старшая.

— А не служила бы я, кто б его в муниципалитет взял? Желающих много: работенка-то завидная и риска никакого.

С заднего сидения что-то пробурчали. Совершенно неразборчиво, но Марисоль это не смутило.

— Знаю, знаю, что ты скажешь! Патрули ночные свои вспомнишь. Игрушечки. Швали на улицах найти вдоволь можно, если поискать, только на неё полиция есть. Что ж ты туда заявление не подашь? А потому что страшно там будет, с оружием-то. У тебя пистолет, у него пистолет, кто первым успеет?

С этой точки зрения я на Эсту никогда не смотрел. Как-то не догадывался. А в самом деле, ему бы пошло мундир носить. И энергия бы к делу была пристроена.

— Мало тебя ремнем охаживали в детстве, ох мало... Знала бы заранее, хлестала бы в хвост и в гриву! А то вырос не мужик, а не пойми, не разбери кто. С дурацкими идеями носишься, и все без толку. Сторонники никак не появляются, да? И не появятся! Не станет никто сражаться за лучшее будущее, пока сыт и пьян задаром.

Это точно. Если судить по Фелипе, не вылезавшему из гамака, не станут. Потому что выше головы не прыгнуть. Где-то в другом месте, стартуя с новой высоты, ещё решились бы. Например, приняв сенаторское предложение. А здесь зачем напрягаться? Даже если будешь усердно трудиться и заработаешь состояние, все, что сможешь сделать — переехать с окраин

ближе к центру. Но остановишься на той же черте, что и мы сейчас. На границе Вилла Лимбо и Низины.

— Ну, куда дальше?

— М?

— Где живешь-то?

Хороший у Эсты навигатор. Красочный. И каждый домик разглядеть можно. Вот в этом вроде я живу. Или все-таки в соседнем?

— О, в картах разбираешься? Учился, что ли?

— Немного.

— Ну хоть немного, и то хорошо. Может, скажешь ещё, что работаешь?

— Скажу.

— Что, в самом деле?

— Работаю.

— Ну ты прямо уникам какой-то на местном фоне! А что делаешь на работе?

— Мусор убираю.

Она тормознула. В прямом смысле: машина дернулась и встала, как вкопанная.

— Мусор?

— Ага.

Меня смерили взглядом. Изучающим, наверное, до костей. Или ещё глубже.

— Ну и ну... А поприятнее ничего не нашлось? Почисти, к примеру.

— Так эта работа и есть самая чистая. Когда грязь заканчивается, как раз чисто становится.

Пауза. Передышка. Новая атака:

— А зачем ты вообще работать пошел? Сидел бы себе на пайке и в ус не дул.

Ага. Паек. Которого мне не видать, как своих усов. Не растут пока. Но звучит такой ответ как-то мелко. Наивно и глупо. Может, есть все-таки другой? Тот, что больше похож на правду? Нет, не мою. Общую. Общественную.

— Работать надо. Потому что. Каждому на своем месте. Если все руки сложат, не будет ни людей, ни города... Вообще ничего.

Смешок. Хриплый и горький.

— Тебе что, дело до других есть? Они, значит, бездельничают, а ты из-под них мусор гребешь? Может, пусть зарастут по макушку, и бог с ними? Да и черт — тоже?

Если закрыть глаза, грязи не видно. Ни пятнышка. А ещё нос можно зажать, чтобы не нюхать. И с места не сдвигаться, тогда мир будет казаться совершенным. На твоём личном пяточке. Вот только не будет ли такого мира маловато для всех вместе?

— Может, вам и приятно на горы грязи смотреть, а мне что-то не очень. Почему не погрести, пока силы есть? И разница тогда будет, между людьми и кучами мусора. Для того, кто захочет сравнить.

— Слышишь, Эста? Ещё один блаженный. Совсем как ты. Вам бы сговориться, глядишь, что и вышло бы.

Машина снова тронулась.

— Да ладно, парень, не обижайся. Это я не со зла. Извелась просто, пока брата ждала, а потом искала. Он ведь как на смерть вырядился, во все лучшее, да ещё машину взял, пижон... Думала, дело важное, а что увидела? Пьянь малолетнюю.

Не такую уж и малолетнюю. Тем более, с уважительной причиной.

— Дело и правда было серьезное.

— Да ну?

— Ваш брат...

Упрямый, надоедливый, занудный. С одной стороны. А есть ведь ещё и другая.

— Он хороший. Помогает. Всегда. Даже если помощи не просят.

Я бы в чужую жизнь так лезть не стал. Не хватило бы смелости, наглости или ещё чего-то. А, желанья!

— И если бы сегодня у него получилось то, чего хотел... Уже завтра мир стал бы другим. Хотя бы немножко.

Знать бы ещё, что Эста собирался сказать. Так, любопытства ради. И взглянуть бы на лицо сенатора после торжественной речи. Вряд ли у кого-то из этих двоих есть готовые рецепты на будущее, но кто знает? Может, всего, чего им не хватало — встретиться, поговорить и послушать? Может, сегодняшней вечер должен был дать старт лучшему миру?

Впрочем, момент все равно упущен. Каждый остался при своих картах, а значит, исход игры предре...

— Вырастешь, помотришь по-другому.

— Сеньора?

— На всякий случай, сеньорита. Но это неважно. Эстебан... Да и ты тоже. Вы оба верите, только не можете сообразить, во что. Как в соборе, когда смотришь на Деву Марию, ту, что витражом выложена. Если солнце прямо в глаза бьет, линии расплываются, одни пятна остаются. И знаешь, что есть там что-то, и помнишь: красивое, а ясности нет. Нужно учиться цели ставить. Четкие.

У меня одна такая есть. Хэнк. История должна однажды закончиться. Хуже, лучше — без разницы. Сейчас все подвешено в одном месте, но ветка когда-нибудь обломится. Обязательно.

— Отсюда доберешься до дома? Уж извини, я этот район плохо знаю и плутать по переулкам на ночь глядя не хочу.

Земля закружилась под ногами. Завальсировала. Раз-два-три, раз-два... О, передумала танцевать.

— Тут рядом. Спасибо.

— Да не за что.

С заднего сидения раздалось бурчание. Обрывисто-невнятное.

— Да спи ты уже! Может, пока приедем, как раз проспнешься. И расскажешь внятно, чем сегодня занимался!

Я бы после такой угрозы глаз вообще не открывал. До утра, по крайней мере.

Машина повернула за угол, и на улице стало совсем пусто, темно и тихо. Где-то там, во дворах, подальше от случайных прохожих жизнь кипит, это я видел. Играет музыка, ведутся беседы, сплетаются тела. Там. Где-то. Но не здесь. И если не знать о другой стороне мира...

Можно считать, что её нет вовсе.

Хотя, знать или не знать — недостаточно. Мало, проще говоря. Разве мне было неизвестно о существовании Низины? Наоборот. История, структура, площадь, уличная сеть, плотность населения, уровень занятости и прочие статистические данные — только попроси, принесут. Если потребуются, легко выучить наизусть, а потом написать дипломную работу. Грамотную и умную. Единственно что, бесполезную.

Система налажена, сам убедился. И работает неплохо. Есть, конечно, перекосы, но не

смертельные. Перспективы зато нет. Условия для жизни созданы, а жить люди не хотят. В смысле, продуктивно. Семьи не множатся, дети не рождаются. Почему, кто б ответил?

Тело всем обеспечено, никаких забот. Казалось бы, давно наступило время подумать о душах, заняться самосовершенствованием, как говорится... Не хотят. Не видят цели? Или её просто здесь нет?

— Вернулся?

— А куда я мог деться?

Встала из кресла, значит, лучше себя почувствовала. Хотя, по виду не скажешь: бледная, нервная, а пальцы так и скачут по локтям.

— Куда угодно.

Если вспомнить, как выпихивала меня на встречу, можно подумать, надеялась, что сгину. Растворюсь в неизвестности.

— Как все прошло?

Какая-то она странная. В смысле, страннее, чем обычно. Вроде говорит что-то, но слова чужие. Не те, что сказала бы Лил.

— Тебе в самом деле интересно?

Помедлила с ответом. Точно, подменили! Пока гулял с Эстой, кто-то забрался в дом и вместо живой девушки оставил безучастную куклу.

— Но я же...

Собирала меня в дорогу? Да, помню. Обидно только, что...

— Зря старалась.

Вздрыгнула. Остановила взгляд.

— Столько усилий, а все напрасно.

Концы шали выскользнули из пальцев, и рваное кружево улеглось под ноги.

— Хлопотала, заботилась, сражалась, а без толку. Впустую. В пыль и прах все лучшие начинания и крики души, даже самые громкие, самые отчаянные.

Колени стукнулись об пол. Костяшками. Ладони уперлись во вспучившийся паркет.

— Так и должно было быть. Так всегда бывает. Благие намерения ведут в ад. Думаешь, что делаешь что-то хорошее, а все получается наоборот. Зато с плохим вечно попадаешь в цель. И бьешь. Больно-боль...

Охнула. Выгнула спину дугой, как будто собиралась показать содержимое своего желудка.

— Тебе все-таки нужно к врачу.

На первый же мой шаг ответила движением. Назад.

— Сейчас я тебя подниму и...

— Не приближайся.

Глухой голос. Чуть дребезжащий. Что-то напоминающий.

— На полу тебе лучше не будет. Давай руку.

— Я могу за себя постоять, и ты это знаешь.

Слабо верится. Вот посидеть — да. А ещё полежать. Но постоять?

— Нашла время спорить! Болеешь? Надо лечиться.

— Все так говорят. Говорили. Все, кроме Мари, всегда считали меня больной. Потому что не хотели видеть правду. Но ты... Ты знаешь. И я теперь знаю. Знаю, кто ты. Снова знаю, как тогда. Как раньше.

Голову не поднимает, бормочет куда-то вниз. Правда, вполне разборчиво. Только смысл

ускользает, как за него ни держись.

— Я сделала это. Я сильная. Сильнее, чем думала. Сильнее, чем верила. Весь мир.. Каждая живая душа приняла мой приказ. Даже моя собственная.

Такую Лил стоило бы бояться. В самом деле. Если бы жуткий пафос не сопровождал сущую ерунду.

— Мари говорила, что надо быть осторожной. Нельзя взывать к loa по пустякам, иначе они рассердятся и накажут. Тем сильнее, чем больше рассердились.

А вот и любимая песня началась! Духи-мухи, колдовство, противоестественные страхи, прочие глупости, питающиеся слепой верой. В школу тебе надо, девочка. Учиться.

— Они славно пошутили, так, как только они и умеют. Только почему не закончили? Почему не дождались? Ведь оставалось совсем немного.

Хорошо ром достает. Быстрее, чем я рассчитывал. Надо было учесть, что кровь бодрее бегаёт. С недавних пор.

— Ещё день, два, неделю, и все случилось бы. Так почему вы передумали?!

Крик ударил в уши. Отскочил. Снова вернулся.

— Вы дали мне знак, но какой? Что я должна теперь делать?

Задрала голову к потолку. Там, что ли, духи гнездятся? А я всегда искал наверху ангелов.

— Прощение достигается только службой, я знаю закон. Я буду ждать вашего слова, сколько понадобится, хоть всю жизнь, что мне дадена...

С неё можно было бы сваять статую. Для частной молельни. В собор, пожалуй, настолько страстных молельщиц ставить не стоит: народ будут отвлекать. От душеспасительных размышлений.

— Я буду ждать. Я буду слушать.

Кто бы меня здесь послушал?

— Хватит уже пол коленями натирать, он наряднее не станет. Давай-ка, поднимайся и...

Это меня шатнуло, или Лил сама метнулась в сторону?

— Не подходи ко мне!

Это ещё что за новость?

— Только попробуй дотронуться!

Мы вдруг стали неприступными, как крепость? Какого черта?

— Что-то я ничего не понимаю. То сама норовишь прижаться, то...

— Да мне даже думать больно, что я... своими руками...

А вот отвращение на её личике, прямо скажем, вещь неожиданная. И неприятная.

— И полдня ведь не прошло, верно? Ещё утром хорош был для тебя, по всем статьям, а теперь испортился?

— Отойди!

Да я, в общем, и рад бы. Отойти подальше. Одна проблема: тут рядом стена, о которую удобно опираться. А до следующей опоры ещё надо ухитриться добраться.

— Убери свои руки... чудовище!

Развратная девица строит из себя невинность? Нелепость какая. Или это очередная уловка? Женские игрушки, точно. Значит, она не успокоится, пока не добьется своего? Что ж, так тому и быть.

— Пусти!

— Да что с тобой, в самом деле?

Никакого удовольствия. Угорь, он угорь и есть. Маринованный. Скользящий и холодный.

— Пусти, кому сказала?!

А дышит горячо. Быстро-быстро. Вот и пойми, чего хочет. Если сможешь.

— Я не знала, какой ты, никогда не знала... Могла только воображать. Дура! А надо было сразу догадаться, что ничем не лучше других. Нет, хуже даже! Намного хуже! Это богатый дом и красивая одежда держали тебя в узде, а стоило им пропасть, и все вышло наружу... Так ведь? Вы ведь всегда были чудовищем, сеньор Дюпон?

Последние слова она не произносила. Выдохнула. Одними губами прямо мне в лицо. За миг до того, как собиралась сдаться, уж это я чувствовал. Может, вопреки хмелю, а может, благодаря ему. Секунда, и сопротивление было бы сломлено. По обоюдному согласию. Если бы не последний удар. Если бы не...

— Что ты сказала?

Выскользнула. Шагнула назад, но убежать не стала.

— Как ты меня назвала?

— Вашим именем, как же ещё?

— Откуда ты... Почему ты его помнишь?

— Я не помнила.

В отсветах фонарей за окном видно только лицо. Бледное и безумное. Как луна.

— И не вспомнила бы, если бы лоа не сжалились. Если бы не простили.

— При чем тут твои духи? Все люди вокруг...

— Закрыли для тебя свою жизнь? Так и должно было быть. Я так хотела. И я так сделала!

Хрупкая фигурка в саду «Каса Конференсия». Голос, полный отчаяния и чего-то ещё. Чего-то неустойчивого. Божественный транс? Дьявольская одержимость? Без разницы. Мне. Чем бы оно ни было, оно сработало, и ещё как.

— Но я нарушила правила, и лоа наказали меня. Заставили... Да, я почти влюбилась! В самое отвратительное, что нашлось во всем мире!

Разве это было любовью? Помешательство — вот достойное слово. Правдивое, по крайней мере.

— Я должна была пасть. Должна была убить свою гордость. Убить все, что было важным и дорогим.

А заодно и меня. Почти ведь добила, чего греха таить?

— И когда оставался один лишь волосок... Они показали, что простят меня. Что могут простить. Я заплачу любую цену, что мне назначат. Но наказание никуда не денется. Теперь уже никуда.

Это Лил. Та же Лил, что и раньше. Дерзкая, сильная, упорная. Но что-то все-таки пропало. Что-то, заставляющее... Её защищать?

— Я буду помнить все, что случилось. Помнить. До конца своих дней.

Луна мигнула и утонула в темноте. Зашла за тучи? А откуда им вдруг взяться в коридоре?

Она вспомнила. Не придумала, это точно. Не могла придумать. Значит, все вернулось обратно?

Нет. Изломанное неподвижное тело на кровати так и лежит. Спит. Видит сны. И я, наверное, тоже сплю. Иначе откуда эти странные образы? Нет у Эсты никакой сестры из

Береговой стражи. Не было встречи, назначенной сенатором. И Лил дремлет где-то поблизости. Правда, кресло пустое, но дом большой, места много. А утром, когда я наконец открою глаза...

Будильник закричал ровно через минуту. По крайней мере, мне так показалось.

Старинный механический монстр, собранный заводским часовщиком, наверное, задолго до эпохи переселения народов. И до сих пор работает. Главное, исправно несет свою службу, если хозяин не забывает о своей.

Служба, да.

Как ни странно, отправляться на работу в ночь было легче. И даже не чуточку, а намного. Может, потому что за день успевалось гораздо больше? А что удастся сделать с утра?

На Хэнка время точно найдется. Хотя, потеть он стал меньше. Теплообменные процессы стабилизировались, как выражается доктор Вега. В каком-то смысле, ситуация выправилась. В лучшую сторону? Не уверен. Раньше ощущалось, что процесс идет, неважно какой, но есть движение. Сейчас же все затихло. Вокруг. А вот со мной явно что-то происходит, если вспомнить череду ночных видений. Взять даже этот вчерашний бред с признанием Лил...

Колючие нитки. На полу. Под ногой. Это её шаль? Точно. И на том самом месте, которое снилось. Зато девчонки нет. Или все-таки есть?

На кухне пусто. В кладовой... Ну, не пусто, но безлюдно. Фелипе спит сном пьяного ангела тоже в полном одиночестве. Никого. Ни наверху, ни внизу. Странно.

Вчера она казалась больной, а значит, вряд ли ушла бы из дома. Должна была спать в кресле до моего прихода, да и потом тоже. А утром варить кофе, как всегда это делала. Если мне все приснилось. А если нет?

Впрочем, сначала надо её найти. И посмотреть в глаза, тогда станет ясно, порядок у меня с головой или пора начать посещать доктора.

Что утро, что вечер — одна и та же темень на улице, но откуда-то знаешь: день приближается, а не уходит. Ощущаешь это в себе. Внутри, как животные, птицы и растения. Как настоящее дитя природы.

— Лил?

Дверь не заперта. Впрочем, в Низине, похоже, замки вообще не в почете. Да и без надобности закрываться. От кого? От своего же брата по несчастью?

— Лил, ты дома?

Планировка похожа на родовое гнездо Ллузи. Должно быть, квартал застраивался целиком и сразу, по единому плану. Ну да, здесь же толком не было частных землевладельцев: муниципальные территории, собственность города.

А вот мебели больше. Намного. Прямо-таки, целый лабиринт из столиков, комодиков, шкафчиков, этажерок и прочего: еле протиснуться можно. В этом смысле дом приемного отца, пожалуй, нравится мне гораздо больше своим простором. Даже учитывая тот факт, что Фелипе, по всей видимости, от своего скарба избавлялся в целях пополнения питьевых запасов.

— Лил, я вхожу. Не говори потом, что не предупредил...

Это ещё что такое?

В коридоре ночники попадались через раз и больше мешали рассматривать проход, чем освещали путь. Я ещё удивился, почему их так мало. Что ж, теперь знаю ответ.

Они были повсюду. На стенах. На прикроватных полочках и столиках. Даже на полу — причудливыми дорожками. Россыпь светлячков, превращающая спальную комнату в будуар какой-нибудь сказочной принцессы.

Перед порогом царил обычный, естественный хаос жилого дома, за — мертвенно-стылый порядок. Все было расставлено и разложено с невероятной аккуратностью. Трудно было поверить, что тут хозяйничала Лил, хотя... Нет, больше некому.

Покрывало без единой морщинки. Подушки, взбитые и нетронутые. Ровные складки тяжелых штор. Время остановилось в этой комнате. Однажды и навсегда.

Тщательно расправленное платье, лежащее поперек кровати, словно приготовленное для кого-то. Размер не Лил, на женщину покрупнее. Вернее, просто — на женщину, а не чахлую птаху: ростом они, пожалуй, были примерно одинаковы, а вот прочими округлостями...

Должно быть, принадлежало матери. Как её звали? Падре упоминал. А, Лурдес. Помешанная. Правда, по состоянию спальни этого не скажешь. Наверное, дочь хотела помнить только хорошее, потому и постаралась устроить нечто вроде святилища. Вот тут, в окружении нескольких рядов крохотных ночников, видимо, алтарь. С библией?

Корешок записной книжки хрустнул под пальцами, но не рассыпался. Небольшая. Каждый лист заполнен рукописными строчками. Почерк довольно разборчивый, особенно поначалу.

«Профессор велел вести записи. О каждом. Сказал, что так мне самой будет удобнее. Ещё сказал, чтобы соблюдала график, иначе моль не приживется.»

Какая ещё моль?

«Ровно одиннадцать дней и три часа от той минуты, когда почувствую ребенка. Он сказал, что должна почувствовать. Анализы и все такое — чушь. Я ему верю. Другого мне и не остается.»

Речь идет о зачатии, что ли?

«Первые дни моли, мужская и женская, переплетаются между собой. И одна всегда сильнее другой. Материнская. Но от отца тоже что-то остается. Передается ребенку. А пока нет ни тельца, ни чего остального, она не связана, как говорит профессор. Она может остаться в матери и потом снова сплестись. С новой молью нового мужчины. И снова остаться, но уже не совсем прежней.»

Интересная теория. Работающая?

«Так можно собрать моль из молей. По частям. Профессор не знает, сколько их понадобится, но мне это неважно. Ради своего ребенка, ради его будущего, счастливее, чем у меня и у всех остальных, я сделаю хоть тысячу попыток.»

Тысяча попыток? Тысяча мужчин. О Лурдес говорили, что она шлюха. И говорили, что дважды не встречалась ни с одним из своих любовников. Теперь понятно, почему.

«Я начну со следующей луны. Лучшее время для лучшего ребенка на свете.»

Дальше заметки шли всего по несколько строк, на расчерченных, пронумерованных и датированных листках. Кое-где даже с именами.

Тысячи там не было — я специально взглянул на последнюю страницу. Но список впечатлял. Как и последняя запись.

«Он долго не соглашался. Отказывался. Говорил, что слишком стар, что ничего не получится. Но я не могла завершить дело без него. И он завершил тоже. Свою жизнь. Сердце не выдержало, так сказал врач. И посмотрел осуждающе. Все они всегда так смотрели на

меня. Но мне все равно. Зачатый в грехе или праведности, мой ребенок будет самым лучшим.»

* * *

— Знаешь, как говорят, Франсиско? Если пьянство мешает работе, бросай работу.

— Сеньора?

— Ладно, опозданием считать эту четверть часа не буду. Так и быть, прощу. Но если собираешься придумывать оправдания, не расплачивайся по карточке: я как сегодня увидела списанную сумму и назначение платежа, аж охнула.

Несмотря на строгий вид, настроение у Долорес явно было хорошим. Удовлетворенным, и конечно, не началом нового рабочего дня, а тем, что совершалось до того.

— Сеньора, я был не...

— О, это не моё дело, Ллузи. Хочешь — пей. Только если решишь, скажи заранее, чтобы на тебя больше не рассчитывали.

— Я не брошу работу.

— Ну и славненько. Тогда, может, наконец-то к ней приступишь? А то напарник, наверное, уже заждался.

Да, Хозе обычно приходит раньше меня. Потому что идет из дома своей девушки в Лимбо, а не из Низины. И вечно ворчит на этот счет, мол, смена одна и та же, так он её отработывает полностью, не то, что некоторые.

— Извини, что припозднил. Было дело. Важное.

Тишина.

— Да не дуйся, ладно? Я бы за тебя и без тебя поработал, если бы можно было.

Ни звука.

— Серьезно. И вообще, я готов уже. Поехали?

Сиденье водителя пустовало, а значит, несколько минут я разговаривал сам с собой. или все-таки нет?

— Хозе?

— Не кричи... Лучше помоги. Подняться.

Он сидел за машиной, в тени. Согнувшись, как будто собирался обнять колени, а потом передумал.

— Ты чего?

— Живот крутит. С ночи ещё. Думал, снова от перца, но что-то не проходит.

— Да ты сам как перец. Красный. И жгучий. В смысле, горячий. Где, говоришь, болит?

Ответный жест можно было растолковать, как угодно. Например, «везде».

— Сиди тихо, я сейчас.

Долорес подняла взгляд от бумаг и построила брови домиком:

— У нас разве остались темы для разговора?

— Хозе.

— Который на работу является вовремя.

— Ему плохо.

— От соблюдения правил? Пусть сам скажет. Но на пару опаздывать не разрешу, только по очереди.

— Ему просто плохо. Его должен осмотреть врач.

Лицо толстушки заметно помрачнело.

— Врач, говоришь...

Когда мы дошли до машины, Хозе уже разогнулся, но здоровее выглядеть не стал, скорее наоборот. Начальница ничего не сказала, куснула губу и повернулась ко мне.

— Водить умеешь?

— Я... да, в общем.

— Значит, справишься. Вот, — мне в ладонь ткнулись ключи. — Возьмешь мою тележку и отвезешь парня в больницу.

— Лучше бы вы сами, вы же...

— Отвезешь. И про работу слова никому не скажешь. Просто приятель заболел.

— Но...

— У вас сегодня выходной. У обоих. Выданный дирекцией за доблестную службу на благо общества. И шевелись уже, а то ещё помрет бедняга!

Под седлом у Долорес оказался такой же круглый «марино», как и она сама. И жутко тесный.

— Разложить сиденье? Сможешь почти лечь тогда.

— Ой, лучше не надо, — простонал Хозе, подтягивая колени к груди.

Дорога по промзоне оказалась пустой, как ей и положено, кое-где пришлось постоять только в городе, но на наше счастье, недолго. Медперсонал отреагировал на доставленного больного бодро: сразу уволок на каталке в недра госпиталя, оставив меня в приемном покое ожидать вердикта. С одной стороны не самого утешительного, с другой... Достаточно безобидного.

— Так что с ним? — спросила Долорес, воровато озираясь по сторонам.

— Аппендицит режут. Говорят, через пару дней все будет в норме.

— И то хорошо. Возьмет больничный. А тебя завтра жду на работу. В пару с кем-то другим ставить не буду, незачем. Но не сомневайся, подберу занятие, чтобы не прохлаждался.

— Сеньора, почему вы...

— Почему что? А, — протянула толстушка, забирая ключи от машины. — Чтобы предприятию по страховке лишние деньги не платить. Травму, полученное в нерабочее время вам и так полечат, за счет города. Ни от кого не убудет, понимаешь?

Логика четкая. Хотя и пахнет не слишком приятно.

— Я на тебя рассчитываю. Можешь, конечно, поступать, как хочешь, но на будущее... Должок останется. За мной. Так что выбирай, что тебе нужнее.

Выходила из вестибюля она, как ни в чем не бывало. Словно случайно здесь оказалась.

— Вам что-то нужно, сеньор?

— М?

— Ну, сидите здесь, уже долго... Может быть, позвать кого-нибудь?

— Я жду новостей о приятеле. Его сейчас оперируют.

— О, простите.

— Да ничего. Пойду, погуляю, чтобы вас не смущать. И место не занимать.

— Как вашего приятеля зовут?

— Хозе Эрнандес.

— Когда врач выйдет, я спрошу. Так что не волнуйтесь, можете отлучиться, если вам

нужно.

— Спасибо, сеньорита.

Мне улыбнулись. Дежурно. И тут норовят избавиться, м-да.

Хотя, её можно понять: люди приходят в приемный покой за помощью, и если кто-то остается здесь больше получаса, у администрации обязательно возникнут вопросы. Или у городских служб, что ещё хуже.

— Я вспомнил. Мне же тоже нужно к врачу зайти. На консультацию.

— Конечно, как пожелаете!

Приободрилась и улыбнулась. Снова. Но на этот раз куда как искреннее.

Консультация мне и впрямь была нужна. Желательно от специалиста генетически-гинекологического направления. Но поскольку мои нынешние знакомства в медицинском мире ограничивались только одной персоной, все дороги вели в одну сторону: на третий этаж, к кабинету доктора Веги.

Расписание приемов я изучил ещё в прошлое посещение госпиталя и мог не сомневаться, что застану своего «семейного» врача на рабочем месте. И конечно, допускал, что не мне одному может понадобится помощь. Но голос, донесшийся из полуоткрытой двери, был слишком хорошо знаком и достаточно неприятен, чтобы захотелось остаться на безопасной дистанции.

— Вы же видите, в каком я состоянии, доктор? И приборы ваши... Они же не врут?

— В отличие от людей? По большей части, нет.

— Ну так в чем же дело?

— Карлос, успокоительное — серьезная штука. Не та, которую можно глотать по любому поводу. Я бы прописал тебе что-нибудь из народной медицины, но, слава богу, на неё рецепта не нужно. А действует не хуже синтетики.

— Вы только представьте, что мама скажет! У неё нюх на эти дела, как у ищейки. Мне и так придется проветриваться после вашего кабинета, а если ещё и курить начну...

— Аргумент весомый.

— Ну так как? Посоветуете что?

— Эх, Карлос, Карлос... Неврозы в твоём возрасте — вещь редкая. Требуемая дополнительного изучения.

— Я же не прошу что-то убойное, доктор! Самое простенькое.

— Убойного и не получишь. Вот, начнем с этого.

— А рецепт? Не выпишете?

— Это общедоступное средство. Максимально безобидное.

— Оно поможет?

— Если будешь принимать по инструкции. Для достижения эффекта должна накопиться определенная концентрация действующего вещества. Понятно? Нет? Принимать нужно методично. По часам.

— Много?

— На килограмм живого веса по... Сам посчитаешь. Считать-то умеешь?

— А если ошибусь? Ничего страшного не случится?

— Я тебя не понимаю, Карлос. Ты уж определись, результат тебе нужен или крутое название.

— Да я же на всякий случай спросил, доктор...

— Страшного — не случится. Можно, конечно, и слабительным до комы нажраться, но

это уметь надо... Самое большее, чего стоит опасаться, это некоторые проблемы с памятью. Не то чтобы провалы, а просто сумятица. Можешь начать путать то, что видел своими глазами, и то, что тебе, например, рассказывали. Дезориентация определенная возможна. Но это, в сущности, мелочи. Отравиться не получится, гарантирую.

— Спасибо, доктор! Значит, главное — принимать по расписанию?

— Да. И желательно не пить в это время. Чем чище будет организм, тем быстрее наступит нужный эффект.

— Ещё раз, спасибо!

— И зайди через недельку. Расскажешь, что и как получается.

— Конечно, доктор! Конечно!

Вышел он из кабинета стремительно. Мог бы сшибить с ног, если бы я к этому моменту не переместился за угол, в стенную нишу.

Карлос, страдающий невротами? Это нечто из области фантастики. Или сказки. Хотя, в последнюю нашу встречу сына Консуэлы трудно было назвать совсем уж спокойным человеком, расстройство у него было вовсе не нервное. Ну, да ладно. Его дело. Не моё.

— Доброго дня, доктор.

— О, ещё один желающий получить бесплатную консультацию? Многовато вас с начала смены набралось.

— Да я что-то очереди в коридоре не вижу.

— Шучу. Мне как-то привычнее на улице с пациентами вроде тебя общаться. В естественной среде. Кстати, и разговоры получаются душевнее: больничные стены к искренности располагают мало.

— Если говорить со стеной? Наверное. А если с человеком, то какая разница, где?

Вега усмехнулся:

— Ты сам-то проходи, не застревай на пороге.

И верно. Тем более, внутри уютнее. И стул удобнее, чем коридорные скамейки.

— Что спросить хотел? Хотя, подожди, я первый скажу. Интересные новости только вот утром получил.

Он вытащил из кармана халата листок бумаги, развернул, пробежал взглядом по печатным строчкам.

— Пришли результаты анализов. Спектрограммы и ещё кое-что, специальное.

— Чьих анализов?

— Знакомца твоего, из автобуса. Помнишь, я говорил об электромагнитном воздействии? Так вот, оно и впрямь было. Но особенное. Если будет понятнее, природная аномалия подобных характеристик возникнуть может. Одна на пару триллионов случаев.

— То есть, почти невероятна?

— В том и дело, что только «почти». Нестабильная, существующая буквально несколько секунд, но теоретически вполне возможная.

— И её можно создать искусственно?

— А вот с этим ничего определенного сказать нельзя.

В кармане у Веги всегда найдется самокрученная папироска. Ароматная настолько, что её даже закуривать не нужно — достаточно пальцами помять.

— Частота излучения слишком... специфическая. Если можно так выразиться, человеческая.

— М?

— Любой живой организм тоже излучает энергию. Всякие шарлатаны любят называть её аурой. Слышал, наверное? Слабые такие волны. В физическом смысле. Рассеиваются через считанные сантиметры от границ тела. А в случае водителя похоже, что каким-то чудом произошла фокусировка. Усиление даже.

— Но как?

— Понятия не имею. Мой приятель сказал, что если ему удастся построить модель процесса, пусть и чисто теоретическую, это будет открытие мирового масштаба. Или даже вселенского.

— Звучит внушительно.

— Да уж... А ты сам о чем спросить хотел?

— Про «молли». Только не в смысле излучений и всего такого. Другое.

— Ну, давай.

— Они же сейчас есть в каждом человеке?

— Практически. В любом, кто попал под вакцинацию. Но обычно от неё не отказываются, знаешь ли. Жизнь всегда оказывается дороже принципов.

— А когда мужчина и женщина... Сближаются, в общем. Что тогда происходит?

— Тебе простыми словами объяснить? — хмыкнул Вега. — Вот уж не думал, что такой парень, как ты, и ни разу... Ну извини. Всякое бывает.

— Я про «молли» спрашиваю! Что с ними случается? Ведь в женский организм попадает часть другой матрицы, верно?

— Конечно.

— А дальше? Она, эта часть, исчезает, изменяется, присоединяется к существующей системе? Что конкретно происходит?

— В этом я не специалист, могу пояснить только общие принципы. Пойдет?

— Да хоть что-нибудь, и то буду рад.

Доктор начал катать папиросу по лакированному дереву.

— Если не ошибаюсь, фрагмент отцовской матрицы становится как раз ядром для формирования зародышевой «молли». В большей своей части.

— То есть, не целиком?

— Ещё ошметки остаются. Постепенно теряя свою структуру. В конце концов, отдельные частички присоединяются к женской матрице или вовсе выводятся из организма.

— А в случае выкидыша?

— При чем тут выкидыш?

— Вот начало формироваться ядро, как вы говорите. Сколько ему нужно времени на этот процесс?

— Месяцы, в общем случае. Тут надо понимать, что новорожденный полноценной матрицей обладать не может. К сожалению. Иначе вакцинация не требовалась бы снова и снова, при появлении каждого нового человека.

— А что тогда у него внутри? У ребенка?

— Среда, благоприятная для прививания «молли». Ты этого, конечно, не знаешь — неоткуда, но самые первые прививки сопровождались последствиями. И часто очень болезненными. Процент умерших после принятия вакцины, был крайне мал, это верно, но и такое случалось. А вот уже у первого родившегося после поколения процесс проходил намного безопаснее.

— Так что тогда с выкидышем? Вся среда, как вы её назвали, уничтожается?

Полностью? И никаких следов не остается? У той же женщины, например.

— Глубоко копаешь, — сощурился Вега. — Говорю же, не моя специальность. Но чисто физически... Какое-то время «память» о партнере остается. Должна, по крайней мере. А теперь позволь спросить, откуда такой странный интерес? Ребенка кому-то сделал, что ли?

Когда тебе не верят, это с одной стороны обидно, с другой — опасно. Хорошо, что в случае доктора можно было не сильно волноваться насчет объяснений: сам придумает. Особенно если не мешать.

Во всей Санта-Озе, как я подозревал, имелось только три места, куда могла отправиться малолетняя колдунья в расстроенных чувствах. К себе, в собор — под теплое крылышко падре, и к чернокожей мамбо. Дома девчонки не обнаружилось, церковь она вряд ли стала бы сейчас посвящать в свои откровения, значит, оставался только один вариант. И он оправдался: когда я постучал по дверному косяку, за порогом возникла Лил.

— Зачем пришел? Не хочу тебя видеть.

И ни малейших угрызений совести? Или мне вчерашние события все-таки приснились?

— Да вот, утром проснулся и почувствовал себя одиноко.

Хлопнула ресницами.

— Я тебя обидел, раз ушла? Ты скажи, чем. А то, может, сразу мириться начнем?

Шатнулась назад:

— Эй-эй-эй, ты чего?

— Я тут все думал, думал... Ты права. Лучшей пары мне в городе не найти, так зачем время зря терять?

— Ты же не пьяный был вчера. Ну, если только совсем немного... Не помнишь, о чем говорили? Ни словечка?

Облегчения в её голосе точно не было. Удивление, разочарование, ещё какая-то ерунда, но ни капли того, что я предполагал услышать. Другая бы на её месте радовалась. По крайней мере, сделала бы вид, будто ничего и не произошло. А Лил продолжала напирать:

— Ты пришел, ещё сказал, что встреча не состоялась... Та, с сенатором. Или не удалась, я так и поняла толком. Помнишь?

— Да, насчет встречи правильно.

— А потом? Я ещё на полу сидела и ты меня поднять хотел. Я тогда много всякого сказала.

А ведь она в отчаянии. Интересно, почему? Боится, что придется все начинать сначала? Что сил не хватит повторить все то же самое, но мне в лицо и при свете дня?

— Да бог с ним, говорила или нет. Мы друг другу чего только не сказали! Давай, забудем? Отпустим все в прошлое, а? И рука об руку двинемся в совместное радостное буду...

— Не трогай меня!

Сползла по стене и сжалась в комок.

— Пожалуйста, не трогай...

— Тебе что, страшно? Такая могущественная колдунья и не может за себя постоять?

— Я могу. Но только не... Только не против тебя.

Хм. Ночью настроения были более воинственные. А впрочем, она не врет. Даже вчера, когда угрожала, все равно ничего не сотворила. Потому что чувствовала себя виноватой? Да и сейчас всего лишь умоляет, не приказывает.

— Пожалуйста...

— Франсуа Дюпон, конечно, совсем не ангел, но детей не обижал никогда.

— А я не ребенок! — первым делом огрызнулась, но тут же сообразила: — Значит, ты все-таки...

— Вчерашний разговор? Да, помню. Только не очень-то понимаю.

Вернее, могу понять. Теперь уже могу, учитывая кучу свежей информации. Не хочу. Стыдно признавать свои страхи, и все же, если допущу, хоть на несколько минут, что все, прозвучавшее в канун прошлой ночи — вполне себе объективная реальность...

— Ты пришел меня убить?

— Нет, как я уже сказал. Может, и нужно было бы.

— Я не боюсь смерти.

Так, постепенно возвращается к норме. В смысле, становится собой. Надеюсь, что это скорее хорошо, чем плохо.

— Можно было бы попробовать. Как в сказках пишут? Если убьешь ведьму, её чары рассеиваются. Верно?

Вжалась в стену ещё сильнее.

— Но это в сказках. А у меня есть только одна попытка, и если я тебя убью и ничего не изменится...

— Кто говорит в моем доме о смерти?

В сумерках безоконного коридора лицо мамбо было не разглядеть: только широкую улыбку.

— Тот, кто имеет на это право?

Получив передышку и ощутив какую-никакую, а поддержку, Лил тут же метнулась и спряталась за просторным балахоном Мари ла Кру. Но не убежала.

— Я пришел говорить о жизни, сеньора.

— Неужто? Алые следы Пьетро^[13] смываются очень трудно. И слишком долго.

— Он в самом деле имеет право, — буркнули из белых складок.

— Хоть люди и любят твердить, что все в этом мире продается и покупается, деньги — лишь символ. Знак фальшивого обмена. А по-настоящему ценные вещи меняют только друг на друга: так всегда происходит с жизнью и смертью. Но они не могут составить пару, девочка. Ни при каких условиях. Обменяться можно жизнями, либо смертями и не иначе... Кому же из вас что нужно?

Лил не ответила. Пришлось наклониться и отдернуть тканевую занавесь, чтобы взглянуть на сосредоточенное и почему-то совсем не испуганное лицо.

— Ты сломала мою жизнь. Признаешь это?

Гордое сопение.

— Да и черт с ней, все равно ничего хорошего не получалось. Не могло уже получиться. Перед собственной совестью отвечай, если захочешь, мне все равно. Но вот другое... Ты изуродовала человека. Ни в чем не виноватого. Этот грех посерьезней, верно?

— Он хотел тебе навредить, так что ещё надо посмотреть насчет вины.

— Я не про водителя. Есть и кое-кто ещё. Кое-кто, лежащий в моем доме.

— Тоже моих рук дело?

— А чьих же? Он был рядом со мной в тот вечер. Не помнишь?

— Может и был. Я злилась и кроме тебя ни на кого больше не смотрела.

Ну хоть честно призналась. Бешенство имеет привычку застилать глаза, это точно.

— Тогда поверь на слово.

— И чего?

— Не собираешься починить хотя бы часть того, что сломала?

Хмурый взгляд исподлобья. Хорошо, поговорим иначе.

— Знакомая вещица?

— Как ты мог?! Это же... это...

Вскочила на ноги. Дотянуться до записной книжки в моей поднятой руке все равно не смогла бы, но состроила угрожающую рожицу.

— Отдай!

— Знаешь, что в ней написано?

— Неважно!

Чтобы такая любопытная егоза и куда-то не подглядела? Не верю.

— Ты её хоть раз открывала?

— Это мамино. Отдай!

— А ты вообще... читать умеешь?

Насупилась.

— Я разбираю буквы. Когда они ровные.

Печатные то есть?

— А тут они все друг за друга цепляются так, что не отличить, где какая...

Ну вот и как с ней разговаривать? С одной стороны, хочется вклеить затрещину. С другой — пожалеть. Только мне не нужно сейчас ни первое, ни второе.

— Ты её читал?

Нет, только не это! Сейчас ещё пересказать попросит.

— Сеньора, понимаю, что вопрос глупый, но все-таки спрошу. Вы говорили, что в моего друга вселился какой-то из ваших духов, лоа. И вы же говорили, что в свое время он уйдет прочь.

— Таковы правила. Но в чем вопрос?

— А нельзя ли ему... Нельзя ли его немного поторопить? Напомнить, что пора бы и честь знать?

— Хозяин перекрестка ходит сам по себе и не слушает приказы.

— Но слышит просьбы, верно?

Мамбо кивнула.

— Лил сделала так, что он пришел. Это была её просьба. Но сразу после этого забыла, с чем просила, и может статься, что этот ваш хозяин попросту не знает, исполнил ли он то, о чем просили или нет. Поэтому и не уходит. А если узнает?

— Духи видят все. Но ты прав в главном: на этот мир они смотрят через наши сердца.

— Значит, если Лил обратится к нему напрямую и расскажет все, как есть...

— Он выслушает.

— И послушается?

— Если разговор выйдет честный.

— Поняла? Вот прямо сейчас пойдешь и скажешь все, что надо, чтобы...

— И тебе тоже отмолчаться не удастся, — ласково заметила Мари. — Ты же был первой причиной всему, я правильно поняла?

Что ж, если надо поговорить, поговорим. Мне скрывать нечего, а уж бояться — тем более.

— Нужно собрать несколько вещей, дети, а потом я к вам присоединюсь. Уже в доме, если позволите.

— Идем!

Лил дернула рукой, вырывая локоть из моих пальцев:

— Книжку отдай!

— Да пожалуйста.

Прижала к груди, прикрыла краем очередной дырявой шали. Десятка два шагов молчала, потом поинтересовалась:

— Злишься?

— На что?

— На меня.

На неграмотного ребенка, который с детства жил, как бог на душу положит?

— Ты стерла у мира память обо мне.

— Но я-то помню.

Это успокаивает. За неимением всего остального.

— Может, объяснишь, зачем?

— Потому что тоже разозлилась.

— Я сделал тебе что-то плохое тогда, в тот вечер?

— Ну-у-у...

— Не слышу ответа.

— Не тогда. Вообще.

— Каким образом? Я даже не знал о твоём существовании.

— Вот! Не знал... Этим все сказано!

Может и сказано, но звучит запутанной шифровкой.

— Ты всегда был на службах в соборе. Каждый раз. И всегда там, высоко-высоко, а нас туда не пускали.

Разве? Мне казалось, проход на галереи открыт для всех, просто никто не хочет карабкаться по крутой лестнице.

— Сразу было понятно, что ты особенный, можешь то, чего другие не осият.

Примитивное представление. Хотя для Лил вполне естественное.

— Падре сказал, что ты — сын сенатора.

И солгал. В моем понимании. Да и фактически — тоже. А вот сам Мигель вряд ли видел разницу между мной и Генри.

— Ты был ближе всех к нему. К главному человеку в городе. И он послушал бы все, что ты говоришь.

Ещё одна ошибка. Наивная, но, как теперь выясняется, смертельно опасная.

— Нужно было только подойти к тебе, рассказать...

Та же тактика, что и у Эсты? Впрочем, она сработала бы. С сенатором совершенно точно: Джозеф, действительно, всегда внимательно слушал просителей. Когда они приходили, конечно — сам в народ отправлялся нечасто. Со мной же...

— Ты выбрала не лучший момент для разговора. Я тогда... Немного расстроился.

— Но ты говорил, о чем думал. И когда я это поняла, все вокруг и внутри запылало. Стало больно. Так больно, что нельзя было больше ничего почувствовать.

Состояние аффекта. Оно же — колдовской транс. Оно же — причина возникновения аномалии, излучающей непонятные волны.

— А потом ты убежала.

— Мне стало страшно. Я не помнила, что случилось, не помнила, почему оказалась в том саду, среди богатых людей. Меня бы обязательно забрали в полицию, если бы поймали.

И отправили бы в какое-нибудь исправительное заведение. Посадили в клетку.

— Ты боишься оказаться запертой?

— А ты? Не боишься потерять свободу?

А она у меня была когда-нибудь? Ни шагу в сторону от протокола. Ненавидишь, к примеру, церковные службы? Все равно обязан присутствовать. Презираешь добрую половину знакомых? Будешь мило улыбаться и кивать, как болванчик. Имидж, репутация, хорошие манеры — эта клетка не просторнее стальной или каменной. Даже если сам закрыл за собой замок. Зато теперь у меня этой самой свободы... Хоть залейся.

— Как-то не думал. Не было повода.

Фыркнула. То ли осуждающе, то ли разочарованно.

— Я не хотела навредить твоему другу.

Пожалуй. Мишенью он точно не был.

— Ты совсем его не помнишь?

— Ну, парень и парень, — пожала плечами. — Стоял рядом с тобой, говорил какие-то глупости.

Не помнит, точно. Хэнк никогда не опускался до глупостей. Вот и в тот вечер все его советы были исключительно разумны и полезны. И конечно, я не последовал ни одному из них. Как обычно.

— Ты вернешь его.

— Как? Я не знаю, что с ним случилось.

— Твоя воспитательница говорит, что это дух. Какой-то Папа вселился в тело.

— Если Папа, то он сам выбирает, что делать. Я тут ни при чем.

Ну да, если говорить о лоа, все так и есть. А если вспомнить о «молли»? К сожалению, нет не то, что пользы, а даже смысла пытаться объяснять возможную физику необходимого процесса. Не поймет. Не те термины. В той же среде, что близка Лил, я плаваю, как топор. Остается надеяться, что хватит и намеков.

— Ты открыла для него путь. Показала, куда надо идти, где ему будет хорошо.

— Хорошо? — снова фыркнула. — Это же лоа, ему не бывает...

— Ну, место, где ему будет проще всего обосноваться. Подготовила почву. Так можно сказать?

— Можно.

Если бы можно было ещё убирать это время от времени возникающий покровительственный тон... А, ладно. Пусть. Переживу.

— Вот он и пришел. И обосновался. Но, как говорится, в гостях хорошо, а дома лучше.

— А если он не захочет уходить?

— Пойми, тут все зависит от тебя. Больше, чем ото всех других.

— Ну да! Лоа легко позвать, но прогнать...

— Не надо прогонять. Нужно просто ещё раз проложить путь. Или сделать что-то, чтобы тут, в искореженном теле, ему было больше не так уютно, как раньше.

— Ты о чем это?

— Вернуть тело в прежний вид. Ясно? Всего лишь захотеть все исправить.

Опустила голову, побурчала, обращаясь к носкам своих сандалий.

— Не могу.

— Можешь!

— Да не могу! Я же тебе говорила... Парень. Твой друг. Его-то я совсем не знаю. Прежний, не прежний... А какой он вообще был?

Ого. Вот мы и приехали. Конечная остановка, все на выход.

— Долго же ходят молодые ноги! — пожурела нас Мари, встречая на пороге комнаты.

Пока мы добирались домой, мамбо времени зря не теряла: по воздуху плыл аромат кофе и каких-то трав, в сумерках занавешенных окон горели звездочки свечей, тонких и толстых, успевших заплакать пол молочно-белым воском.

— Все готово, можно начинать. И час подходящий, хоть и не ночной.

— Спасибо.

— Что-то не вижу желания, дети. Куда оно вдруг запропастилось? Потеряли по дороге?

Лил шмыгнула носом, предоставляя право ответа мне. Вернее, обязанность.

— Ничего не выйдет, сеньора. Сейчас, по крайней мере. А может быть, вообще никогда.

— Ай-ай-ай! Не используй это дурное слово, не стоит. «Никогда» не существует, у любого события есть срок.

— Простите. Возникла одна трудность. Проблема. Обстоятельство, которое... Я не знаю, что с ним делать, вот и все.

— Но его можно описать словами? — ласково улыбнулась мамбо.

— Конечно.

— Так скажи, а я послушаю.

Лил плюхнулась в кресло, подтянула колени к груди и уткнулась в них носом.

— Мы можем попросить духа уйти и все прочее. И может быть, он даже согласится. Только это ничего не изменит. Вернее, тело обратно не изменится.

— Почему ты так в этом уверен?

— Вы сказали, что духи видят этот мир сердцами. Но дело в том, что если конкретно этот смотрел сердцем Лил...

Вздых из кресла. Глубокий.

— Он не видел, куда именно идет.

— Кажется, начинаю понимать, — кивнула Мари. — Нельзя собрать что-то из черепков, если не знаешь, каким оно должно быть.

— Да, сеньора.

— И только это тебя останавливает?

— А разве этого мало?

Она подошла, сжала в ладонях моё лицо, чуть наклоняя к себе.

— Пусть одно сердце и было слепым, но второе... Неужели второе тоже закрыло свои глаза?

— О чем вы говорите?

— Он твой друг. Ты знаешь его. Это немало.

— Но я не умею разговаривать с духами.

— Зато духи, как оказалось, охотно говорят с тобой. Помнишь? — Мари убрала одну ладонь от моей щеки, показав след ожога. — Их недолго приходится упрашивать.

Не знаю, чем был тот разговор. Наваждением? Спектаклем? Злой шуткой? Неважно. Повторять почему-то не хочется.

— Твой лоа отметил тебя много лет назад. Возможно, ещё до рождения.

Так же, как Лил? Ситуация же обратная, насколько понимаю: не моя мать ходила по мужчинам, а отец оказывал услуги женщинам. Хотя...

Проникновение организмов все равно происходило. Обмен жидкостями, например. И точно так же крупницы многочисленных «молли» могли какое-то время оставаться в теле моего отца. И похоже, повлияли на его собственную матрицу: сумасшедших в роду Дюпонов не было, если верить семейным хроникам. А я появился на свет как раз на пике отцовской «карьеры» жеребца-осеменителя.

— Тебя услышат. Непременно услышат, — пообещала мамбо.

Хорошо, пусть. Но что я могу им сказать?

— Расскажи, каким он был, каким ты его видел всякий раз, когда встречал, каким... О да, каким хотел бы видеть — тоже.

— Считаете, это будет честно? Личные ощущения всегда субъективны и...

— Ты можете сделать только то, что можешь. Так постарайся же изо всех сил!

Все это выглядело ловушкой. Зыбучим песком, ступив на который, уже не сделаешь ни шага в сторону. И в то же время это было заманчиво. Захватывающе даже.

— Пусть девочка соединит вас.

— Соединит?

— Подойди сюда и дай ему свою руку, — велела Мари.

— А без этого никак? — хмуро уточнила Лил.

— Слезы, сладкие, горькие — просто вода, губы — бездна, откуда приходит беда, взгляд скользнет и сбежит, не оставив следа, только пальцы не лгут никогда, — пропела мамбо.

Девчонка нехотя вылезла из кресла.

— Вот, присядьте тут, оба. Дальше пола ведь не упадешь.

— А что, намечается ещё и падение?

Мне не стали отвечать: занялись барабаном. Тонким, шириной чуть больше ладони. Шлепок, шлепок, шлепок. Как шаги по полосе приборя.

Ладонь Лил пугливо легла в мои, готовая отдернуться в любую секунду. Неужели все так страшно? Я же сказал, что не трону. Не поверила? Потому что вспомнила и решила, что знает, с кем имеет дело?

— Его руку тоже возьми, — шепот мамбо выплыл из ритма незатейливой музыки и снова растворился в нем.

Скрюченные, темные, как угольки, пальцы — за них девчонка взялась куда как смелее. А потом закрыла глаза.

— Духи слышат вас...

Огоньки свечей вдруг слились в единое слепяще-белое марево, и я тоже зажмурился.

Духи, значит? Что ж, пусть слушают.

Каким он был, Хэнк? Вернее, Алехандро. «Хэнком» он однажды назвал себя сам, когда узнал, что я ненавижу свое собственное имя в оригинальном виде. Оно ведь мне не подходило никогда, если вдуматься. А на экваторе и вовсе зазвучало дико...

Мы впервые встретились в сенаторском доме. На одном из великосветских семейных приемов, куда бывают приглашены все возможные родственники, лишь бы они не входили в число персон нон грата. Правда, детей моего возраста оказалось мало. Собственно, им неоткуда было взяться: сестрам Хэнка тогда было года по три-четыре, и их, конечно, нечасто водили в гости. А прочие родовитые и просто богатые участники встречи к тому времени либо только зачинали своих отпрысков, либо уже определили их в учебные заведения. Так и получилось, что сверстник на мою долю нашелся всего лишь один.

В десять лет он был жутко похож на девчонку. Особенно помогали этому белокурые локоны — предмет беспредельной зависти даже родных сестер. Тоненький, изящный, как фарфоровая статуэтка и такой же сияющий. Светящийся изнутри. Когда мы очутились лицом к лицу друг с другом, он, недолго думая, изобразил реверанс, чем поставил в тупик прежде всего своего гувернера. И тот, конечно, спросил: почему сеньор Алехандро поступил так странно? А ангелочек невинно улыбнулся и ответил, что из нас двоих самый серьезный я, значит, мне и вести. Пару, ага. Потацил ведь танцевать, стервец. Веер у кого-то из дам утянул. Хихикал, жеманничал, словом, забавлялся вовсю. За мой счет? Не без того. Но если быть уж совершенно честным... Кажется, в тот день я улыбнулся. Первый раз после долгого-долгого перерыва.

Конечно, потом выяснилось, что шутит Хэнк хоть и часто, но ненамного реже бывает исключительно серьезен. Правда, в чужом обществе, не в моем: для меня на его лице почему-то сразу появлялась улыбка. Которую лично мне не удавалось сбить никакими силами. Однажды он обмолвился... Или мне это привиделось? Нет, что-то такое было. Сказал, что счастья и горя в одном месте обязательно должно всегда быть поровну, иначе мир пойдет вразнос.

Богатый, красивый, влиятельный.

Счастливый? Этого не знает никто, кроме него самого. Играющий в счастье, и довольно успешно — да. У меня так не получалось. Даже когда ничто, в общем-то, не предвещало недавних и нынешних событий.

Внимательный.

Кажется, он угадывал и старался предугадать все возможные последствия каждого события и поступка. Правда, никогда не одергивал раньше времени. Вот потом, по совершении, мог прочесть нотацию. Но чаще просто улыбался, и в этой улыбке было все, что можно сказать словами или только подумать.

Единственный.

Друг? Наверное. Главное, он один среди всех не пытался меня изменить. Не воспитывал: максимум, объяснял, что и где я сделал не слишком правильно. Конечно, я его не слушался. И теперь не буду. Даже если он вернется.

Нет. Даже «когда» он вернется.

Удивительный.

В нем сочетается столько всего, что не перечислить. Запутаешься, пока будешь

вспоминать. И на все хватает места, вот ведь странно. Со мной всегда наоборот: держусь за то, что есть, не пуская нового. Боюсь потерять? Нет, боюсь, что освободившийся клочок так и останется пустовать.

Без меня мир не стал хуже или лучше, это уже понятно. Вот я был, вот меня нет — один черт, как говорится. Очень может быть, что и отсутствие Хэнка не окажет какого-то особого влияния на настоящее и будущее. Скорее всего. Но без него мой личный мир, моя вселенная, сузившаяся до нескольких шагов по песку, точно перестанет существовать.

Слышите, духи?

Это все, чего я прошу.

И да, конечно, для себя.

Только и именно для себя.

Последний шаг по песку. Остановка. Тишина.

Надо же, а свечи, оказывается, потухли. Догорели без остатка. Но за окном пока светло: это становится понятно, когда мамбо отдергивает шторы.

— Получилось?

Вопрос вырывается сам собой, хриплый и дрожащий.

— Вам лучше знать. Вам обоим.

Лил вздыхает и клонится в сторону. Не в мою. В сторону кровати, на которой неподвижно лежит тело. Все ещё искалеченное.

* * *

«Отрицание может возникнуть в силу любых причин, однако, что, как ни странно, намного более естественно — чаще возникает без объективной подоплеки, и этому может существовать лишь единственное объяснение: оно есть внутри нас. Всегда. Каждую минуту.

В определенном смысле, так и должно быть. Просто один из крайних вариантов реализации оценочного суждения, не более того. Самый опасный и одновременно самый продуктивный. Потенциально обладающий куда большими перспективами, чем принятие.

Отрицание возникает, как протест — и тем самым мобилизует организм. Отрицание возникает в силу сомнений — и подвигает на более углубленный анализ. Это результат взаимодействия внутреннего и внешнего, отчетливо показывающий изначальный конфликт двух сторон. Должен ли достигаться дальнейший компромисс, вот в чем вопрос...

Примирение, а затем принятие — обычная методика реабилитации в данном случае. Успешная и отработанная до мелочей. Но устранение внешних проявлений конфликта практически никогда не вырывает его корень, а медикаментозные средства зачастую лишь усугубляют состояние.

Полагаю, что принципиальным является само решение: применять коррекцию или нет. Но решать пациент должен самостоятельно, и ни в коем случае не под влиянием угнетающих психику обстоятельств, иначе слишком велик риск возникновения различных девиаций. Насильственно же проводимая терапия всегда наносит ущерб, пределы которого, увы, удастся оценить слишком поздно и для больного, и для его окружения. Как сон разума рождает чудовищ, так и подавленный, но не разрешенный конфликт, запускает процесс неизбежного разрушения человека, а потом и мира, частью которого тот является...»

(Из личных записей практикующего психоаналитика)

— Как-то ты намного воодушевленнее выглядишь наутро после рабочего дня, а не после выходного, — задумчиво отметила Долорес. — А может, тебе отдых вообще вредит? Если так, наверное, стоит подогнать график, чтобы...

Хорошо, когда хотя бы одна вещь в мире вокруг не меняется от рассвета к рассвету. Пусть это всего лишь дежурные остроты твоей начальницы.

— Да шучу, шучу! А теперь поговорим серьезно. Как дела у напарника?

— Дня два-три полежит дома. Для восстановления. Потом сможет работать без ограничений.

— Врач сказал?

— Да.

Я его все-таки отловил после операции. Не в приемном покое, правда, на этаже. И та медсестра наверняка посчитала меня неблагодарным и безответственным. Если вспомнила о своем обещании, конечно.

— Что ж, хорошая новость. Осталось только подготовить фронт работ к его возвращению!

Толстушка выглядела довольной. Придумала очередной способ усугубления ситуации? Да и пожалуйста. Мне все равно.

— Все-таки спокойнее, когда вы при свете дня хулиганите, так что... — Взяла со стола папку. — Пока есть повод, буду назначать дневные смены. А сколько их получится и каких, зависит только от тебя.

— Сеньора?

— Ты же захочешь облегчить напарнику период выздоровления? — ласково улыбнулась Долорес.

Исходя из общепринятых правил приличия и товарищеской взаимопомощи? Вряд ли. Другое дело, что я ему должен. Что-нибудь. Услугу, например. И даже если коротышка об этом уже благополучно забыл, есть повод поступить честно. Перед самим собой.

— С радостью, сеньора.

— Ты бы лицо попроще делал, Ллузи, когда такие слова говоришь: глядишь, люди верить начнут... Ну да ладно, хватит об этом. Дела сами не делаются, согласен? Вот, ознакомься.

Три листка бумаги под скрепкой. Убористый текст, разделенный тонкими линиями. Названия, цифры... Адреса домов?

— Список жилых строений, выведенных из эксплуатации, — пояснила толстушка. — Старые районы первого заселения. Сейчас там уже никто не живет. Не должен жить, по крайней мере.

Хорошее уточнение. Многозначительное.

— И что мне с ними делать, сеньора?

— Свою работу, что же ещё? Здесь перечислены дома, и ты их все обойдешь. И опишешь.

— А разве этим не кадастровые службы обычно занимаются?

— Так они список и составляли. Только наше дело совсем другое. — Долорес подошла к столу и развернула карту. — Видишь, сколько места они занимают?

— Немало.

— То-то и оно. И на каждом квадратном метре этих площадей скопился мусор. Теперь сообразил, что к чему?

— Вы хотите...

— Ты парень умный, писать-читать умеешь, мешки набивать тоже уже наловчился, значит, тебе и карты в руки. И кстати... — Она понизила голос: — Как составишь план вывоза, так и работать будешь. Мне же ни к чему проверять, сколько объектов за день на самом деле нужно объехать, правильно?

Ого, а вот и взятка. Надо сказать, вполне достойная. Не то чтобы мне было нужно свободное время в таком количестве, но... Почему бы и нет?

— На жалованье это не отразится, не волнуйся. Кстати, о деньгах: в аванс ты ничего не получишь.

Следовало ожидать. А впрочем, ну и пусть. Не жалко. За небольшую, в сущности, жертву, я получил целую кучу информации. И для размышлений, и просто так. Сенатор любил повторять одну фразу, известную с древних времен: «Кто владеет информацией, тот владеет миром». Тот, кто произнес её первым, явно думал о чем-то своем, но все равно оказался прав. Мир ведь не обязательно должен быть большой и общий: тот, в котором живешь только ты сам, тоже неплохо изучить поподробнее.

— И карту возьми обязательно. Иначе заблудишься!

Приказы надо выполнять, к советам — прислушиваться. Так я и поступил, правда, даже с картой не почувствовал себя уверенно там, куда отправился.

Северные территории Санта-Озы были одним большим муравейником, разве что не поднимающимся вверх, а распластанным по скалистому плато над побережьем.

Именно из-за своих геологических особенностей это место власти города, вернее, тогда ещё — маленькой и совсем не самостоятельной провинции, и выбрали для сооружения временных лагерей беженцев: ровный магнитный фон плюс минимальный риск прочих природных неурядиц. Как чувствовали, что разгрести завалы придется долго...

Насколько помню, только полтора года назад был подписан последний наряд на выдачу нового жилья. Праздник устроили. С оркестром, флагами, гирляндами, шариками и прочими спутниками любого общественного мероприятия. Я тогда мало присматривался к происходящему, скорее, старался уяснить технологию процесса, но пожалуй, счастья на лицах не заметил. Нет, конечно, благодарные переселенцы улыбались, кланялись, робко пожимали руки официальных персон — все, как положено. Только радовались больше все вокруг, а не истинные виновники торжества.

Чиновникам уж точно было, от чего вздохнуть с облегчением: скинули с плеч нудную работу. Дамочки из благотворительных фондов промокали глаза платочками тоже от вполне искренних, хоть и наивных чувств. Сенатор... А вот он, кстати, радовался по-настоящему. Как правитель, устранивший большую проблему из жизни города. И пусть задача была не решена, а только отложена, Джозефу есть, чем гордиться. Наверное, стоило бы часть этих трущоб оставить на память, в качестве музея, чтобы люди приходили снова и снова, чтобы знали, с чего все начиналось и чем закончилось. Устроить мемориал...

С ежегодным возложением венков, ага. И превратится история в заспиртованную жужелицу из кабинета биологии. Нет уж, такого не надо. Лучше и правда снести всю эту рухлядь, стереть с лица земли. Те, кто прошел через переселение, все равно будут вспоминать свой путь, никуда не денутся. Только с какими чувствами? Приятными? Ой, не

верю.

Я ведь тоже вспоминаю. Иногда. Сожалею? Бывает. Но чаще думаю: и на кой черт все это делалось? Все ведь ушло впустую. В пустоту. А если бы не помнил?

Если бы за спиной ничего не было, только глухая стена, ничто не мешало бы двигаться вперед. Ну или в сторону, хоть направо, хоть налево. Вдоль? Да. Но все равно постепенно перемещаться в пространстве. И во времени, конечно.

Я бы серьезно занялся курсами. Потом, с помощью того же Эсты, устроился бы на работу. Из Низины высоко не поднимешься, это верное, но подобраться поближе к Лимбо я бы смог. А из Лил в итоге получилась бы жена. Думается, очень даже хорошая...

Она, кстати, была расстроена больше меня. Вчера. После сеанса своей любимой черной магии. Когда ничего не изменилось. Пришлось даже попробовать её утешить. Сказать, что в сказках чудеса и то требуют на себя времени. Сказать, что если продолжать верить, твердо-твёрдо, все непременно получится. Мамбо после этих слов почему-то пристально посмотрела на меня. Не странно или загадочно, как она умеет. Совсем по-другому. Светло. Прозрачно. Ничего не стала вещать или прорицать, всего лишь посмотрела.

Знает ли она то, что известно мне? Если была дружна с Лурдес, то должна. Обязана. Весь вопрос, как воспринимает свои знания. Переводит природу любых событий в плоскость колдовства и духов? Похоже. Это её стиль существования, иначе не умеет. А на самом-то деле нет никаких лоа. Не было. Многократное наложение и взаимопроникновение биомагнитных матриц, только и всего.

Только?

Ха!

Тот доктор был гением. Неоцененным, как теперь ясно. Умер, не дожив до воплощения своей теории. Но верил в неё. До последнего вздоха.

Так что же мешает верить мне, когда я точно знаю, что все им задуманное — удалось?

* * *

Запас бумаги, выданной для описи мусорных развалов, подошел к концу ещё в начале третьего квартала. Или, вернее, на третьей дюжине домиков, лепившихся друг к другу: улочками узкие извилистые и изломанные проходы можно было назвать лишь условно.

Строго говоря, они тоже подходили под название «мусор». Сами дома. Листы жести, скрепленные друг с другом где болтами, а где — ржавой проволокой, тарные доски, камни. Только натуральные материалы, что называется. Когда-то, в самом начале, здесь присутствовал и пластик: об этом свидетельствовали огромные прорехи, живописно разбросанные по стенам и потолкам. Потом, конечно, сняли все, что можно было продать, а главное, все, что имело цену.

А вот вещи почти не тронули. Личные. Предметы обихода. Можно было подумать, что съезжали отсюда в спешке, легко и просто расставаясь с тем, что нельзя было унести в руках. С другой стороны, большая половина хлама, громоздившегося в каждой клетушке, и впрямь не была нужна на новом месте. Посуда, шаткие стулья, шкафы, сколоченные из чего придется — все подобное выдавалось бесплатно, по первому же требованию. Казенное, шаблонное, не имеющее отношения к хорошему вкусу и дизайну, зато крепкое. Способное прослужить долго, но все-таки не дольше пары десятков лет.

Хм. То, что попадалось мне на глаза в доме папаша Фелипе, было куда старше. И вряд ли привезено с собой: кто бы, к примеру, потащил на себе громадный сундук? Значит, стояло там всегда. Всю свою жизнь. Всю жизнь семьи, сейчас сузившейся до одного-единственного...

Нет. Теперь уже нет. Пусть это обман, подлог, афера, если не сказать грубее, но имя Ллузи получило шанс добраться из настоящего в будущее. С моей помощью.

Занятно. Если задуматься, можно прийти к выводу...

Тьфу ты! Нельзя тут задумываться, иначе навернешься на очередной куче мусора. Как бы её обойти? Где-то должен быть проулок, так утверждает карта. Похоже, нужно свернуть направо, вдоль рваной жестяной стены, потом ещё раз направо, протиснуться между слоями бывшей садовой решетки и, наконец, выйти на свободное пространство.

Хотя, не такое уж и свободное.

«Мул», припаркованный у домика, выглядящего крепче и внушительнее остальных, не бросился бы в глаза никому из случайных прохожих. Ни здесь, ни даже на улицах Вилла Лимбо. Приземистый, многократно перекрашенный и всякий раз чуточку разными цветами, запыленный, он походил на хамелеона своим умением сливаться с местностью. А вот повыше, на склонах Сьерра Винго, эта машинка бросалась в глаза, как пятно крови на белом полотне. И намертво врезалась в память.

Маленькое достояние семьи личной служанки Элены-Луизы. Сама Консуэла за руль, конечно же, не садилась: однажды и навсегда доверила технику любимому сыну, а значит, именно он сейчас, здесь...

Вышел из косога дверного проема. Подпер створку, чтобы не мешала. Открыл дверцу машины, нырнул по пояс в салон, снова выпрямился, таща за собой одеяло. Свернутое. Вот только не тяжеловато ли оно для пары слоев ткани и хлопковой прослойки?

Пристроил ношу на плечо. Повернулся, осматриваясь. Складки чуть разошлись, и то, что находилось внутри свертка, показалось наружу. Частично.

Кисть руки.

Маленькая.

Детская, что ли?

Появление Карлито само по себе не сулило ничего хорошего или плохого, просто было странным. Чертовски. Он редко отлучался за пределы senatorского поместья. Практически никогда, за исключением общих поездок на церковные и городские мероприятия. А чтобы вдруг взял и забрался в такую глушь, да ещё и не один...

Там я уже побывал сегодня. В том домике и в окрестных. Знал, как обойти вокруг, попасть к заднему ходу, где жестяные листы веером расходились в стороны, и просочиться внутрь. Не совсем глубоко, конечно. Только чтобы видеть, как Карлито вертит в руках телефон, набирая номер, а потом ждет ответа.

Долго, кстати, ждет. Больше двух минут. За это время можно одуреть от гудков, поэтому, когда кто-то на том конце все-таки берет трубку, голос моего бывшего слуги должен, по логике, прозвучать рассерженно, но я слышу восторженный хрип:

— Учитель! Как хорошо, что вы ответили!

Пауза. Коротенькая. Такая, чтобы хватило на вопрос типа: «Зачем звонишь?».

— Я сделал это, учитель. Я решился.

Снова пауза. Не длиннее предыдущей.

— Вы не помните наш последний разговор? Тогда, перед службой?

На сей раз собеседник Карлито, похоже, дольше молчит, чем отвечает.

— Я запомнил каждое слово. И повторял их снова и снова, пока... Вы не могли сказать все прямо, конечно не могли. Но я понял. И исполнил все в точности!

Энергичный, вдохновленный, распираемый гордостью. Работа точно не вызывала у моего старого знакомого подобных чувств. Значит, тут речь идет о занятиях в свободное время. Для души, так сказать.

— Это самое мало, что я могу сделать для вас, учитель. И если сочтете возможным... Подарок ждет вас. И я тоже жду.

В его голосе звучит то, чего мне лично раньше не доводилось слышать ни мгновения. Преданность. Собачье заискивание.

— Я в старом лагере. Да, тут совершенно безопасно, вы же знаете. Ни одного человека на мили вокруг. Западный сектор, пятая линия. Да, машина стоит прямо у дома, увидите сразу.

Намечается тайная встреча? Кто бы ни собирался прийти сюда, похоже, это сигнал, что всем посторонним лучше убираться подальше.

— Я буду ждать, сколько понадобится, учитель!

Сеанс связи закончился. Судя по последним словам, вполне удовлетворительно. Правда, вместо того, чтобы найти местечко, куда можно присесть, Карлито начал слоняться по комнате. Туда-сюда.

Нервничает? А разве есть повод? Ему явно пообещали что-то обнадеживающее. Но не успокаивающее? Или причина мельтешения совсем в другом? Может, в содержимом свертка, пристроенного на остатках кровати?

— Карлос...

Я подумал, что ослышался.

— Карлос?

Нет, это его голос. Точно, его!

— Ты здесь?

Слабый, наполовину тонущий в слоях одеяла.

— Почему я тебя не вижу?

— Заткнись!

О, с неизвестным «учителем» мы разговаривали куда как любезнее!

— Карлос, мне жарко.

— Потерпишь.

— Кар...

Поверх уже накрученных слоев одеяла шлепнулся новый. С нескрываемой злостью.

Не знаю, что ты задумал, Карлито, но уже содеянного хватит на пожизненный срок заключения. Или даже на смертную казнь. Похищение людей строго карается в этих краях, и судебные процессы всегда проходят с показательной помпой. Очень редко, к счастью. В смысле, редко преступления такого рода совершаются. На моей памяти было всего два, и во второй раз речь шла о матери, которая выкрала своего родного ребенка из семьи усыновителей, но снисхождения не получила. Ни малейшего. И ты не получишь. По крайней мере, с моей стороны.

Надо торопиться? Да. Но торопиться нельзя. Нельзя спугнуть или заставить нервничать ещё больше: риск слишком велик. Пусть все будет спокойно, небрежно, равнодушно. И зайти нужно издалека. Из комнаты через одну от этой.

Он обернулся, услышав шум. Уставился на меня — это почувствовалось бы даже затылком, но я стоял вполоборота. Наклонившись над грудой поломанной мебели.

— Ты что здесь делаешь?

Спросил не сразу. Лишь когда понял, что его не замечают.

Выпрямляюсь. Делаю отметку в блокноте и только потом поворачиваюсь.

— О, какая встреча!

— Я спросил, что ты здесь делаешь!

Дрожит всеми сочленениями. Крупно и страшно.

— Могу задать тебе тот же вопрос.

— Я спросил первым!

Вздыхаю, всем видом показывая: ты мне мешаешь, но так и быть, поговорю.

— Работаю, вообще-то.

— Когда я пришел, тебя здесь не было!

— Так ведь и когда я пришел, тебя тоже здесь не было.

Бросает взгляды на сверток. Старается делать это осторожно, как ему кажется.

— И что, все-таки, делаешь?

— Мусор переписываю. В задних комнатах уже переписал, теперь этой займусь. Вот, к примеру...

Дергаю за край одеяла прежде, чем Карлито успеваешь сообразить, что происходит. Сверток раскрывается.

— Ого! Это ещё что такое?

— Не твоё дело. Хотя... Раз уж увидел, теперь и твоё тоже.

Звучит угрожающе. С надеждой, что испугаюсь и уберусь восвояси? Размечтался!

Присматриваюсь к бледному детскому личику.

— Слушай, а это разве не...

Одеяло снова плюхается сверху.

— Он самый.

— Сын сенатора? А как он здесь оказался?

Задумчиво изучаю лицо, по которому струйками от корней волос начинает сбегать пот.

— Неужели... Ты его привез?

— Да, я. И у тебя есть шанс. Два шанса. Целых два. Поворачиваешься и уходишь, забыв, что видел — это раз. Или остаешься. Здесь. Навсегда.

Трель звонка доносится из кармана.

— Смотри, я предупредил! — грозит мне пальцем Карлито и нажимает клавишу на телефоне.

— Да, дом рядом с машиной. Анхель, ты, что ли? Подходи, давай. Подожди, махну из двери, чтобы ты видел.

Отбой связи. И новый жест нервно скрюченным пальцем:

— Одна минута. Потом пеняй на себя.

Он идет к двери, переступает порог. В самом деле, машет рукой. Ждет с четверть минуты, потом делает шаг обратно. Поворачивается, словно собираясь удостовериться, что посторонних в комнате больше нет, находит меня взглядом, морщится, смотрит презрительно-брезгливо, открывает рот и...

Харкает навстречу мне.

Кровью.

* * *

Лицо у этого Анхеля вовсе не ангельское, а такое, что и в черти бы не приняли. Гнусное. Очень даже. Да и нож, перепрыгивавший из ладони в ладонь, надежд не внушает. На то, например, что все закончится тихо и мирно.

— Ты, что ли, его подарок?

Он не знает. Хорошо. Значит, есть шанс. Только бы Генри не начал барахтаться в одеяле раньше времени. А так, парень прирежет меня и успокоится. Надеюсь. Хотя...

Нет, здесь умирать нельзя. Ни в коем случае. Он ведь обязательно начнет обыскивать комнату, и тогда любые жертвы окажутся напрасными. Увести? Как можно дальше. Чтобы не было желания возвращаться, а главное, времени. Время ведь всегда ограничено, особенно в боевых операциях, как любил повторять наставник.

— Не отвечай. Не надо.

Это я уже понял. С кем бы Карлито не вел разговор, сделал он не то, не так и не тогда, когда следовало. Иначе не лежал бы ничком, с кровавым пятном на рубашке.

Места для маневра... Практически нет. Со стороны Анхеля гораздо просторнее: там хозяева дома освобождали проход, уезжая. У меня справа и слева мебельные скелеты, загруженные, чем попало.

Опрокинуть? Не факт, что получится. Падать некуда. Схлопнуть вместе? На каждый шкаф по руке, значит... Мало реально, только если очень хорошо напрячься. К тому же, заваленный проход отрезет убийцу от меня. Отвлечет на другие действия, а этого допустить нельзя.

Что остается? Пятиться. И желательно так, чтобы не устроить ловушку самому себе.

— Хочешь проверить, кто быстрее?

Конечно, он, тут и думать нечего. Хотя бы потому, что весит раза в полтора меньше. Жилистый и верткий, зараза. И мне ни за что на свете не угадать, в какую сторону...

— Сегодня хороший день для смерти, как думаешь?

В ножевом бою я слишком часто проигрывал спарринг. Как шутил по этому поводу наставник, мне проще подставиться под удар, чтобы добраться до противника.

Шанс есть. Он есть всегда. Но моя главная задача не победить и даже не выжить, а вывести кое-кого из зоны риска. А там уже неважно, как все пойдет. Единственное, что у меня выходило хорошо, это принимать удары, и первый — выдержу. Сто очков. Подпуская Анхеля так близко, чтобы можно было...

— Для игры точно хороший. Славной игры между кошкой и мышкой.

Спасибо, Господи. Спросишь, за что? За то, что вел меня. Вел именно сюда. Если все случившееся было задумано и воплощено только ради этого дня и часа, значит, у моей жизни есть смысл. Будет. Через минуту или чуть меньше.

— Маленькой испуганной мышкой.

Шаг. Второй. Оба неторопливые. Ленивые даже.

Мне тоже осталось два шага. До прохода в заднике комнаты и наружу, в проулок между домами.

А ведь он не боится, что я сбегу. Смогу сбежать, вернее. Да и в самом деле, чего беспокоиться? Моё лицо известно, карточка, болтающаяся на груди, выдает место обитания. Всего и надо — прочесать Низину. Или даже просто поспрашивать уличную шпану.

Мне не спрятаться. А если и получится, то это тоже на руку убийце: буду сидеть, поджав хвост, никому ничего не сообщая. В полицию же не...

Не пойду. Он уверен, по крайней мере. Почему? Потому что был здесь с Карлосом, а тот, похоже, ввязался в дела, с итогами которых лучше не попадать в руки официальных властей.

— Я тебя достану, бахито. Не так, так эдак. Но ты можешь встретить смерть, как мужчина. Лицом к лицу. — Многозначительный кивок в сторону трупа на полу. — И тебя станут оплакивать слезами гордости.

Вот уж нет. В смысле, плакать никто не будет. Но в чем-то Анхель все-таки прав.

Я смогу его достать. Хоть как-нибудь, но успею. И вот тогда он точно будет озабочен своим отходом, а не изучением местности, ведь слугу из сенаторского дома начнут искать с минуты на минуту, особенно если знают, кого он увез с собой.

— Лицом к лицу? Уговорил.

Кинуться чем-нибудь? Все, способное летать, погребено под слоем обрывков и ошметков. Пыльных. А мне сейчас только и не хватало, что самому перестать ориентироваться в пространстве. Хотя, взгляд и так помутнел. Здесь же не стало темнее? Ни капли. Почему же...

Шаг.

Ну вот, начинается.

Шаг.

Он же двигается?

Шаг.

Или по-прежнему стоит?

Шаг.

Нет, идет мне навстречу. Только почему оказывается ровно в том месте, где должен был

быть ещё секунду назад?

Галерея стеклянных дверей на втором этаже Дома конгрессов. Когда они закрыты, ты видишь свое отражение, повторенное много-много раз, так, что кажется, будто одновременно делаешь не одно, а пару дюжин движений, и каждое...

Оно повторяется. Снова и снова. Бесплотное. Призрачное. Всего лишь обозначающее, что именно ты делаешь, но не создающее результата там, в той точке. В месте происхождения.

Шаг.

Тот, второй Анхель, торопящийся жить, уже совсем рядом со мной. На расстоянии вытянутой руки. Первый ещё далеко, но тоже будет здесь. Очень скоро.

Шаг.

Он подается вперед, выгибаясь и посылая нож куда-то в меня. В живот и наискось, вспарывая. Не в настоящем — в будущем. На следующем вдохе. На следующем...

Шаг.

Кадык у него хрупкий. Как у всех. С хрустом ломается, вдавливаясь в шею до самых позвонков. Под основание черепа.

Убийца с ангельским именем захлебывается кровью и осколками костей. Отшатывается. Падает, так и не выпуская нож из пальцев. А ещё он же стоит рядом, ухмыляясь, складывая свое оружие и глядя... Наверное, туда, где должен лежать я. Только спустя несколько секунд призрак начинает таять, растворяясь в воздухе без остатка.

— Карлос, мне жарко.

Он таки сдернул одеяло.

— Карлос?

— Его здесь нет, малыш.

— А где он?

— Вышел. Попросил присмотреть за тобой.

Бледный. Лоб в испарине. Последствия успокоительного? Надеюсь, оно и в самом деле достаточно безвредное, как утверждал доктор Вега.

— Что это за место? Карлос обещал сделать подарок... Он отдал его тебе?

Подарок, как же! Хотя...

Карлито не обирался рисковать моей жизнью. Предупреждал. Предлагал уйти, пока это было безопасно. Почему? Он же ничего обо мне не знал. Обо мне нынешнем. Видел только на ярмарке, с очумелой Лил, да тогда, в баре, с Эстой. Неужели этого хватило, чтобы проникнуться к мне «нежными» чувствами?

А ведь хватило. Потому что Франсиско Ллузи живет в Низине и водит дружбу со вполне и давно знакомыми сыну Консуэлы людьми. Потому что если он и не один из «своих», то простой, понятный и ни что не претендующий. Потому что с ним...

Можно иметь дело?

«Это теперь и твоё дело», так сказал Карлос за несколько минут до неожиданной и позорной, по мнению Анхеля, смерти. А потом оно и впрямь стало моим.

— Подарок...

Закрыл глаза. Наверное, снова провалился в беспамятство. Что ж, тем лучше: не будет мешать.

Обшаривание мертвых тел было обязательным пунктом в инструкциях, по которым мне старались привить навыки, «эффективные для сохранения жизни и здоровья в критических

ситуациях». Правда, на сей раз оно ничего не дало: убийца не принес с собой ничего, кроме ножа, а Карлито... Ну да, только пара платежных карточек, упаковка с пилюлями — видимо, теми самыми — и телефон. Обычный. Пеленгующийся антенными вышками в каждом квадрате зоны охвата.

Так его и смогут найти. Мертвеца. И Генри найдут, если останется рядом. Вот только кто первым это сделает? Анхель ведь тоже пользовался телефоном, местонахождение которого, кстати, неизвестно. Возможно, он в руках у кого-то третьего. У того, кому Карлос звонил в самом начале. И все, что нужно, это сделать ещё один звонок, чтобы поймать пеленг.

Долой аккумулятор!

Все, теперь маяка больше нет. Пора уходить? Думаю, да. Но...

Нет, не могу его оставить. Даже если предположить, что мальчику ничто не угрожает, и через пару часов, самое большее, к вечеру, его обязательно найдут, риск всегда остается. Вдруг Генри проснется и отправится гулять по руинам? Накормить успокоительным? Ага. Я знаю все насчет дозировки, это верно. Зато не знаю, сколько пилюль он уже употребил стараниями похитителя.

— Карлос...

Уже забыл, о чем только что говорили? Мысли и воспоминания путаются? Все идет точно по предсказаниям доктора.

— Спи. Тебе сейчас лучше всего спать.

Выбираться из дома с ношей на руках оказалось гораздо труднее, чем идти налегке. Не из-за веса Генри. Из-за объема, усугубленного одеялом. В отдельных местах маршрута приходилось прямо-таки просачиваться, елозя спиной по не слишком ровным и гладким поверхностям.

Но, шаг за шагом, Низина приближалась. Неотвратимо. Появлялась в зоне видимости, а значит, скоро там должен был оказаться и я. Под взглядами случайных свидетелей, и это радовать не могло.

Что дальше-то, а? Куда двигаться?

Идти в полицию? Далековато. Долго шагать придется. Шанс встретить полицейский патруль — минимальный. Или даже вовсе нулевой. А пока добираюсь до места назначения, может случиться всякое. С теми же «Воцерковленными» встречу, например. Или с другой уличной бандой, разница невелика. И не откупишься ведь: все, что у меня есть...

Телефон.

Без аккумулятора? Неважно. Аварийного запаса питания хватит на один звонок. Кому звонить? Конечно, тому, кто ответит. А много ли таковых?

Эста мог бы помочь, да вот незадача: понятия не имею, пользуется ли он вообще мобильной связью. Кабинетный аппарат? Номера не знаю. Не было повода запоминать. Да и какие вообще номера я помню?

Ну разумеется, сенатор. Личная линия, домашняя, экстренная. Все ещё живо в памяти. Елена-Луиза? Аналогично. И служба охраны, конечно же, куда ж без неё. Как говорится, выбирай любого. И я бы выбрал, если бы...

Черт с тем, что при каждом входящем звонке известным персонам снимается магнитная сигнатура звонящего, хотя и это мне сейчас нужно меньше всего. Хуже другое. В телефонной записной книжке Карлито нет перечисленных номеров. Потому что часть их ему попросту неизвестна, а оставшиеся знает... э, знал слишком хорошо, чтобы тратить на них

электронную память: своей хватало. И что делать?

Соврать, что номер мне продиктовал Генри? Может сработать. Но тогда придется ждать приезда кавалерии во главе с Петером и отвечать на кучу неудобных вопросов. Как мальчик оказался у меня? О, это просто: шел-шел и нашел. А как мне достался телефон слуги из сенаторского дома? Тоже нашел? Рядом с трупом? Так может, труп возник не просто так, а моими же усилиями?

Нет уж. Заранее знаю, куда все это приведет. В лучшем случае, к тюремному заключению, в худшем — ещё дальше. Это нестрашно. Мне, по-хорошему, плевать, что случится, но... Только не сейчас. Я должен увидеть, получилось ли у Лил её «колдовство». Если нет, если предпринятые усилия были бесполезны, можно перестать беспокоиться насчет всего на свете. Если да... Тогда будущее тоже станет мне безразлично. Результат один? Похоже. Вот только решающий момент пропускать не хочу, значит...

Нужно искать посредника. Желательно, такого, который исполнит поручение в наилучшем виде и не сможет меня выдать. Или не станет выдавать. Есть такой на примете?

Хозе бы справился, но он, что называется, «вне зоны доступа». Зато всегда и везде на связи...

Такси. Тем более, в городе официальных извозчиков всего двое, один пошкарнее, другой попроще. И в цветах как раз второго разъезжает человек, поступки которого ясно говорят о том, что он — порядочный. А номер пассажирской транспортной компании короткий, запоминающийся сразу и навсегда.

Они, наверное, записывают все вызовы. Обеспечение безопасности, исключение внештатных ситуаций и все такое. Только голос черта с два опознают: в аварийном режиме телефонный аппарат модулирует сигнал особым образом. Что-то там, связанное с мощностью и четкостью в ущерб оригинальным характеристикам. То есть, сообщение в любом случае дойдет до адресата, смысл сохранится, зато тембр и интонации исказятся. Если повезет, до полной неузнаваемости.

— Сеньорита? О, какой у вас приятный голос, намного приятнее, чем мои обстоятельства... Чем вы можете мне помочь? Блаженная самаритянка, вас мне послал сам Господь! Видите ли, я сейчас очень-очень нуждаюсь в помощи, особенно в средстве передвижения, потому что сам двигаться, увы, не могу. Что случилось, спрашиваете? Да дуристь выиграла, она проклятая... Говорила мне мама не ходить туда, где можно подвернуть ногу, так разве я слушал? Вот и сижу, не знаю, что делать, хорошо хоть не на телефоне... То есть, на телефоне, конечно, но не в том смысле, сеньорита, не в том! Да, вы очень меня обяжете, если пришлете машину. Только есть одна просьба, огромная, как океан. У вас работает мой знакомый, так вот, присылайте именно его, он маме не расскажет, что и как. Ну, вы понимаете? Как зовут? Муньес. Нанду Муньес. Да-да, конечно! Свободен сейчас? Вы не могли меня обрадовать больше, прекрасная сеньорита! Откуда знаю, что прекрасная? Да вы другой просто не можете быть! Куда ехать? Я разве не сказал? Вот пустая голова... Это рядом с Низиной, сразу за Седьмым северным кварталом. Да, старый лагерь, он самый. Только я не на улице, я в доме. Приметный такой, с крашеной синей жестяной дверью. Скоро будет? Жду с нетерпением!

Машина приехала быстро. Ровно семнадцать минут и двадцать три секунды понадобились Муньесу, чтобы прибыть в назначенное место: я считал. Чтобы не отвлекаться ни на что большее.

Такси замедлило ход в начале вереницы домов, медленно проползло по улочке и остановилось. Не у указанной двери, чуть поодаль. Нанду вышел, осмотрелся, сверяясь с записями в блокноте, потом решительно толкнул жестяной лист и... Застыл на пороге.

Стоял он недолго, намного меньше, чем ехал сюда. Шагнул внутрь. С минуту пропадал в доме, потом вновь появился на улице, и выглядел таксист, прямо скажем, ошарашенным. А в руках нес то, что должен был. Вернее, того.

Бережно усадил Генри или даже уложил на переднее сиденье рядом с водительским, помял в пальцах листок бумаги, рассеянно озираясь по сторонам, захлопнул дверцу, вернулся на свое место и взялся за рацию.

Я не слышал, о чем он переговаривался, но видно, были получены вполне ясные

инструкции, потому что по окончании разговора машина аккуратно двинулась в сторону Низины. Вот теперь можно передохнуть и наконец понять, что... Спину изрядно саднит.

Куртка, одолженная из запасов папаши Ллузи была хороша всем, кроме своего возраста: пополнялась прорехами от любой встречи с чем-нибудь заостренным, особенно с гвоздями и шурупами, торчащими из стен, о которые я обтирался. И защитить толком не защитила: майку дыры с засохшей кровяной окантовкой украшали в тех же самых местах.

Такой вид вызвал бы вопросы. Непременно. Вряд ли кто из прохожих задал бы их мне напрямую, но на ум положил бы точно — до первого заинтересованного интервьюера. Нужно раздобыть какую-нибудь новую тряпку. Или вернее, новую старую: этого добра повсюду должно быть вдоволь.

Но так только думалось, а на самом деле, поиски затянулись. Если в том квартале, где я повстречал Карлито и Анхеля, многие дома стояли практически нетронутыми «полными чашами», то здесь, ближе к границе обитаемого города, воришки явно чувствовали себя смелее. Пришлось снова углубляться в лабиринты старого лагеря, попутно осматривая территории следующего рабочего дня и матерясь всякий раз, когда одежда все-таки попадалась на глаза. Карлики тут одни жили, что ли? Ни одной куртки моего размера на целую квадратную милю!

И все-таки, я её нашел. Основательно перелопатив горы мусора, насквозь пропылившись и прочихавшись. Примерно того же фасона, примерно в том же состоянии. Отчаянно-желтого цвета, правда. Выглядел я в ней, наверное, кенаром-переростком, но на лице Петера, остановившего машину за пару дюймов от меня, выкарабкавшегося из лачуги на свет божий, улыбки не возникло. Как не возникало никогда, по определению.

— Ты. — Он не спрашивал. Разговаривал сам с собой. Даже не со своим подчиненным по правую руку. — Опять и снова.

— И вам доброго дня, сеньор.

— В каждой точке напряжения.

— Шеф?

Охранник сдвинулся в сторону двери, готовый в любой момент добраться до меня, но Петер никак не отреагировал на проявленное усердие. Смотрел, не отрываясь, только взгляд у него при этом почему-то был отсутствующий. Абсолютно.

И все-таки, вопроса я дождался. Лишенного всех возможных эмоций.

— Что ты здесь делаешь?

— Работаю.

— С брошенным имуществом?

— Брошенным. Выкинутым. Никому не нужным. С мусором. В мусорной конторе я работаю, знаете ли.

Как можно остаться полнейшим истуканом и одновременно выразить презрительное сомнение?

— Можете спросит у моей начальницы. Сеньора Долорес с удовольствием ответит на ваши вопросы. Хотя... Нет, пожалуй, все-таки без удовольствия.

Кивок. Не мне, конечно. Другому мальчику на побегушках. Звонок. Короткий разговор, о содержании которого меня в известность никто ставить не стал. Ещё один долгий взгляд мертвой рыбины и, наконец, скоропостижный отъезд восвояси. Прежде чем мне пришло в голову попроситься проехаться до Низины, а жаль.

Заходящее солнце всю маячило в окне комнаты, розово-золотое, уже почти не жгучее,

и света давало достаточно, чтобы видеть: ничего не изменилось. Но ждать становилось уже обыденной привычкой. Такой же, как и разговоры на сон грядущий.

— Я снова перестал что-либо понимать, Хэнк. Этот город... Я совсем его не знаю. Представляешь? Здесь творится какая-то чертовщина.

И творилась раньше. Наверняка. Не в один день Карлито задумал и осуществил похищение. Неслучайно он вообще задался такой целью, если уж на то пошло. Сделать пакость, наябедничать, оказаться нерасторопным, когда нужна четкость, точность и скорость — это в его духе. Ему ведь нужно было прежде всего заявить о себе, заставить обратить внимание, но не более.

Чувствовать, что многое завязано на нем — большего Карлито не требовалось. Откуда взялось желание действовать, к тому же именно таким странным образом? Он даже подготовился. Изучил необходимые материалы. Провернул задуманное так, что мгновенной погони не было. И был уверен: все делает, как надо. Но не как надо ему самому. Опять же, слова о подарке...

Тобой кто-то руководил, парень. Ты считал, что исполняешь его поручения, потому и старался вовсю. Натворил больше, чем тебе приказали. А может, просто затеял все не вовремя, иначе некий «учитель» не прислал бы ангела смерти по твою душу.

И ты пытался меня спасти. Звучит не просто странно — невероятно. Тот, от кого я всю прошлую жизнь под одной крышей получал только подянки, искренне хотел меня защитить? Бред сумасшедшего. И он же — реальность. Единственная, которая у меня сейчас есть, но...

Не единая, как выяснилось.

— А ещё хуже, Хэнк... Ты бы спросил: разве такое может быть? Так вот, оказалось — может. Я и себя не знаю. Теперь. Не знаю совсем.

Чем это было? Наваждением? Помешательством? Прodelками любимых духов Лил? Не знаю. Не могу понять.

Ясно лишь одно: это меня спасло. И может, поэтому не стоит лишний раз тревожить мир вопросами?

* * *

Светало медленно. Так занудно и лениво, что я поплелся на кухню. За кофе.

На дне жестяной банки нашлась горсть зерен. Слегка залежалых, правда: пришлось кинуть их на сковороду, подвялить и только потом размолоть, дыша горячим горчащим ароматом. Залить водой, поставить на огонь, предотвратить попытки побега восемь раз кряду, достать кружку и...

Услышать голоса. Причем не на улице, а в доме. Собственном доме. На лестнице.

— Сеньор, вы поступаете необдуманно.

— Можешь подать в отставку хоть сейчас, Петер. Я подпишу рапорт и сниму с тебя всю ответственность.

— Вы же понимаете, что это невозможно?

— Я понимаю. Но к сожалению, пока не все, что хотелось бы понять.

Путей к отступлению не было. Разве что в окно: второй этаж всего лишь, даже не запылюсь. Правда, в отличие от Анхеля и его неизвестного компаньона, начальник

сенаторской службы охраны вряд ли оставил периметр открытым, и внизу меня явно ждали теплые объятия дюжих парней.

— Вы рискуете, сеньор. А я должен делать свою работу.

— Так делайте. Снижайте угрозу, как хотите, только не мешайте моим намерениям.

Джозеф очень редко повышал голос, особенно на провинившихся. Вот и сейчас говорил спокойно, тихо, словно заботясь о тех, кто может спать в комнатах. А Петер наоборот, выказывал беспокойство. Искренне. И лицо его на сей раз выглядело почти человеческим.

Нет, конечно, профессиональные навыки прежде всего: осмотрелся с порога, прикрыл ставни кухонного окна и встал у меня за спиной, чуть левее.

— Можете входить.

Сенатору не нужно было разрешение, но паузу он все-таки взял. Из уважения к телохранителю, наверное. Только потом шагнул в круг лампового света.

— Прошу прощения за столь ранний визит, сеньор...

— Ллузи, Франсиско, — подсказал Петер.

— Сеньор Ллузи, да. Я хотел задать вам несколько вопросов, но сначала... Скажите, вы любите фильмы?

Похоже, я влип. Но как, куда и во что?

— Не особенно.

— Надеюсь, сделаете исключение для моего? Он весьма любопытен. И познавателен.

Экран планшета в руках сенатора мягко засветился, запуская программу просмотра видео. Сначала то тут, то там мерцали сполохи и ломаные линии, похожие на молнии, но вдруг картинка прояснилась, показывая...

Меня.

Качество изображения хромало. Жаль, не настолько, чтобы у кого-то возникла хоть доля сомнения, кто склоняется над свертком, состоящим из мальчика и одеяла.

«— Ого! Это ещё что такое?»

— Не твоё дело. Хотя... Раз уж увидел, теперь и твоё тоже.»

Звук был записан похуже. С каким-то гулким эхом, как будто участники разговора гундосили каждый в свою трубу. Но слова можно было разобрать.

«— Неужели... Ты его привез?»

— Да, я. И у тебя есть шанс. Два шанса. Целых два. Поворачиваешься и уходишь, забыв, что видел — это раз. Или остаешься. Здесь. Навсегда.»

Странный ракурс. С высоты человеческого роста, и камера почему-то скачет из стороны в сторону. То показывает меня, то Генри, то все, что угодно, будто оператору не стоит на месте.

«— Одна минута. Потом пеняй на себя.»

Теперь мы идем к двери вместе с тем, кто проводит съемку. Переступаем порог. Оглядываемся. Видим приближающуюся фигуру. Смотрим на неё какое-то время, возвращаемся обратно, снова переводя камеру на меня: как раз вовремя для того, чтобы запечатлеть возникающее на моем лице удивление, растерянность и что-то ещё, что-то, чего я сам не способен распознать.

А потом камера падает. На пол. Утыкается объективом в пыль, и больше ничего не видно, только слышно.

Темно-серый в крапинку экран. Шорохи, шаги. Последние раздающиеся слова: мои, обращенные к Генри. Насчет сна. Все, кино закончилось. Вернее, может оно длилось и ещё

какое-то время, но сенатор остановил запись.

— Вам понравилось, сеньор Ллузи?

Моё лицо? Как-то не очень. Глупо выглядело местами.

— Думаю, у вас тоже возникли вопросы, не так ли? И первый — насчет этого фильма.

Откуда он взялся, например.

Да, интересно бы было узнать. На будущее, если оно у меня теперь вообще намечается.

— Это кое-что из новых технологий. Экспериментальный образец, но, как видите, вполне рабочий. Сработавший на славу, я бы сказал.

Сенатор положил планшет на кухонный стол.

— Небольшая пристройка к человеческому организму. К той его части, что и так является искусственной. Единственная неприятность, что мощности заряда хватает всего на несколько минут, поэтому память постоянно обнуляется. Но нам повезло: в момент клинической смерти механизм блокировки отключается, и пишется все подряд. Пока хватает места. Пройди между вашим разговором и смертью Карлоса чуть больше времени, мы бы не увидели ничего существенного.

Вот так новость. Только не говорите мне, что всю эту информацию, если она хранится в человеческом теле, нельзя считывать динамически. В доме же могут повсюду быть натканы приемники и передатчики, да?

— И много у вас таких ходячих камер?

— Теперь, когда эффективность метода доказана, к сожалению, с помощью человеческих жертв, их станет больше. Но разговор идет не о новинках технического прогресса.

Конечно. И Петер у меня за спиной находится не в качестве мебели.

— Вы были там, отрицать бесполезно.

Это я уже понял. Осталось только дождаться судебного резюме. Если доживу до суда.

— Как вы там оказались?

— Работал.

Недоумение, изображенное приподнятой бровью.

— Можете справиться у моего начальства. Переписывал мусор. Для составления графика работ по вывозу.

Короткий взгляд в сторону телохранителя. Движение воздуха над моим плечом, явно означающее кивок.

— И в одном из домов вы встретили Карлоса?

— Именно так.

— Он говорил с вами, как с приятелем. Вы знакомы?

Все это можно проверить, а значит, нет смысла врать или отмалчиваться.

— Виделись пару раз. На ярмарке. В городе. Выпивали вместе однажды.

— Из его слов, обращенных к вам, следует, что о мальчике вы ничего не знали.

— Ну да. Увидел и удивился. На самом деле.

Не просто удивился, конечно. Чуть в ступор не впал, и видеозапись это показывает ясно и четко.

— Карлос предлагал вам уйти. Неоднократно, хотя разговор длился всего пару минут. Почему же вы остались? Решили принять участие в происходящем, я полагаю. Но с какой целью?

Поделить на двоих славу и почести, с какой же ещё?

— Не думал, что он все это серьезно. Мальчишка казался больным, а Карлос не замечал. Вот я и решил с ним ещё поговорить насчет ребенка. Мало ли что могло случиться?

— И случилось.

Сенатор подошел к плите, принялся.

— Налейте мне кофе? А впрочем не беспокойтесь: я сам угощусь.

— Сеньор!

О, это Петер. Прямо у меня над ухом.

— В чем дело?

— Это может быть небезопасным.

— Хотите сказать, отравлюсь? Судя по запаху, вряд ли.

— Вы прекрасно понимаете, о чем идет речь.

Турка в руке сенатора не вздрогнула ни разу, пока кофе лился в кружку.

— О моем визите сюда никто не мог узнать заранее. Кроме тебя и пары твоих доверенных людей. Потому весьма маловероятно, практически невозможно, что этот молодой человек заранее готовился причинить вред лично мне. Но даже если и так...

В словах Джозефа и сомнениях его телохранителя не было ничего неожиданного. Больше того, ещё месяц назад я бы целиком и полностью поддержал их логику. Потому что она привычна, понятна и обоснована. В другой жизни. Там, на склонах Сьерра-Винго, откуда все прочее кажется крохотным... Нет, не так. Ничтожным.

Но даже тогда, даже в той далекой реальности у меня ни разу не возникало подобных опасений. Подумать, что сенатора кто-то вдруг захочет убить? Что за бред?! Санта-Оза не видела от сеньора Линкольна ничего настолько дурного, чтобы желать кровопролития.

Я так думал. Раньше. А теперь, учитывая поступок Карлито, надо было подумать снова, и хорошенько. Позже. Когда утихнет обида.

Они имели право подозревать меня во всех смертных грехах. Но черт подери, никто не заставлял их этим правом пользоваться!

— Сенатором больше, сенатором меньше... Никто и не заметит. Нового выберут быстрее, чем сможешь моргнуть. Или сенаторство передается исключительно по наследству? Так какой тогда мне был прок спасти жизнь вашему сыну?

Джозеф переменялся в лице. На долю секунды, но так, что это заметили и я, и громила у меня за спиной. Хотя нет, тот среагировал ещё раньше. На первые же слова. И рука, заломленная, прижатая к спине, безжалостно напомнила о свежих ссадинах.

— Эй, полегче! Только заживать начало!

— Что там, Петер?

Хватка слегка ослабла, а рубашку задрали вверх.

— Пустяки. Царапины.

Теперь и сенатор прошел мне за спину. А после минуты молчания спросил:

— Они свежие. Где вы их получили?

— В лагере. Когда пробирался к выходу.

Ещё полминуты молчания.

— Пусть принесут аптечку.

— Сеньор?

— Вы плохо поняли меня, Петер?

Несколько лающих слов по рации. Короткое ожидание. Явление ещё одного парня в черном костюме с полированным чемоданчиком в руках.

— Подсказать, где что лежит, или сами найдете?

Бешенство телохранителя чувствовалось даже затылком. И тем не менее, можно было поспорить хоть на полжизни, что если повернусь, не разгляжу на скуластом лице ни единой эмоции.

— Сделайте все, что полагается. Это официальное распоряжение.

С иглой он обращаться, наверное, умел не хуже опытной медсестры. Должен был уметь. Но уколол так, чтобы недосказанности между нами не оставалось, как говорится.

— Зачем уколы? Или решили из меня ещё одну ходячую камеру сделать? Как из покойного?

Пауза. Мою руку наконец-то оставляют в покое, рубашка возвращается на место, а сенатор снова оказывается передо мной, а не сзади. Но по-прежнему на безопасном расстоянии, конечно же.

— Возможно, я бы не устоял перед таким соблазном, сеньор Ллузи. В целях безопасности и прочих вещей, мало вам понятных и неинтересных. Но тут чисто техническая проблема: проделанное с Карлосом пока не пригодно к внедрению во взрослый, сформировавшийся организм, так что с этой точки зрения вам ничто не угрожает.

— Что тогда кололи?

— Комплексный антидот. Чтобы не было заражения крови или чего-то похуже. Те места, через которые вы проходили, не могут похвастать стерильностью.

Я правильно понимаю? Сенатор проявил трогательную заботу о человеке, которого и видит-то второй раз в жизни? Ну, может, третий. Максимум.

— Не буду говорить, что вы совершили подвиг, не люблю громкие слова. Это был гражданский поступок. Достойный любого. Меня удивляет лишь одно...

Меня тоже. Взгляд. Ваш взгляд, сеньор Линкольн.

— Зачем понадобилась вся эта конспирация? Она могла сработать и сработала бы на отлично, не будь тело Карлоса дополнено особыми свойствами. И очень возможно, что я никогда бы не узнал, кому обязан... Скажем так, бесценной услугой.

Было бы здорово. Но не сложилось, так не сложилось.

— Практика учит, что если человек избегает получения благодарности за свои действия, причины на это чаще всего глубоко личные. Поэтому спрошу напрямую: я в чем-то виноват перед вами?

Пасынку ты никогда не задавал таких вопросов. Вообще не поднимал подобных тем. Человеческих.

— Я сделал или не сделал что-то, важное для вас, сеньор Ллузи?

О нет-нет, сеньор сенатор! Франсиско Ллузи из Низины вы ничего не должны. Ни монеты, ни слова, ни взгляда: и так уже осчастливили. Визитом. Да ещё о здоровье позаботились. Разве можно просить большего?

— Впрочем, можете не отвечать. В любом случае, каковы бы ни были ваши мотивы, значение имеет лишь то, что мой сын возвращен домой целым и невредимым.

Радостно слышать. Значит, доктор Вега был прав в своих рекомендациях.

— И поскольку вы ничего не просите, предложу сам.

Такое выражение редко гостило на лице сенатора. В основном, во время мероприятий, посвященных памяти погибших при Переселении народов. На мемориале, куда он приходил каждый год, но вовсе не ради протокола. Это тоже было что-то личное. Очень.

— Я хочу, чтобы вы были рядом. Со мной. В моей семье. Стали её частью. Вернее, мы хотим, я и моя супруга. У вас будет все необходимое, вы получите лучшее образование, какое только возможно.

У меня галлюцинации начались от петерова укола, что ли?

— Вы отказались уезжать из Санта-Озы? Хорошо. Значит, желаете принести пользу здесь, на своей родине, и в этом я окажу вам любую поддержку, какая понадобится. Но даже если вам просто захочется жить тихо и спокойно... Буду рад помочь осуществлению и такого выбора.

Нет, я точно брежу. Наяву. Можно было бы подумать: сплю, если бы не отголоски боли в спине и руке.

— Мы готовы назвать вас своим сыном. Я и Елена-Луиза. Признаюсь по секрету, она первой высказалась за это.

Вот даже как...

— Вы побледнели? Препарат может вызывать скачки давления, но не волнуйтесь, все быстро нормализуется.

О да. Все придет в норму. Соберу свой скарб, перееду в дом на горе, получу новое удостоверение личности с самой желанной фамилией в Санта-Озе и стану... Как обычно пишут в сказках? Жить долго и счастливо?

Я... Нет, не мечтал об этом. Все перечисленное должно было случиться раньше. Когда ощущалось необходимым. Когда воспринималось, как естественный ход событий, а не пародия на...

Значит, тот, кто жил рядом, тот, готовый сделать все, что потребуется, по первому

знаку, был вам ни капельки не нужен? Так и есть. Вы его не замечали. Вернее, тщательно делали вид, будто его не существует. Не собирались пускать в свою жизнь ни на один дюйм. А первый попавшийся бродяга, случайно оказавшийся в нужное время в нужном месте, вдруг заслуживает всех возможных и невозможных почестей?

— Я не прошу вас принимать решение сразу же, боже упаси!

Франсуа Дюпон никогда не был для вас родным, сеньор сенатор. Это понятно и объяснимо. С этим не стоит спорить. Но если вы так легко принимаете чужака, что мешало вам приглядеться поближе к тому, кто всегда находился на расстоянии вытянутой руки?

А может, вы как раз пригляделись? И увидели что-то, не подходящее семье Линкольнов? Уж не знаю, постыдное, глупое или дурное, да и неважно. Меня ведь только звали иначе тогда, в прежней жизни, но человек, который сейчас стоит перед вами — тоже прежний. Ни на йоту не изменившийся. Он был плох для вас, верно? А самое мерзкое, обидное, отвратительное состоит в том, что мне ни за что не свете теперь не узнать, почему.

— Скажу только, что буду ждать.

— Ждать придется недолго.

— Итак?

Знаю, это Твоих рук дело. Твой дар. Щедрый до умопомрачения. Но он предназначен Франсиско, а не Франсуа, так что извини. Возьми обратно этот, подари другой.

— Вы не пришли на ту встречу.

— О, в этом все дело? Я не мог прийти, по серьезным причинам. Личным. Надо было объяснить, каюсь.

— Да бог с ним, с причинами... Мне без разницы. Только вместе со мной был ещё один человек.

— Эстебан Норьегга, — кивнул сенатор. — Который также отказался от предложения.

— Он и не стал бы его принимать. Эста... Он шел на ту встречу, полный надежд. Светился от счастья, от предвкушения того, как увидит вас и скажет...

А что он хотел сказать? Черт его знает, бесноватого моего приятеля. Значит, снова придется говорить за него.

— Пойдемте со мной, сеньор сенатор. Тут недалеко. За поворотом.

Балкончик чуть скрипнул, но мужественно выдержал удвоенный вес.

— Посмотрите вокруг. Что вы видите?

Крыши домов до водяной полосы у линии горизонта. Домиков. Игрушечных. Кукольных. И люди, живущие в них, не чувствуют себя живыми. Не рвутся в будущее, не создают настоящее. Даже прошлое и то отставили в сторону.

— Город.

— Да, город... А надо видеть людей.

Солнечная дорожка побежала по воде к берегу, вспрыгнула на крыши.

— Они нуждаются. Не в еде и питье, этого хватает. И не в деньгах: если хочешь, можешь заработать. Нет главного. Желания. Потому что нет целей и смыслов. И город умирает. Не только Низина, хотя она сгинет в первую очередь. Вся Санта-Оза медленно и тихо сойдет на нет, так, что никто и не заметит. Но этого не должно случиться. Я не хочу, чтобы это случилось.

Мозаика жестяных зеркал, отражающих свет зайчиками. Все ближе и ближе.

— Мне ничего не нужно от вас, сеньор сенатор. Нужно им. Понимаете? Сделайте что-нибудь для них, для всех этих людей сразу. Вселите в них надежду, тягу к жизни, наконец. И

тогда мы будем в расчете.

Он ушел с балкона первым. Постоял ещё немного рядом, глядя на город, и ушел. Не говоря ни слова. Как отъезжает машина, слышно не было, только видно, но я не стал провожать её взглядом. Наверное, потому что толком сейчас ничего не видел: мешала какая-то вода в глазах. Которая никак не хотела сохнуть. А потом из недр дома раздалось треньканье будильника, и это означало, что пора собираться на работу.

Я проглотил остатки темного, давно потерявшего аромат варева, прихватил с собой миску воды для банных процедур Хэнка и поплелся вниз.

Лестничный пролет был совсем коротким, ровно на один невысокий этаж, я и раньше пролетал его, не замечая, и теперь сообразил, что что-то вокруг изменилось, только на последней ступеньке. Когда услышал беспечное, обманчиво легкомысленное и давно забытое:

— Здесь наливают кофе?

* * *

Он любил начинать разговор с этой фразы. В сенаторском поместье, в городском кафе, в любом офисе, частном или муниципальном, везде, куда ему по каким-то причинам понадобилось прийти. Помню, я даже спросил, почему. Раз на десятый или двенадцатый. Ответом стало пожатие плечами. Но в любом случае, подобное начало общения, что называется, располагало. Особенно в сочетании с улыбкой.

Он и сейчас улыбался. Может, не во весь рот, но без подтекстов. Искренне. Так, как улыбается человек, который рад тебя видеть.

Завернутый в простыню, как в тогу, и ухитряющийся выглядеть прямо-таки римским сенатором. Чрезмерно молодым и несколько изможденным, правда. Гордый профиль, голый череп...

Миска выскользнула из пальцев, покатила по полу, оставляя за собой лужицы.

— Хотя, наверное, лучше воды.

Хэнк?!

— Ну да, ноги помыть тоже не помешает, но я предпочел бы сначала употребить что-нибудь жидкое внутрь.

Живой. Слегка потрепанный, похудевший, растерявший волосы.

Хэнк.

— Никогда не думал, что у тебя такие больше глаза, Фрэнк. Да хватит уже тарашиться! Я в самом деле хочу пить. Зверски.

— Пить?

Кажется, на кухне ни черта воды не осталось.

— Сейчас принесу. Пять минут.

Ну может, чуть побольше. Смотря как будет с очередью. Уже бегу. Хотя...

А что если это всего лишь мираж? Вот прибегу обратно, а наваждение уже схлынуло?

— Только пообещай вернуться в постель и дожидаться. Ладно?

— Дождусь, куда я денусь? Гулять как-то не особо хочется.

Солнце пока ещё ползало по крышам домов, не спускаясь на улицы, и между домами висели сумерки. Светло-пепельные. Не город, карандашный набросок: дотронешься рукой —

сотрешь клочок мира.

Безвозвратно? Ой вряд ли. Кто-нибудь нарисует снова. Слепит из собственных воспоминаний. А если памяти не хватит, заставит работать воображение. И окно, дверь, дом, квартал, улица появятся снова. Воскреснут из небытия. Как Хэнк.

Я понял, что это возможно. Не сразу. Понадобились время, информация, немного усилий. Или все-таки много?

Чудо? Оно произошло, потому что было реальным. Доступным к повторению. Уверен, что и скрюченного водителя можно исцелить. Другое дело, что лично я участвовать не буду. Да и Лил не пушу.

— Ты куда это с утра пораньше?

А вот и она. Легка на помине. Приветственно зевающая из открытой двери.

— За водой.

— Мне захватишь?

Круг замыкается. С каждой минутой. Цепь событий возвращается к исходной точке. На новом, ещё не прожитом витке.

— Не сегодня.

— Бука!

Мне сейчас только двойного груза и не хватало. Хотя...

— Черт с тобой, принесу. В обмен на услугу.

— Ага, поумнел.

Не та улыбка, что в первый раз, преждее только ехидство, пожалуй.

— Ты мне нужна.

Недоуменный и, кажется, чуточку испуганный взгляд.

— Твоя помощь. За больными ухаживать умеешь?

Зачем я спрашиваю? Должна уметь. Достаточно вспомнить о её матери.

— Стряслось что? С папашей Ллузи, не приведи господи?

— С ним все в порядке. Есть другой пациент.

— Твой приятель? А чего за ним ходить? Лежит, есть не просит.

— Уже не лежит.

Видел бы Хэнк сейчас эти глаза! Вот уж большие, так большие. Огромные.

— Он...

— Очнулся, да.

Девчонка метнулась мимо, как молния, только пятки засверкали.

М-да, можно было обойтись без прелюдий, а сразу сказать, что и как. Но по крайней мере, теперь времени у меня с запасом: из цепких лап Лил вырваться нереально. Даже в полном здравии.

Конечно, на Хэнка она залезать с руками и ногами не стала. Ослабленный все-таки, к тому же незнакомец. Но сидела вплотную к постели, пожирая взглядом, и даже не обернулась на мои шаги. Зато ворчливо спросила:

— Принес воду?

И тут дежавю. Хозяйка дома вернулась. Или просто хозяйка?

— Давай сюда!

И чашку где-то успела раздобыть. Чистую.

— Вот, сеньор. Вы только не торопитесь, хорошо? Она холодная, ещё горло сведет...

Ой, лучше я вам помогу. Я умею.

Скользнула на постель. На самый краешек, но уселась так, что с полтычка не стронешь. Лиана, ни дать, ни взять. Хищная.

— Маленькими-маленькими глоточками... И сразу не глотайте, покатайте на языке. А хотите, я согрею? Это просто. Если не побрезгуете. Ведь не побрезгуете? Я здоровая, чем хотите поклянусь!

Хлебнула из чашки. Подержала во рту. Наклонилась к Хэнку. Приоткрыла губы...

Не знаю, понимал он, что происходит, думал, что спит, нарочно подыгрывал — неважно. Но выглядело происходящее однозначно. В смысле, интимно. Настолько, что я машинально шагнул назад, к двери.

Сейчас и здесь мне явно было не место. Может быть, потом, позже, только не в эту минуту. Нужно повернуться и тихонько...

Трель будильника. Последний маркер времени. Контрольный выстрел: если тотчас же не отправлюсь в контору, опоздаю. Сто процентов.

— Фрэнк?

Оторвались друг от друга? Какая неожиданность.

— Мне надо идти.

— Куда?

— На работу.

— Ты работаешь?

А вот незачем удивляться. Можно подумать, я раньше бездельничал сутками напролет.

— Да.

— И кем?

Не верит. Его право, в общем-то. Но почему мне обидно слышать такие вопросы?

— Мусорщиком.

Приподнял брови. Сдвинул. Медленно обвел взглядом комнату.

— И видимо, берешь работу на дом?

Знаю, что это шутка. Сам бы пошутил похожим образом на его месте. Или даже ещё похуже, чего уж греха таить. Вот только...

Все равно больно.

— Я потом объясню. Вечером. Как вернусь. А пока...

Не убралась с постели. Сидит все там же и все в той же позе. Готовая к прыжку.

— Она тебе расскажет, что и как. В любых подробностях.

И вот теперь мне уже точно пора бежать.

* * *

— Поговаривают, что вчера в старом лагере нашли труп, — меланхолично заметила Долорес, оприходывая мои записи.

Ответа не требуется, конечно же: театр одного актера во всей красе. Вернее, актрисы.

— Странно, что это был не ты.

— Вы желаете моей смерти, сеньора?

Поднимает взгляд, пару секунд растерянно смотрит, потом сердито морщится.

— Тьфу на тебя! Матерь божья, прости олуха: говорит — не думает, а думает — не... И все равно странно. Я уж привыкла, что если где какая кучка грязи наметилась, ты в неё

непременно влезешь. Что же на этот раз помешало, а?

Грязь, значит. Хорошо. Пусть будет. В конце концов, может, я призвание свое нашел. Впервые в жизни. Недаром же такую работу выбрал. Или выбрали за меня? Да-да, Ты. Тот, который где-то там, высоко и далеко.

— Судя по адресам в списке, этот мертвец как раз должен был тебе попасться. По дороге.

Интуиция у женщины просто сказочная. А главное, если бы я в самом деле сообщил в полицию об убиенном Карлито, для Долорес это было бы в порядке вещей. Нормально и естественно. И вопросов не вызвало бы. Ни одного.

— Не повезло мне, сеньора. На дороге пусто было.

— Да, пусто...

Замолчала, продолжая подшивать листки в папку.

Кажется, отговорился. А вот она — проговорились. Знает, что тело наши в доме? Интересно, откуда. При этом понятия не имеет, что на улочке была припаркована машина. Любопытная осведомленность. Выборочная.

— Сеньора, у меня есть просьба.

Щелчок степлера.

— Личная.

Новый щелчок.

— Знаю, что не заслужил, но мне... Очень надо, сеньора.

— Чего надо-то?

— Вернуться домой пораньше.

— Девушка ждет, что ли? Та, замухрышистая?

— Очень ждет.

— Хम्म...

Не лучший повод отпроситься, понимаю. Очередное напоминание взрослой женщине о её личной жизни, и снова неудачное.

— Хотя бы с обеда, сеньора.

— Ставки поднимаются, да? «Пораньше» это час, ну два. Три — самое большее. А теперь уже прозвучало слово «обед»?

Unknown date Вероника Иванова Книга Один человек и один город, Часть 3.23, Вероника Иванова читать онлайн Часть 3.23

Не то чтобы с Хэнком за это время случится какая-нибудь неприятность, нет. Лил его не обидит. Да и Фелипе тоже. Хуже, если начнут расспрашивать: тут и когда молчишь, и когда отвечаешь, вероятность усугубления ситуации — одинаковая. А так есть шанс, что папаша Ллузи ещё не успеет проснуться. Что касается девчонки...

Им хватит этого времени. Обоим.

— Сеньора, если понадобится, я отработаю. Две смены подряд или сколько назначите.

— Очень надо, стало быть... Ладно. Но до обеда смотри у меня! Ни шагу за границу лагеря. Я брата попрошу, он периметр проверять будет.

Что ещё за брат?

— Не ожидал? Ну так вот, имей в виду: мой братец... Не родной, сводный по двоюродной тетушке, камерами слежения там заведует. Работа та ещё, конечно, но платят исправно. И ему ничего не стоит в записях покопаться. Уяснил?

Наблюдают за руинами? Наверное, есть смысл. Места необитаемые, запутанные, мало

ли кто и зачем туда ходит. Так что, мой вчерашний визит явно зафиксирован. А как насчет Карлито и того шутника с ножом? Ну ладно, прислуга из сенаторского дома не обязана была знать о системе наблюдения. Но что убийца не догадывался... Не верю. Тут либо имеются потайные проходы, либо подкуп. Того, кому «исправно платят».

— А вообще, поработал ты хорошо, — Долорес закрыла папку за последним листком. — Грамотно. Так что если и учили тебя только дома, все равно учили на совесть.

Учили, да. Но многому не доучили.

Например, надо было больше внимания уделять этническому разнообразию. Визиты на соответствующую кафедру удвоить, как минимум. Смешно, но я лишь совсем недавно понял, когда сам столкнулся лицом к лицу с проблемой, что люди, живущие в Санта-Озе, все — разные.

Как-то по умолчанию считается, что чужаки, приезжие — это Низина. Самые необеспеченные, бедные слои, вынужденные однажды сорваться с насиженного места и отправиться в неизвестность. Ага, как же! Достаточно побродить по старому лагерю, чтобы понять: стихийное бедствие затронуло всех без разбора. Всякой твари по паре, что называется.

Да, многое из заброшенных домов явно исчезло. Часть увезена, часть наверняка украдена, но и оставшееся ужасает. Особенно семейные фотографии. Без рамок в большинстве своем. Кое-где брошенные на пол, но чаще аккуратно поставленные на полку. Вернее, оставленные.

Люди разных профессий. Разного социального класса. Разных стран происхождения. Сто миль севернее, сто миль южнее — а жизнь уже другая. Почему я об этом забыл? Может, потому что, приехав в Санта-Озу, раз и навсегда решил: здесь теперь мой дом? А что решили они? Те, в конце концов переселившиеся в новые хибары?

Впрочем, знаю, что. В большинстве своем. Надеюсь, исключения тоже есть, но основное население Низины... М-да. Ладно. У них была причина. А потом причина появилась и у жителей Вилла Лимбо.

Глория — хороший пример. Возможно, всего лишь верхушка айсберга. Не смогла вынести чужой удачи. Но вряд ли она одна такая. Что должны думать другие, видя, как беженцам достается все, а им — лишь право занимать определенные должности? И кстати, далеко не все из них завидные и денежные. Взять, к примеру, Марисоль. Да, она гордится собой и одновременно — стыдится полученных увечий. Сестра Эсты должна рисковать жизнью, когда по Низине бродят толпы здоровых мужиков. Справедливо?

Не привилегии все это. Обязанности. Долг. И кто знает, может быть, сроки уже истекают. Вилла Лимбо способна взбунтоваться, а уж если она поставит ультиматум...

Принимать меры нужно будет быстро и жестко. Но. Изменения в конституции и других главных законах нельзя провести без собрания сената в полном составе. Это — время. Любая попытка действовать без уведомления — риск быть отстраненным. Сенатор, снятый с должности — повод ввести внешнее управление. Колонизировать, то есть. А чему нас учит история? Тому, что даже усмиренные колонии рано или поздно восстают снова. Не говоря уже о городской элите, которая вряд ли будет довольна устранением Джозефа.

И в такую намечающуюся заваруху я мечтал влезть? Вот дурак! Мне же дико повезло сбежать с зарождающегося театра военных действий до начала конфликтов, как можно было жалеть? А теперь если кто и будет расхлебывать закипающую кашу, то Генри. Если успеет вырасти к тому времени.

Генри...

Я не желал тебе подобной участи, малыш. Правда. Я даже представить себе не мог, что происходит. Все казалось тихим и мирным, надежным, устоявшимся на десятки, а может и стони лет вперед. Когда смотрел сверху. Свысока. Снизу картинка выглядит совсем по-другому, увы.

Вот о чем нужно разговаривать с сенатором. Чтобы попробовать исправить положение. Предотвратить возможные неприятности. Сглупил? Скорее, ступил. Ещё день назад мысли не выстроились нужным образом. Потому что думал не о людях, а о человеке. Одном-единственном.

У меня получилось! Да, именно у меня, не у нас с Лил. Хэнк для неё ничего не значил. До всего случившегося, по крайней мере. Значит, даром не прошли именно мои старания. Что самое гнусное, даром для меня.

Читала ли она мои мысли? А черт её знает. Но вибрации «молли» воспринимала. Чтобы усилить и передать. Через свое собственное тело. Сердце. Душу.

Я ни о чем таком не думал, конечно. Просто вспоминал. Преимущественно хорошее. И как-то получилось, что его оказалось очень много. Прямо-таки, не человек — ангел. А к ангелам Лил всегда питала нежно-восторженные чувства, поэтому...

Странно чувствовать себя сводней. Нелепо и глупо. И все же, это реальность. Действительность. Правда, моя и их обоих. Такая, что неудержимо тянет меня домой и одновременно заставляет держаться подальше, насколько это возможно.

Но пожалуй, мне следовало бы прислушиваться к ощущениям внимательнее. Чтобы, например, не свернуть в ту самую улочку, где вчера неуместно торчал «мул» семьи Карлито, а сегодня...

Черная фигура. Траурная. Падре Мигель при всем параде, неподвижный, прямой и отрешенный. Он бы меня не заметил, скорее всего. Но поскольку шанс попасться на глаза все же оставался, проще было обозначить свое присутствие.

— Доброго дня, падре.

Он приветственно наклонил голову. Не оборачиваясь.

— И тебе, сын мой.

— Далековато вы забрели от собора.

— Пути господни неисповедимы... Франсиско, я правильно запомнил?

Теперь повернулся. Да, я немного ошибся в предположениях: отрешенности не наблюдается. Зато задумчивость налицо. На лице, то есть.

— Да, падре.

— В этом доме вчера умер человек. Умер не своей смертью.

— Не повезло бедняге. Вы его знали?

— Я знаю каждого в этом городе, кто однажды ступил на дорогу к храму божьему.

Из других уст это прозвучало бы либо самонадеянно, либо придурковато-блаженно, а у Мигеля почему-то получилось уверенно. Не дежурно ни в коем разе. Так, будто он готов поручиться за сказанное.

— И тебя буду знать, надеюсь.

А теперь стало странно неуютно. Мне.

— Вы пришли помолиться? Тогда не буду мешать.

— Беседе с Господом неспособно помешать ничто в мире, Франсиско. А уж тем более, человеческое присутствие. И кстати, можешь присоединиться. Это благое дело — попросить

о милости для души, особенно не для своей.

Непрененно, падре. Какой бы сволочью ни был погибший, он хотел меня защитить. Из не совсем понятных побуждений? Пусть. Он пытался. И вот о чем я действительно должен попросить прощения перед ним и богом, так о своем упрямстве. О разочаровании, успевшем промелькнуть во взгляде Карлито. О том, что парень умер, зная, что ему самому не удалось совершить благого дела.

— Простите, падре. Как-нибудь в другой раз.

— Конечно, сын мой. И помни: это предложение всегда в силе.

И он снова повернулся лицом к дому, молитвенно складывая руки перед грудью.

Они ведь что-то находят в исповеди. Люди. Возможность выговориться? Мне она раньше была не нужна. Со стороны церкви, потому что у меня был свой исповедник. Хэнк. Он слушал все, без купюр. И мне по-прежнему нужно сказать ему очень многое. Сразу после обеда, который приближается так же неотвратимо, как я удаляюсь от места преступления. Но не так быстро, чтобы перестать слышать голос Мигеля.

— Блаженны нищие духом, ибо их есть Царствие Небесное...

Отличное начало, ничего не скажешь! Покойник бы обиделся, могу поклясться. Карлито никогда не был дураком, а уж чтобы решиться сделать то, что он сделал, духа надо было набраться много. Даже очень.

— Блаженные алчущие правды, ибо они насытятся...

Вот это верно. Парень считал, что помогает кому-то, ждал поощрения или хотя бы доброго слова, а получил... Правду. Вместе с ножом в спину.

— Блаженны чистые сердцем, ибо они бога узрят...

Эй! Он же читает через строчку. Что за странная прихоть? И как первые две фразы, так и эта не подходит Карлито. Или все-таки...

Передо мной он никогда не таился. И в прошлой жизни, и в настоящей. Ненавидел, но не скрывал этого. Чувствовал потребность встать на защиту — и встал.

— Блаженны вы, когда будут поносить вас...

О, поносить будут. В узком кругу, конечно: не думаю, что о похищении узнает хоть одна живая душа вне сенаторского дома. Прислугу прошерстят, кто бы сомневался. Допросят с пристрастием. А внешне все будет оставаться милым, умиротворенным и дремотно-спокойным. Как надгробная речь падре.

— За меня.

Это было последнее, что я услышал. Тихое, усталое и...

Слегка виноватое?

* * *

— Деньги давай!

Разве так встречают хозяина на пороге его собственного дома?

— М?

— Деньги давай, говорю.

— Какие ещё деньги?

— Монеты. Круглые такие, блестящие, звонкие. Хотя и потертые сойдут. А ещё бумажки бывают. С картинками красивыми. А, что я рассказываю? Ты, наверное, в жизни их

в руках не держал, на всем готовом ведь жил, да?

— Я знаю, что такое деньги.

— А если знаешь, то давай! Вот сюда!

Растопыренная ладошка. Могла бы оказаться прямо у меня под носом, если бы Лил подросла хотя бы на фут.

— Зачем они тебе?

— Не мне! Приятелю твоему. Он вон какой слабенький... Мясо должен есть. И много!

Интересно, если бы я чувствовал себя неважно, дождался бы подобной заботы? Черта с два. А для Хэнка маленькая хулиганка готова разодрать меня на клочки. Ну, по крайней мере, считает, что у неё это получится. При необходимости.

— У меня нет денег.

— А жалованье твоё? Или как там оно называется?

— Ещё не выплатили.

— И поторопить нельзя? А сходить-попросить? Вдруг сжалются? Хотя...

Меня смерили разочарованным взглядом. Снизу вверх.

— Не, ты просить не умеешь. Только приказывать.

Похоже, кое к кому память о давнем прошлом если и вернулась, то при этом напрочь вытерла следы последних дней. Иначе откуда взялось... ну да, презрение. Натуральное.

— Никуда я не пойду и ни о чем просить не буду, в этом ты права. Но совсем по другой причине.

— Какой ещё?

— Не дадут. Аванс я уже потратил.

— Когда успел?!

— Да тут, на днях было дело.

— Что-то я покупок никаких не видела, — грозно прищурилась Лил.

— А их и не было.

— На что тратился тогда? Ещё скажи, что на...

— Пропил.

Открыла рот. Округлила глаза. Попробовала вспомнить и сообразить, о чем я говорю, но быстро прекратила попытки.

— Да как ты...

Должна была наброситься с кулачками, но нет: блеснула водой в глазах и ускакала вверх по лестнице. То ли оплакивать горе, то ли беситься в одиночестве.

— Ну у вас и ссоры, прямо-таки семейные.

Он все слышал? Конечно. А и хорошо. Мне скрывать нечего.

— Я угадал?

— Что?

— Про семью?

Лицом Хэнк уже заметно порозовел. В смысле, стал похож на человека, а не привидение. И на ногах держится практически самостоятельно. Самодельная корявая трость ведь не в счет?

— Нет.

— А с виду...

Раньше я бы удивился такой настойчивости в расспросах, особенно со стороны того, кто сердечные привязанности раньше определял на раз. Раньше. До сегодняшнего утра.

— В настоящее время соблюдаем вооруженный нейтралитет.

— Вот даже как!

Напряжение слегка спало. Эх, Хэнк, Хэнк... Могу предположить, почему девчонка в тебе теперь души не чает, но ты-то? Что в ней углядел, а?

— Да и черт с ней. Лучше про себя расскажи. Есть боли, ещё что-нибудь?

— Не буду врать: есть. Но знаешь, они... хорошие. Нужные, если можно так сказать. Подтверждают, что я жив. А если ты насчет волос... Отрастут. Вон, уже начали!

И правда, затылок уже начал ершиться. Глазам не слишком заметно, но ладонь подтвердила: процесс пошел.

— Это здорово.

— Согласен. А вот то, что я увидел вокруг, когда проснулся, совсем не здорово.

— Лил тебе все рассказала?

Если Хэнк и изменился, то только внешне и ненадолго: взгляд точно тот же, что и раньше. Искренне обеспокоенный, когда для беспокойства имеется повод.

— Рассказала многое. Разное. Но подозреваю, не всем из её историй можно верить безоглядно. Я прав?

— Зависит от обстоятельств.

— Я что, тебя обманывала? Хоть разочек?

Обиженный взгляд. Надутые губы. Пальцы, стиснувшие чашку, над которой поднимается пар.

— Ничего-то в твоём доме нет. Вот, заварила, что нашла. Мясо посытнее будет, но пока и этого хватит. Вы подкрепитесь, а я пойду. Попробую денег раздобыть, хоть и не женское это дело.

Всегда поражался её способности соединять вместе королевскую гордость с манерами уличной бродяжки. Наверное, генетика во всем виновата. Какой-нибудь из «отцов» наследил.

— Вы совершенно правы, сеньорита. Не женское. Финансовым обеспечением займутся мужчины.

Меня бы она переспросила с десятков раз, услышав непонятное слово, а Хэнку просто внимала. Благоговейно. Хотя и спохватилась, когда вышла наконец из божественного экстаза:

— Да как же вы пойдете? Совсем ведь слабенький!

— Ничего, Фрэнк мне поможет.

— Пусть только попробует не помочь!

Я не знаю эту женщину. Вообще. Первый раз вижу. Неужели она с самого начала была именно такой? До того, как обрушила мою жизнь?

— Конечно, поможет. Мы скоро вернемся, сеньорита, не волнуйтесь.

На прощание она все-таки погрозила мне. Смуглым кулачком. И наверняка стояла в дверях, пока мы не завернули за угол: моя спина чуть не зажарилась от взгляда Лил. А может, мне это всего лишь показалось, потому что Хэнк выдохнул:

— Жарковато, не находишь?

— Низина плохо продувается, здесь всегда так.

— Всегда? И как тут люди живут?

— Как видишь. Привыкли.

— А ты? Тоже привык, я смотрю?

Ну, если сравнить количество одежды на нас двоих, даже спрашивать не надо: рубашка Хэнка расстегнута полностью, а на мне помимо майки ещё и куртка. Да и штаны поплотнее. Раза в полтора.

— Наверное. Не думал об этом.

Хорошо, что в разгар дня никто не вздымает уличную пыль, иначе Хэнку пришлось бы ещё тяжелее. А с другой стороны, безопаснее для здоровья было бы подождать сумерек, и уж потом отправляться в город. Но идея прогулки принадлежала не мне, ведь так?

— Сеньорита Лилис — очень интересная особа.

Ну да, ну да. Отлично представляю, как она млеет, когда ты к ней так обращаешься.

— Немного увлекающаяся. Нет, скорее, увлеченная.

— Наговорила кучу всего про своих любимых лоа?

— Не следует недооценивать народные традиции, Фрэнк. Они никогда не зарождались на пустом месте. И уж тем более, не смогли бы сохраняться в веках, если бы не имели под собой весомую доказательную базу.

О, старые добрые времена и впрямь вернулись! Вместе с дружескими поучениями.

— Так она рассказала, что произошло, или нет?

— Пыталась. — Хэнк улыбнулся, но эта улыбка предназначалась явно не мне. — Очень сбивчиво получалось. Лучше тебя послушаю: ты всегда говоришь по сути.

Ясно. Девичьи восторги пересилили совесть и все остальное, а мне теперь отдуваться.

— Совсем ничего не помнишь?

— Только жару. Стало жарко, почти как сейчас, а потом я отрубился. Кажется, спал все это время. Определенно что-то снилось... Нет, не вспоминается.

Врет? Вроде бы нет. Но это означает...

Зря я с ним беседовал все эти дни. То есть, не зря для себя самого, но в смысле передачи информации — совершенно впустую. Повторять все заново? Ну уж нет. Момент упущен. Да и настроение, прямо скажем, уже не подходящее.

— Мы были с тобой в саду. «Каса Конференсия».

— Да, это помню. Спорили. Ты разозлился, как обычно. А потом?

— А потом явилась она.

Тень в темноте. Хлипкая, но оказавшаяся способной перевернуть весь мир. Мой.

— Точнее, она там уже была. Подрабатывала прислугой: напитки разносила. Подслушивала заодно. То, что слышала, ей не понравилось, и девчонка не нашла ничего лучше, чем меня проклясть. Ну а дальше... У неё получилось.

— Что именно получилось? Из слов Лилис я толком ничего не понял.

— Она захотела, чтобы весь мир забыл о моем существовании. И мир забыл. Информация обо мне оказалась стерта. Вся и везде.

— Все ещё не понимаю.

— Ни в одной базе данных не осталось упоминания о Франсуа Дюпоне. Ни малейшего. Я нашел пару газет этого года, случайно завалившихся в заброшенном доме: там да, был снимок. Но поскольку меня уже довольно давно исключили из упоминаний в светской хронике, никаких имен, одно изображение. Сам понимаешь, оно не имеет смысла.

— А если взять более старые?

— Бумажные экземпляры? Ха! Их утилизируют быстрее, чем печатают. Хранятся исключительно электронные версии, а они подчищены полностью. Я проверял, поверь.

— Полицейские базы?

— Ни намека.

— Миграционные?

— Та же чертовщина.

Хэнк растерянно фыркнул:

— Даже представить пока не могу.

— Убедишься ещё, если захочешь. Но это только половина беды. Память стерлась не только электронная. Человеческая тоже.

— Хочешь сказать...

— Меня никто не помнит. Никто в целом свете.

— Я же помню?

— С тобой дело темное. Правда, ты тогда сказал, что не хочешь забывать. Может, поэтому и не забыл?

— А Лилис?

— У неё с духами особые договоренности.

— Или просто проклятье перестало действовать. Не думал о таком варианте?

Если оно и впрямь рассеялось, меня бы уже давным-давно...

Unknown dateВероника ИвановаКнига Один человек и один город, Часть 3.24, Вероника Иванова читать онлайнЧасть 3.24

По Петеру никогда нельзя сказать, о чем он думает, это верно. Но сенатор не притворялся: с его памятью точно ничего нового не произошло. Может быть, однажды, по прошествии времени что-нибудь и изменится. Если взять в качестве ориентира расстояние... Хэнк был совсем рядом со мной, держал меня за плечо. Лил стояла чуть поодаль, потому вспомнила не сразу. Сколько дней прошло? Надо будет посчитать, потом прикинуть, где кто находился в тот момент, аппроксимировать и получить возможные сроки очередных «чудес». Только есть ли в этом смысл?

Всему городу последние годы и так не было до меня никакого дела. Что же касается матери, кто знает? Для неё мнимое беспомыслие — наилучший выход. Она же мечтала от меня отделаться? Вот и домечталась. Что решит Джозеф? Это вопрос. Но опять же, вряд ли способный решиться в мою пользу. Если возвращение воспоминаний пройдет так же, как с Лил, я получу обратно все прежние отношения. Те, которые не радовали никого из нас.

И потом, человеческий организм — тайна, покрытая мраком. Особенно механизмы памяти. А вот во внезапное прозрение машин не верю: само собой там ничего не восстанавливается, только по воле операторов и далеко не всегда.

— Поживем — увидим. Не хочу загадывать.

— Значит, тебя «забыли». И что случилось потом?

— Выперли из сада на улицу.

— Почему? Ты же был со мной. Или меня тоже...

Вздрыгнул. Что, только впервые об этом подумал?

— Нет, тебя помнят.

— Точно?

— Да. Сам слышал разговоры.

— Уфф!

А он ведь испугался. И сильно. Настолько сильно, что сейчас не стал скрывать облегчение, хотя в другое время попытался бы. Особенно зная, что такой откровенной радостью причиняет боль.

— Так почему выперли?

— Потому что ты был на себя не похож.

— Как это?

— То девчачье проклятье не прошло мимо. Словом, выглядел ты, как обычный бродяга, да ещё перекошенный во всех местах.

— Пере...

— Забудь. Неважно. Все снова в норме, вот и хорошо. Что там дальше-то было? А, выставили нас на улицу. Потому что моего имени в списках гостей не нашлось. Потом выяснилось, что полицейские и банковские базы тоже страдают склерозом. Единственным местом, куда я мог пойти, был собор. Ну, я и пошел. С тобой на руках.

— И?

— И не дошел. Нарвался на местных обитателей. Сначала повздорили, потом, можно сказать, подружились. Один из них как раз и нашел для меня новое пристанище.

Почему мне не хочется упоминать все подробности? Стыжусь? Вот уж нет. Скорее они, детали эти, люди, отношения — все слишком личное. Принадлежащее мне, но никак не связанное с Хэнком. Другая жизнь. Параллельная, а значит, не пересекающаяся.

— Я не знал, что делать. Одна была надежда, что ты проснешься и вспомнишь. Но до этого дня надо было ещё дожить. А чтобы жить, нужна еда. Еду продают за деньги, деньги платят за работу... Вот и работаю, как могу.

— Это я уже знаю. Но, Фрэнк... Мусорщик? Один из нас, похоже, не в себе, и мы оба знаем, кто именно.

Что я слышу? Упрек? В обычном, так хорошо знакомом мне тоне «старшего брата».

— С твоим образованием ты легко мог бы...

— Помнишь? Нет никаких свидетельств о моем образовании. Только знания.

— Да какая разница?

— Большая. Чтобы устроиться на работу, мне нужно было пройти регистрацию. Может, я и сплупил, но времени особо рассуждать не было, пришлось брать то, что дают. Теперь у меня новое имя, даже папаша есть. Отсюда, из Низины.

— Тебя оформили, как...

— Ага, отпрыска беженцев.

Хэнк не был бы Хэнком, если бы такая новость могла выбить его из колеи. Подвигал бровями, конечно, то есть, надбровными дугами, но потом твердо сказал:

— Что-нибудь придумаем. Надо навести справки на эту тему: наверняка есть способ исправить ситуацию. О финансовой стороне не беспокойся. Если восстановить базы не удастся, стереть можно всегда. Потом сделаем новую запись, выберем лучшую из возможных. Университетский курс сдашь экстерном...

— Ага, сразу же, как придем.

— А куда мы, собственно, идем?

— Это ты мне скажи. Наобещал же Лил чего-то там про мужское дело.

— Ах, да... Деньги. Тут банкоматы поблизости имеются?

— Ближайший у собора. В паре кварталов примерно.

— Хорошо. Значит, курс сдашь за пару месяцев, если что-то подзабыл, найдем репетитора...

Он строил планы. О боже, какие он строил планы! Четкие, продуманные, реальные на все двести процентов, эффективные и позволяющие достичь цели в самые сжатые сроки. Он

говорил, говорил, говорил, а я не мог сосредоточиться ни на одной его фразе.

Все проплывало мимо: дома, вывески, редкие машины, ещё более редкие люди, слова. Цель? А есть ли она у меня? Вот Хэнк у нас мастер планирования, ничего не скажешь. Всегда знает, что, когда, кому и в каком объеме необходимо. И за меня все уже знает, как я погляжу. Составил распорядок жизни на годы вперед.

Это хорошо. Замечательно просто. Даже возникает соблазн отдаться воле волн. То есть, воле Хэнка. Ведь тогда все получится наилучшим образом, можно не сомневаться. У меня будет положение в обществе, связи, круг общения, достойная работа, любящая жена... Хотя нет, насчет жены забегать вперед не стоит. Но остальное будет точно.

И главное, с моей стороны ничего не потребуется. Ну, почти ничего. Все поднесут на блюдечке. Сказка, а не жизнь! Только почему меня в неё не тянет, а отталкивает?

— А вот и банкомат. Сейчас снимем немного денег и...

— Алехандро?

Это был почти шепот, но на пустынной улице его ничто не могло поглотить. А на второй раз голос сеньоры Тересы окреп достаточно, чтобы оглушить любого, кто окажется рядом.

— Алехандро, мальчик мой!

И пока Хэнк, явно не рассчитывавший так скоро увидеться с родственниками, медлил, женщина взяла инициативу в свои руки. Вместе с подолом длинной юбки, чтобы тот не мешал матери бежать навстречу сыну.

— Алехандро, где ты пропадал все это время? Что с тобой случилось? Откуда такая одежда? И волосы... Куда делись твои чудные локоны?

— Мама, все хорошо. Я тебе все-все объясню, только немного позже.

— Я уже не знала, что думать, Алехандро! Твой номер не отвечал, и никто в целом свете не мог мне сказать...

Я только на мгновение заглянул в её глаза. Конечно, это был взгляд обращенный не на меня, просто случайно скользнувший, сорвавшийся с фигуры Хэнка, на которого Тереса смотрела и не могла насмотреться. Взгляд матери, светящийся ярче солнца. Такой ослепительный, что мне показалось: вокруг вдруг наступила ночь посреди белого дня и есть только одно место чистого света, но я, увы, нахожусь за его пределами.

Как она смотрела...

— Мама, только не надо плакать! Ничего страшного не случилось, я жив, здоров, волосы вырастут, вот увидишь!

Меня так встречать не будут. Даже если вдруг вспомнят хоть что-нибудь. В лучшем случае примут благопристойный вид, случись все на людях. Наедине картинка окажется совсем другая.

— Мама, нам нужно будет о многом поговорить, но сначала...

Штукатурка сыпется. Прямо за шиворот. Наверное, потому что прижимаюсь к стене. Это же только мешает двигаться, надо оторвать спину от каменной терки. Ну да, так гораздо удобнее, и до угла быстрее можно добраться.

— Мама, это мой... Фрэнк? Ты где?

А там ещё один угол. И ещё один. Вблизи собора кварталы просторнее, чем у дома папаши Ллузи, но и здесь можно укрыться, как в лабиринте.

— Мама, со мной был молодой человек. Высокий, темноволосый. Куда он делся, не заметила?

— Да, кто-то был... Извини, Алехандро, я не очень хорошо помню, потому что как увидела тебя, сразу забыла обо всем остальном!

Ну, положим, забыла она обо мне гораздо раньше, да и бог с ним. Неважно. Давно уже неважно.

— Фрэнк!

Меня там нет. В том мире. И я никогда не смогу вернуться с прежним правами. Мне не на что опереться: никакого прошлого под ногами. Вернее, оно как раз где-то внизу, растоптанное и уничтоженное, и все, что я могу делать, это двигаться. Вперед. Вот только моя дорога ещё не проложена ни на милю.

— Фрэнк...

Его голос затихал с каждым поворотом. Как и сбивчивая скороговорка сеньоры Тересы.

* * *

— Где он? Потерял, да?!

С кухни прямо вниз по лестнице стекали ароматы, сжимающие желудок в сладких судорогах. Густые. Мясные. Значит, девчонка где-то ухитрилась разжиться продуктами. Интересно только, кого подписала расплачиваться, себя или меня?

— Я так и знала!

А аппетит разыгрался, кстати. Наверное, по ходу прогулки: я ведь не слишком торопился домой. Вообще не торопился. За мной же никто не мог погнаться, верно?

— Он же совсем слабый, беззащитный, его могут...

Никогда не видел её в отчаянии. И первая встреча, и все последующие уверяли, что Лил всегда имеет в запасе способ действий. На любой случай. Никогда не теряется. А сейчас? Упреки, беспорядочные жесты, глаза на мокром месте и — ни малейшего движения. Никуда.

— Надо было сразу понять, что такому, как ты, доверить что-нибудь...

— Какому такому?

Снова этот взгляд королевы. Скорбно-презрительный.

— Я все вспомнила. Все про тебя. Ты меня больше не проведешь!

— А я разве пытался?

Фыркнула. Задрала нос.

— Да! Миллион раз!

Самое большое число, что она знает? Если так, можно считать себя польщенным.

— И в чем же обманывал?

— Да во всем!

Дурацкий ответ. И главное, переспрашивать, а тем более, уточнять — бессмысленно.

— Прикидывался нормальным парнем, а на самом деле...

О, конкретика все же просочилась сквозь обиду? Только она тоже какая-то... Обидная.

— А что «на самом деле»?

— А то сам не знаешь!

Не знаю. Знал бы, не спрашивал.

— Лил, ты делаешь очень серьезные заявления.

— Я ещё никуда не заявляла... А ведь надо пойти и заявить!

Направилась к двери. Решительно и тяжеловесно. Как таран.

— Куда пойти?

— Куда? Он ещё спрашивает! В полицию! Человек же потерялся!

— Не нужно волноваться, сеньорита, я вовсе не потерялся.

А быстро Хэнк обернулся туда-сюда. Хотя, с его возможностями и доступными средствами передвижения мог и раньше здесь оказаться. Даже до моего возвращения.

— Да как же вы не потерялись, когда ушли вместе, а вернулся он один и говорить ничего не хочет!

Как смуглое лицо может светиться ярче, чем солнце? Кто бы сказал, не поверил бы. А сейчас вижу собственными глазами.

— Фрэнк всегда был молчуном, сеньорита. Но вы правы, иногда приходит время для разговора, от которого не отказываются.

Хорошо все же пахнет едой. Призывно, можно сказать. Скоро слюнки потекут.

— Ну так что, поговорим?

Да, это Хэнк, во всей своей красе. Правда, голос вдруг зазвенел. Глухим, но явным металлом. В наших прежних беседах сеньор Алехандро дель Арриба по большей части принимал роль старшего брата, заботливого, опекающего, снисходительного и понимающего. Журил соответственно: словно бы с некой высоты. Не доводил дело до конфронтации. Не опускался, как говорится.

— Ты меня вообще слышишь?

Подо мной лестница скрипит. Слишком тяжелый? Все может быть. Но скорее, пора менять доски.

— Фрэнк, молчанка тебе не поможет.

Наверху запахи вдвое плотнее. Вопреки настежь раскрытому окну.

— Ты сбежал. Ты просто взял и сбежал.

Поднялся следом? Что ж, его дело.

— Оставил меня на съедение родственникам. Представляешь, скольких сил мне стоило вырваться из их объятий хотя бы на час?

Хотел бы представить. А ещё лучше — испробовать. На себе. Жаль, не судьба.

— Почему, Фрэнк? Это был удобный момент представить тебя...

— Сеньоре Тересе? И что именно ты бы ей сказал?

— Сказал главное. Что ты — мой друг.

— Друг из ниоткуда?

— Какое это имеет значение? Не обязательно делить с кем-то долгие годы, чтобы подружиться, иногда хватает и нескольких дней. К тому же, маме достаточно было бы знать, что ты мне помог. А большего и не нужно.

Тебе? Верю. Тересе? Возможно. А как насчет меня?

— Она и остальные быстро к тебе привыкнут. Если, конечно, не станешь снова строить из себя обиженного на весь свет.

Привыкнут? Допустим. Но не забудут, как я появился в их жизни. Некто, оказавший таинственную услугу главе семьи дель Арриба... Версий будет построена уйма, начиная от шантажа и заканчивая совсем уж фантастическими или непристойными вещами. Ты ведь не сможешь сказать им правду, Хэнк? Я тем более не смогу.

— Не захочешь оставаться в поместье, снимем дом в городе, в любом месте, где выберешь. Но лучше поближе к офису.

А зачем? Дом у меня уже есть. Как раз в городе. И я его выбрал сам.

— Работать начнешь сразу же, должность найдется. На время, пока получишь диплом, назначу своим ассистентом, чтобы лишних вопросов не возникало, потом посмотрим по обстоятельствам.

Кстати, к Хэнку трудно попасть в работники. Требовательный и разборчивый потому что. Как он разбирает резюме и проводит собеседования, я видел. А тут такой подарок... Что же медлю развязывать ленточку?

— Все снова станет прежним. Не за один день, но быстрее, чем ты думаешь.

— Не все.

— Ты снова об этом? О том, что тебя не помнят?

Наверное, настал момент обернуться и взглянуть. Глаза в глаза.

— О том, каким меня могут вспомнить.

Недоумение в карем взгляде. И недовольство.

— Я все меньше и меньше понимаю тебя, Фрэнк. Сначала жаловался, что у всех память отшибло, а теперь наоборот?

Трудно объяснить? Нет, предельно легко. Лил подтвердила мои опасения на двести процентов. Все дни нашей «совместной» жизни каким я был для неё? Нормальным. В системе ценностей девчонки это значит то же самое, что «хороший». И конечно, я был хорош для того, чтобы заводить со мной отношения. Любого рода.

Все это время я вел себя ровно так же, как и раньше. С поправкой на обстоятельства? Ну разве что чуть-чуть. Главное, не менялся. Даже не собирался меняться. И всех вокруг устраивал, без вопросов. Но стоило Лил вспомнить... Нет, не каким я «был». Её фантазии Её заблуждения. Обиды, разочарования, ошибки. Словом, стоило ей вспомнить себя, враги и друзья снова поменялись местами.

Она могла видеть меня без прикрас. И с чистого листа — принимала. Так же, как Джозеф. Да даже наши стычки с Петером, лишённые груза прошлого, по крайней мере с его стороны, были... Ну да, честными. Естественными. Человеческими.

— Они могут вспомнить, если сеньорита вспомнила. Но получается, ты этого больше не хочешь?

Да мне все равно. Хотя, признаю: было бы занятно посмотреть на реакцию сенатора. Что бы он сказал? Как смог бы совместить свои впечатления?

А впрочем, знаю, как. Меня ждали бы обвинения в лицемерии, безответственности, легкомыслии, а то и в предательстве. Я снова стал бы изгоем, только ещё большим, чем раньше.

— А чего ты вообще хочешь, Фрэнк?

Понятия не имею. У меня была цель вернуть друга, и она достигнута. Что дальше?

— Кажется, я понял... Ты в самом деле обижаешься. Например, на то, что придется заново налаживать отношения с людьми. Это прекрасный шанс исправить любые прошлые ошибки, но ты от него бежишь. Почему? Ответ лежит на поверхности.

Не было никаких ошибок. Был я, такой, каким уродился. И остаюсь таким же, только не это главное. Они забыли? Да. Но я — помню. И любая встреча, любой разговор, любые взаимоотношения с теми, кто окружал меня раньше, будут нести отпечаток моей памяти.

Хэнк. Мудрый, справедливый, надежный, благородный. Ум, честь и совесть нас обоих. С ним все по-другому: его я ведь устраивал прежде. Полностью. А сейчас он смотрит на меня так, будто...

— Ты боишься трудностей, Фрэнк. Просто боишься.

Трудностей? Боюсь? И это говорит человек, ради которого я...

Дом, учеба, работа, общество — не это мне нужно, Хэнк. Мне нужен ты прежний. Прошлый. Тот, каким я тебя помню и каким старался вернуть к жизни. Друг. Не надзиратель, не куратор, не опекун, не благотворитель, а всего лишь друг. Почему именно сейчас ты пытаешься быть кем угодно, только не им? Неужели я снова ошибся? Неужели воспоминания подвели? А может, мы с тобой никогда и не были знакомы по-настоящему?

— Конечно, заново учиться — лениво, ведь ты все уже проходил, так, Фрэнк? Пустая потеря времени и сил, вот как ты думаешь. Потом же ещё придется ждать ещё месяцы, может, даже годы, чтобы подняться обратно... А самое страшное, придется работать! Трудиться в поте лица, доказывая свое право быть там, где хочешь. Гораздо проще лежать в грязи и ныть, что тебя никто не понимает!

— Уходи.

Многое можно сказать. И наверное, до него в конце концов дошло бы, о чем я думаю.

Трудности? В прохладном уютном офисе сидеть приятнее, чем черпать черный студень из отстойников. Только второе приносит пользу не лично мне, и даже не двум-трем моим знакомым, а большему количеству людей. Всему городу. Малый вклад в общее благоденствие? Пусть. Этим тоже кто-то должен заниматься, почему не я? Чем я лучше того же Хозе? Хуже. У меня даже девушки теперь нет, не говоря уже о шумной, настырной, утомительной, но все-таки дружной и любящей семье.

— Уходи. Иначе..

— Иначе что?

Вызов? Нет. Сомнение. В соответствии друг другу моих слов и дел.

— Иначе я тебе помогу это сделать.

Она быстрее догадалась, к чему все движется. Выскочила вперед, растопырилась, тряхнула проволокой кудрей:

— Только попробуй к нему прикоснуться!

Одно тело, щуплое и легкое, летит на стену, ударяется и сползает к полу, поскуливая. Второе отправляется вниз, по ступенькам, отсчитывая каждую доску.

— Я не дам, слышишь? Не дам!

Одно летит в сторону, второе — вперед и вниз.

— Ты знаешь, что я сделаю, если понадобится! Теперь, когда вспомнила, кто ты такой!

Оба летят вниз. К порогу. За него. Кубарем.

— Если сделаешь хоть шаг...

Стеклянная галерея призраков будущего, наводнивших дом, показывает, что произойдет, значит, Лил угрожает впустую. Ничего она не сможет. Или не успеет, или начнет колебаться, неважно. Когда начну действовать, все случится только так, как вижу я. Если начну.

— Уходи. Уходите оба.

Смотрит неверяще, будто ждет подвоха. Оборачивается к Хэнку. Встречает его взгляд, взволнованный и... О да, восхищенный. И конечно, начинает таять.

— Наверное, нам и впрямь лучше уйти, сеньорита.

Она этого заслуживает. Восторгов. Аплодисментов даже. Но своей женщине я такого не позволю. Никогда. Только наоборот и никак иначе. Защищает мужчина, это его долг. Святой и священный.

Спускаются они медленно. Хэнк ещё недостаточно уверенно себя чувствует на ногах, а

Лил даже дышит ему в такт, смиряя природную живость.

Жаркое или что-то там, в кастрюле, остывает и пахнет все слабее. Надо будет снова подогреть, наверное. Когда проголодаюсь.

Дранные занавески вздрагивают от прикосновений ветра, то закрывая пыльной вуалью происходящее на улице, то снова выставляя на обозрение.

— Вот так лучшие женщины и уходят. С лучшими друзьями.

Фелипе стоит, прислонившись к стене. С очередной бутылкой в руке, конечно. Только почему-то не торопится пить, а задумчиво смотрит в ту же сторону, что и я.

— Ты уж извини, я тут... Да и глухой услышал бы, что уж говорить.

Это точно. Мы же не понижали голос, особенно ближе к финалу разговора.

— И второй раз извини. Ты ведь остаешься, а я этому рад.

Вышли на улицу. Остановились. Кажется, Хэнк оглянулся. На дом. На кухонное окно.

— А ещё знай, на всякий случай... Как решишь, так тому и быть. Указывать не стану. Вот посоветовать могу. Если понадобится.

Уходят. И я знаю, что через шаг Лил и Хэнк придвинутся друг к другу чуть ближе. Через два её ладошка робко ткнется в его пальцы. Через три...

Я вижу, что будет с ними. И я могу сделать так, чтобы ничего этого никогда не произошло.

— Хотя, пожалуй, первый совет дам сразу, безо всяких вопросов.

— Какой?

— Забудь.

— О чем?

— О том, что сейчас с вами всеми было. Дело молодое, глупое. Жалеть ещё будете.

— А вдруг не будем?

— Тогда и вовсе запоминать незачем!

Если учесть, что память порой приносит больше проблем, чем беспомысленность...
Пожалуй.

На улице пусто. Ни души. Вот оно, настоящее. Чистый лист.

Все заново?

Нет, потому что жизнь — история с продолжением. И никак иначе.

Больше книг на сайте — Knigoed.net

Жизнь прошлая (исп.)

Дорога (исп.)

Улица (исп.)

Обособленная часть поселения, город (исп.)

Дом (исп.)

Имеется в виду святой Франциск Ассизский.

Малыш (исп.)

Жизнь новая (исп.)

Воловий мыс (исп.)

Девушка, девица (исп.)

Жизнь общественная (исп.)

Рыбный порт (исп.)

Мамбо говорит о Petro loa, самом кровожадном и безжалостном семействе духов.